



Анатолий Санжаровский
Наши в ТАССе
Роман – дневник

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Анатолий Никифорович Санжаровский

Наши в ТАССе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68993560

SelfPub; 2023

Аннотация

Дневниковый роман «Наши в ТАССе» рассказывает о 1968 – 1971 годах, когда автор работал в центральном аппарате редактором в Телеграфном агентстве Советского Союза (ТАСС).

Содержание

1968	14
6 октября	14
8 октября	17
9 октября	25
1969	27
1 января, среда	27
2 января	31
7 января	35
8 января	37
9 января	38
10 января	39
13 января	44
14 января	47
15 января	48
20 января	52
28 января	54
3 февраля, понедельник	57
4 февраля	58
5 февраля	59
7 февраля	61
10 февраля	62
11 февраля	63
12 февраля	64

13 февраля	98
16 февраля, воскресенье	100
17 февраля	101
19 февраля	104
20 февраля	107
22 февраля, суббота	112
23 февраля, воскресенье	114
24 февраля	120
25 февраля	127
26 февраля	131
27 февраля	137
28 февраля,	144
1 марта, суббота	147
2 марта, воскресенье	148
3 марта, понедельник	152
4 марта	158
5 марта	162
6 марта	170
7 марта, пятница	173
8 Марта, день рабства мужчин	180
9 марта	187
10 марта	190
11 марта	193
13 марта	195
15 марта, суббота	198
18 марта, вторник	200

19 марта	204
25 марта	206
7 апреля	208
12 апреля, суббота	211
В поисках угла	214
25 марта	216
1 Мая	218
6 мая	219
12 мая	223
28 мая	226
12 июня	228
13 июня	229
15 июня, воскресенье	234
17 июня	235
18 июня	236
20 июня	238
24 июня	240
28 июня, суббота	243
30 июня, понедельник	244
2 июля	249
3 июля	250
4 июля	252
25 июля	253
28 июля	256
29 июля	259
31 июля	260

1 августа	262
13 августа	265
14 августа	267
16 августа, суббота	268
22 августа	270
25 августа	274
28 августа	275
30 августа, суббота	278
31 августа	279
10 сентября, среда	282
11 сентября	283
14 сентября, воскресенье	285
– Есть возможность подтвердить,	286
15 сентября, понедельник	288
19 сентября	290
19 сентября	291
23 сентября,	292
24 сентября	296
25 сентября	298
28 сентября, воскресенье	301
30 сентября	311
2 октября	312
8 октября	314
11 октября, суббота	318
25 октября, суббота	327
3 ноября	333

12 ноября	335
18 ноября	336
1 декабря	337
2 декабря	339
3 декабря	341
4 декабря, среда	345
6 декабря, суббота	347
7 декабря	350
16 декабря, вторник	353
17 декабря	361
17 декабря	363
21 декабря, воскресенье	365
24 декабря	367
27 декабря, суббота	373
29 декабря	375
31 декабря	377
1970	379
1 января, четверг	379
4 января	381
5 января	384
7 января	391
12 января, понедельник	394
2 февраля, вторник	397
5 февраля	404
7 февраля, суббота	408
9 февраля	410

10 февраля	412
12 февраля	414
6 марта	416
20 марта	417
25 марта	419
26 марта	422
28 марта, суббота	423
31 марта	424
1 апреля	426
3 апреля	429
19 апреля, воскресенье	432
20 апреля	435
21 Апреля	437
22 апреля	440
23 апреля	441
24 апреля	442
25 апреля	443
27 апреля	444
28 апреля	446
30 апреля	447
1 Мая	450
2 мая	453
3 мая, воскресенье	457
4 мая	458
5 мая, День печати	461
6 мая	463

8 мая	464
9 Мая	466
11 мая	467
13 мая	469
15 мая	470
17 мая, воскресенье	476
18 мая	479
25 мая	481
3 июня	483
25 июня, четверг	486
2 июля, четверг	487
5 июля, воскресенье	488
6 – 13 июля	489
5 августа	500
12 августа	504
13 августа	505
18 августа	507
21 сентября	516
28 сентября	517
30 сентября	519
1 октября	520
6 октября	521
7 октября	527
8 октября	529
12 октября	530
13 октября	533

16 октября	534
17 октября, суббота	537
19 октября	539
23 октября	540
26 октября	542
27 октября	543
28 октября	546
29 октября	547
30 октября	549
5 ноября	550
6 ноября	551
7 Ноября, суббота	555
8 ноября	556
10 ноября	558
13 ноября	560
19 ноября	562
24 декабря	564
31 декабря	566
1971	571
1 января, пятница	571
4 января	574
11 января	577
24 января, воскресенье	578
25 января	580
30 января, суббота	582
2 февраля	584

5 февраля	585
6 февраля	588
8 февраля	592
9 февраля	594
10 февраля	598
11 февраля	600
12 февраля, пятница	601
15 февраля	606
16 февраля	608
17 февраля	613
18 февраля	614
19 февраля	622
20 февраля, суббота	625
22 февраля	628
23 февраля	630
24 февраля	633
25 февраля	634
3 марта	636
6 марта	638
16 марта	639
18 марта	642
19 марта	643
20 марта, суббота	646
21 марта, воскресенье	647
23 марта	649
25 марта	651

2 апреля	656
3 апреля	658
5 апреля	660
9 апреля	664
12 апреля	666
14 апреля	668
17 апреля	672
18 апреля	675
19 апреля	677
20 апреля	679
23 апреля	681
11 июня	683
14 июня	685
17 июня	689
18 июня	690
30 июня	693
17 июля, суббота.	695
19 июля, понедельник	696
26 августа	698
8 сентября 1971	701
10 сентября,	702
13 сентября	703
13 октября	704
25 октября	707
27 октября	710
3 ноября	713

4 ноября	715
6 – 8 ноября	717
9 ноября	718
10 ноября	719
11 ноября	726
12 ноября	728
14 ноября, воскресенье	736
15 ноября	738
16 ноября	743
17 ноября	748
18 ноября	755
19 ноября	762
22 ноября	766
29 ноября, понедельник	770
1 декабря	776
9 декабря	779
21 декабря	783
23 декабря	788
Тассовские зюгзаги	807
2 января 1972	818
Пристёжка к роману	821

Анатолий Санжаровский

Наши в ТАССе

*Душа – Богу,
сердце – женицине,
долг – Отечеству,
честь – никому!*
(Кодекс Чести русского офицера. 1804 год.).

1968

6 октября

Краткость чья сестра-то?

Я искал работу.

Куда ни залечу на пуле – мимо, мимо, мимо...

Нечаянно меня занесло в одну странную редакцию. Это был какой-то вестник для пенсионеров. Я летел по коридору. Меня как-то шатнуло к двери, на которой я и не успел толком прочитать табличку, и ломанул в ту дверь.

Старичок-сверчок.

Слово за слово.

– Вам, – говорит он, – у нас делать нечего. А вот у ме-

ня есть хороший знакомый. В секретариате «Правды» правил бал. Кинули в ТАСС. На укрепление. Собирает команду. Может, сбегаете на Тверской, десять-двенадцать?

– Нам бегать не привыкать.

– ТАСС. Главный редактор редакции союзной информации. Колесов Николай Владимирович. Мне кажется, ему вы можете подойти.

Колесов полистал-полистал мою трудовую, спросил, знаю ли я редактора Кожемяку, с которым я когда-то работал в «Рязанском комсомольце». Позже Кожемяко уехал от «Правды» собкором по Дальнему Востоку. По работе в «Правде» Колесов и знал Кожемяку.

Я ответил утвердительно.

Через два дня я подошёл.

А раз подошёл, так мне выдали удостоверение.

Я внимательно его читать. Странно. На печати в слове агентство не хватает первой тэ. Экономия-с! Ну чего это ещё разбазаривать буквы? На этой фотографии с моего первого тассовского удостоверения чётко видно отсутствие этой первой тэ. Чего по две одинаковые запикивать в одно слово? Можно обойтись одной!

И долго обходились. Экономили!

Все про эту заигранную тэ жужжали на всех углах. Однако печать не спешили менять. Хватит и одной тэ!

Или забыли, что краткость – сестра таланта?

Тассовская изюминка!

Правда, народная молва уверяет, что Лев Николаевич Толстой любил объяснять Антону Павловичу Чехову:

– Краткость – сестра недостатка словарного запаса.

8 октября

Мой причал

Гениев полно, талантов мало.
А. Петрович-Сыров

*Рождённый ползать летать не может, но порой
заползает о-о-очень высоко.*
Д. Глухов

Вот и мой причал.

ТАСС. Редакция промышленно – экономической информации. РПЭИ.

Утро.

Первым вваливается, именно вваливается в работу, а не приходит на работу заведующий нашей редакцией Александр Иванович Медведев.

Ходит он внаклонку торопливо, вприбег. Такое ощущение, что обломный встречный ветер дует ему навстречу, и Александр Иванович, наваливаясь, чуть ли не ложась на ветер, пригибаясь, вламывается в наш кабинет и в приветствии скидывает руку:

– Здравия желаю!

Пуускай никого и не будет в кабинете, Александр Иванович всё равно чинно поздоровается даже лишь со столами, со своими стенами.

Александр Иванович – отставной подполковник. Худой. Бледный. И всегда энергичный. Мотор!

Через три кабинета, в машбюро, настукивает машинисткой его жена Тамара.

Заместителем у Медведева служит Владимир Ильич Новиков. Чувствуете? Владимир Ильич в услужении у Медведева! Это вам не хухры-мухры-духры-шпок. В редакции свой персональный Владимир Ильич! Маленький Ленин! Это как какая бесценная реликвия. Пробеги по всем редакциям. Кажется, нигде ни у кого нету Владимира Ильича, а у нас всепожалуйста!!! Он очень осторожный, тихий. Внешне благопристойный. С броневигов никому не кидает совковыми лопатами лапшу на уши. Больше молчит и часто краснеет. За день можешь и не услышать его голоса. Папка научил молчать? Похоже. Сам его папка заправляет целым одним из столичных райкомов партии.

Владимир Ильич знает английский. Занимается на курсах английского языка. Его голубая мечта выскочить корреспондентом в какую-нибудь зарубежную страну. Для почину побывал в командировке в США.

Владимир Ильич всегда подчёркнуто важен, серьёзен.
– Почему не может быть творческих исканий в ёлочных игрушках? – бормочет он, правя авторскую заметку.

А вообще Владимир Ильич – серенькая, тусклая посредственка. Медведев знает: не бери умнее себя подчинённого. Чем темней ночь, тем ярче звёзды!

Всего в редакции десять столов. По пять в каждом ряду. И в голове первого ряда сидит у окна Медведев, во главе второго, – Владимир Ильич.

Каждый княжит в своём уголке, из сумрака лишь поблёскивают сторожко их очки.

Первым в медведевском ряду стоит стол Татьяны Аккуратовой. Медведевская приближёнка. Дама с большими бзыками. Невероятно высокая. Громоздкая. Неуклюжая. Ходит как-то носками вбок. Как Чаплин. Куряка. Бродячий паровоз. Голос у неё страшно хрипкий.

Татьяне уже под сорок, но детей у неё пока нет. Зато есть мелкие, карманные пёсики. У неё дома своя сучонка, у мужа свой кобелёк. По обычаю, свой трудовой день она начинает восторженно-оголтелыми донесениями сослуживцам о буднях и праздниках ненаглядной собачьей парочки.

При встрече с близкими знакомыми Татьяна иногда не здоровается по-людски, а тявкает.

Вот вошёл ответственный секретарь Беляев. Засмотрелся на Татьянку.

Она вспыхнула:

– Я не такая красивая, не такая и страшная, чтоб так долго на меня смотреть. Гав!

– Гав! – басовито рыкнул Беляев.

Татьянка засияла:

– Всё! Родственная душа. Понял!

– Конечно! В трудную минуту я всегда поддержу тебя

анекдотом.

К Татьянке забежала посплетничать из соседней редакции Ленка Хорева с богатейшим банкоматом:¹

– Гав!

– Ав-ав!

– Слыхала? Вчера прошёл съезд художников. В отчётном докладе не упомянули художника Иванова. Расстроился. Пришёл домой и с горя умер.

– Уже слыхала. Вот что думаю. Ульянов и Захаров не выносят друг друга. Получится гремучая бойня, если их смешать.

– Людей нельзя смешать, а скрестить можно. И на дополнительное скрещивание меня толкает моя дочь. Говорит: мамуся, роди мне старшего братика. Я ей: «Это дорого стоит». – «Почему?» – «Дорого стоят кровать, одежда». – «А ты хорошенько поработай и купи!»

– Умная девочка! Прекрасную цэушку дала. Работай и покупай! Будет что заземлять. У меня вон сосед-академик всего себя заземлил. У него ботинки на резине заземлены, кровать заземлена...

– И карман заземлён?

За спиной у Владимира Ильича сидит Бузулук Олег. Поэт. Окончил литинститут имени Главсокола Горького. Макушка этого института видна из нашего окна. И частенько Олег посматривает на свою альма-матер свысока.

¹ Банкомат – задница.

После школы работал прокатчиком на металлургическом заводе в Макеевке. Тогда и появились его первые стихи в «Комсомолке».

Олег – корреспондент-молоток, пробой. Так арбайтен унд копайтен, что аж лысинка на куполке дымится.

Вот курьер, юница в куцем платишке, принесла ему заметку. Он глянул на подпись и поздоровался с автором:

– Здравствуй, золотко!

Правит заметку и хвалится:

– Эх, бывало, заломишь шапку и загонишь оглоблю в коня!.. Сейчас я эту заметку шустренько сбегрю на машинку.

И, продолжая править, замурылкал:

– Друзья мои! Прекрасен наш союз! –

Сказала дыня, облокотившись на арбуз!

Перепечатанную заметку Олег отдал Медведеву и довольно потирает руки. Можно расслабиться.

– Ну, Июшка, – кивает Ие Махровой, – съездила в Венгрию. Что светленького привезла из Буда и Пешта?

Олег и Ия соседи. Их столы рядом. Впереди стол Олега, за ним стол Ии. Ия собирает несоветские монеты. Олег – значки.

– Неважнецкий улов, – кисло морщится Ия. – Привезла всего-то лишь нецензурные карты.

– А монетки?

– Венгерские, конечно. Недавно видела монету – аж задрожала. Пётр Первый в венке!

– А я видел гривну отца Иоанна Грозного и не дрожал.

Пусть монетки отдохнут... Я о другом. Я сегодня полночи не спала...

– В неравном бою отбивалась от горячих притязаний неизвестного гражданина?

– Всё тебя на глупости сносит! Сочиняла. Послушай... Как профессиональный поэт.

– За окном стоит туман.

Плещется пелёнка.

Вся любовь – сплошной обман

Окромя ребёнка.

– Жизненно. Убедительно.

– А вот это?

Как однажды южной ночью

Старик с девушкой гулял.

От волнения этой ночью

Свою челюсть потерял.

– Шероховато. Надо б ещё покорпеть... Жалуешься на бессонницу. А ты б почитала, что начирикала, – сразу мертвецки уснула бы! Будь ты женщиной, я б стеганул тебя по тому месту, где спина теряет своё благородное название. Но, к

счастью, ты не мужчина... Июшка, бессонница и меня долбит. Послушай теперь ты моё дитя этой ночи.

Лет пройдёт пятнадцать-двадцать
Без тебя и без меня...
Но ещё возобновятся
Наши встречи у плетня.
Посмотри: на перегоне
Посредине января
Вылетают наши кони
В алых лентах – как заря!
Вслед за песенкой простою
Будут новости гурьбой:
Мы ещё чего-то стоим –
Ты со мной, а я – с тобой.

Ия в восхищении разносит руки в стороны:
– Выше всяких похвал!

Раньше Ия была референтом в справочной. Сейчас стажёр нашей редакции.

У Ии очень большой трудовой стаж. Ещё в детстве она была уже пробунгом у самого Сталина!

– Когда я впервые увидела Сталина, я поразилась, какой он был маленький... Любил очень чай с Родины, из Грузии. Сердился, если недолить стакан. Значит, неполная жизнь. Он очень боялся смерти и был тут даже суеверен.

Пробунка у вождя...

То ли верить этой байке, то ли погодить?

Пробун – такой должности нет в перечне сорока тысяч профессий страны. Для Ии специально придумали?

И чем же занята товарищ пробунка?

Вот приносят товарищу Сталину завтрак. И первой должна попробовать его Июшка. Если попробовала и не померла – можно подавать вождю.

Ия! Вот кто должен постоянно благодарить товарища Сталина за счастливое детство!

Эту байку про пробунку я принимаю как анекдот. И за это Ия всегда на меня в обиде.

Ия кончила сотню аспирантур. А тут за сотню околачивается. Наверняка чья-то «позвоночница».

9 октября

Первый по солнцу

Наша комната самая большая на нашем четвёртом этаже. Поэтому все собрания проводятся именно у нас.

Сегодня открытое партсобрание.

Дверь размахнута нараспах. Заходи любой прохожий! И потом... Народцу битком, свежий воздух пусть тоже заходит к нам на огонёк. Милости просим.

Выступил Медведев и сказал, приглашая к началу прений:

– Саша! Давай первый по солнцу.

Александр Петрухин с квадратной макушкой носа, которому давал слово Медведев, зарделся:

– Александр Иванович! Это на наших летучках вы даёте мне первому слово. А сегодня не летучка. Партсобрание. Пусть выступает кто хочет.

И захотел критикан Калинов:

– Два собрания назад я критиковал Абрамова. Отстегнул копыта!² На прошлом собрании ругал другого. А итог тот же. Тоже сложился в ящик.³ Сегодня я хочу покритиковать космического обозревателя Романова. Но это вовсе не значит, что я хочу его смерти...

² Отстегнуть копыта – умереть.

³ Сложиться в ящик – умереть.

Чинопочитаемый Бузулук своё место за столом великодушно уступил какому-то маленькому хорьку в яме.⁴ Сам торчит у двери, прилёг плечом к косяку и время от времени поглядывает в коридор. Вроде как на шухере стоит. Вот он выглянул за дверь и аврально доложил басисто, сложив пухлявые ладошки рупором ко рту:

– Лобан Лобаныч! Романов, четвёртый лучший человек Смоленщины,⁵ по коридору пропёрся трактором к себе в стойло.⁶ Пока ещё живой.

И все засмеялись.

Кто-то капризным дискантом выкрикнул:

– А чего это Шишков прячется за столом? Чтоб не прятался – избрать его секретарём! Да единогласно!

Единогласно и избрали.

⁴ **Хорёк в яме** – начальник.

⁵ Как-то ехал Романов в Звёздный городок на задание и похвалился водителю: «Лучшие люди Смоленщины – это Твадовский, Исаковский, Гагарин и я. Юрка – голос тонкий – на слово охотный». Сказал одному – теперь знают всё об этом на нашем четвёртом этаже.

⁶ **Стойло** – кабинет.

1969

1 января, среда

«Неправое это дело – ходить налево»

Вчера в семь вечера приплёлся к приятелю. Его не было дома.

Из кулька поел в подъезде кильку жареную, купил в гастрономе на Калининском. Потом постучался к соседям.

Смотрел у них телевизор.

Приятель привёл худенькую коротышку Анну.

– Мой Миша, – тараторила она, – встречает Новый с новой. Я понимаю, «неправое это дело – ходить налево». Но что поделаешь? Я спокойна. «Печаль моя светла: она уже слиняла». Он обязательно вернётся ко мне!

– Зря ты спокойна, – сказал приятель. – Он тебе не нужен. А ты ему не нужна. «Прошлое не завернёшь, как оглоблю». Тебе просто кажется, что ты ему нужна. Мираж! Фантазия, клопик ты несчастный с глазками навикате!

Приятелю не понравился мой портвейн-33, и он послал меня в гастроном. Но всё уже было закрыто.

В полночь пригасили свет.

В углу я взрывал хлопушки. Жгли бенгальские огни.

Все усердно кидали в себя моё изруганное вино. Всем скорее хотелось упиться.

Анна уже хороша. Она выпрыгнула из-за стола, которым служила откиннутая дверца от шкафа, – опиралась на спинки двух стульев – и под радиолу стала одиноко кружиться. Она вертелась и кричала:

– Гы-ыспода граждане-товарищи! Я вес-с-селюся!..

Это было развесёлое самообслуживание.

А всем было тоскливо.

Анне так горелось соблазнить гостя соседей, да она не знала, как к ним завалиться. Вскоре выяснилось, что у него жена, и Анна сникла:

– Мог бы и со мной поспать. Всё оригинальней.

Я спал на раскладушке. Было холодно.

Утром я поехал к себе в Бусиново. Теперь я снимал койку в старой ветхой сараюхе-завалюшке у милого Николая Григорьевича. Он в разводе со своей женой- географичкой. Однако по старой привычке бегают к ней через три дома подкинуть в топку свежих дровишек. Сам согреется и Лидушке не даст замёрзнуть.

В доме все четыре комнаты забиты студентами института культуры.

Моё одеяло слегка мокрое и жёлтое. То ли в вине, то ли в пиве. Пододеяльник с простынёй я тут же простирнул в ведре. А студенты весь день бесились наотмашь.

Одни девахульки хрипло драли песняка, другие с пре-тен-

зией на святую непорочность визжали по тёмным углам.

– А я, пан Анатоль, расплевался со своей маклёвкой,⁷ – грустно пожаловался мне Николай Григорьевич. – Но разве я за тем шёл к своей угарной⁸ Дидоне?⁹ Я бежал на этот митинг¹⁰ с большими надеждами... Думал, всё будет фонарём...¹¹ Ёшкин козырёк! Не смитинговались... Не срастились... Не успел занести свои заледенелые яйца за порожек, эта скотобаза¹² залопатила рыло¹³ и ну орать: «Ты как тот мальчик Юнь Су...¹⁴ С чем припёрся, преподобный Анохин? С Васей с Кубани?¹⁵ Пш-шёл!» Мда-а... Сорвался гульбарий с игрой на гитаре... Никаких даже макарон поскотски. Ничего не удалось вымутить... На вздохе лишь полюбовался её архитектурным излишеством¹⁶ и выкатился на нулях. Побрёл к себе. В ледяной дворец. Эх-х... Ну «никто так не умеет жить, как мы не умеем».

Со студентами хряпнул он стакашку и кинул кости на ди-

⁷ **Маклёвка** – левая работа.

⁸ **Угарная** – прекрасная.

⁹ **Дидона** (Элисса) – по античной мифологии, сестра царя Тира, основательница Карфагена.

¹⁰ **Митинг** – встреча.

¹¹ **Всё фонарём** – всё прекрасно.

¹² **Скотобаза** – о толстой женщине.

¹³ **Залопатить рыло** – важничать.

¹⁴ **Как мальчик Юнь Су** – упорно, с нудным постоянством.

¹⁵ **Вася с Кубани** – «васизубани», сухое вино.

¹⁶ **Архитектурное излишество** – большая женская грудь.

ван, уснул на холодной веранде, укрывшись шарфом.

2 января

Владимир Ильич в панике

Аккуратова опоздала в аккурат на тридцать минут.

Владимир Ильич в панике. Паника паникой, а надо что-то решительное предпринимать. Ситуация исторического момента обязывает!

Сегодня у Медведева первый отпускной день. Вся полнота власти, о которой большевики мечтали, перешла наконец-то в новиковские руки. С сегодня ты не заместитель Медведева. С сегодня ты сам Медведь! Действуй! Наводи марафет в редакции!

Наш Ильич, крайне смущаясь, бледнея, то и дело поправляя очки на носу, тихо выпекает Татьяне:

– Как Александр Иванович в отпуске, так у неё автобусы перестают ходить.

Татьяна в изумлении разводит свои грабельки на полкомнаты:

– Вовк! Ну ты совсем оборзел от власти в первый же день! Ну разсовсем одичал! Ты что, не знаешь, что автопублика дура? Увидала бабу-ягу – гогочет. Гы-гы-гы! Я и поехала чуть позжей, чтоб этой публики было поменьше... Под Новый год сломала об курицу передний зуб. Везёт же! После свадьбы братца явилась с синяком. Сейчас без зуба. Хорошо, что хоть муженёк мой Юрка не отрекается от меня. Кста-

ти, он из «Труда» перешёл в «Известия». В отделе пропаганды он. Юрка сказал прямым текстом: «Не плачь! Хочешь, расписку дам, что не брошу»... Ребята, мне теперь смеяться нельзя. Хорошо, что зуб не проглотила, а то один товарищ в ресторане «Баку» съел зуб вместо шашлыка.

Олег компанейски обнимает Татьяну за плечи.

– Не боишься, что пришьют аморалку? – говорю я Олегу.

– После Нового года я уже ничего не боюсь. Это точняк.

– А кто попоит меня кофе до получки? – улыбается Татьяна Олегу.

Олег даёт по лысовичку¹⁷ и Татьяне, и Владимиру Ильичу.

– Где ты такой щедрый был тридцать первого? – спрашивает Владимир Ильич Олега. – Ходили стадами и просили по рублю. Олег вскинул руку:

– Фик им в сало нутряк!

Тут вошла дама из секретариата, и Татьяна повернулась к ней:

– Лида, а где наша лапша?¹⁸ Если столовую закрыли из-за аварии на обед, то это вовсе не значит, что лапша нам не нужна.

– Нет ни лапши, ни макарон.

– Но сегодня же у нас день журналиста!¹⁹

– Всё будет чуть позже.

¹⁷ **Лысовичок** – металлический рубль с изображением Ленина.

¹⁸ **Лапша** – бумажные ленточки с указанием зарплаты каждому сотруднику.

¹⁹ **День журналиста** – день получки.

Обозреватель Иван Павлович Артёмов тряхнул листком:

– У меня анкета, кто сколько выпил на праздник.

Олег тут же отрапортовал:

– Я принял в разном наборе восемьсот граммов.

– Мало! – резнул я. – Иди допей.

Олег просяще уставился на Ивана Павловича:

– У вас была пятёрка. В переводе на русскую мерку – пять стаканов.

Иван Павлович отмахнулся от Олега и сунул руки в карманы:

– Товарищи! Вы знаете, сколько за девять месяцев продано спиртного? На пятнадцать миллиардов рублей! Оборона держится на пьяницах! А знаете, как строятся заборы по НОТу? Пишется три буквы и прибавляется доска.

Татьяне не нравится, что Владимир Ильич маринует её авторские заметки. Она решила их забраковать. На согласование подсунула Ильичу. А он держит их уже полдня.

Татьяна тянется через стол взять эти заметки. Новиков отодвигает их подальше. Татьяна не выдерживает и капризно вопит:

– Уступи женщине!

Наконец, она забрала заметки, перечитывает их, бракует и рассказывает:

– Ребята! А вы знаете чудака Чухновского?²⁰ С ним мой

²⁰ Борис Григорьевич Чухновский (1898 – 1975) – советский авиатор, один

отец²¹ на Севере работал. Приехал этот Чу на извозчике домой. Дело в Питере. Назад извозчику не уехать. Мосты развели. Так этот чудик извозчика взял на ночь к себе в комнату, а лошадь втащил на кухню. На пятом этаже! Утром лошадь не хотела уходить.

из первых **полярных** лётчиков.

²¹ Валентин Иванович Аккуратов (1909-1993) – штурман полярной авиации (налёт более 28000 часов), заслуженный штурман СССР, писатель.

7 января

Летучка

Столовая.

Фифа с кокетливо вздёрнутой валторной²² просит в кухонное окошко убрать со стола.

Голос из кухни, как из преисподней:

– Уберёте сами. На брильянты не рассыпетесь.

Летучка. Колесов смотрит, как народ набивается в нашу комнату:

– Как в атаку – десять штыков. Как на кухню – полк! Ругаем старые порядки, но не введём новые – партийного отношения к делу не жди. От блондинок не ушли и к шатенкам не пришли.

Артёмов:

– Дежурил в воскресенье на выпуске А. Мало поступило информации. Одна пришла... Всё построено на слове лупинг. Чёрт его знает! Взял словарь на пять кэгэ. Там нет лупинга. Забракковал заметку. Потом было унылое интервью с второстепенным мастером слова. А что пишут непонятные информации – упущение Владимира Степановича.²³

²² Валторна – зад.

²³ В.С.Беляев – ответственный секретарь (ответсек), куратор отдела корреспондентской сети.

Владимир Степанович – сидел рядом с Артёмовым – отмахивается ладошкой:

– Не-е... Ты брось, Вань, на меня катить.

8 января

Вышла на работу Ия. Она болела.

Сегодня собирались к ней съездить. Испугалась нашего визита и срочно выздоровела.

Прибежала с первополосной новостью:

– Вчера я гуляла со своей подружкой в обществе её важного чёрного кота. Вдруг перед нами перешёл дорогу негр с двумя пустыми вёдрами. Кот в шоке остолбелел и ни с места. Как ни уговаривали – не стронулся, пока не прошёл мужчина, не увидевший негра с пустыми вёдрами.

9 января

Аккуратова не успела войти в комнату, с порога хрипит трубой:

– Ой, ребята! Я была вчера в гостях. Силов нету! Я обо-жрата! Сlopала столько селёдки, выдула столько чаю... Гла-за на мир не глядят!

Она долго объясняет по телефону Сыроваткину, корре-спонденту из Саратова, как переделать ему его заметку. Тот не понимает. Татьяна в сердцах бросает трубку:

– Фу! Дуракам закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так!

10 января

Партсобрание

Сегодня открытое партсобрание.

«Роль коммунистов в укреплении дисциплины труда».

Докладчик Беляев.

Обычно он приходил в двенадцать. А сегодня прорезался до девяти. Засекает жареные факты для доклада.

Аккуратова опоздала на пять с половиной минут и высказалась:

– А-а! Формализм! Пускай сам Беляев приходит вовремя!

Владимир Ильич, традиционно краснея, попенял ей:

– Когда будешь ответсекком, тогда будешь указывать.

– Противно! – бунтует Татьяна. – Не буду работать.

– А ты забастуй, – советую я. – Сядь на стол.

Травмированная Беляевым Татьяна молча выходит в коридор покурить.

– Слышь, Савуль! Я возьму тебя за пуп! – обещает кому-то по телефону Бузулук.

Он держится петушком.

Ия в рифму режет:

– У Олега Бузулука

Родилось четыре внука.

Звонит нормировщик Назаренко:

– У вас информация с волгоградского «Красного Октября» неверна.

– Почему? – спросил я.

– Не могли так быстро сделать баланс и дать премию за шестьдесят восьмой год. У нас ещё не скоро...

– Если у вас расхлябанность, это не значит, что везде.

– Есть кто выше вас?

– По росту? Не мерились. Звоните в Волгоград и уточняйте.

Несколько минут остаётся до начала собрания.

Беляев, потягиваясь, говорит Артёмову:

– Завтра в отпуск.²⁴ Дышать буду во весь кредит!²⁵ Рвану в наш дом отдыха «Озеро».

– Да. Живи потише подальше от людей.

– Я, Вань, не могу без людей. Как выпью, тянет меня на свет, к дружинникам.

– Или дружинников к тебе? Это ж они на хмелеуборочной²⁶ очищают улицы от поддатиков.

Смирнова просит Беляева:

– Отпустите оформить документы в бухгалтерии.

– Оформите завтра! – сердито бросает ей Романов, кос-

²⁴ Отпуск – месяц, в течение которого человек расходует запас энергии, сбережённой в течение всего года. (КСЭ.)

²⁵ Дышать во весь кредит – жить свободно, используя все средства.

²⁶ Хмелеуборочная – транспорт медвытрезвителя.

мический обозреватель.

Смирнова окусывается:

– Это вы, Романов, завтра полетите в космос.

Беляев докладывает:

– Нерационально мы, товарищи, расходуем время. В обед отделы пустуют. Сядут на обед хором, компашкой. Знаете ж нашу столовую, быстро котлету не съешь.

– Даже хором! – подхватывает всё собрание.

Колесов был категоричен:

– Надо свято чтить свою организацию... А Ржешевский хотел на пять дней уехать от «Сельской жизни» в Эстонию делать полосу. А конфуз с алтайским корреспондентом-путаником Карасёвым? Осенью в нашем вестнике был материал из Благовещенки «Живой памятник Ильичу». Жители посёлка посадили аллею в память о вожде. Заметку опубликовала краевая «Алтайская правда». Карасёв переписал и простучал к нам наверх. Через полтора месяца прислал вторично ту же свою заметку, только превратил Благовещенку уже в Благовещенск. Это как же надо упиться? И очь оригинально оправдывался перед нашим сотрудником: «Понимаешь, старик, сволота в «Алтайской правде» сбила под заметкой нашу фирму ТАСС и подвела меня». Кто-то подвёл его, а не он сам себя высек!

– Да слишком мы нянчимся с лодырями! – выкрикнул Романов. – Надо объявлять лентяю самый нормальный человеческий выговор.

Парторг Шишков:

– Дисциплина у нас плохая. На днях три наших здоровых дружинника несли дежурство. Несли да несли и устали нести. Со скуки кинулись приставать к девушке. Два цыплёнка – студенты-дружинники – заступились. Началась драка.

– Чья взяла? – заволновалось собрание.

– Наша!

– Молодцы!

– А этим молодцам надо бы не лимонить.²⁷ Правда, при исполнении служебных обязанностей приходится пить. Вот я в редакции международных отношений. Как на приёме не выпить? Политика! Оскорбятся иностранные товарищи, не так поймут. И приходится пригубить. Но пьёшь и помнишь, что водка враг...

– Которого мы, русичи, не боимся! – выкрикнул кто-то подсказку с места.

– А я боюсь, – признался парторг. – И никогда об этом не забываю. А некоторые товарищи забывают.

Стали все требовать перерыва.

И приняли такое решение. Кто хочет курить, пусть выходит в коридор.

– Товарищи, жутко! – на нервах вскочила пламенная Майя Рождественская, бой баба с выпуска Б, куряка с дореволюционным стажем. – В коридоре стада людей торчат под

²⁷ Лимонить – пить спиртное.

дверями часами! Заведующим надо не стыдиться, выходить и звать своих сотрудников в отдел. Покурил – работай иди!

Из разных сторон просыпались поправки с усмешками:

– Рассказал анекдот – дай другому! Наш конвейер новостей не должен останавливаться!

Всё собрание записал магнитофон.

Я отнёс его в стенографическое бюро.

13 января

Опечатка

Утро. Народ бежит служить Отечеству.

Аккуратова с порога потрясла веником, завёрнутым в газету:

– А у меня вот что есть!

Петрухин похлопал ей:

– Поздравляю тебя с удачной покупкой! Веник – это...

Татьяна махнула на него веником:

– Саньк! Помолчи. Дай мне. Прокричу ослом. Юрка уехал в командировку на десять дней, а приедет уже завтра! Надо уметь оформлять командировки!

В материал «Дочь ГОЭЛРО в ряду великанов», который дали мне отредактировать, влезла опечатка:

«Действительно, «определение газа задом (вместо газом) весьма оригинально и более эффективно в сравнении с ранее употреблявшимися методами».

Олег прочитал этот ляп, ухмыльнулся:

– Беги порадууй Ананьеву и уточни, как это она – скоро ведь будет не вмещаться на двух стульях! Идёт, всех сиськами раздвигает!²⁸ – как это она умудряется что-то определять своим задом.

²⁸ Идёт, всех сиськами раздвигает – об очень толстой женщине.

– Может, это не она печатала.

– Всё равно её это печаль. Она ж заведует машбюро. Маркс умер, остался марксизм. А что останется после смерти машинистки? Горькие очепятки...

– А мне, – вспоминает Ленка Хорева, – раз напечатали «Орехово-Хуево» и «альпинисты взобрались на пис Ленина».

Обозреватель Иван Павлович Артёмов в прощанье вскинул руку:

– Иду писать в библиотеку. Позвонят мне – не зовите. Только разве что Брежнев...

– А если Косыгин?

– Не звать.

Из парткома звонит Колыванов. Я в библиотеку к Артёмову.

– Иду, иду! – кладёт ручку на стол Иван Павлович. – Тоже почти Брежнев.

Бузулуку попенял Медведев:

– Мало пишешь!

Медведев вышел. Бузулук трёт ладошки. Хорохорится:

– Эх, ребята! «Жуть стала лучше, жуть стала веселей...» С поебельника начнём давать информацию. По телефону уже застолбил на ЗИЛе.

– Так сегодня понедельник, – говорю я.

– Так сегодня и начнём! У нас это быстро!

Хорева торопливо шпаклюет щёки, красит губы, глядя в

круглое карманное зеркальце. Оправдывается:

– Вызывает главный. Навожу марафет.

Она выходит на середину комнаты, вертит перед моим носом и одной и второй ногой:

– Заметно, что разные чулки?

– Нет. Разве только разглядит Колёскин, когда снимет.

– Пусть попробует... Разные чулки... Эх эта жизнь советской интеллигенции...

14 января

Лена попила воды и жалуется мне на себя:

– В пьянстве не замечена, но по утрам пью много воды.

– Читай газеты. Перестанешь пить.

– Да мне прежде надо помазюкаться. А потом газеты. А я потеряла орудие труда чем мазаться – чёрный карандаш.

Сегодня хоронили шишкаря Носова. Пихнул в могилу рак прямой кишки.

Рак в ТАССе – руководящая болезнь.

15 января

Не гони пургу на одном выдохе

Медведев мне:

– Почему ты не пишешь свои материалы?

– О чём? Дайте объект.

– Сначала покажи себя.

– Да что я информацию не напишу? Я десять лет заведовал отделом в областной газете!

– Чего здесь рекламировать, сколько работал. Ты покажи!

– Закрепите за мной конкретный объект. Сколько свободных объектов! А как показывать? На пальцах? Сидя здесь тему не выдумаешь. С потолка разве содрать?

– Я дал тебе тему.

– О дорогах пятилетки ТАСС уже писал.

– Можно ещё.

– Что об одном и том же талдычить?

Медведева вызвали на выпуск А.

Как только закрылась за Медведевым дверь, Бузулук подлетел меня подвоспитать:

– Анатолий – свалился в крематорий!

– Все будем тамочки! – огрызнулся я.

Он наклонился ко мне, сбоку облокотился на мой стол и положил другую руку мне на плечо:

– Случайно ты в Кащенко²⁹ не лежал в палате президентов? – с ласковой насмешкой спросил он.

– В связи с чем ты вдруг так забеспокоился о моём здоровье?

– Ты как с дорогим товарищем лимоном³⁰ разговариваешь? – мягко упрощающе заговорил он. – Конечно, дрожать перед ним, как таракан перед гусем, негоже... «В России три беды: дураки, дороги и дураки, указывающие, какой дорогой идти». Медведев вот такой указун. Не молчи. «Молчание ягнёнка – свидетельство того, что он уже готов стать бараном». Не гнись особо перед ним. Негоже и писать лимонадом.³¹ Но... И всё-таки ты скозлил,³² не так пошёл. Напроломку попёр! Хороша святая правда, да в люди не годится! Запомни. Правда в лаптях, а кривда, хоть и в кривых, да в сапогах. А ты... Ты тут ошибся. А ошибся, что ушибся: вперёд наука! И такая наука... Разговор с началюгой – хитрый дипломатический танец! Начинай с ласки. Ласковое слово пуще дубины. Тебя учить? Запевай так. Я с низким поклоном и персональной просьбой прошу вас, Александр Иванович... А ты? Что ты гонишь пургу³³ на одном выдохе?

²⁹ Пётр Петрович Кащенко (1858–1920) – известный **русский** врач-**психиатр**, общественный и **земский** деятель, автор статей по психиатрии и организации психиатрической помощи. Его имя носит психиатрическая больница в Москве.

³⁰ **Лимон** – руководитель.

³¹ **Писать лимонадом** – сильно волноваться.

³² **Скозлить** – сказать или сделать что-то неуместное.

³³ **Гнать пургу** – говорить вздор.

Ты вдыхай! Ну ты понял? В д ы х а й! Да глубже! А на одном выдохе долго не протянешь... У тебя какая-то отчаянность. Что с тобой?

– Ну... Пошёл ты... Чего он объект не даёт?

– Да так он тебе и не даст. Разве так просят? Ты докажи, что и мы не на руку лапоть надеваем! Будь похитрей. Тихонько подойди, сядь в кресло у его стола и тихим, виноватым голоском скажи: Александр Иванович, может, дали б мне какой самый захудалый объект?

Тут вошла Хорева. С морковкой в руке и во рту. Жуёт.

Бузулук подивился:

– Хорёва! Ты что, прыгнула на заячью диету?

– Врач повелел. Раз жалуется на плохое зрение, говорит, больше ешьте морковки. Помогает! Вы видели хоть одного зайца в очках?

Бузулук похвалился ей:

– Слышь, Хорёва! Анатолий хотел рвануть на автономию. Да Алекс Иваныч высочайше не дозволили-с.

– А чего ты не хочешь написать о дорогах? – говорит мне Ленок.

– Да ну его... Позавчера о мостах, вчера о стали, сегодня о торгашах, завтра о дорогах. Чего он подсовывает мне всякую всячину? Пусть даст один объект, я буду изучать одно дело, поглубже буду влезать. А так он ходу не даёт.

– Я-то его знаю. Тот-то я и впала в детство, стала заниматься выпуском «Пионер». Я ушла от Медведева. Не могу

на его морду смотреть. Вечно сопли пузырьём...³⁴ Знаешь, он тебе ходу не даст. Пиши мне в вестник. Будет потом что показать, на что ты способен, когда зайдёт речь о том, что ты можешь. Вот я открываю рубрику «Рассказы о пятилетке». Напиши о чугуне.

Прискакал в мыле Бузулук с выпуска Б. Тамошняя завша Май Теодоровна Рождественская, рыжая львица в очках, распекла его до белого каления. Кричит наш Бузук:

– Эта Майя Тор-реодоровна!.. И вообще!.. Клюва не дают раскрыть!³⁵ Чего они из-под меня хотят? Аморальные удобства? Так это ж не моё амплуа! Я из них мартышек подделаю! Зарубили мой репортаж с выставки! Нет, братцы алкаши, время пить! Гм... Надо знать время пить и время выпивать. Или не отчаиваться? Нич-чего. И на мою душу начнут лить елей!

³⁴ **Сопли пузырьём** (у кого – либо) – о гордом, заносчивом человеке.

³⁵ **Клюв раскрыть** – начать говорить.

20 января

Лучше не спрашивай!

К Медведеву пришлёпал какой-то глухонердя старый. Сидит в кресле перед Медведевым. Читает газету и трубно поясняет:

– Вот холода! Пятьдесят! Автосцепка не выдержала. Разорвался поезд.

Медведев в ответ кричит:

– Это автосцепка плохая. А мороз тут ни при чём.

Медведевский глухарь – пенсионер Лисин. Раньше работал у Медведева. Теперь этому Лисину разрешается два месяца в году подрабатывать. Приплёлся из морга работун.

Хорева сидит у меня за спиной и тычет ручкой мне в бок. Шепчет:

– Аккуратиха меня обманула. Не написала о космосе.

– Неужели есть люди, которые могут тебя обмануть?

– Это принимать как комплимент?

– Только.

– Это не так грустно, как если бы обманули мальчишки.

Вошёл Терентьев из секретариата, лучший друг Медведева. Вместе ходят по воскресеньям на лыжах.

Поднял лопаточкой ладошку:

– Пламенный привет индустриальной мощи страны Советов!

Медведев делает кислую отмашку:

– Прилетают в среду космонавты. Надо снова телепать-ся к нашим столбам на Ленинском проспекте.³⁶ Флажками запасайся.

Аккуратова забраковала ташкентскую заметку о керамической посуде. Передали переработанную информушку с припиской:

«Взамен расколотой посуды».

Татьяна допытывается по междугородке у автора:

– Ты почему так часто меняешь города?

– Лучше не спрашивай!

– Всё ж! Что тебя сделало заядлым путешественником?

– Алименты.

Бузулук:

– Тань, – говорит Бузулук, – дай мне твоего любушку Таубешланга. Я дам ему цэу и по лбу!

³⁶ На Ленинском проспекте столицы за ТАСС закреплены световые мачты № 30 и № 31. Расстояние между ними должны всегда занимать тассовцы во время торжественного проезда по проспекту то ли космонавтов, то ли крупных политических зарубежных деятелей.

28 января

Проделки ИИ

Пожаловал Терентьев. Увидел пустой тёмный медведевский угол, опало спросил:

– А где ваш вождь и учитель?

– Захворал! – радостно доложил хором отдел.

Кошка за порог – мыши в пляс!

Все в редакции чувствуют себя вольготно и в девять утра устроили вечер воспоминаний о школе.

Ия рассказала, как под её мудрым руководством в девятом классе была предана анафеме нелюбимая училка.

За этот выбрык Ию хотели отправить учиться куда-нибудь в область. Но она хорошо пела. А тут подъезжали праздники. Самодеятельность школы готовила концерт. За Ию вступилась руководительница художественного кружка. Ие вкатили двойку в четверти по поведению и на том закончилось её перевоспитание.

– Вытворяли... – Ия в смехе качает головой. – Откуда что и бралось? Помню, на уроке нелюбимой училки посадили на последней парте чучела двух ребят. «Дали» им по газете. Из-за газет видны только волосы. Училка орёт: «Встать, Симкин с Петровым!» Класс падает со смеху. Училка на ракете улетает жаловаться директору.

И Володя, наш незабвенный Владимир Ильич, не был па-

инькой.

– Я, – вспоминает он, – не любил черчение. В лицо кидал учителю: «Чертить – здоровью вредить!» Учитель назидательно отвечал: «Черчение – мать учения»... На уроке физкультуры я спрятал брюки одного парня. На следующем уроке его вызвали к доске. «Я не могу» – отвечает парень. – «Не валяй дурака!» И он вышел к доске в одних трусах.

Отсмеявшись, Владимир Ильич запустил глаза в газету.

– Володь, – говорю я, – как дела в Америке?

– Да постреливают...

Припоздалый Бузулук не сразу заметил, что Медведя-то нашего нет. А когда узнал, что тот болен, присвистнул:

– Любит наш бугорок³⁷ погулять! Не завизировал мой материал про донецкий уголёк. Взял отгул за прогул... Ну, братцы, это никуда негожо! Если сейчас, Вов, – глянул на Новикова, – не завизируешь – зар-режу!.. Только ты сильно не пугайся. Это у меня юмор такой деревянный... Сегодня, ребята, мой Димка сказал: «Запрягайся, отец, в сани, поехали в сад. Надоело мне дома сидеть два ваших выходных!» По дороге ко мне пришли хорошие строчки для стихов. Не Суздаль создал этот звон... Идёт верблюд, поёт верблюд...

– Дошли до стихов, – хмыкнул Новиков. – У нас и Ия пишет стихи. Носила в нашу многотиражку «Тассовец». Медведев тогда был там редактором. И он сказал: «Пока я редактор, эта мадам у меня выступать не будет. Это ж убогость

³⁷ Бугор – начальник.

высшей марки!» Тогда Ия работала в справочной.

Ия горько повздыхала и смолчала.

Ну как возразишь начальнику?

Хорева подняла руку:

– Расскажу последний анекдот. Тогда и за работу... В детском саду детям дали задание: нарисуйте, кто кем хотел бы быть. Одна девочка не нарисовала. «Почему?» – «Я хочу выйти замуж, но не знаю, как это нарисовать».

3 февраля, понедельник

Кот на операции

Рабочий день начался с воспоминаний о хлопотах минувшего воскресенья.

– Вчера, – рассказывает Аккуратова, – носила в ветлечебницу кота. Зав – старый дядька. Я с ним душевно покурила. А кота носила на операцию. Проглотил пробку от лекарства... Нет лезвий. Ветврач побежал в магазин. Купил. Сделал удачно операцию... Ой, кошки! У нас раньше была кошка Шайтанка. Вся чёрная с белым бантиком на шее. К котам с четвёртого этажа прыгала! А этот мой кот на абажуре катался... А ещё у нас был один кот сибирский. Уехали мы все на юга. Его отвезли к знакомым на дачу. Умер бедняга от тоски по нам... И два слова ой про собачью любовь. У нашего знакомого профессора умерла собака. Профессор не просыхал, ревел по собаке. Похоронил под кустом роз. Положил мраморный камень со стихами.

Сегодня наш Владимир Ильич весь важный. У него на столе сменили зелёное сукно. Надо протирать новое. Появился эпохальный фронт работ.

4 февраля

Медведев неведь к чему заговорил о кофе. Он просто-душно покаялся, что знает лишь один его сорт. Триста тридцатый.

Всем отделом навалились убеждать Медведева, что надо покупать кофе в зёрнах и молоть на электродробилке.

– Прямо в сеть воткнёшь и по всей комнате такой запах ароматный! – Владимир Ильич блаженно закатывает глаза. – А триста тридцатый – это хилый кофе, выдыхается сразу.

– Когда я долго не ем, у меня болит голова, – сознаётся Медведев.

Ия предупреждает:

– Вам противопоказаны настойки рябины и чёрной смородины. У вас же давление сто пять на семьдесят. Пониженное! Коньяк хорошо расширяет сосуды.

Принесли сердитый отклик на материал Владимира Ильича. Он писал: «Сверху одевали куртки и брюки». Автор поправляет: «Надо надевали».

Медведев советует Владимиру Ильичу:

– Позвони этому великому знатоку русского языка и скажи, что ты на всю жизнь запомнил.

5 февраля

Мечта Лисина

Аккуратова – она сидит передо мной – повернулась и говорит:

– Ты у нас профгруппорг. Скажи тему сегодняшнего собрания.

– Лобанов рвётся в профсоюз. Надо отбиваться. Он вступает лишь потому, что только членам профсоюза чёрная касса выдаёт деньги. Ему нужна наша чёрная касса, а не профсоюз.

Собрание длилось ровно четыре минуты.

Один вопрос задал лишь Медведев:

– Был ли раньше в профсоюзе?

– Был. При переезде из Архангельска всё потерял.

Приняли Лобаныча и Аккуратова начала нахваливаться свои новые значки.

Её перебил Бузулук:

– Вот мне Виталик Пашин³⁸ выдал значок. На стенку от зависти полезешь!

– Не полезу. Ещё посмотрю... Мне бы... Пойду-ка в коридор разок курну. Только сначала надо стрельнуть...

Татьяна вышла.

³⁸ **В.Пашин** – корреспондент ТАСС по Пермской области.

– А я вот вспомнил забавку, – говорит Артёмов. – Война. Правительство в Куйбышеве. Тассовец из редакции науки, холёный, с бородкой, приехал в Куйбышев. Бегает по магазинам. Кагэбэшники клубком шьются за ним. Он дал в Москву телеграмму: «Из задуманного ничего не вышло. Воздержись».

Но пока задержали его. Позвонили в ТАСС. Да, отвечают, работает. Искал квартиру для переезда. Не нашёл. Просил жену с переездом не спешить.

Вечером Ахметов, Лисин и я идём вместе к метро «Арбатская». Взяли хлеба.

Ахметов Лисину:

– Я ещё с боссом по лампадочке пропущу в автопоилке, – и побежал к кафе.

Лисин мечтательно:

– Вот моя жизнь... На закате... «В юности мы мечтаем проснуться знаменитыми. В старости – просто проснуться...»

7 февраля

Я консультировался в министерстве со специалистом по поводу авторской заметки, в которой шла речь о технической новинке.

– Ничего нового, – сказал спец. – Лжеоткрытие. Не новинка, а старинка. Я против топоров, которые находят под лавкой, и выдают за техническую новинку.

10 февраля

Пришёл попозже, отпусти его пораньше...

Пьяный впополам Лисин с опозданием приполз на работу.

Мужественно постоял на порожке, значительно посмотрел на всех и, шатаясь, побрёл назад купить «Морнинг стар».

Проболтался два часа. Он знает английский, был корреспондентом ТАСС в Великобритании.

К вечеру поближе робко присел на краешек кресла у стола Медведева:

– Саша, отпусти меня пораньше. Костюм купил. Надо обмыть. А то носиться не будет.

– Ха! Пришёл попозже, отпусти пораньше. Давай кончай! Ты в каком состоянии сегодня привалил на работу? Минуту с тобой рядом постоишь и уже надо бежать за закуской. Смотри... А то простимся. Не позорь! К тебе хорошо относятся и ты хорошо относишься.

Чтобы дать Медведеву выговориться, я выхожу, давась смехом.

11 февраля

Кончай заниматься антагонизмом!

Анохин притаранил домой кучу разобранных стульев.

Весь вечер гордо сидит клеит.

– А вы хозяйственный товарищ! – похвалил я его.

– Ну! Я было горячо взялся. Стол сделал, галошницу... Я многое бы сделал, да водка остановила.

Материал он таскает из министерства сельского хозяйства СССР. Там он столяр.

– Вот это скотобаза! – хвалится он. – Я могу не только стружки снимать. Я любого закадыку проведу.

– Как вам удаётся пионерить новенькие стулья?

– Не городи туфту! – сердится Анохин. – Кончай заниматься антагонизмом!³⁹ Я хоть один готовый стул сшусерил? На выходе готовый стул не пронести. А я разберу его, и уже никакая охрана не пикнет. Сор несую!

³⁹ Заниматься антагонизмом – ссориться.

12 февраля

Один мой день

Политику совка определяет веник.
А.Петрович-Сыров

*Никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам
быть известным; если Ты творишь такие дела, то
яви Себя миру.*
(«Новый Завет»)

В какое непростое время мы живём!
Особенно с девяти до восемнадцати ноль-ноль.
В.Антонов

Ночью я просыпался.

Сплю я чутко и слышу даже когда мышь на мышь ползёт и от удовольствия попискивает. Я слышу этот писк и просыпаюсь.

Сегодня меня среди ночи разбудил Анохин.

Я лежу на койке, он на диване у окна. Холодно.

– Ну не дом у меня, а форменная расфасовка!⁴⁰ – ворчал Николай Григорьевич.

Он вставал в два ночи и засыпал в печь уголь. При этом бормотал:

⁴⁰ **Расфасовка** – морг.

– Где тут дождаться маленького Ташкента? Боженька тепла не подаст, если сам ведро угля не саданёшь в печку.

В маленькой проходной комнатке горел свет. Студент Горкин приехал из Алма-Аты. У него кончились каникулы. Теперь он ночами читает и спит при свете, который пробивается ко мне по углам двух матерчатых створок вместо дверей в дверном проёме. Свет мешает мне быстро заснуть после того как я проснусь.

Николай Григорьевич пытался среди ночи зажечь мою электроплитку. Он кряхтел, сопел, дул на неё. Но она не загоралась.

Просыпался я за ночь раза три. Потому и проспал.

Слышу, за стеной детей в сад собирают и требуют от них не хныкать.

Я кричу Анохину, заживо самопогребённому под ворохом одеял, пальто, фуфаек:

– Па-адъё-ём!

Он вскакивает и выговаривает мне:

– Ты специально меня поздно разбудил!?

– Я сам только что проснулся.

Холодина. Нет спасу.

На прошлой неделе у нас потекли трубы при тридцатиградусном морозе. Анохин кликнул каких-то леваков. Я с ними лазил на чердак оттаивать форсункой лёд в трубах. За образцовое моё прилежание Анохин обещал купить мне в подарок тёплые шерстяные носки ко дню рождения.

Бежим по Бусинову с Анохиным к электричке. Холодно. Ветер. Небо чистое.

– Хор-рошо! – кричит Анохин. – От ветра краснеют щёки. Он розов. На ресницах наледь.

На платформе к нам приближается девушка.

– Распрямитесь! – приказываю я Анохину. – Красавица к нам идёт!

Проскочил красный ленинградский экспресс, свирепо угоняя за собой сердитые клубы московской снежной пыли, и следом явилась электричка.

Трудно открылась дверь. Народу невпрокрут.

С разбегу мы рывком вжимаемся в тепло.

Женщина машинист объявляет:

– Товарищи! Поддерживайте в вагонах порядок. Чего только нет в вагонах! И семечки, и хлеб, и бумага от мороженого. И не забывайте хоть свои вещи при выходе!

От метро я настёгиваю по Герцена к своей конторелле. На этом отрезке я поймал себя на том, что почти всегда меня несёт за теми кадрессами, у которых красивые ножки. Плотные, тугие. Мне приятно на них смотреть. Пышные девичьи ноги я отождествляю с благополучием всей страны. Прочней колени – праздничней на душе. Я за державу не переживаю. Спокоен. Прочно стоим! Твёрдо шагаем вперёд! Значит, прекрасно живём! Меня охватывает чувство гордости. Я никогда не обгону толстоножку. Зачем же себя обделять?

В двадцать я смотрел девушкам в лицо, в двадцать пять –

на их пилястры,⁴¹ а сейчас, в тридцать, – на колени. Моё любопытство к юной особе не подымается выше её праздничных, картинных ах ножек. Вот такая жестокая и сладостная деградация. И во мне гремит гимн соблазнительным королевским женским коленям.

Без четверти девять.

Я всегда стараюсь прошмыгнуть мимо милиционера до девяти. Иногда на опоздунов устраиваются облавы. У прибывавших после девяти милиция отбирает пропуска под расписку. А там такое начнётся... Суший воспитательный марфон! Затаскают по кабинетам с объясниловками.

Сунул я под нос милицианту своё удостоверение и к лестнице. В лифт я никогда не вхожу. Всегда поднимаюсь только по ступенькам.

Вот лифт набился под завязку, тяжело пополз вверх. Дунул и я по лестнице. Наперегонки. Кто быстрее выскочит на четвёртый? Лифт или я?

Ну, конечно же, я!

По глухому коридору иду к себе в 411 комнату.

Тут всё без перемен.

Пять столов в ряд слева, пять столов справа.

Боком у огромного окна – друг против друга столы Медведева и Новикова. Наши-с боссы-с. У них столы двухтумбовые, а у нас, у мелюзги, однотумбовые. Вот в чём разница между начальником и подчинённым.

⁴¹ **Пилястры** – женская грудь.

По-прежнему первой от Медведева сидит Аккуратова. За её могучей спиной – я. С полмесяца назад за мной сидела Хорева. Теперь Петрухин. Дальше Бузулук. Боком у двери стол Игоря Лобанова.

На стенах – огромные четыре карты. Живые памятники! На них уже вписаны имена всех доблестных труженичков нашей комнаты. Да не по разу!

Все в комнате тайком считают, что все населённые пункты на земле, все реки, все вершины, все ямки, все бугорочки носят именно их имена. Вотчина Медведева – пятьдесят населённых пунктов от Медведкова в Москве до Медвежьих островов в Ледовитом океане и до урочища Медвежья Ляга на Севере. А Медвежка? А Медведь? А Медвежа? А Медвежанка?.. Все названы в честь дорогого Александра Ивановича.

У Новикова всё скромней. Всего чёртова дюжина мелконьких населённых пунктиков с его фамилией.

У прошмыгни Бузулука – отрастил пузень, за ремень переливается – есть в Оренбургской области целый город Бузулук. Есть ещё посёлушки: Бузулук-Привокзальный, Бuzдяк, Бuzдюк, Бузовка.

Обозревателю Артёмову (обозреватель выше завредакцией) отведено 26 пунктов от Артёма до Артёмовского.

А у Аккуратовой – жирный прочерк. Нет ни одного местечка с её именем. У Махровой наличествует лишь одна Махровка, у Хориной – Хорево.

На долю Петрухина выпало лишь одно Петрунькино. Судьба к Саше несправедлива. Он должен бы иметь побольше. За этого красавца мужчину просто обидно. Он курирует московский дворец пионеров. И, естественно, охотней курирует очаровашек пионерок. И очень плотненько. В угарном служебном порыве он, разведчик эрогенных зон,⁴² нечаянно то ли спioniерил, то ли скоммуниздил звёздочку⁴³ у цесарки. А «за райские наслаждения полагаются адские муки». И он их стоически принял. Месяц назад его женили на этой пострадавшей семнадцатилетней янгице. Ка-ак он, бедняжка, брыкался! Но выбора, увы-с, не было.

Силы были явно неравны. У Саши в заглашнике ничего другого не было кроме пылкой страсти к молодому роскошному телу. А у папки янгицы, у большого генерала... Я молчу про заряженную пистолетку. Этого не было. И не было того, чтоб генерал плотно тыкал заряженной керогазкой Саше в родной висок. У генерала было другое. Пострашней. Обломный нажим по различным каналам, после чего Саша трупно склеил лапки. В момент спёкся. Согласен! Согласен! Со всем согласен, дорогой папа! Только ж невиноватый я агнец!

Но Саша не смирился с судьбой. Он вздыхает, вспоминая японские нравы. Хорошо в Японии. Там молодые целый год живут, пристреливаются друг к дружке, только потом реги-

⁴² Разведчик эрогенных зон – ловелас, бабник.

⁴³ Звёздочка – девственная плева.

стрируются. А если не понравятся друг дружке и наживут ребёнка? Ну и что? Сойдёт за пробного. Я б там, мечтает Саша, никогда б не расписывался, а только бы стажировался, стажировался, стажировался...

Не пойму, почему Бузулук с ухмылочкой навеличивает Саню иногда Александром Моисеевичем.

Саня всё равно разведётся. Исполнится ребёнку год и подаст Саша на развод. Только целый год жди!

– А ты придумай повод для развода, – советуют ему. – Ну что она холодна к тебе.

– Да, холодна! – с сарказмом фыркает он. – Лошадь горяче-жгучая!

– Саня! Всё равно есть выход. Вспомни дорогих тебе япоников. У них муж имеет право потребовать развода, если заметит, что супруга спит некрасиво.

– Она красиво спит!

– Кто докажет? Свидетели, фотографии есть?

– Нет.

– То-то!

Однако женитьба не сломала его вольный дух. Он по-прежнему опыляет своим вниманием лишь пионерочек.

Саша в возрасте Христа, но выглядит на все двадцать. Он высок. А «чем выше рост, тем мозг находится от греха подальше». Он чопорно одет. Важно, с достоинством лорда носит свою единственную голову. Походка уверенная, спокойная. В разговоре всегда конкретен и ясен. Как-то по телефо-

ну он сказал новой своей пионерочке:

– Чтобы победить врага, надо его знать. Я хочу вас победить. Где это можно сделать?

У Саши большой чёрный портфель. Без него он был бы ничто. Однажды над ним, над Саней, пошутили: положили в портфель четырёхтомный справочник населённых пунктов, политехнический словарь. Всего десять кило. Саша три дня таскал эти грузы и не догадывался о недозволенных вложениях. Саша ж считает, чем тяжелей портфель, тем весомей, солидней он сам.

Ближе к вечеру Саша забивается в коридоре в будку и начинает телефлиртовать. В эти минуты особенно ярко горят у него блестящие глаза французского оболъстителя. Но вот гордый нос, сосед глаз... Нос был бы совсем хорош, если б его пик – кончик – был острым, а не плоским, как высокогорное плато. Правильные черты лица, превосходный рост, строен... Все задатки безотбойного оболъстителя.

Игорь Лобанов побогаче представлен на карте. У него и Лобаниха, и Лобань, и Лобаново...

Однако всех выпередил я. У меня больше своих мест, чем у всех трударей нашей комнаты, вместе взятых. Триста пятнадцать моих городов начинаются на Сан! Сан – первый слог моей фамилии. И состоит он из первых букв фамилии, имени, отчества. Да я и расписываюсь вон как. Можете справа посмотреть.

Так что все города в мире, начинающиеся на Сан, я спо-

койно могу считать своими.

Сверх того. У меня у одного на весь ТАСС два своих персональных телеграфных агентства. Анатолийское!⁴⁴ Это в Турции. И сирийское агентство САНА!

Плечом я упираюсь в Монголию, где в войну бывал мой Николай Григорьич. Монголия ему запомнилась тем, что там он невзначай крепенько натянул антенну одной монголочке. Муж-разведчик как-то опрометчиво отлучился на боевое задание Родины. И наш пострел к моменту поспел. Природа ж не терпит пустоты.

– Всю маклёвку от боли сипела узкоглазка, – котовато припомнил Николай Григорьич.

У всех на столах лампы. На потолке два ряда «жуков». Когда включают дневной свет, сверху слышно шуршанье, будто жуки в банке дерутся.

На стене справа – огромные уличные часы.

Потолок у нас белый, стены коричневые.

⁴⁴ **Анатолийское информационное агентство** (турецкое агентство "Анадолу", Anadolu Ajansi, AA) основано 6 апреля 1920 года при непосредственном участии основателя Турецкой Республики Мустафы Кемалья Ататюрка за 17 дней до первого заседания Великого национального собрания (парламента) Турции. Основной задачей агентства тогда было освещение всех этапов национально-освободительной борьбы турецкого народа и проводимых в республике реформ. Анатолийское агентство стало также главным средством распространения информации о деятельности парламента. В настоящее время **офисы AA** находятся в 25 странах мира. Основная цель AA в рамках "Концепции развития – 100 лет AA" – войти в пятерку ведущих информационных агентств мира к 2020 году. К этому времени агентство "Анадолу" намерено осуществлять вещание на 11 языках.

– У наших соседей, у крестьян, – Медведев постучал ногой в стену, – прошёл ремонт. Скоро будет и у нас. Каждый напротив себя покрасит стену в какой желает цвет. Интересно будет. Комната – зебра.

Конечно, Александр Иванович говорил в шутку.

Александр Ивановичу уже пятьдесят пять. Худ. Одни морщины. На затылке лысинка. Тёмные волосы с проседью. Среднего роста. В очках. Типичный рабочий-интеллигент.

На нём серый пиджак в тёмную клеточку сидит как на палке. Тугодум. Всё, что выходит за пределы его ума, считает крамольным. Бузулук называет его тихим неврастеником. Неврастеник в себе. Только когда уже в себе не может что носить, так нелепость перехлёстывает через край по временам и тут кое-что достаётся нам с его стола убогости.

Александр Иванович очень подозрителен. Страшно боится, как бы его в чём не обошли. Мужик себе на уме.

Как-то Аккуратова опоздала на десять минут.

– Честно. Проспала, – покаялась она.

– Пишите объяснительную.

Этот службист номер один может всякий пустяк раздуть в мировую проблему. Всё может так бюрократски обставить, что только ахнешь.

В редакции его никто не любит. Зато все заискивают перед ним, прикидываются овечками.

Он это чувствует и лепит за глаза:

– Горды до первой необходимости. Как со своей заметкой

кто подходит – все заискивают!

Он знает силу своей твердолобости, стоит непоколебимо.

Однако он ни разу не уходил в отпуск на весь месяц. Обязательно делил отпуск на два куска по две недели.

– Уйдёшь! А тут заговор и захват рукпоста!⁴⁵ И ты свободен! Вон как Хрущёв!

Медведев долго был в парткоме, замещал секретаря. Этот высокий идейный пост позволил ему слегка обжулить родной ТАСС. По документам он мог рассчитывать только на однокомнатную квартиру. Он же спартайгенносил, скоммуниздил двухкомнатную... Обежал тайной тропкой закон. А бдительные стукачики тук-тук-тук. Настучали в партбюро. Эту весть доставил уже в редакцию в зубах сияющий панок Бузулук.

Все считают Медведева тяжёлым человеком. А он попросту с дуплом. В ТАССе четверть века. Всё меряет на свой кривой аршин. Ненавидит живое слово. Как кто скажет в заметке о чём-то образно, он тут же хаять:

– Распустился народ! Не хотят подумать. Вот и дуют образы. Вон сидит у нас корреспондентом в Херсоне Пробейголова. Всё выкрутасничает! Иногда такое загнёт, что вся редакция не в силах разогнуть. И чего гнать пургу? Ведь для всего ж есть свои готовые формулировки. Ну и пиши по-человечески.

Эти топоры и делают тут погоду. Тот-то тассовские замет-

⁴⁵ **Рукпост** – руководящий пост.

ки рубятся примитивно. Мне твердили, что до ТАССа надо дорасти. А может, совсем напротив? Надо опуститься?

Медведев молчалив. Угрюм.

Он чувствует себя нормально, когда тиранит кого-нибудь. И тут дело нельзя пускать на самотёк. Жди, когда кто-нибудь оступится. Надо самому раскинуть ловушки!

Он подсиживает своих сотрудников на опозданиях. Часы в нашей комнате перевёл на пять минут вперёд. Придёшь после девяти – косится. Два раза опоздаешь на минуту – обвинит в недисциплинированности.

Но меня поймать трудно. Я причаливаю всегда в восемь пятьдесят. И вовсе не из боязни. Мне не хочется первым с ним здороваться. И он вынужден сам первым здороваться со мной.

И как он подносит себя в качестве образцово-показательного борзовитого труженичка пера?

Жена Тамара ближе к вечеру приносит ему яблоко, завернутое в газету. Кладёт в верхний ящик стола.

Тут же Медведев никогда к яблоку не притронется. Он показушно съест его ровно в шесть ноль-ноль, когда кончится рабочий день. Понимай так и бери пример! Медведев дисциплинирован, дорожит рабочим временем. Будь, мол, и ты таким!

Я торопливо вошёл в свою комнату и кинул глаз на часы на правой стене.

Девять ноль одна!

– Здравствуйте! – ясно сказал я.

– Здр, – выглянула поверх газеты Аккуратова в белом свитере, с косынкой на шее.

И больше никто ни звука.

Все уткнулись в газеты.

Редакция получает все центральные газеты. На столе Татьяны их целый ворох. И день у нас начинается с просмотра газет. Обязательного! Надо же знать, как мы сработали вчера. Что нашего дали газеты. Что не дали.

На мое приветствие Медведев лишь сердито взглянул на часы, молча покосился на меня и сильней обычного плюнул на щепотку и дальше листает страницы.

– Да-а... Нашего ничего, – слышен его скрипучий голос.

И снова молчание.

Тишина. Все завесились газетами.

В комнате свежо. Медведев всегда с утра проветривает. Он и дома сидит при холоде.

Вот он наткнулся на занятную заметку и восклицает:

– О! Зажигалки! Чёрт знает для чего их делают. Разве спичек не хватает?

В знак одобрения этого замечания Татьяна выдаёт своё:

– «Русский смех». Ну и заголовочек!

Лягается в газетах всё, что может не понравиться товарищу Медведеву, как частенько за глаза называет своего начальника Танька.

Медведев всегда стоя просматривает газеты и до сблёва противно посвистывает. Обсасывает зубы. Вылавливает утреннее мясо?

Татьяна принесла ему книжку «Квартира и убранство»:

– Александр Иванович, посмотрите, как сделать домашнюю лестницу.

– Вот пойду на пенсию. Займусь.

– Сейчас хорошо. Потолки высокие. А то были... Переодеваюсь – обязательноогрею люстру рукой. А вам лестницу сделать надо. Вы ж с неё не упадёте. Вы ж не алкоголик, как установлено.

– Установлено и подписано! – мрачно хохотнул Медведев.

В марте он поедет в Лейпциг на весеннюю ярмарку. Собирает все бумаги. Его подозревали в алкоголизме. Сейчас подозрение снято.

Заговорили о высоких чиновниках.

– Я с одним учился в ВПШ,⁴⁶ – хмыкнул Медведев. – Он на экзаменах трёсся больше меня. Шпаргалки везде совал. Сейчас секретарь ЦК профсоюза металлургов. На активе увидел меня, рванул вбок. Испугался. Будто я у него пятёрку попрошу. Это говорит об отсталости, недалёкости ума. Уходя вверх, умные признают прежних друзей...

От приоткрытого окна несёт свежаком.

Татьяна передёргивается:

– Ну и ветрище у нас у университета. Вчера ветром на пу-

⁴⁶ ВПШ – высшая партийная школа.

стыре меня сдуло. Грохнулась! Думала, лбом землю проломлю. Загудела земля...

– Не голова?

– Не разобрала.

Сидеть слушать утренний пустой перебрёх грустно и я подхожу к Медведеву.

– Александр Иванович, заметки есть посмотреть?

– Сейчас.

Он важно перебирает ворох бумаг. Не спеша. Обстоятельно. А ты стоишь ждёшь. Как милостыньку. Ему это доставляет наслаждение, потому он не торопится. Не тороплюсь и я.

Я поторчал пенёчком минуты две, взял с его стола газету и пошёл на своё место писать дневник.

Ему не нравится, что я занимаюсь чем-то своим.

Если б я сидел без дела, а это угнетает всякого, он бы наслаждался втихомолку – неврастеник в себе! – он бы и не давал работы. А тут этот архарка чего-то своё исподтишка карябает. Надо отвлечь от безобразия! Загрузить!

– Анатолий, – подносит он мне заметку. Я встаю навстречу. – Сделай эту. «Удачный эксперимент».

С заметкой я выхожу в коридор и бреду в его глухой конец. К четырём телефонным будкам.

Хоть у нас на каждом столе стоит по параллельному телефону, звонить из редакции нежелательно, если разговор предстоит обстоятельный.

Ответить на звонок – пожалуйста. Но если предстоит длинный разговор, а тем более, когда надо переговорить по личным делам – пожалуйста в коридор. Там вы никому не будете мешать.

Я консультируюсь в рыбном министерстве.

– Есть здесь что-то новое?

– Абсолютно ничего! Сельдь ловят разноглубинными трапами уже лет десять. Какой же это эксперимент? Что ж тут нового?

Заметку я забраковал и вернул Медведеву.

– Погода с ума сошла, – жалуется Татьяна. – В Алма-Ате тридцать два мороза!

– Сильно за Алма-Ату не переживай, – успокаивает её Александр Иванович. – Надо бы узнать в министерстве речного флота о дне актива.

– Ха! – восклицает Татьяна. – Я могу позвонить начальнику мореплавания Грузинову. Я познакомилась с ним в Архангельске, когда он, Грузинов, был капитаном, а мне было всего-то двадцать два сладких годочка. Только кончила журфак. За критику на вступительном экзамене советских романов меня, медалистку, чуть не приняли в МГУ. Ой... Ну... Было... От «Труда» поехала в первую командировку в Архангельск. Весна. Начиналась навигация. Приходило первое судно. Слетелась куча столичных корреспондентов. Все мужики. Одна я баба. Боялась напутать в материале. Помнила поговорку «Вечёрка» и «Труд» всё переврут. Как-то... Не

пойму... Провалилась я в прорубь и проболела в Архангельске две недели. Капитан этого первого судна Грузинов поил меня ямайским ромом. Приятный, не пахнет духами. Теперь Грузинов в министерстве. Так что я ему позвоню. А вы, извините, на планёрку не опоздаете?

Медведев смотрит на настенные часы и хорохорится:

– Ещё три минуты до боя Богов на Олимпе.

Олимпом у нас называют планёрку заведующих редакциями у Колесова.

Звонит местный телефон.

Трубку взяла Татьяна:

– Его нет. Он давно ушёл!

И кивает Медведеву:

– Вас вызывает Таймыр!

– Я понял. Я давно уже там!

Медведев кладёт ей и мне по заметке:

– Ну, я пошёл, – говорит он так, будто вплавь отправляется пересечь океан.

Татьяна постучала ногтем по заметке:

– Что за новостюху подвалил мне товарищ Медведёв? – и поворачивается к входившему Новикову: – А ты где пропал, тов. Новикóв?

– По очень важному делу.

– И у меня не менее важное. Пойду-ка стрельну папироску.

Странное дельце. В нашей комнате не курит ни один муж-

чина. Зато курят одни женщины. Хорева с Аккуратовой. Курит даже заходящая к Владимиру Ильичу законная супружница Лидочка, редактриса из отдела культуры.

Татьяна накурилась. Ждёт Медведева, чтоб отпроситься на кофе.

Питьё кофе, обед – очень важные и ответственные мероприятия. О них начинают говорить с утра. С десяти часов прилежно ждут открытия буфета и столовой и говорят о них с таким вожделением, что, кажется, они сюда приходят не работать, а только попить кофе и отобедать.

Без медведевского согласия Татьяна не решается двинуться в буфет. Преданно ждёт начальника.

По радио – здание радиофицировано – объявили об общем собрании в конференц-зале по случаю выдвижения кандидатов.

Кончилось собрание, а Медведева, как и пушкинского Германа, всё нет.

– Сколько они там заседать будут? – ворчит Татьяна. – Офонарели, что ли? Пойду-ка я трахну с горя кофейку!

И она решительно уходит.

А Медведев вернулся только через полтора часа.

– Что так долго? – с вызовом выкрикивает ему навстречу Татьяна.

– Медленно работаем. побыстрей надо шевелиться.

– А чем мы виноваты? – скидывает руку Ия. – Мы выдаём нормально...

Медведев бухтит под нос:

– Заколебал всех этот принцип новой метлы...

Это камешек в огород Колесова. Не нравятся Медведеву навязываемые новшества «новой метлы». Не нравятся, но говорит Медведев о них чуть ли не шёпотом.

Медведев быстро надевает бледно-коричневое пальто, шапку-ушанку:

– Володь! Я поеду на площадь Борьбы в седьмой диспансер. За справкой.

– Между прочим, там проверяют шофёров, – говорит часто болеющий дедушка Кошельков с выпуска Б. – Я рядом там живу.

И он переводит взгляд на окно, расписанное морозом.

– Любуетесь зимним пейзажем? – улыбается ему Ия.

– Я на больничном. Пришёл погреться. А то дома холодно...

Выходя, Медведев начальственно, с подкриком советует:

– Работать! Работать надо!

Держащий нос по ветру Бузулук уставился на Новикова:

– Слушай, Володь! Ты наравне с Медведевым протираешь штаны. Почему вы не даёте ходу старшим редакторам Аккуратовой и Сану? Два дня в неделю надо давать им возможность бывать на объектах. Пусть пашут. Пусть показывают нам, как надо писать. Переймите опыт соседней, крестьянской редакции. У Бори Бажанова нет зама. Боря держит на месте лишь одного редактора, он перелопачивает всю шизо-

френию телетайпного потока. А второй редактор у Бори бе-
гает по объектам и делает конфетки. Разве у нас так нельзя?

Обо всём этом Колесов только что твердил на планёрке.
Бузулук обеими лапками за:

– Ну чего мы стадом сидим на корреспондентском само-
тёке? Один-двое спокойно справятся!

– Ну, лектор, проквашал – брысь с трибуны! – машет Та-
тьяна на Олега. – Меня больше беспокоит, чего такой злоюй
сидит Лобанов. Игорь, ты чего такой злой? У меня зуба нет,
желудок пустой, и я не такая злая, как ты.

– А как не злиться? – ворчит Игорь. – Только что Медведь
угробил мою тему об оснащённости геологов. Говорит: нет
повода. А что ты, говорит, нового скажешь? Будет День гео-
лога, тогда и дашь свою статью. Я говорю: «Напишет статью
член коллегии министерства геологии» – «Он скучно напи-
шет». – «Я за него напишу. Он подпишет».

Татьяна выставляет свой довод:

– Ты сделай статью. А потом и говори.

Я впихнулся в разговор:

– Чужую беду пальцем разведу, а свою и пятернёй не рас-
тащу... Игорь не день и не два вынашивал свою тему. И без
согласия бугра пиши? Глупо. Не до каждого всё сразу дохо-
дит. В минуту всё не укладывается в Медведе.

– В его голове ничего не укладывается! – говорит Татъя-
на. – Плюй на всё. Спокойно делай. Выдашь через редакцию
науки или Бориса Прохоровича. Злой... Тебе тоже надо в

психдиспансер. Иди догони тов. Медведёва и топайте вместе!

Да... Стоит начальнику отлучиться в психарню – начинается крутая критика. Не глядят на то, что Медведев вытиран (ветеран) ТАССа.

Татьяна и Игорь уходят в столовую.

Звонит Калистратов:

– Гоните Бузулука на выпуск. Волосы будем выдирать!

Пять минут назад Бузулук сиял. Сейчас он мрачен. Наполеон побит!

– Этот Калистрат-кастрат... – опало шепчет Олег. – Я ему сколько надиктовал. А он дал только десятую часть. Посчитаемся мы с Севушкой... Ничего... Обкашляем это дельце в свете бутылки...

Бузулук бежит на калистратовский эшафот. Приглашён срочно!

Входят Татьяна с Игорем.

– Вот, – отдаёт она мелочь Игорю, – получи. Ты ж меня кофе поил... А теперь... – Она берёт со своего стола какой-то листок, треплет им. – Где этот Бузулучина. Я без него соскучилась. Материал есть, Бузулука нет. Гм...

Она подходит к Новикову:

– Володь, а Володь! Дай таблицу умножения с твоей тетрадки. А то я забываю, сколько будет пятью пять. Положу себе на стол под стекло...

Татьяна ликующе суёт мне под нос таблицу:

– Глянь, что у меня есть. Таблица!

Отредактированную заметку я несу в машбюро.

Тамара, жена Медведева, мне говорит:

– Сколько вы носите заметок! Вороха! От вас к нам надо проложить трубу. Положил, дунул – заметка у нас! А раньше была труба имени Вишневого. Был такой заместитель генерального директора. По трубе материалы летели с выпуска на четвёртом этаже на первый этаж, где стояли телетайпы. Трубу убрали. Сейчас заметки курьеры носят.

Потягиваясь, Татьяна спрашивает:

– Ребя! Где достать шестьдесят рублей?

Бузулук выворачивает карманы:

– Я сейчас пустотелый.

Свой вопрос Татьяна бросает и входившему Беляеву.

Он расшибленно разносит руки в стороны:

– Какие деньги у гулёны? Первый же день на работе после отпуска.

– Нет денег. Так зато как вы загорели!

– Ну да. На лыжах ходил. Подгорел.

– И ещё вас интересно постригли.

Беляев осмотрелся и душевно выговорился Татьяне:

– Стригла меня старая клизма в доме отдыха. Стригла не глядя. Говорю ей: «Вы хоть посмотрите». – «Я чувствую». Начувствовала... Ребята! Всех велено свистать наверх. В конференц-зал. Будем всем собором выдвигать кандидатов в депутаты райсовета. От вашей комнаты будет выступать ваш

товарищ Новиков.

Через пять минут Новиков заунывно пробубнил с трибуны:

– Я предлагаю выдвинуть Пименова Василия Сергеевича. Вы все его знаете. Он секретарь парткома ТАССа. Честный в работе. Неплохой семьянин.

По залу пробежался в разминке ехидный смешок.

Поддержал кандидатуру ещё живой обозреватель Романов. Говорил с места. Из рядов:

– Я хорошо знаю Пименова. И он меня знает. Вместе бултыхаемся в ТАССе двадцать лет.

Потом молодой патлатик выдвинул какого-то Лёшу.

Шум из рядов:

– Лёша! Покажись народу! Какой ты, наш избранничек?

К подножию сцены, к микрофону направляется Лёша.

Он ещё не взял в руку микрофон, а из зала уже кричат:

– Ничего малый. Стройный. Не горбится. Пройдёт!

– Молодой. Холост ли?

– Четвёртый раз женат.

– Не мучайте. Отпустите человека. И так видно. Отличный!

Потом выбирали народных заседателей. Список был готов. То и дело поднимали и опускали руки.

Устал я и с тоски чуть не заснул.

Собрание скоро закончилось, мы спустились к себе.

Тут как раз вернулся из бегов Медведев. Смотрит затрав-

ленным волком.

Володя интересуется:

– Александр Иванович! Как дела с психдиспансером?

Медведев на срыве:

– Это ж идиотизм высшей марки! Такое может быть только у нас!

Тамара, жена Медведева, оказавшаяся в комнате, снисходительно улыбается:

– Слова-то какие! Всё иносранные!

Медведев знай распаляется:

– И-искал, и-искал этот диспансер! За четыре часа еле нашёл! Очередь к врачу – двадцать человек! В час – одного! Завтра с утра пойду.

Володя сочувственно кивает головой:

– Да, Александр Иванович! В щепетильную ситуацию вас затёрло. Артёмову, когда он ездил в ГДР, просто списали с карточки, что не псих. И не бегал к врачу.

– Мою карточку не нашли.

– У вас же отличная характеристика РК КПСС, что вы нормальный, не пьяница. А если врачи дадут обратное заключение?

Звонят с выпуска А, спрашивают, есть ли события на завтра.⁴⁷

⁴⁷ С выпуска вечером обзванивают все редакции и спрашивают о событиях на завтра. На следующее утро во все газеты страны уходит проспект, в котором даётся перечень событий на текущий день.

Медведев сердито отрубил:

– Нет ничего. Не хотим вас загружать.

Поговорил Медведев с выпуском – звонит череповецкий корреспондент Тихомиров:

– Пускаете домну? – переспрашивает Медведев. – Хорошо! Давайте в приподнятом настроении. Говорите, будет митинг? Это повод. Чтоб мы не были голыми фиксаторами факта, назвать фамилии задувщиков печи. Напишите как-то понеобычной. А то корреспонденты не очень-то думают. Благовещенская заметка похожа на читинскую. Штамп, тупость, глупость в информациях.

Заглянул Ахметов. Вчера он написал для Медведева заметку. Дали многие газеты. Ахметов сияет:

– Александр Иванович! Всё пашете!?

– Да, мы вечно пашем. Это у вас одни симпозиумы.

Как всегда, ровно в четыре пятнадцать жена принесла Медведеву яблоко, завернутое в газету. Положила в верхний ящичек стола.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль Медведев начинает есть яблоко. Его хруп служит сигналом, что трудовой день окончен. В рабочее время он не может есть яблоко и одновременно читать поступающую информацию. Он должен сосредоточить всё внимание исключительно на информации и ни в коем случае не переключать его на яблоко. Он же председатель народного контроля по сектору «Как используем рабочее время?»

Сегодня я вёл книгу записей информации, полученной редакцией. Пришло 25 заметок. Семнадцать забраковали. Брак я несу в секретариат, кладу в папку «Текущий отсев».

Подобьём игого. За день восемь лбов выдали лишь восемь заметок. По штуке на нос. Не густо- с. Да если ещё учесть, что писали эти заметки на местах не любители, а профессиональные журналюги, становится совсем не по себе. В безделье протираем трусики и штанишки.

Вот какой компот выскакивает.

Под медведевское хрумканье с чувством свято исполненного долга я тоскливо собираю свои тряпочки и в обрат, домой.

По пути взял хлеба, сметаны и на электричку.

На платформе столпотворение.

Идёт посадка.

К какому вагону ни подлечу – не вжаться даже бочком.

Добежал до первого вагона – не войти.

Бабка канючит с платформы:

– Детки... Вы ж пожмитесь... Молодые...

Хмельной мужик:

– Граждане! Подвиньтесь на полчеловечка. Пускай милиционер войдёт.

Створки сохлопнулись. Из щели между ними торчит рука милицейская и пол-лычки.

Двери открылись. К первому вагону снова вальнула толпа. Волосатый мужик просит машинисточку:

– Пусти к себе, любушка ах и голубушка ух!

– Пусти одного... Всё стадо тут будет!

Поезд тихонько трогается.

Одной рукой я держусь за поручень. Вежливо бегу рядом.

Мне кричат:

– Брось, шальной!

Машинистка ловит меня за полу пальто – одной ногой я стою уже на её территории.

– Ну вот, – улыбается она. – Входи, входи, бледненький. Это из-за тебя пришлось второй раз открывать двери?

– Из-за лычки.

Она внимательно посмотрела на платформу и впустила меня из своей кабины в головной вагон.

В Бусинове мело.

Было холодно. Я бежал. Ветер подхалимно поталкивал меня в спину.

На заледенелой горке я поплыл. И тут же боком поплыл на меня грузовик. Колёса не крутятся, а махина надвигается на меня. Я прыгнул в канаву. Еле уцелел.

На мостике я нагнал пьяную дебелиую старуху. Пальто полурасстёгнуто, волосы выбились из-под платка.

Ударит ветер в спину – пробежит чуток. Ветер стих – на месте замерла старуха. Стоит ждёт толчка ветра. Самой ей и шагу не сделать.

Но в пеньё ей помощи от ветра не надо.

– Г-улял по Уралу к-казак молодой...

– Да не казак молодой, – поправляю её, – а Чапаев – герой!

Старуха обрадовалась подкаске и схватила меня за рукав:

– Из школы, сынок! Ой и дура же я?... Ну скаж-жи...

– Вам видней.

– Сестра дала одну стопку, другую... Я и зареви на неё тигроухой: «Что ты напёрстком дражнишь?» – И хлоп водяру⁴⁸ в гранёный. Надралась... А ведь никогда не пила...

Она крепко держится за мой локоть и просит довести её до церкви.

– Ты чейный будешь?

– Я ничейный.

– Ой же ж и хор-рошо! Поплыли ко мне... Что я буровлю? Ты и вправдешке ничей?

– Инкубаторский я.

– Ну айдаюшки ко мнешке в инкубатор! У меня ой же и тепло-о...

Мы вместе дошли до анохинского сераля. Дальше старуха, пошатываясь, побрела одна.

Я вхожу в наш чум. Щёлкнул выключателем – света нет. Наверно, ветер оборвал провода.

– Тут живой кто-нибудь есть? – спрашиваю я темноту коридора. – Отвечайте! Боятесь? Ну не бойтесь. Я сам боюсь!

Хочется есть.

С выступа над хлипкой коридорной дверкой – там мой хо-

⁴⁸ Водяра – водка.

лодильник – ошупью натыкаюсь на две варёные картофелины со вчера, хлеб в целлофановом мешочке и кусок селёдки. Есть чем отужинать.

Пошарил вправо от своего холодильника – наткнулся на военную фуражку на гвоздке. Летом один солдат стоял у Анохина. За неуплату отдал с головы фуражку.

Я быстренько умял картошку с селёдкой и завалился спать. Под одеялом всё же теплей.

Не успел я заснуть, дали свет.

Я вскочил, намешал в железной миске с ушками блинов, напёк на электроплитке.

Блины со сметаной согрели меня, и я вспомнил, что мне бы не мешало заняться стиркой.

Я притащил бидон воды из колонки.

Влил кастрюльки три в чистое ведро, нагрел на электроплитке и уже в горячую воду плеснул «друга» (моющее средство). Простирил белье в горячей воде, потом пополоскал в холодной и развесил всё своё приданое сушиться где придётся. Трико накрутил на трубу, пододеяльник повесил на спинки двух стульев. Примерещилось мне почему-то, что на стульях стоит гроб и его прикрыли белым. Простыню я раскинул по этажерке, а наволочку для подушки определил на зелёный металлический абажур настольной лампы на приёмнике. Лампа включена. Наволочка быстро сохнет.

Дело сделано. Можно и передохнуть.

Я включил приёмник. Шла опера Моцарта «Свадьба Фи-

гаро». Включаю на всю. Чтобы праздничного Моцарта слышали все. Даже мыши под полом. Слушайте и плачьте от радости приобщения к великой музыке!

Я не заметил, как меня понесло подирижировать. Не знаю, откуда у меня взялся в одной руке бледно-розовый пакет с блинной мукой, а в другой – чашка, из которой я пью чай.

Музыка нарастала, надвигалась лавиной, сминающей всё...

Руки затрепетали над головой. Утверждение торжества могущества, красоты!

На последнем высоком аккорде пакет выпорхнул у меня из руки и полетел вверх, ударился о потолок, лопнул и рассыпался мучной пылью по всей комнате.

Опера кончилась.

Слышу, кто-то вошёл.

Оглядываюсь – загазованный Николай Григорьевич, покачиваясь, трудно поднимает два пальца и делает широкий шест с поклоном:

– Здоровеньки булы! Ч-что здесь д-дают? Аустерлиц? Сталинград? Курскую дугу?

– Моцарта! – выкрикиваю я.

– Хорошо! Сегодня Фигаро здесь, – показал он рукой на диван и подался к нему всем корпусом, а завтра – там, – ткнул пальцем в пол. – А ты тут валяешь дурака?

– Предпочитаю валять дурочку.

– Я хотел сейчас свалить свою, а она меня под ручки и

айнс, цвай, драй – за дверь. Цоб-цобе! Не дозволила сбросить давление. Говорит, иди пробздись! Ох же с солькой у меня масштабиха!⁴⁹ А ка-как я хотел вертухнуться. Не вышло! Ну да ладно. Всё это пустота, схоластика. Во-от же скотобаза... Я фальстаф, обманутый, Толя, муж. По девять месяцев она где-то в Химках каталась на радостных каруселях. С кем? А я перебивался всякой падалью. Потом подлезла... Развелись... Четыре года как я развёлся. А вон какая каруселя. Накануне полочки такая добрейка... Накормит. Спать уложит. По-всякски перед тобой вертится. И так, и через эдак. Везде Анохин достанет. Со всех фалангов. А вот сегодня желал. Хотел её вдоль по Питерской. Не дала. Полочка нескоро. Я не верю этим крестоносцам. Не будет сегодня малёвки.... Да не в этот методика. Всё это туфта.

– А в чём нетуфта?

– Заниматься трепачевским не хочу. Прожил 53 года. Пытаюсь понять и никак не пойму, что за сила в женщинах. Женщина убивает мужчину влётку одним взглядом!

– А мужчина её одним ударом?

– Я не дерусь. Мужчина не может так сильно на неё влиять. Вот в чём разница между мужчиной и женщиной. Вот в чём вопрос.

– Вы её любите?.. Чего молчите? Так живите!

– Она требует: брось пить. – Анохин покаянно усмехнулся. – А я рака боюсь. Я пью, чтоб не было рака желудка.

⁴⁹ **Масштаб** – учитель географии.

Это так... Резюме. Вроде комплимента себе. Оттедева – от-седева, как говорит один у нас в мастерской. Когда я переходил в сельское министерство, мне устроили экзамен. «Водку пьёшь?» – «Нет». – «Четыреста грамм без отрыва от горлышка можешь?» – «Где же водка? Бесконечно могу пить, глядя за чей счёт».

Он помолчал и продолжал:

– Я дам тебе тему. А ты напиши. Капитал на двоих. Мне платишь по рублю за строчку.

– Давайте тему.

– Завтра Сергей с левого берега приглашает меня на свадьбу. На Любке женится. Девка-плотняжь! Студентка института культуры. Есть на что глянуть. А он до армии в девятнадцать лет чуть не женился на горбунье. Жил с матерью. Одна комната. Комнату перегородили шкафом и взяли на постой двух студентушек. Одна, Аня, горбатая. Поиграли разок в буёк.⁵⁰ Она – у, какой вертушок под ним! Понравилось. Жениться! И конец! Жил с нею у меня. Отгартали заявку в загс. Вот завтра расписка. Знакомка его матери спрятала его паспорт. Какой ёперный театр открылся! Лезвием Аня порезала себе вену. Спускала кровь в тёплую воду. В таз. Позвали мильта. Он только ручки раскинул: «Горбунья! А бесится!» Полежала Аня три дня и уехала к себе в Курск. Писала Серёге, что там её любят. Сергей столяр. Уже отсолдапёрил армию. Всё! Я сливаюсь с палубы!

⁵⁰ Поиграть в буёк – совершить половой акт.

Николай Григорьевич устало повалился на свой жёлтый потёртый диван.

Раньше этот диван служил в министерстве. Потом Николай Григорьевич перевёз его сюда. Диван прожжён в нескольких местах папиросой. У изголовья с гвоздя свисают по стене выгоревшие анохинские брюки.

Уже через минуту Николай Григорьевич угрожливо захрапел.

– Эту песню прекратить! – шумнул я с напускной сердитостью.

Николай Григорьевич извинительно улыбнулся и затих.

Мы с ним жителяствуем в одной тесной келье. Размером она примерно метров пять на четыре. Между анохинским диваном и моей койкой вжат маленький столик. У этажерки, у кровати – книги мои на полу. Стул у меня служит вешалкой. На спинке его собрано всё, что я ношу. Два пиджака, брюки, свитер, три рубашки. За этажеркой на полу два бумажных пакета с картошкой, кулёк с луком, сетка с морковкой. За спинкой койки, на гвозде в стене, – выходной чёрный костюм и нейлоновая рубашка. Мама подарила.

Под койкой стоит электроплитка. На ней я всё себе варю, жарю.

Почти во всю стену шишкинская картина «Рожь». Копировал сам Николай Григорьевич. Засыпая, я всегда последней вижу эту картину.

Вот и весь мой обычный день.

Сколько таких в жизни?

Все!

13 февраля

Татьяна спросила у Медведева:

– Александр Иванович, как со справкой?

– Достал.

– Теперь можете спать спокойно. Дурных задатков у вас

нет.

Прорезался Лисин. У него был запой. Сегодня с перепоя дрожит.

Бузулук подколот его:

– Вы немного скрючились.

– Холодно.

Бузулук положил руку Лисину на плечо:

– Андрей Хрисанфович, шире плечи, выше грудь! Ну что?

Чебурашит южный ветер северного человека?! У вас нос, будто на нём буровзрывные работы производили...

– Ох, Олежка... Влезая в мою душу, хоть бы валенки сы-

мал...

– На морозе особо не разуешься...

Подсуетилась со своим вопросом и Ия:

– Андрей Христанфович! А что это за царапина у вас на

щеке?

– Горячий автограф моей юной вулканической феи...

– Вот так и надо вам, старикам. Не женитесь на молодень-

ких!

– Да так мы с ней живём вроде ничего... Нам с нею не в чем упрекнуть друга и потому мы дерёмся молча.

– Мда! Моцартовская музыка без слов! – важно вынес свой вердикт Олег. – Счастье иногда приходит совсем неожиданно. Но если уж повезло – терпи!

Новиков пробует оторвать внимание Бузулука от Лисина:

– Олег! Приглашали с Выставки на проводы зимы. Я сказал, чтоб все блины, предназначенные для журналистов, отдали тебе. Там не похудеешь.

16 февраля, воскресенье

В полночь в чум ввалился под балдой Анохин напару со своей Трезорихой, маленькой суетливой сучонкой.

Спрашиваю:

– Где петляли заячьи следы?

– На левом берегу...Ну и ну... Собеседник твой во хмелю. Левый берег – целебная вещь. Интересный обычай. Били старые тарелки. Бросали серебро. Я выбросил десятку. Моя Лидка-масштабиха режет с меня стружку: «Паразит! Где десятка? Я ж на сохранение тебе давала. А ты швырнул невесте на горб!» Да. Деньги клали невесте на горб. Доставала... Слушай байку со свадьбы. Студент задержался на каникулах. Шлёт телеграмм декану: «Не волнуйтесь. Приеду. Болен гонконгом.⁵¹ Задержусь на два дня».

⁵¹ **Гонконг** – речь о гонконгском гриппе.

17 февраля

Кто стоит у моего гроба?

Я возвращаюсь с работы.

Анохин лежит на диване. Холод в калач согнул его. Пиджак прикрыл ухо. Услышал Анохин мои шаги, спросил:

– Кто подошёл и стоит у моего гроба?

– Владимир Ильич Ленин.

– Докладывайте, Владимир Ильич, об особенностях текущего момента... Не молчите. Ситуация требует незамедлительного действия. Промедление недопустимо.

– Верно. Мысль даётся не всем. Вот она посетила меня. Может не задержаться и тут же уйти. Надо записать, а некому. Пиши ты. Тебе жить. Пиши. Бусиново тебя прославит, как Ижевское Циолковского. Наш земля! А почему он попал в Калугу? Вот чем я возмущён! Наш, ижевский,⁵² а в Калуге. Лучше б в Бусиново ехал, чем в Калугу.

– Что записывать? Давайте. А то мысль ваша уйдёт.

– А кто заплатит стаканце?

– Вы же не пьёте.

– Не надо гнать мороз.⁵³ Пью... Лучше бы начать, как я въехал в Москву. Тогда была Тверская застава. Белорусский

⁵² Константин Эдуардович Циолковский родился в селе Ижевском под Рязанью.

⁵³ **Гнать мороз** – говорить вздор.

вокзал. С конями. Как на Большом театре. Разломали. Может, восстановят. Почему заставой называли не знаю. Арки... Пиши, пиши. Пока я пьян. А гонорар будет?

– Будет.

– Сколько? Я тебе нашелушу на тыщу рублей!

– А?

– А-а... С лаптями проехали! Мне было лет шестнадцать. Поступил в техникум имени 1905 года. На Сретенке. Без гонорара.

Он щёлкает себя по горлу:

– Без гонорара? Не пойдёт! – и укрывается с головой.

– Чего же вы?

– Не хочу... Не пиши.... Ну... Пиши, что распутничал. Может, когда прочту, благороднее стану.

– Это и всё?

– Нет... Не могу... Есть у меня одна мысль. Не могу я её всем рассказывать. В алкоголе нехорошо быть. Опять пишешь? Ну пиши: пьяница, любящий цивилизацию. В мать не ругаюсь. Но выразиться люблю. Мать – это не мат. Пишешь? Вот растяпа. Я хочу обогащённо выразаться, а не бытово.

– Расскажите, как вы впервые с девушкой...

– Читай Шолохова про Наталью. Ничего особого. Никакого нарушения уличного движения. И точка. Отстанешь от меня, паразит? Главное – во что выльется. Чтоб сочно! Восемь часов будешь записывать?

– Да.

– Пиши. Я закатаю речь. Если где корявато... Можно подчесать, подправить... Про парня я с левого. 56 лет. Всех закружил на свадьбе! Маленький росточком, меньше меня. У него талант. Народный. Надо поэтапно работать. Это ж надо создать... Это полуфабрикат пока... Я о тебе, ты обо мне напишешь. У нас будет два гонорара. И потянем мы с государства много-много денег. Будет у нас маклёвка. Это рыбацкий термин... А денег у меня нету. Ни на книжке, ни в кармане. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Нет! С тобой соединяться опасно. И вообще закрываем эти пустые пьяные дебаты. Лучше я буду спать.

Я повесил на стену над своей койкой портрет Бетховена. Вчера купил на Ленинградском вокзале.

Газетный клочок я поджёл от электроплитки, положил на пол и поднёс к огню ладошки. Греюсь.

Анохин обвёл нашу келью тоскливым взглядом и советует:

– Заодно подожги этот рейхстаг и мы заработаем мешок денег!

– Такой совет лучше заспать. И не выполнять.

– И то верно. Без денег я совсем очумел. Ни к чему никакого чувства. Бедное сердце всё в лапах головы.

Он отвернулся к стенке и тут же захрапел.

Храповичок так храповичок.

Даже мышам страшно высовываться из-под пола.

19 февраля

Бегодня

Клуб железнодорожников на Комсомольский площади.

Сегодня здесь хозяйственный актив министерства станко-строительной и инструментальной промышленности. В президиуме член Политбюро ЦК КПСС Кириленко.

Заикаясь, докладывает министр Костоусов:

– Плохо мы поддерживаем новое. У нас на заводе в Москве ввели новинку. Ею больше интересуются из ГДР. Уже пять раз были немцы, а своих спецов с других заводов никак не загоним. Зато через три года наверняка своё же будем гордо перенимать у немцев и ездить к ним туда за опытом... Как мы относимся к молодым специалистам? Мне написали аспиранты одного института: «Мы мальчишки на побегушках. Пошли к директору. Выслушал и говорит: «Как я вам могу доверять? Вы ж коты в мешке». Пошли к заму по науке. То же: «Ребята! Вы чистый лист бумаги. Не знаю, что на нём будет накалякано».

На актив я ехал уже с заготовкой. Она передана утром всем газетам страны. Мне осталась самая малость. Внести в заготовку поправки, если таковые будут.

За кулисами я поймал заместителя министра. Он прочёл мою заготовку, своей рукой внёс уточнения, и скоро моя поправка с дровами (со многими исправлениями) ушла с вы-

пуска А на телетайп.

Главное сделано, можно и оглядеться.

Сегодня получка. Принесли лапшу.

Энергичный многостаночник Бузулук высек 106 рублей гонорара, Петрухин – 105.

Татьяна доложила Медведеву:

– Два героя-орденоносца у нас идут ноздря в ноздю!

Скромненько похвалился Лисин:

– И я заработал десять рублей...

Медведев с улыбкой кивнул ему:

– Бизнес, Андрей, делаешь. Бизнес!

Хотел я пойти пообедать – Медведев тормознул:

– Анатолий! Поступило указание дать твой актив широко! Втрое больше! Пообстоятельней расскажи о техническом прогрессе, о специализации. Действуй!

Уже три.

Снова лечу в клуб железнодорожников.

Мне дали доклад министра, стенограмму его речи и ещё десяти выступивших. Талмудище в триста страниц!

В столовой я забился в уголок, за пустой столик. Штудирую под перезвон стаканов, ложек, ножей, вилок. Пока просто отмечаю карандашом что взять.

С голода разваливается голова. Хочется есть. Но и раз нечего кинуть в рот, кроме розетки с горчицей посреди стола. Спасибо, какой-то министерский бузанчик кое-что отчеркнул важное в выступлениях. Помог мне.

Наконец просмотрена последняя страница, я спрашиваю дежурную:

– Где продиктовать материал по телефону?

– У входа.

– В подворотне я ничего не забыл. Где кабинет директора?

Кабинет директора закрыт. Нет директора, ключи гуляют с ним.

Зато свободна целая киностудия. Оттуда я и отдиктовал стенографистке и полетел в ТАСС.

На выпуске А вспыхнула дискуссия. Краевский: давать первый вариант поправки. Колесов: даём второй, расширенный, вариант.

Вышло по Колесову.

Занятная катавасия. Давать поправку к поправке. Как бы не напутать.

Всё вроде обошлось.

Но деньги я сегодня не получил.

Домой я добрался уже в девятом часу вечера.

Вытащил электроплитку из-под койки, поставил на табуретку. Подогреваю вчерашний гороховый суп в вечной стальной миске с ушками.

В нетерпении я сел на койку. Табуретку с миской на плитке придвинул к себе между ног, и супа моего не стало прежде чем он успел потеплеть.

20 февраля

Постарался на орден!

Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!
А. Чехов

Обычное утро.

Медведев просмотрел все газеты и похвалил меня:

– Твой вчерашний актив дали «Правда», «Известия», Труд». Молодец! Постарался на орден. Так держать!

– Буду стараться, – пообещал я.

Тут вошёл Лобанов, и все уставились на него.

– Игорёк, ты откуда? – спросила Татьяна.

– Из парикмахерской, вестимо...

– А я думала, из камеры хранения.⁵⁴ Александр Иваныч, – капризно заныла она, – выгоните этого амнистированного.

– Не могу я, – со строгой шутилкой подначкой отвечает

Медведев, – вступать в распри с законом. Раз амнистировали, значит, человек исправился. Нельзя же наказывать человека за то, что он перековался в нашу правильную сторону.

Как короткая стрижка преобразила человека! Раньше скулы, прикрытые волосами, не так были заметны. Теперь же наш скуластый Игорёша похож то ли на Маяковского, то ли на разбойника.

⁵⁴ Камера хранения – тюрьма.

– Готовлюсь ликвиднуть вашу чёрную кассу! – мрачно рубит он. – Зачем я вступал в профсоюз? Подвалю к его чёрной кассе. Я-то и лез в профи, чтоб поближе прорваться к чёрной кассе и – опаньки! – ободрать её.

Все вежливо поулыбались и занялись своими родными бумажуйками.

Я замечаю у Татьяны на столе под стеклом фотографию маленького мальчика.

– Тань, – шепчу ей в спину, – у тебя под стеклом – это твоё чудное сочинение на вольную тему?

Она сердито крутнулась на стуле и с сердцем выпалила:

– Толюшка! С твоей святой искренностью можно сесть на скамью подсудимых! Неужели ты до сих пор не уяснил, что у меня кроме Юрки да собак никого нету? Дети... За больную струну дёргаешь и прощения не просишь....

– Извини...

Подошёл Олег и, наклонившись, положил руку мне на плечо. Тихо проговорил:

– Под стеклом у Татьянки – это я за две минуты до войны.

– Гм...

Олег пошёл к своему стулу. Я посмотрел Олегу вслед и увидел на стене над его столом призывы, переименованные заголовки: «Расскажем о родном Бузулуке», «Защитим Бузулукский бор», «Шумит Бузулук», «Бузулук на Выставке, на своём объекте»... Всё это про самого Олега, про город Бузулук, про речку Бузулук.

Всё-таки занятно...

Пока нет Медведева, чего б и не размяться?

– Ребя! – говорит Олег. – Что вычитал в «Неделе»... Австралиец Бурс купался в море. Акула отхватила ногу. После больницы он снова припрыгал на пляж. Полез купаться. На этот раз акула отхватила протез. Обманул акулу!

Владимир Ильич недовольно покосился на Олега. Кончай трёп!

Олег это понял и на обиде выкладывает:

– Ну что, Володь, прорежется время, и мы при ссоре будем здороваться спинами?

– Давай лучше заниматься прямыми своими делами.

Легла тишина. Да не навек.

– Ой! – шумно вздыхает Аккуратова. – Мой бедный Юрка остался без подарка. Вчера у него был день рождения. Шагомер хотела достать. Не смогла... Хорошо что хоть подружка поднесла ему календарь дат и событий всемирной истории. Вчера я проводила её в командировку в Чехословакию. Туда только коммунистов посылают. Вчера она встала как всегда. В пять тридцать. Погуляла со своей собакой и на самолёт.

Ия спешит доложить своё:

– Пять тридцать! Мне в это время снился сон, будто я над пропастью. Проснулась. Ноги упали с раскладушки. Стоят на холодном полу.

– И-и! Вот я сплю! – Татьяна постучала кулаком в ладонь. – Раз я грохнулась с раскладушки. Не слышала! Меня

подобрали. Снова положили на раскладушку. И я снова не слышала...

В приоткрытую дверь Беляев показывает на стол Медведева:

– Где ваш добрый фюрер?

Олег потыкал пальцем вверх:

– На совете в Филях.

Беляев поворачивается к Артёмову. За столом он глубокомысленно обхватил свою обозревательскую голову руками.

– Для ГРСИДЗа⁵⁵ строгаешь? Для него только Перельцвайг хорошо умеет писать. А ты кто? Либо Артёмов, либо Павлов (псевдоним). И вдобавок нерусский.

И тут я как-то иначе взглянул на Ивана Павловича. Много я не понимал в его поведении. В одно время он с тобой нормальный. В другой раз – мешок зла.

Когда у него зазвонит телефон, он всё бросает, пугливо хватается за трубку и, белея, снимает её лишь после второго звонка и подобострастно быстро говорит:

– Я вас слушаю.

Не обозреватель ТАССа, а лакей из захудалого кабака.

Тоскливо на него смотреть в эти минуты. Весь трясётся, мигает, бледнеет. Значит, это говорит кто-то из начальства. И Артёмов лишь торопливо кивает головой, поддакивает:

– Слушаю... Слушаю... Слушаю...

⁵⁵ ГРСИДЗ – главная редакция союзной информации для заграницы.

Даже к маленькому начальству он убегает рысцой.

Когда же у него всё в порядке, он сознаёт себя величиной и чинно распохаживает по комнате, воткнув руки в карманы.

В конференц-зале сегодня торжественное собрание. Через три дня отмечается День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Выступил знаменитый Лелюшенко.⁵⁶

Он рассказал великий случай. Когда у солдата Ивана Скибы кончились патроны, он пошёл на танк с топором. Открыл люк, порубил головы всему экипажу.

На собрании спёкся конфуз. Не все ветераны получили награды. Не хватило. Краснопресненский райвоенкомат не обеспечил полностью медалями «50 лет Советской Армии и Военно-Морского Флота».

⁵⁶ Дмитрий Данилович Лелюшёнко (1901 – 1987) – видный [военачальник](#). Дважды [Герой Советского Союза](#) (1940, 1945).

22 февраля, суббота

Приказано жить по-королевски!

День прибавился на воробьиный поскок.

Солнце. Всего минус три. Праздник!

Анохин в добром настроении:

– Ну что, пан Анатолий? Завтра наш мужской день. По такому случаю дарю тебе кровать Баграмянов.⁵⁷ Спали на ней Баграмяны, устроит она и тебя. Широкая, панцирная сетка. Совсем не то, на которой ты долгохонько у меня мучился. Узкая сетка проваливалась до пола. Спал почти сидя. Как похороненный татарин. Хватит такие муки кормить. Живи по-королевски!

Я кинул руку к виску:

– Есть жить по-королевски!

Пожаловал он мне и четырёхножку из-под телевизора. На неё я выставил все свои книги с пола под кроватью.

Кружкой я плескаю воду на пол, разравниваю ладошкой. Потом усердно тру тряпкой и вытираю.

Мой пол умыт!

Сделав одно, хватаюсь за другое.

В одном свитере на санках притаранил от колонки бидон

⁵⁷ Баграмян Иван Христофорович (Ованес Хачатурович) – военачальник. Маршал Советского Союза.

воды. Вынес новенький матрас, кидаю на снег и сам валюсь на матрас. Блаженство!

Сияющий Анохин щёлкает над головой пальцами:

– Весна-а-а!.. Люблю весну. Просыпается во мне весной деятельность. Прилив, приливище! – вертит кулаком вокруг сердца. – Всё переделаешь... Вывезешь шлак... Вскопаешь огород... Посадишь картошку... Пятьдесят три года! А дядюка я ещё бодрый! А как Лидка, – на вздохе глянул в сторону дома жены-разведёнки, – а как Лидка подтравит – отлив деятельности закипает. Стаканища три хряпнешь-ляпнешь... И уже легче... Ну как тут не пить?

Я набросал снега на матрас, веником смёл снег. Вот и матрас мой умылся. Кажется, чище стал.

Я подогрел на электроплитке воды в миске, настрогал мёрзлых дрожжей, всыпал муки. Подошло скоро тесто. Вывалил всё на сковородку. Пышка получилась толстая, ноздристая. Полупустая в серёдке, с пещерами. Я очень люблю печь себе хлеб.

Подкормились мы слегка с Анохиным пышкой и затопили печь. Странное дело. Почему вода по трубам не идёт? Натаскали в бачок на чердаке воды. Вроде трубы ожили, задышали. Полилось по ним тепло.

Николай Григорьевич занял у меня трёшку и пожёг к своей Лидушке.

Ночевать забыл вернуться.

Милушка приголубила.

23 февраля, воскресенье

Валенки на заслуженном отдыхе

На столе бутылочка.

Пойдём выпьем, милочка.

Частушка

Любовь – это предмет первой необходимости.

А.Петрович-Сыров

Господи!

Капель за окном бам-бам-бам! Взахлёбки долбит лёд, как дятел клювом. Так радостно на душе.

Николай Григорьевич крестит свои валенки:

– Ну, валеночки... Пожалуйста с Богом на чердачок. На заслуженный отдых. Спасибо, хорошо зиму побегали... Толь... А там такой коньячок подвезли по случаю праздника. Ляпнем? А?

– Мне нельзя.

– Ка-ак нельзя? Праздник же!

И запекает, подтанцовывая:

– Ой, снег, снежок,

Белая метелица.

Холодильник не пол-литра,

На троих не делится!

– Нет! – бесшабашно выкрикивает он. – Тут без гитары нельзя!

Он берёт гитару и, томно закрыв глаза, поёт:

– Две гитары за стеной
Жалобно заныли.
Кто-то свистнул чемодан.
Милая, не ты ли?

– Нет! Гитара гитарой. А насухач душа не пляшет! Пойду пошурю пролетарии всех стран насчёт купилок на коньячишко.

Удивительно скоро вернулся Анохин. Весёлый. С коньяком!

Я хвалюсь:

– Пока вас носило в магазин, я успел и голову помыть в тазике, и надёжно прикрепил зеркало на стене.

– Во молодец! Два великих дела сотворил. Повод к выпивке подвёл. Давай обязательно обмоем. Иначе и голова скоро станет снова грязной, и зеркало будет показывать кислый фокус. Кто в него ни ткнись – страшней крокодила увидит себя. А обмоем – и голова век чистёхой будет, и зеркало, кто в него ни загляни, – обязательно все будут красивыми! Как за такое не выпить?! Наливай первую стопашку!

– Ну мне же нельзя!

– А какая анафема тебе запретила? Подпись есть? Лич-

но я разрешаю! И дорогой товаришок Чехов, который Антон Палыч, тоже разрешает. А он врач. Знает что разрешать! Он прямо вот так и сказал. Запомнил я слово в слово: «Водку же пить следует. Она возбуждает мозг, который от дороги делается вялым и тупым, отчего глупеешь и слабеешь». Теперь ты что-то имеешь против Чехова?

– Ну мне же нельзя! Это я сам себе запрещаю!

– Ой-ё-ёй-ёненьки! Развёл тут подпольную самодеятельность! А мы ей бац по шапке! Бац! И ещё бац-бац-бац!

Он наливает в высокие королевские рюмки.⁵⁸ Каждая грамм на двести пятьдесят.

Я глянул на полные рюмки и у меня похолодело в животе:

– Маменька! Я не ел... На голодный желудок столько...

Помру ж во цвете лет! Я разогрею чуть вчерашней картошки.

Я пожевал немного картошки и отхлебнул коньяку один глоток, дурашливо выкрикнув:

– За мир между народами!

Мне вдруг стало жарко и голова понеслась по кругу.

Анохин влюблённо уставился на меня:

– Ты смотри, как коньяк тебе на пользу! Раскраснелся весь. А то бледный был. Спиртаус – хорошо! Была у меня прободная язва. Заштопали! Пью и ничего. У меня знакомец тут через два дома... Как ахнет бутылёк – бегом спатеньки у плетня. Вырвет всего бедолагу. Подойдёт хаврошка, подхарчится и тоже хмелеет, ложится рядышком потэхэсэнку...

⁵⁸ «Рюмка – хрупкий сосуд, при неосторожном обращении разбивает жизнь».

– Какие гадости... И вас это умиляет?

– На провокационные вопросы не отвечаю... Я, Анатолий, к спиртному не принуждаю. Но рекомендую. Разок в неделю нужно прочищать организм от бактерий. Это способствует некоторому пищеварению. А теперь... Смело! Смело в бой! Ну! Допивай свою долю!

Я отодвинул от себя рюмку:

– Мне такая доля не нужна...

– Мне тоже... Одначе... Эх, Лида... Или у неё центральная нервная система повреждена? Отравила мне жизнь! Ну! На девять месяцев смывалась с палубы! Во какая орденоносная гуляха была! Я детям сам готовил...

Он стукнул вилкой по столу и запел:

– Я цыганочку свою
Работать не заставлю.
Сам я печку истоплю,
Самовар поставлю...

Цыган цыганке говорит:
«У меня давно стоит!»
Где стоит и что стоит?
Ничего не говорит.

– А больше всего мне нравится это рязанская лирическая...

– Шла я, шла я как-то летом.
Вижу: лапоть расплелся.
Парень бравый, чернобровый
Провожать меня взелся.
О-ох, лапти мои, лапоточки мои,
Износились, не спросились,
Истаскались, не сказались.
А потом шутя, в обнимку –
Разговорчивый, весёл –
Как колодку свежим лыком
Он меня всюю оплёл.
Помню время. Чудный вечер.
Мы в овин с ним забрели
И всю ночку до рассвета
Лапти разные плели.
Время шло. Настала осень.
Мне соперница нашлась.
И любовь, как старый лапоть,
Износилась, расплелась.
И расстались мы с тобою.
Вот, подумаешь, конфуз.
Не одна я. Теперь нас двое,
Я и малый карапуз.

Под чечётку он прошёлся по комнате и ударил каблуком
в пол:

– Эх, тёща моя,
Тёща тюревая!

По морозу босиком
Замантуливая!

Он шлёпнул себя ладошкой по голове:

– Вот тут анархия – мать порядка! Что ты хочешь от дри-
стопшённика?

24 февраля

«Правда» не может ошибаться?

Сегодня я принёс на работу непроливайку. Веду дневник.

Аккуратова увидела мою непроливашку, саркастически фыркнула:

– Где ты её нашёл?

– Весь Кузнецкий обскакал.

– Не позорься. Спрячь... Александр Иванович! Посмотрите, из чего он пишет!

– Эка невидаль! – хмыкнул Медведев. – Да пусть хоть гусиным пером пишет. Лишь бы толк был... Тут вот...

Он взял из стопки свежих новостей листок, помахал им Бузулуку:

– Глянь... На твоё усмотрение.

Олег до своего стола не дошёл, прочёл на ходу и громыкнул:

– Бубякин ой да и даёт! Или перемёрз в том Якутске? – Олег потряс листком. – Читаю. Слушайте все! «Автомобилисты местной базы сегодня начали получать очередную конфету хозяйственной реформы». Ну новостёха! Что за конфетка? Фантазия фа минор для фортепьяно в четыре руки и три ноги! А речь-то всего лишь о тринадцатой зарплате. За что ТАСС держит в штате такого корреспондента? Будь этот Димуля на расстоянии вытянутой руки, я б сейчас дал

этому своему старому грешнику по рогам!? Я б из него мартышку сделал!.. Уй!.. Ну затоскуешь поневоле от неведомых равнин...

Тут входит Игорь, и Татьяна набрасывается на него с допросом:

– Как с квартирой?

– Да ходил вчера к одной. Вроде и готова сдать, и мнётся. Я б, говорит, сдала, только у меня сын больной. – «Чем?» – «Его бандиты раздели». – «Ну и что?» – «Он стал страдать неуравновешенностью». Так мы и раскатились на нулях.

Олег вычитывает отредактированную и подписанную Новиковым заметку и торопливо уносит на выпуск А.

Через минуту возвращается довольный. Докладывает:

– Сам Денисович принял! Если б не мой зоркий глаз и не твоя, Владимир Ильич, мудрая правка, мы б погорели. А так... Знаешь, Сан, что говорит бывший корреспондент ТАССа по Монголии Денисович, когда принесёшь ему на выпуск слабую информацию? «А у тебя ничего нет в Монголии?» – «Нет». – «Тогда до свидания».

Татьяна никак не отвяжется от моей непроливашки. Теперь талдычит о ней Олегу. Олег театрально хватается за сердце:

– Толя! Ты всколыхнул все мои тёплые чувства на должную высоту. Сорок третий год. Мы делали из бузины чернила и писали из таких чернилниц... Эх... Я смотрю, все работают, как львы. На вас рубахи не просыхают!

– А Таня, – подсуетился угодливый Владимир Ильич, – работает, как львица.

– Поэтому я иду пить кофе, – сказала Татьяна. – Хорошо общнулись. Толь, дадут Ригу – это я. Позови. Я пока погуляю и покурю под дверь. А потом уж кофе.

Потягиваясь и зевая, Ия говорит:

– Ребя, хочу спать.

– А с кем? – набежал с услужливым вопросом Олег.

– Ты отпетый циник... Володечка, дай заметочку.

– Ты простаиваешь? – уточняет Владимир Ильич. – Сейчас поищу.

Владимир Ильич шуршит бумажками.

Ия шуршит языком:

– Главный режиссер вахтанговского театра Рубен Симонов умер от рака лёгких. Говорят, недавно он женился на 24-летней. Это его и сгубило, как Скирда⁵⁹ – Пырьева. А вот одна вышла за профессора. Решила отмучиться. Закатала своего профессора в простыню и защекотала. Щекотка – лучший способ убить человека.

– Это из личной практики? – слегка встревожился Олег.

– На глупости мы молчим.

Ия выдержала сердитую паузу и снова за своё:

– Вот зеленухи молодухи выскакивают замуж за старых

⁵⁹ Лионелла Ивановна Скирда родилась **15 марта 1938** года в [Одессе](#). Советская актриса. [Заслуженная артистка РСФСР \(1991\)](#). Одна из жён кинорежиссёра Ивана Пырьева.

писателей, артистов, режиссеров... И все вякают: по большой любви, оч по большой любви! Но слышал ли ктонибудь, чтоб какая-то девица вышла замуж за старого слесаря, плотника, пекаря? Все молчите? То-то ж! Девки бегут за большими мешками с деньгами, а не за старых людей. Вот! За мешками!!!

Все молчат. И Ия замолкает про мешки. Спрашивает Аккуратову:

– Кот у вас вопит?

– Ещѐ-ѐ ка-ак! Он жениться хочет. У нас пѣс тоже хочет жениться. У нашего пса самые серьёзные намерения относительно женитьбы. Не пѣт, не ест. Бабка водила в ветлечебницу узнать, что делать. Есть у него любовь, да её не пускают гулять.

Новиков вернулся с планѐрки.

– Что было на Олимпе? – интересничает Татьяна. – О чём говорили Боги с Богами? О ветре не говорили? А то меня утром ветром уронило.

Новиков что-то ответил. Я уже не слышал. Влетела руководительница бригады агитаторов Василевская и сразу ко мне. Наклонилась. Оперлась локтем на край моего стола – не слышь посторонние!

– Толя! Завтра партбюро. Мы решили послушать двух агитаторов. Хорошего и плохого. Зайди ко мне в свободную минуту. Я расскажу, что ты должен делать. А ты на бюро расскажешь уже от себя. Как уже о сделанном.

– В этом и будет заключаться моё отличие от плохого.

– Пожалуй. Главное сверкнуть!

– Не переживайте. Сверкнём!

Иду в кассу взаимопомощи. В пятницу я сдал первые взносы. Я ж профорг. Сегодня надо получить марки.

– Вы знаете, – спрашивают меня, – куда что клеить?

– Догадываюсь. Но обещаю, что на стенах не буду марки расклеивать.

– Это уже достижение! Тут всё просто. Клей да клей марки в профбилеты да в учётные карточки.

Я сижу за своим столом, наклеиваю марки. Нудяшное дело. Но надо.

А между тем уже день клонится к концу.

Пришлый народ сливается в комнату. Начинается травля баек, анекдотов.

– Вот, господа! – Артёмов вскинул указательный палец. – Почти двадцать лет мы на всех углах трещали о стахановце Зотове. А такого-то и в природе нет!

– Ваня! – Беляев постучал ногтем по столу. – Ты знаешь, что за такую клевету можно основательно загудеть на Колыму с дудками!

– Было бы за что гудеть... А Зотов появился так. С шахтёром поговорил в забое корреспондент «Правды». Фамилию не расслышал. И вместо Изотова назвал стахановца Зотовым. В Горловке переполох. Что делать? Как быть? Сталинская «Правда» не может ошибаться! Кто осмелится не

верить «Правде»? И в то же время... С рождения человек был Изотовым. И раз «Правда» назвала Зотовым, так тому и быть. Москве видней, кому какую фамилию таскать. Никите выдали новый паспорт на имя Зотова. И долго он жил с чужой фамилией. Через много лет после смерти шахтёра зашевелились на месте. Вернули ему настоящую фамилию Изотова.⁶⁰

– Гм...

– Вот такие чудеса бывали в советском решете, – потёр руки Артёмов. – Лучше расскажу пару анекдотов... Первый. Принимают одного в партию. Бюро райкома. Секретарь с вопросом: «Назовите тридцать выдающихся деятелей коммунистического движения». – «Пожалуйста! 26 бакинских комиссаров, Маркс, Энгельс, Ленин и Вы, дорогой Иван Андреевич». – «Правильно! – сказал секретарь. – Вы единогласно приняты!» И второй. В войну английский сатирический журнал объявил конкурс на юмористический рассказ в двести слов. Премию получил этот рассказ: «Макс Шумахер,

⁶⁰ Никита (Никифор) Алексеевич Изотов (1902–1951) – рабочий-шахтёр, инициатор Изотовского движения по массовому обучению молодых рабочих кадровыми рабочими, один из зачинателей Стахановского движения. Работая забойщиком шахты № 1 «Кочегарка» (Горловка), Изотов добивался высокой производительности труда, неизменно выполняя по 3–4 нормы. В 1932 году он добился небывалой выработки, выполнив план угледобычи в январе на 562 %, в мае на 558 %, а в июне на 2000 % (607 тонн за 6 часов). Простой по своей сути метод Изотова основан на тщательном изучении угольного пласта, умении быстро производить крепление горных выработок, чёткой организации труда, содержании в порядке инструмента.

желая подшутить над своим фельдфебелем в духе русского солдата, подпилит сидение в уборной. Всего пятнадцать слов. Остальные 185 слов произнёс фельдфебель, провалившись в уборную».

Собираясь уходить, Медведев наказывает Татьяне:

– Я и Володя завтра идём на активы. Вы представляйте нас тут достойно.

– Я на твоём месте, – сказала мне Татьяна, – запаслась бы цветами.

– И конфетами, – подал голос рационализатор Бузулук.

Да-с. Завтра день матриархата. Тяжкий день. Руководить редакцией будет женщина.

В Ховрине, между рельсами, лежал сбитый электричкой человек. Кровавый комок одежды.

До дома я бежал и плакал.

25 февраля

Матриархат

Я пришёл за десять минут до девяти, Татьяна – через десять минут после девяти.

Матриархат.

Начальство задерживается. Это его первое отличие и завоевание.

– Сегодня, – переобуваясь, говорит Татьяна, – меня подвёл дед-тимуровец. Ему 86 лет. Он у меня деятельный. Ни секунды покоя. Со скуки озеленил наш двор. А так... Каждое утро снабжает меня кефиром. Сегодня слегка задержался... Всё одно к одному. То снилось... Выхожу утром. Гроб в подъезде. А тут ещё кошка дорога перебежала... И итог. Сегодня у нас на Рублёвском перевернулся нефтевоз. Грохот, будто снег с крыши столкнули... Много делов...

Татьяна подпихнула к себе стопку свежих заметок. Просматривает.

– Эту забодаю... Эту забодаю... Эту забодаю... А эту, Толь, можно сделать. Только позвони во Фрунзе и узнай, одобрило ли ЦК республики это начинание. Речь идёт о трёх предприятиях, выполнивших трёхлетку и призвавших всю республику встать на вахту столетия Ленина.

Я беру заметку и заказываю Фрунзе.

Татьяна протягивает листок Лисину:

– Андрей Хрисанфович, как вы считаете, можно ли из этой заметки что-нибудь сделать? Посмотрите.

В комнату вбежал стремительный Марутов. Доблестный Гарегин Гарегинович. Женская половина редакции навеличивает его Георгин Георгинович.

– Ну, – потряс Лисин своим листком, – мы будем сдавать материалы, не ожидая верхов?

– Не ожидая! – кричит Татьяна, поскольку Лисин глух.

– Я сдаю.

– А я, – усмехнулась Татьяна, – уже сдала. Воспользовалась отсутствием начальства.

Лисин дышит на руки.

– Холодно у нас.

– Нормально! – выкрикивает Ия. – Это вы, Андрей Хрисанфович, ещё дома замёрзли.

Лисин выходит в коридор покурить и тут же заглядывает в дверь. Машет Татьяне:

– Планёрка начинается. Вы идёте?

– Ой, спасибо, что напомнили. Бегу!

Лисин доволен:

– И от меня, калифа на час, есть польза.

– А я калифша на день! – улыбается ему Татьяна.

– Без начальства легче. Лучше его вовремя выпроводить.

Уже после планёрки позвонил мне Новиков:

– Кто у вас сегодня главный? Ты или Таня?

– Сегодня день матриархата. Передаю ей трубку.

Скоро позвонила ей её бабка. Попросила:

– Купи собакам печёнку.

– Ладно, – сказала Татьяна и положила трубку.

– Ой! – отмахнулась Татьяна. – Да эти кошки, собаки вечно выпендриваются. Наш пёс любит жареную картошку, жареную печёнку. У нас у соседки муж вернулся из Камеруна. На валюту набирает много еды. Приносит псу. Пёс такое жрёт, чего мы и не видели.

Ия хмыкнула:

– Собаки живут лучше людей.

– А моя собака курятину не ест, – пожаловался Артёмов.

– Избаловали! – вынесла приговор Татьяна.

– А когда начинают петь по радио алябьевского «Соловья», наша собака начинает выть, – покляузничал на своего пса Артёмов.

Кстати. Ему самому сейчас хоть вой.

У нас покрасили дверь. Он выпачкал руки и заскочил в туалет помыть. К гендиру Лапину⁶¹ на летучку опоздал на полминуты.

– Вы опоздали, – сказал генеральный генерал. – Ничего. Обойдёмся без вас.

И не пустил!

И вот теперь сидит Иван Палыч тут и несёт шелуху про собак.

⁶¹ Сергей Георгиевич Лапин, генеральный директор ТАСС (1967-1970), председатель Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию (1970-1985).

Татьяна хвалится:

– А вот моя бабка псу перед едой даёт кусочек сахара. Это ему как стопочка водки для аппетита.

Почему- то с собак болтовня перешла на мужчин.

– Если во второй раз выходить замуж, – сказала одна забредшая к нам разведёнка, – так лучше за бывшего мужа. Выработался иммунитет. Знаешь, на что идёшь.

– Ой!. Мужики, как куры. Отошли от дома на 20 метров и уже ничьи! У нас поветрие. Молодожёнки бросают жён с ходу!

К болтушникам прилип и новенький воронежский корреспондент (на практику приехал):

– Помню из детства наводнение у нас в Верхней Хае. Я из люльки, подвешенной к крюку в потолке на верёвке, смотрел, как мать, стоя на койке, стирала мои пелёнки в воде, была в доме по колено. И последняя занятная новость. Студенты Воронежского мединститута до вокзала несли на руках профессора Бурденко. Он уезжал работать в Москву. Боялись, что не удержат его – весил же сто кило! – и обронят на твёрдый асфальт. А у них ни у кого не было соломки наготове.

Партбюро прошло. Меня не позвали пропеть на нём о моей бурной агитаторской деятельности. И к лучшему. Баба с возу, спицам легче. Врать не нужно. Совесть будет спокойней.

26 февраля

Буылки Кербабаева

Артёмов:

– Скоро 75-летие Кербабаева, известного туркменского писателя. Мне о нём рассказывали. Приехал он в Красноводск писать новый роман. В местной гостинице дали ему люкс. С ванной. И как истинный туркмен он плевал на ванну. Он складывал в неё буылки из-под дешёвого вина. Уже набралось полванны, когда он почему-то уехал в Ашхабад. Через некоторое время снова приехал работать над романом. Только роман он отложил. В сторону. Не до романа! Первым делом он кинулся разыскивать свои буылки, поскольку ванна была чиста как стёклышко. Он бегал по гостинице и кричал, что его обокрали.

– Я сдала ваши буылки, – краснея, призналась старенькая уборщица.

– И вам дали деньги?

– Рубль шестьдесят.

– И вы считаете, что это ваши деньги?

Уборщица заняла у кастелянш, слесарей. Они дали ей медяками из денег, взятых на обед. Она отдала ему медяки в банке из-под сметаны.

– Зачем даёшь банку? – накинулся почтенный Берды Мурадович на уборщицу и стал считать. – Тут не хватает 10 ка-

пек.

– А банка?

– Тогда всё в порядке.

Работа над романом была успешно продолжена.

Все слушали эту историю с омерзением.

Разгорячился Иван Павлович. Выковырнул из памяти другой случай покудрявей.

– Война. Сорок первый год. Казань. Там корреспондентом ТАССа был Князев. Звонят ему из ТАССа и просят заказать у художника Тарле статью для англо-саксонских государств. Князев объяснил художнику свою просьбу.

– Подождите, – сказал Тарле.

Ждёт Князев десять, ждёт двадцать минут.

Через полчаса вышел из соседней комнаты художник с тремя страничками самим отпечатанного текста.

Князев опешил. Никто из великих не относился к журналистам с таким уважением. Стал благодарить.

– Ну что вы, молодой человек, – сказал художник. – У меня к вам тоже просьба. Гонорар за статью, если можете, перешлите как можно скорее. Плохи у меня дела с деньгами.

– Хорошо! Обязательно!

Просьбу Тарле Князев передал в ТАСС.

Через неделю требуют заказать вторую статью. Через три дня третью... Четвертую...

– А деньги!? – взвыл Князев. – С какими глазами идти?

– Действуй! Бухгалтерия тут туго поворачивается.

Извиняется, мнётся-гнётся, а идёт к художнику.

За короткое время Тарле написал семь статей.

А денег нет как нет.

Зато пришло указание заказать восьмую статью.

Князев побежал на рынок, продал сапоги и пиджак, но принёс деньги художнику. Попросил расписку:

– У нас в ТАССе такой порядок. Расписку обязательно.

Художник и написал: я, Тарле, получил от корр. ТАСС такую-то сумму.

Князев отправил в ТАСС большое злое объяснение, прислал расписку.

После этого скандала бухгалтерия удосужилась выслать гонорар Тарле.

Эта расписка долго хранилась в ТАССе. Как дорогая реликвия войны.

Но раз Бог любит троицу, так и я уж расскажу третью историю. Самую короткую.

В войну в Куйбышеве жил Алексей Толстой. Корреспондент ТАСС обратился к нему за статьёй для заграницы.

– Я напишу. А вы три тысячи дадите? Что скажете?

Корреспондент молча бросил трубку.

Трёп стоит коромыслом.

Артёмов кричит в спину уходящему Бузулуку:

– Олег Дмитриевич! Не уходите! Я вам партию должен. – Смотрит на часы: – Подождите ровно шесть минут. В рабочее время играть в шахматы неудобно, а трепаться можно.

Мы ж обмениваемся мнениями!

Сегодня Медведев в белой рубашке. Важен как покойник. Собрал летучку в редакции:

– Вчера у гендира была летучка. Много ругал он, что даём неинтересную информацию. Надо писать кроме приездов королей и их обедов. Писать о наших людях. Писать интересно, нетрафаретно. Будет нам очередная выволочка. На острый зуб Лапина попала статья Бузулука. Написана казённо. Видимо, о ней ещё будет идти речь, раз она зафиксирована. Какие вопросы?

Олег почесал затылок:

– Александр Иванович! Теперь надо готовить два варианта статьи. Статью, написанную живо, никакой министр не завизирует. Для визы – одна статья, для вестника – другая.

Медведев машет ладошкой книзу. Ну сбавь же ты глупые обороты!

– Да хорошую статью, – на подкрике выпаливает он, – ни один руководитель не откажется завизировать!

– Ну как, Александр Иванович, живо написать об активе? Это ж не актив, а матобогашение!

Попался Медведеву под горячую руку мурманский корреспондент Засухин. Засухина Медведев недолюбливает за самомнение. И, вкось отчеркнув мурманскую заметку, лепит смертный приговор:

«НИ.⁶² Написано неинтересно. Факт местного значения».

Забракованные заметки всё же выборочно просматривает Колесов. Он вернул Медведеву эту информацию. С визой «Срочно подготовить!»

Медведев и сложи лапки. Прижух на минутку. Обмозговывает, как бы всё-таки дожать засухинскую классику и заодно спасти свою марку. Командует Новикову:

– Звони в морское министерство. Законсультируй материал! Надо... Архивежливо склоняй к тому, чтоб забракловать. Ну скучно же написано! Что тут интересного? Буксир «Стерегущий» спас корабль «Черняховский». Ну и что? Его обязанность такая!

Министерство же твёрдо настаивает на публикации. И Медведев получает вторую оплеху.

Сам себя оплевал с корени до вышки!

Пишет наш начальюга дубово, топорно. И требует, чтоб все так писали.

И при чём тут пустые разглагольствования о скуке письма? И какие у Медведева критерии интересного? Да и есть ли они у него?

Татьяне надоела говорилка о скуке письма. И она соскакивает на собачью стёжку:

– У нас пёс с Козловским оперы поёт. Козловский жалобно затянул а-а-а-а-а в сцене юродивого, и пёс вторит ему, подвывает... Просыпается наш Полкан по будильнику. Хоть

⁶² НИ – не использована.

в два, хоть в десять. Вскакивает. Морда сияет. Хвост туда-сюда, как маятник. А я не могу проснуться. У меня в шариках темно, пока кофе не выпью. Вчера я стукнула будильником об стену. Мешал спать.

– Сейчас, – бубнит Медведев, – выпускают будильник «Витязь». Никакие удары и падения ему не страшны.

27 февраля

Всеэтажный съезд

Сегодня в двенадцать общая летучка всей союзной редакции. Всеэтажный съезд!

За полчаса до летучки бледный Медведев мрачно объявляет отделу:

– Идите пить кофе. Чтоб ни с кем не было обмороков.

Татьяна подносит руку к виску:

– Стройными рядами шагаем вниз! Ой... Я жестокая курильщица с 20 летним стажем. Убиваю лошадь одним поцелуем взасос! Берегись все меня!.. Хорошо там, где меня нет. Но я уже в пути! Наверняка кофе будет или холодным, или слишком горячим. Моего раздрая буфетнице не обежать...

Я кофе не пью и иду в машбюро. У меня спешная заметка. По обычаю, я уголок раскрасил красным карандашом. Ну срочно же! Машинистки сердятся и просят не красить. Я показываю свой листок самой ретивой толстухе.

– А мы чихали! – с поклоном выпевает она. – Мы не индюшки! На красный цвет не реагируем!

– Ну и я не индюк! – пыхнул я и положил на машинку свою заметку.

Олег приобнял меня за плечо:

– Пошли к себе, старик. У них пятиминутка. Просят не стучать. Сейчас тут женщины начнут раздеваться.

В нашем отделе Ия спрашивает меня:

– Можно о лётчиках сказать – люди неземной профессии?

– Нельзя. Всё земное. Всё начинается на земле, всё уходит в землю. Даже Бог земной.

Марутов уточняет:

– И Богов много.

Ия фыркнула:

– В каждом отделе по Богу!

Артёмов сбегал в столовку. Подтягивает штанчата и трёт руки:

– Сегодня должна быть историческая летучка у нас. В развитие вчерашней летучки у Лапина, куда я не был допущен из-за опоздания на полминуты.

Народ стекается в нашу самую большую на четвёртом этаже комнату. Тут проходят все большие летучки.

Медведев сидит со мной рядом, за моим столом. За его же столом восседает сам Колесов, за новиковским – Фадеичев, докладчик, главный выпускающий на выпуске А.

– Собственно, у меня не доклад, а сообщение, – говорит Фадеичев. – 25 февраля – неприятный день. Была летучка у генерального директора об информации в печати и на радио. Плохую, сухую, пустую информацию мы даём. Не делаем обобщений. Информации недостаёт оперативности. Лапин говорил, оперируя нашими примерами. Я тоже их прочту. Автор Шаповалов, редактор Баженов. Название информации «Лицо трактора: эстетика и удобство». Автор Филипп

повский, редактор Василевская. В Ростове приняли к постановке оперетту «Атаманша». Читаю: «Действие происходит в донской деревне наших дней». Какие ж атаманши в наши дни?.. Мы всякую даже романтическую информацию делаем неинтересно. А мы на выпуске наступаем на горло собственной совести и выпускаем плохую информацию. Писать надо хорошо. Тогда может быть только вкусовая правка.

Даниил Смирнов:

– Нужны: персональная ответственность, график прохождения заметки. Информация должна нести нагрузку новости.

Виктор Степанов:

– Весёлая тоска. Балльные заметки – какие-то шарады. Рядом с поистине балльными вывешивать на стене в коридоре и плохие. Настенная учёба пойдёт на пользу. Из скрипача балалаечник не получится.

Анатолий Шаповалов:

– По примеру «Литературки» нужны свои «Рога и копыта». Брать быка за рога! Моя заметка неслучайно попала в обзор. Тут нюансы какие-то. Мы – фотоснимщики. Спешим – смешим! Поэтому были случаи, когда линия партии шла в одну сторону, а ТАСС выскакивал в другую. Для корреспондента ТАССа – лавочка холодного сапожника на своём уголке. Надо расширять кругозор – читать спецжурналы. Зубрить, как язык хинди. Нечего тут бэкать и мэкать. Не ломай копыта там, где не сломаешь.

Дмитрий Дмитриев:

Сидя здесь, я провёл мысленный эксперимент. Мы все стали безумно азартны. Наши материалы живут в одном измерении – тридцатистрочном. Живём одним днём. ТАСС – бабочка-однодневка. Прожили день и ладно. Премии – местный колорит! – забыты. Поощрительные творческие поездки забыты.

Артёмов:

– По моим наблюдениям, в нашем коллективе мало чувствуется ответственности...

Сердитый женский голос от двери:

– А вы разве не член? Член! Ещё какой! Мы-то знаем! И у вас тоже мало!

– А кто спорит? Мало! Надо всем... Чего уговаривать друг дружку по элементарным вопросам? Раз сказать и всё! – рубнул Иван Палыч воздух. – Есть государственная дисциплина. Была технология работы над оригиналом – забросили! А зря! Товарищи! Мне не хочется приводить факты. Я среднепишущий товарищ. У меня десять-двенадцать начал статьи. Одного не бывает. Ищу... Вот и Данила Смирнов ищет. Особенно заголовки и начала должны быть отменными. А если человек раз дал халтуру, два? Скажи ему. А на третий раз посади его на летучке на место, где сидит сейчас Сергей Дмитриевич...

Ехидный смешок в разминке пробежал по комнате.

Сергей Дмитриевич Шишков, парторг, опоздал на летучку.

ку. В назидание его усадили у всех на виду, в кресле у медведевского стола. Любуйтесь!

Шишков в смятении опустил голову. Краснеет.

– Надо, – яростно жестикулируя, продолжает, заикаясь, Артёмов, – подчитывать по своей отрасли пять-шесть журналов!

Лукавая реплика с места:

– Говорите точнее. Пять или шесть? Какая точная установка?

Иван Павлович обиделся. Махнул растопыренной пятернёй и сел.

Солидный Борис Лукьянов, заведующий редакцией международных связей, был подчёркнуто конкретен:

– Раз решили делать Октябрьскую революцию у себя, то её надо делать и на местах. В агентствах республик и среди собкоров. Пусть знают, чего от них хотим. Они-то основной поставщик информации. И если они будут идти всё той же старой дорожкой, то мы ничего не сделаем.

Ставропольский корреспондент Мищенко был категоричен:

– Товарищи! Бить нас надо! И крепко! Это мы даём вам плохие заметки. Так и вас надо бить. Вы потеряли с нами связь. Обзоры – лазейки для оправдания ТАССа перед корреспондентами – нам не нужны. Они раздражают, отбивают охоту писать. И совсем зря отменили похоронки, ответы на забракованные материалы. То хоть знаешь, что с твоей за-

меткой. А сейчас посылаешь, как в пропасть. Вот Медведев забраковал мою заметку о кинескопах для цветного телевидения. Требовал написать, какая разница между обычным и цветным кинескопом. Кому это интересно? Кто знает разницу? Вот вы знаете? – Мищенко положил руку на плечо соседа.

– Знаю! – ответил сосед. – Разница в цене.

Тут вскочил Медведев:

– Ты даже по телефону не смог внятно сказать!

– А что переливать из пустого в порожнее? Я в «Правду» послал ту заметку и её дали! А Медведев говорит: «Правда» для нас не пример!» А кто ж тогда пример? Многотиражка «Тассовец»?

Медведев на нервах:

– Непонятные заметки будем браковать! Жёстко будем подходить к информации. Наши устои при отборе информации непоколебимы!

Светлана Бахметьева:

– Я тринадцать лет в газетах. Мне абсолютно непонятно, как тут получается. Где это видано? Журналист за журналиста переписывает все информации. В газете можно переписать за читателя. А тут же... Квалифицированные журналисты на местах, такие же, как и мы, а что они присылают?

Реплика откуда-то справа:

– Об этом хорошо расскажут корзины и папки отсева.

Ничего интересного не сказал в заключительном слове

Колесов. Всё те же горячие призывы писать живо, интересно, давать постоянно оперативную информацию.

– Сначала, – добавил он, – на меня давили авторитеты. «Статью читал тот-то. Разрешает к печати только в таком виде». Просмотреть ответственным товарищам давайте и не связывайте себя обещаниями. За семь лет в «Правде» редакционные статьи читали секретари ЦК, на гранках делали свои поправки. Но мы слепо их не переписывали. Редактировали. Повторюсь. Да, писать надо интересно. Если материалы и впредь будут писаться в лучших, – он кисло усмехнулся, – тассовских традициях, будем бросать их в корзину.

Шёпот за спиной:

– Тайком убрать из ТАССа все корзины!

28 февраля, Получка

– Александр Иванович, весенняя ярмарка в Лейпциге открывается второго марта. Вы едете?

– Так точно, Таня! Только открытие ярмарки задержат, пока не оформят мои документы.

Зазвонил телефон. Александр Иванович снял трубку, немного послушал и, морщась, прикрыл трубку ладонью:

– Володь, поговори с ним. Это Рогинский. Я не могу. Я с ним говорил, объяснял, почему забраковали. А он «Ну, мне 58 лет и слушать я не желаю!»

Татьяна услужливо подпела:

– О! Этот гусь лапчатый готовится к большой пенсии. Дуетя изо всех сил. Гонит нам всю тягомотину, пустые семечки.⁶³

– Дела плохи, – говорит Новиков в трубку. – Была летучка. Запретили переписывать за вас, за корреспондентов. Одну вашу заметку переписывают трое! Получается коллективное творчество. Больше этого не будет. Надо вкусно подавать информацию. А то суконным, тоскливым языком пишете.

Татьяна спокойно понесла на выпуск А отредактированную заметку, а вернулась бегом. Вся гневом пылает.

⁶³ Пустые семечки – мелкотемные материалы.

– Александр Иванович! Это убиться! – шумит она. – На выпуске отметили двухбаллкой и вывесили на доску лучших зыкинскую халтуру «Кто придумал колесо?»! Ну как это понимать? Дикую халтуру подсунул нам этот Зыков. Я сидела, сидела... Всё облизывала, облизывала! И на! На доске лучших наш Зыков! Не-ет! Я категорически против!

Медведев робковато машет ладошкой книзу. Мол, сбрасывай обороты, сбрасывай:

– Так прямо выступать нельзя. Это ж бунт на тассовском корабле! А мне ещё надо подписаться под двухбалльным решением...

– И неужели вы его подпишете?

– Не знаю... Как верхи...

– За верхи не переживайте. Я уже Краевского дожала! Убедила, что халтуру поощрять нельзя.

– Ну, это уже лучше.

Сегодня получка.

Бузулук сияет:

– Саша Петрухин не удержался на волне. В прошлую получку он на рубль меня обогнал. А сейчас у меня гонорей 69, а у него 39. Ну ладно. Запишу это в свой актив. И на закуску выдаю занятную байку. У пасечника медведь воровал мёд. Пасечник вырыл яму, замаскировал ветками. Медведь долго не появлялся, пасечник забыл думать о нём. По забывчивости пасечник сам ввалился в ту яму. Не может выкарабкаться. Скоро туда попал и медведь. Медведь лизнул раз пасеч-

ника, сморщился, но драть не стал. Невкусный дядька! Медведь прыгнул ему на плечи и выскочил из ямы. Потом бросил в яму бревно и палку. Пасечник вылез. Терзает его совесть: «Хотел мишке плохое сделать, а он меня выручил!»

После обеда Василевская выдаёт в нашей комнате зарплату. Рядом сидит Хромова, собирает по рублю для чёрной кассы. Умасливает заплатить Чантурую.

Галантный грузин выдал пока ей лестный комплимент:

– Посмотрит – рублём подарит!

– Так давай!

– Что?

– Назад давай подарок. Рубль!

1 марта, суббота

Радиопередача о Верстовском.

Заходили чарочки по столику,
Заплясали молодцы по горенке...

Русь...

Наворачиваются слёзы...

Весна.

У меня брюки у карманов поистрепались в лохмотья.

Еду в ГУМ. Куплю ткани на брюки. Пошить дешевле, чем
купить готовые.

2 марта, воскресенье Денисович

Дежурю на выпуске А с милым Александром Борисовичем Денисовичем.

Дежурить с ним легко, приятно. Он прост, нечванлив, неспесив. У него нет этих глупых качеств самовлюблённости и самовозвеличения, без которых немислим ни один средней руки тассовец.

Он даёт мне заметку из Рязани «Молодёжь и клубы»:

– Сделайте её в свете последних веяний. Фразы делайте проще, чётче, человечнее. Тут автор перечисляет доклады. Не делайте этого. Кавычки уберите. Скажите, что обсуждались такие-то важные проблемы. Не спешите. Время есть. Подумайте.

Вслед за рязанской я выправил луганскую информашку.

А одесскую заметку «Славная дочь Франции» я озаглавил «Цветы на могиле Жанны Лябурб» (к 50-летию её расстрела).

– А почему вы переиграли заголовок?

– Слишком суховат... Да ещё и проверить надо насчёт дочери.

– Верно. Сверьте, называет ли энциклопедия её дочерью Франции.

Мои опасения оказались не напрасными.

Александр Борисович пожал мне руку:

– Благодарствую! Вы спасли нас от такого ляпа...

Уже три.

– Вам не хочется поесть? – спрашивает Александр Борисович.

– Не прочь.

– Сходите вы поешьте, а потом схожу я.

Дело к вечеру. Поток информации мелеет.

Можно расслабиться.

Мне лестно, что со мной он держится на равных.

– Ка-ак время всё стирает, – вздыхает он. – Еду вчера с женой на такси. Вышли. Навстречу идёт Молотов с супругой. Я хорошо его знаю. Я в Монголии семь лет был корреспондентом. Там сталкивался с ним и по работе, и по партийным делам. Идёт... Никто его не видит. Не замечает... А прежде какой был вокруг его имени ажиотаж! Время всему положило конец. Мне кажется, слишком круто с ним поступили. У всех бывают ошибки. А у нас р-раз! – он резко провёл рукой в воздухе две линии крест-накрест, – и перечеркнули всего человека...

Александр Борисович – филателист. У него уйма марок. Есть люди, у которых по тридцать тысяч марок. Бизнес делают на марках. У Александра Борисовича скопилось много монгольских марок. По государственной цене продал одному дельцу. Тот их, наверное, перепродавал.

По кремлёвской вертушке звонят из ЦК.

– Да, – отвечает Александр Борисович, – материал я прочёл. Давайте подумаем над заголовком. Под «Заявление ТАСС» этот материал не совсем идёт. Мелковат. «Серьёзное предупреждение»? Пожалуй, пойдёт... А-а-а... Да, да... Нет! Получится, как у китайцев. Согласен, это не заголовок. «Заявление советского контролёра»? Хорошо. Остановимся на этом... Да, информация «Чехословацкий гость в Москве» о секретаре КПЧ Йозефе Компны уже готова. Пошла по свету.

Интересна эта комната.

Сюда бегут со всей земли новости, отсюда они идут по свету. И всё так просто, спокойно, обыденно.

Здесь восемь телефонов-агрегатов, рация, двое часов на стене и штамп-часы для отметки времени на оригиналах, которые идут в технику.

Часы и карты – вот что особенно бросается в глаза.

Карты во всех комнатах. Только в одной нашей комнате пять. Всего же на нашем этаже около семидесяти!

Часы – всюду! Во всех комнатах, в коридоре, в столовой, в гардеробе! Время всему голова!

Обилие часов подчёркивает, как дорого тут время. Ведь время – деньги!

В ТАССе около 150 настенных часов.

Толкуем о последних шатаниях на лапинском Олимпе.

– Конечно, писать хорошо надо, – говорит Александр Борисович. – Сейчас главное... После всех этих веяний не пе-

регнуть бы палку. Команда Лапина – разогнать людей. Только гении сразу не придут. Надо спокойно вести дело на улучшение. А пока под маркой улучшения летит в корзину всё!

Дали газетам первую поправку за сегодня:

«Не Баренцово море, а Белое».

И тишина.

– Вам бы не хотелось домой? – спрашивает Александр Борисович.

– Смотрите...

– Ничего особого не ожидается. Идите.

– Спасибо. Всего Вам наидоброго, Александр Борисович!

3 марта, понедельник

Жизнь – дешёвый мадригал

Проснулся в 8.20.

Проспал. Ужас!

Рысцой к электричке.

Ничего, утешаю себя. Всё обойдётся. Медведев-то в Лейпциге. Вчера ж он ярмарку открывал!

Открываю я дверь своей комнаты – на месте Медведев! В белой рубахе. Нарядный, как покойник.

Я зачем-то пригнулся и шмыг к своему столу.

Боюсь поднять глаза.

Ия уныло брякает:

– Александр Иванович, а вы не уехали?

– А вы не видите, что я здесь? – зло резнул Медведев. – Не оформил вовремя бумаги.

Татьяна с дежурным сочувствием:

– Бедненький! Сколько вы мук хлебнули, собирая те бумаги! Только из-за этого следовало бы вас пустить!

– Удивляюсь, – бормочет Медведев. – Вчера сообщили, что приехало в Лейпциг тыщу шестьсот гавриков. Где их разместили?

Никто в комнате не знал, где ж разместили вчера лейпцигских гостей. Молчат.

В паузу Татьяна впихивает своё:

– Только надела новый чулок... Уже поехал... Вчера матушка вернулась из Чехословакии. Жгутся со страшной силой. Шла по улице, видела самосожжение. В торгпредстве пели русские песни. Пришли две чешки с детьми. Их считают коллаборационистами. Они помогали русским! Одна работает в типографии «Руде право». Ей платят меньше, чем остальным за то, что её муж показал русским, как проехать. Советских работников торгпредства сажали в танки и те показывали нужные объекты. Все указатели всюду сорваны. В магазинах русским не хотят продавать. Матушку таскали по приёмам и ужинам. Она почти и не ела одна. Купила мне джинсовое платье, а Юрке куртку.

Ия громко чихнула.

– Сто тысяч вам на мелкие расходы! – великодушно не пожалел ей Артёмов.

Глядя на Ию, Бузулук вшёпот процедил:

– Ох и крутой бампер! Рвани такую – в лохматке ветер, в поле дым будет стоять!

Надвигается Восьмое марта. Мне, профоргу, велено собрать со всех мужчин по рублю. На цветы, на подарки женщинам. Сегодня хотел обчистить Ульянова. Говорю:

– По случаю Восьмого мне приказано вас обворовать. Всего на один рубль.

– Не могу. Я же внештатный!

– Но женщин вы любите штатно.

– Нет, нет.

– Не отказывайте.

– Что вы! Что вы!

Дело к шести. Жуткое оживление. Все собираются по коням. И лететь по домам. Пожалуй, самое главное событие, для которого и приходили сюда утром. Лисин весь день читал «Морнинг стар». Теперь радостно заворачивает очки в тряпочку и прячет в карман. Татьяна тоскливо переобувается:

– Что была сегодня на работе, что не была... Всё равно. Сидела бездельничала. Правда, только подсчитала, сколько стоит наша кооперативная квартира. 5780 рублей! Две четырёхста мы уже заплатили.

Похвалился и я:

– А я, Тань, открыл сегодня жуткое дело. За пять месяцев в ТАССе я протёр двое штанов. А раньше одни носил целых пять лет!

Уже шесть ноль пять. Комната пуста. Задержался лишь Саша, чтобы сказать своей пионерке, старше которой двое, последнюю фразу:

– Я пишу, чтоб мы ели не только чёрный хлеб.

Ушёл и Саша.

Шесть ноль восемь.

Что б ещё написать? Слава Богу, дневник спасает меня на работе. Может, что из него когда-нибудь пригодится. Может, начать мне исследование «Что делать, когда нечего делать в рабочее время?»

Я сегодня впервые опоздал на десять минут. Я честно хочу пересидеть их. И я добросовестно пересидел.

Я вышел из своей комнаты ровно в шесть десять. Аут.
Вышел, мурлыча прилипчивый мотив:

– И никто не узнает, где могилка моя...

Дома меня встретил Анохин весёлой напевкой под гитару:

– Жизнь – дешёвый мадригал...

Кончив петь, он влюбовинку устави́лся на гитару.

– Если б ты, пан Анато́ль, знал, что это была за гитара!
Кто-то кого-то стукнул ею по черепу и выбросил. Я шёл по Домниковке. Подобрал. Отладил. Подарю сынашу Володьке. Пусть играет. Отдал ему контрабас, принёс из Большого, где когда-то я служил...

На Анохине модняцкая шляпа кавказца Ушанги, квартирничал тут когда-то. В подарок отдал эту шляпу.

Николай Григорьевич навеселе.

Сегодня у него получка.

– Николай Григорьевич! Не знаете, кто сошьёт мне брюки?

– Если пойдёшь по моей стезе, то тебе повезёт. У меня есть знакомый старичина. Сошьёт.

– Когда вы подшофе, вы говорите лишнее.

– Может быть. Язык – это дебаты... Я хотел сделать скульптуру... Голову отца из груши. А Лидка оторвала. Она ни музыку, ни скульптуру не любит... Хочешь семечки? От сибирской язвы помогают. Грызть нечем, зубов нэма, а ощущение есть. Аж слюна бежит, как у подопытной собаки Павлова в Рязани... Мне б ещё лет пятнадцать... Я б много великого сделал. Но эта лягуха степная помешала. Если б она росла в городе, развитая б была... Я пытался прожить почестнее. Пять раз приходилось менять операции. А всё пишется, отмечается в трудовой книге. Мне надо в депо, шлак на дом привезти. Надо подремонтировать. Чтоб было как раньше. Царские перегородки с инкрустацией... Иэх! – и его снова снесло на пение под стон гитары:

– Я ж тэбэ, милая, аж до хатыночки
Сам на руках донесу...

– Скучно меня слушать? Вот тебе анекдот. Пушкин со сцены говорит: «Дарю ослиную голову». Из зала голос: «Сам останешься с чем?» – «Сам останусь со своей». – «Ты только сейчас дарился ею!»

– Если описать мою жизнь... моих родителей... Мать заставляла нас, детей, молиться. А мы... На Пасху... Залезали у церкви на деревья, разоряли гнёзда, бросали удочки на пасхи, которые приносили святить, и фюить между ног. Мать вышла со всенощной на Пасху и прямо в агитпункт – он на-

против церкви – и запела:

– Не нужно нам попов,
Подавай нам Ленина!

Потом снова вернулась в церковь и молилась всю ночь.

Пришёл Гуркин с новым квартирантом. Спрашивают:

– Сколько здесь ночуют?

– Сколько соберутся! Вот такой у нас балет «Бахчисарайский водопровод»! – отвечает Анохин. – Проходите. Не мешайте нам гонять мульку...

Ребята ушли. Анохин хвалится:

– Купил бабе рейтузы за четыре пятьдесят. Праздник же на носу! Глянь!

– Господи! Неужели у неё такая огромная империя!?

– Ещё б мала не была! Хотя... Взял пятьдесят шестой размер, – Анохин развесил их перед своей грудью.

– Как вы с нею справляетесь? Как вы, хвала и гордость наша, там доказываете свою правоту?

– Да уж держим мужескую марку отличично! Претензий не поступало ни в устном, ни в письменном виде.

4 марта

Явились строем, но без песни

9.00.

Татьяна, я и Новиков одновременно вошли в кабинет.

Татьяна ликующе докладывает:

– Во, Александр Иванович! Мы явились строем!

– А почему без песни? – на улыбке выговаривает Медведев.

– Сегодня к концу рабочего дня мы прорепетируем, а завтра – с песней!

Со своей просьбушкой подтирается к Медведеву безмужняя лиса Ия:

– Александр Иванович! Люся Ермакова девочку родила. Можно, я завтра к ней съезжу?

– Всегда пожалуйста.

Татьяна хмыкнула:

– Ну Люська и уткнула! Не оправдала надежд. Ходила такая круглая, смешная. По крайней мере, двойню собиралась родить.

Лисин со своей печалью:

– Свежо. Может, закроем форточку?

Новиков тут же закрывает со словами:

– Идя навстречу законным пожеланиям трудящихся...

Медведев просматривает стопку газет. Всё больше мрач-

неет:

– Это безобразие! Сегодня все тассовцы в «Правде»! И Попов из Харькова, и Поринг из Чимкента, и Гайдай из Иркутска! Форменное безобразие! Пойду доложу Колесову. Нам не пишут, а в «Правду»!

– Заодно доложите и о похоронке Засухина! – лукавый Новиков потряс над головой заметкой. – Вчера перед уходом вы дали команду позвонить в Мурманск, в морской порт, о «Стерегушем»... Вы сказали: «Неужели мы ничего не найдём, чтоб забраковать заметку Засухина?»

– Ну-ну!

– Накрылся Засухин! Накопал я вам полную баночку криминала. «Стерегущий» вернулся из плавания 26 января. А Засухин сообщил об этом лишь 20 февраля. Почти с месячным опозданием!

Медведев в довольстве потирает руки:

– Спасибо, Володь! А то я забракował, а Колесов вернул с визой «Срочно подготовить!» Вот я ему и ткну в нос! К чёрту! Давать старьё! На смех!?! Топтать себя в позор!?

Довольный Медведев уходит.

Вскакивает Ия:

– Слушайте последнее сообщение ТАСС! Последнее сообщение ТАСС! Звонила я Люсе. Всё хорошо. Девочка весит три двести, рост пятьдесят два!

– Ого! – Татьяна стукнула обоими кулаками по столу. – Это ж пол-Люськи! Ну замахнулась мать!

Олег похлопал в ладоши:

– С первого предъявления такой подарок! А ты, Танёк, чего тянешь?

Татьяна тускнеет и опускает голову:

– Ну, Олежек, ты полный чайник... Если бы всё зависело только от меня... Ну... Надеемся... Вчера Юрка подарил поднос. Это к Восьмому марта и ко дню моего рождения. Я родилась 15 марта. В Татьянин день. А четырнадцатого был Евдокиев день. Если в Евдокиев день курочка напьётся из лужи, будет хорошее лето. Будем надеяться на хорошее...

Вечером Анохин вернулся поздно.

– Всё! – задумчиво вздохнул он. – Был дома. За субботу отгуливал. Пошёл в магазин. Подходит незнакомая баба. Заговаривает. Я её спрашиваю: «Откуда вы меня знаете?» – «Я всех бусиновских знаю. Пойдёмте домой». Оказывается, это была контролёриха по счётчикам. И фамилия у неё ух-ух! Бийсябога! Без вздрoga не скажешь. Проверила мой счётчик и говорит: «Мы вас два с половиной года разыскиваем. Никак не застанем дома...» Я кручу свои педали, кидаю ей на ушки лапшичку: «Понимаете, я всё время в командировках» – «Надо вам сменить счётчик». – «Надо», – говорю. А сам думаю: попробуй застань меня теперь дома до конца 2000 года. Составили акт. И тут она сорвала со счётчика пломбу. «Кто вы такая, что всё тут рвёте?» – «Контролёр Могэса». – «Чего рвать? Я за два года запла-

тил 28 рублей. Наверняка десятку переплатил». – Она пошла считать все лампочки. Я её обогнал, влетел в твою комнату, на всю двинул приёмник. Первый концерт Рахманинова! На твою плитку швырнул своё красное одеяло. «Извините, холостяк! Кавардак здесь такой. Заходите, пожалуйста». Заглянула, но войти побоялась. Записала: четыре лампочки, приёмник «Москвич». Теперь буду платить по четыре копейки за киловатт. Акт я не подписал. Написала на акте: абонент отказался подписать акт. Вот растяпа! И дёрнул же меня леший-красноплеший сунуться в магазин! Теперь надо экономить.

– Ну, вырубите мою плитку под столом.

Мы выключили свет и легли.

Анохин ворочается.

– Вы, Николай Григорьевич, тише говорите. Всё меньше накрутит. Вы мне нравитесь. Ну как это баба вас накрыла?

– Зато два года за мной скакала по долинам и по взгорьям. Как белой армии оплот.

5 марта

Накануне праздника

Утром я просыпаюсь и вижу на кухне свет.

Выговариваю Анохину:

– Что вы делаете? На кухне свет!

– Это я оставил. Дневной мало нагорает. Вставал ночью

попить.

В семь я отдаю ему честь на кухне. Он чинно кланяется:

– Здрасьте...

И мы разом посмотрели на тарахтящий счётчик и засмеялись.

– Остановить врагов, идущих белым крестом⁶⁴ на Москву! – крикнул я.

– Пусть месячишко побалуется. Там разберёмся.

Бегу на работу.

В коричневом почтовом ящике на входной двери открытка:

Райветнадзор предлагает доставить имеющуюся у вас собаку на сборный пункт д. Бусиново у школы для ветосмотра и прививок 9 марта. За недоставку собаки будете подвергнуты штрафу до 10 руб.

Я отдал Анохину открытку. Он почесал за ухом:

⁶⁴ **Идти белым крестом** – идти без оружия.

– А какую именно вести? У меня их две. Трезориха и Лидия Кирилловна.

Мы пошли к электричке.

Над ручьём из ТЭЦ пар. Сквозь него виден красный диск солнца.

Я шёл на электричке и думал об Анохине.

Он мне симпатичен.

Даю точную дату нашего знакомства. В 8 часов 00 минут 5 марта 1968 года нашей эры я впервые увидел этого непричёсанного, сумбурного, шального путаника. А что если о нём написать? Жизнь не топчётся на месте. Ежегодно в Москве рождается 60 тысяч человек, умирает 11 тысяч. И никакого намёка на вечность.

В конторе собирают подписи под поздравлением с рождением дочери Ермаковой.

– Я, – рапортует Татьяна, – расписалась и приписала: я следующая!

До обеда Ия как агитаторша побывала у своих избирателей, сверила списки, по нечаянности сделала доброе дело – благополучно разняла дерущихся мужа с женой и теперь целиком занята поездкой к Ермаковой.

– Нинок! – кричала Ия по телефону. – В местком отстегнули мне для посещения три рубля. Я дипломатически сказала, что скоро 8 Марта. Дайте больше. Дали пятёрку. Купим в больницу цветов!

Медведев прочитал рижскую заметку. Редактировала Та-

тьяна. Он и спрашивает её:

– Что это за ручка с подсветом?

– А в темноте писать.

Он дубовато уставился на неё:

– Зачем? Я никогда в темноте не пишу.

– Ну на вокзале там... Записать телефон, адрес. Предназначена для милиционеров, моряков.

– На всех вокзалах везде свет! – давит он своё. – Ручка с подсветом... Гм... Так можно сделать шариковую ручку с автомобильным гудком. Забракую я эту заметку. Ладно?

Это медведевская «изюминка»: на всякий случай заручиться согласием.

Уходя обедать, он говорит всей комнате:

– Я пойду пообедаю. Ладно?

И все, кто есть в наличии, – я, Ия, Татьяна, дорогой Владимир Ильич – киваем в унисон:

– Можно!

Заказывая по телефону корреспонденту материал, обязательно добавит:

– Сделайте так. Ладно?

Сейчас он уходит на планёрку и говорит всем:

– Я пойду на планёрку. Ладно?

Конечно, мы великодушно его отпускаем и гремим хором:

– Ладно!!!

Все рады неожиданной отдушине. Начальства нет!

Татьяна хвалится:

– Я стрельнула птичку⁶⁵ и теперь могу пойти спокойно постучать по лёгким!⁶⁶ – и важно, с достоинством удаляется за дверь.

Я достаю из ящичка стола дневник.

Накуруившись, Татьяна заказывает Ригу. Надо спасти заметку про ручку с подсветкой. Может, удастся узнать что-нибудь интересенькое, что обломит медведевское желание забраковать.

Ищут дежурного на выпуск в день 8 Марта.

Бузулук обречённо:

– Александр Иванович, так вы меня восжаждали запихнуть на выпуск?

– А ты что? Против? Ты ж в соседней комнате проявил ценную инициативу.

– Да... Было... Беляев посадил напротив и говорит: только ты можешь редактировать и сидеть на месте девочки на побегушках.

– Вот иди и посиди на 8 Марта в роли примерной девушки.

– Будь бдителен! – предупреждает Петрухин. – Не поддавайся на провокации, когда пьяные мужики начнут тебя лапать по случаю праздника.

Тут появилась на пороге девочка-курьер:

– Александр Иванович! Вас вызывает Лапин.

⁶⁵ Стрельнуть птичку – выпросить папиросу.

⁶⁶ Постучать по лёгким – покурить.

– А вы не ошиблись?

Бледнея, он торопливо уходит.

И скоро возвращается в сияющем нимбе:

– Ну! Я пойду на повышение. Дал команду написать в доклад три страницы. Бегу в библиотеку.

– Будьте внимательны, – подсказывает Татьяна.

– Да! А то – вниз!

– Типун вам на язык! – вдогонку кидает ему Татьяна.

Без начальства чего не посплетничать? И Владимир Ильич говорит Татьяне:

– Таня! Ты чего так низко наклоняешься, когда пишешь?

– Я не близорукая. Просто привыкла. Я всю жизнь была каланчой. А парты после войны были все маленькие. Знаешь... У меня один глаз ленивый. Врачи советуют при чтении трудолюбивый глаз закрывать. Пусть ленивый работает.

Сегодня в редакции занятие по политэкономии.

– Кто выступает? – спрашивает руководительница семинара.

Ия шёпотом произнесла мою фамилию.

Я встал и сказал:

– Как подсказывают, я.

– Ваша фамилия?

Называю.

Бузулук поясняет:

– Солженицын в местных условиях.

Рассказал я заданное и покался:

– Вот и всё, что у меня удержалось.

Раскипелся Даниил Смирнов. Пристаёт с вопросом:

– Что такое фабричная цена?

– Нет такой цены.

– Как нет?

Данила вскакивает, размахивает ручонками. Доказывая своё, он в экстазе медленно продвигается вперёд. Все дружно отгоняют его назад. Бузулук тянет за пиджак сзади. Через минуту он заметно продвигается к столу преподавательницы, выкинув руку вперёд. Как Ленин.

Преподавательница тоже вскипает, выходит из-за стола навстречу ему, жестикулируя.

– Данька! Чего ты хочешь? – допытывается экономический наш обозреватель Артёмов. – Мы тебя не понимаем!

– Это вовсе не значит, что вы правы. Да я пойду принесу всем вам учебник по экономии! – выпаливает Даниил и убегает из комнаты.

Медведев вяло махнул ладошкой:

– Ему нужны фокусы.

– Путается в терминах, – говорит преподавательница.

– И вообще он ничего не знает! – выносит приговор Артёмов.

Вернулся Данила. Бухтит с Бузулуком.

– Молчите! – кидает им Медведев. – Или уходите. Не мешайте. Никто вас не держит. Тоже умники!

Преподавательница объясняет дальше. В её выступлении

мелькают слова «Как правильно сказал Санжаровский». Видали! Она говорит, стоя и жестикулируя. Солнце подсвечивает её сбоку. Хор-роша златокудрая бестия! Кандидат наук. Нет и тридцати.

Данила торжественно поднёс ей книгу.

– Мой вопрос, – говорит Артёмов, – исчерпает и его. Он что-то бекает.

– Вы хотели это сказать?

– Да! Да! Да!

Впечатление такое, что он совсем не это хотел сказать, если вообще ничего.

– Что такое цена предприятия? – по-новой цепляется Данила.

– Это даже товарищ Санжаровский говорил!

– Мне не надо объяснять. Только скажите, есть ли разница между оптовой ценой и ценой предприятия? Это я хорошо знаю. Экзамен сдал!

– У вас немножко терминология, – возражает преподавательница. – Это ж цена предприятия. Слово оптовая просто опущено.

– Ясно, конечно...

– А чего ж голову морочишь?

– Будь карта, я б показал, где Москва.

– Карта на стене. От тебя на расстоянии вытянутой руки. Показывай!

– Цена предприятия, его плановая стоимость плюс чистый

доход. Стоп, стоп, стоп! Выслушайте меня!

Артёмов возмущённо:

– Надо ж слушать руководителя. У него просто заскок.

– Я убеждён, я прав! – тянет свой возок Даниил. – Поэтому я спорю отчаянно. А вы, Александр Иванович, не кричите. В этом вопросе я знаю больше вас.

Преподавательница и Данила сошлись.

Галдёж кипит жуткий.

– Нет! – философски заключает Бузулук. – Им надо ночку переспать вместе, тогда они поймут друг друга.

6 марта

Владимир Ильич интеллигентно чихнул.

– Будь здоров! – гаркнула Татьяна.

– Постараюсь! – скромно, как-то неуверенно пообещал

Владимир Ильич.

Медведев, шурша свежими газетами, хмыкнул:

– Я о вчерашнем споре на занятии. Ой и народ! Ну говори ж ты прямо, без орнаментов. Так нет! Вобьют человеку в голову, что он талант. А он ограниченный человек. Как сотрудник посредственный. Зато глотка лужёная.

– Как у меня, – подхватывает Татьяна. – Восьмого марта я встану на капремонт. У меня болит шея и коленку зашибла... А ты, – крутнулась она ко мне, – готовься нас поздравлять. Завтра будешь вести книгу. А мы завьём горе верёвочкой собаки Микки. Когда она болела, мать приносила траву, на которую писали другие собаки. Клала в коридоре, подводила к ней и тыкала носом. Понюхай и догадаешься, что там... Не додула. А как увидит в руках чемодан, начинает скулить. Мать уезжает! Мать никогда не оставляла собаку. Собака даже в туалет заходит и ждёт.

– А у нас, – хвалится Ия, – кот в раковину ходил. Учёный... Обедаеть... Ляжет вокруг шеи, как живой воротник. Конечно, это не соболь – таёжный бриллиант. Да всё же... Приятно... Жалко. Печально кончил. Погнался за птичкой,

прыгнул в окно и разбился с четвёртого этажа.

– А у нас в Гурьеве был кот-математик. С математическим складом ума. С математической точностью прыгал с перил на крышу соседнего дома. Кот встречал и провожал мать до электрички, когда мы жили на даче. Тюлька – плебейский кот. Хвост голый. Сосиской.

– Между прочим, Тань, – говорит Ия, – ты особо-то не обнимайся с котами. Только что вот узнала, – потрясла газетой. – Ученые предупреждают, что, – читает из газеты, – «кошатникам не стоит брать на руки своих питомцев и обнимать их, так как в этом случае велик риск получить царапину от животного, а это, в свою очередь, создаёт опасность занести в организм бактерию Бартонелла, ответственную за развитие серьёзной болезни кошачья лихорадка. Несмотря на то, что случаи кошачьей лихорадки стали редки, последствия болезни слишком серьёзны, чтобы пренебрегать риском. У заболевших могут отмечаться проблемы с сердцем и опухоли головного мозга, способные привести к смерти».

Татьяна отмахнулась:

– Читай больше – быстрее погрёшь! У меня знакомый из Питера весёлый номер кинул. Решил проверить, сколько сможет пройти за день. За двадцать два часа прошёл без остановки сто километров! И котов не обнимал, и чуть не помер. От усталости... Ну закругляемся с трёпом. Хватит кобениться накануне 8 Марта. Пойду расширять сосуды. Трахну кофейку.

Возвращается она уже с расширенными сосудами и слышит, как Медведев говорит Артёмову:

– Иван Павлович! Тебя свистали на пятый этаж.

Татьяна спросила:

– Александр Иванович! А мне не звонил чёрный полковник?

– Это кто же?

– Так называемый муж.

– Пока нет.

– Странно. Обычно он звонит к концу рабочего дня.

7 марта, пятница

Женщины, идите домой. Готовьте!

Парторг Шишков с утра пораньше прибежал ко мне с вопросом:

– Толя, как дела?

– На пределе.

– Ты хотел сказать, на прицеле?

– На предельном прицеле.

– Так все избиратели у тебя, агитатор, отметились?

– Все. Кроме замминистра Муратова.

– Смело дожимай и этого Муму. Позвони ему и припугни, что в партком министерства выдашь звонок. Сразу на пузе приползёт, отметится. Или, на крайний случай, сам отметь его и забудь. В принципе всё у тебя пучком. Я спокоен.

Входит Беляев, широко раскинув руки, и поёт:

– Медведев, спорить я не стану.

Безумно я люблю Татьяну!

– Пожалуйста, пожалуйста! – кивает Медведев. – Я не возражаю.

Татьяна тут и подсуетись:

– Александр Иванович! А вы нас поздравлять будете?

– Только Восьмого.

– У вас же нет дома телефона. А вы досрочно.

– Досрочно нельзя.

Татьяна тускнеет.

Влетает уже слегка хваченый Бузулук:

– Братове! Слушают все! Сообщение ТАСС на злобу родного денёчка. Мужики на работе думали, что подарить дамам на 8 Марта. Решили подарить косметику. Деньги выделили по статье «Ремонт фасада и вывески». Главбух подписал.

Татьяна оживилась:

– Слава Богу! Хоть в анекдотах думают о женщинах. В продолжение темы я на тему своей вывески:⁶⁷

– Я типичный чайник. Крашу я свои брови, крашу. И замечаю, что они с месяц уже не красятся. Что за чёрт! Окачивается, весь тюбик выжала и чёрным дном просто водила по бровям. Вот типичный чайник!

Зазвонил у неё телефон.

Она радостно схватила рубку. Заулыбалась.

Наверное, звонил её чёрный полковник.

– Спасибо! – гремит она в трубку. – Хоть ты поздравил!

А то наши мужчины не могут поздравить двух женщин... Вот весело будет. Могут из кооператива погнать. В новом доме третий лифт собираются делать. Как раз где наша квартира. Мы уже за лифт доплатили... Баба Вера смертной ненавистью меня не выносит, Лёва. Ты б помог мне переве-

⁶⁷ Вывеска – лицо.

сти. Я перевела три четверти книги про художника с английского. Сложный текст. Кошмарная жуткость... Ой, я обсопливилась в честь праздничка. Через три года я приглашаю тебя в Давыдково на новоселье. Спятил приятель на почве учёбы...

Татьяна кладёт трубку. Довольно потирает руки:

– То никто у нас... А то сразу двое поздравили. И полковник, и приятель его.

Вчера я вёл книгу учёта. И сегодня веду я. По случаю 8 Марта.

Обиженная на мужчин нашей комнаты Татьяна забирает у меня книгу и поверх сегодняшней даты написала:

С праздником 8 Марта, дорогие мужчины РПЭИ!

Она старательно подчёркивала своё поздравление чёрной волнистой чертой и не заметила, как к ней подошёл Чантурия, положил ей на стол по две плитки шоколада «Алёнка» и «Сливочный». Она увидела его, когда он подходил уже к столу Ии. Тут в комнату входит принаряженный, в чёрном костюме красавец Серов, председатель месткома, и возлагает Татьяне на плитки маленький букетик подснежников.

– Маменька! Что происходит!?! – поражается Татьяна. – Наши тассовские мужичары способны исправиться!?

Она горделиво ставит свой букетик в стакан с водой.

– Тань, дай нюхнуть, – шепнул я.

– На! Нюхай! Не жалко.

– Подснежники пахнут первой весенней травкой.

В полдень стало известно, что китайцы избили наших корреспондентов. Поступило распоряжение широко освещать митинги протеста. Медведев и Ия звонят на заводы, заказывают материалы.

Многие предприятия проводят митинги у китайского посольства.

Лисин хочет пойти на митинг.

– Что, – осаживает его Медведев, – хочешь разбить лишнее окно?

– Зачем? Всё равно потом нашим придётся вставлять.

Татьяна хотела куда-то позвонить. Телефон не работает.

– Телефон удох, – вздыхает Татьяна.

Она смотрит, как пишу я дневник, прикрывая его от неё ладошкой:

– Пишет, пишет король прусский... Чего строчишь? Дневник или роман?

– Роман.

– Молодец. А меня б на роман не хватило... О чём роман?

– Секрет.

– А ты шепни мне на ушко, и всем базаром мы надёжно сохраним твой секрет.

– Спасибо за базарное секретохранилище. Я как-нибудь сам. И точку на этом поставим.

Входит Артёмов.

– О! – вскинула руку Татьяна. – Вы меня и выручите! Иван

Павлович, женщине выдать спичку можете?

– Почему же нет...

Татьяна выходит покурить, а Иван Павлович на нервах вскрикивает:

– Это бандитизм! Вовка Егоров из международных связей ужасы творит! Свои заметки он повторяет через два месяца. А заметки-то какие! «Через два года советские люди будут полностью обеспечены чёрной икрой». Я подсчитал, что тогда человек сможет получить 125 граммов в год! Лишь два бутерброда с икрой! Человеку надо в год 20 кило рыбы. А он!.. Это бандитизм!

– Но этот бандитизм хорошо оплачивается! – говорит Медведев. – Он стоял и будет стоять.

– В холода этот Вовка передаёт за границе: «Все советские люди оделись в шубы из рыжих лис». Эти лисы стоят миллионы! И их ещё не достанешь! Каждый день по клюкве... При Сталине за это сажали...

Татьяна хвалится, как она от «Труда» брала интервью у лётчицы, которую вызвали в Москву:

– Так получилось, я оказалась в одном лифте с этой лётчицей. Лифт застрял. Я и пристала с расспросами, как эта Ткаченко спасла в воздухе пилота. Мне дали команду написать пятьсот строк, а сначала давали лишь шестьдесят. Заперли меня в кабинете главного, придумали первую фразу. За два часа настрочила. Тут сообщение ТАСС: «Все материалы, связанные с лётчиком Ткаченко, не давать». Липа!

В коридоре слышны голоса.

Прислушиваемся.

В каждую комнату заходит Серов и говорит одну фразу:

– Женщины, идите домой. Готовьте.

Было полчетвёртого.

Татьяна обидчиво выпалила:

– Главный распорядился женщинам выйти вон? Хор-рошо! А собрание? А поздравления где? Пойду завтра на новоселье и напьюсь!

Беляев меняет ей маршрут:

– Лучше б ехала в Красноярск!

– Зачем?

– Арсюхин закрыл на замок четырёхкомнатную квартиру в центре Красноярска. Женился. В Оренбург переехал. Квартиру у нас могут отобрать. Надо срочно кого-то посылать.

– Шинкаренко из Норильска.

– Ну да! Выгонишь его из берлоги! Он там пятьсот отхватывает!

Аккуратова обещает:

– Завтра напьюсь и поеду в Красноярск сторожить тасовский сераль. Или в Сык-втык-кар... Просто так... Толь! Стукаю лбом... Прошу... Дай куснуть яблока. Не бойся, я лишь чуть откушу. Мои зубы – три спички. Много такими не отхватишь.

Я подаю ей весь кулёк.

– Ты одно дай. Куснуть. Я ж тебе давала подснежники нюхнуть.

– Ну, знаешь... Нюхнуть – это не куснуть.

– У-у-у... Выпроси у такого архаровца... Ну, ладно... Оставляю вас одних. Мечтаю на праздник отведать консервов из хвостиков кенгуру... Да где ж их добудешь? Ну, ладно. Оставайтесь. Почувствуйте, как без меня вам плохо. Не обижайте завтра жён, дочерей, внушек...

– ... и жучек, – подхватываю я.

Артёмов:

– Постараемся, если получится. Кстати, выпуск Б – это Беляев. Так расшифровывается у нас.

Таня вяло махнула рукой:

– Разве у нас мужчины? Вот в Англии...

– Да! – на рысях шатнулся к свежей теме Артёмов. – Конечно, мужчины у нас... Правда, мы не снимаем, как лондонцы, шляпу перед женщинами. Не принято. Там женщина, поступая на работу, указывает точный возраст только до 26 лет, а после – «больше 26». Но ей на тридцать процентов платят за ту же работу меньше, чем мужчине. А у нас одинаковая должность – одинаковый заработок! Что важнее? Снять перед женщиной шляпу раз в сутки и не заплатить, или платить не снимая?

– Не снимая трудно, – вынес свой туманливый вердикт тонкий знаток пионерских ножек Саша с квадратным кончиком носа.

8 Марта, день рабства мужчин

*Сколько переломано штыков,
Сколько разных дул в дугу загнута!
Равноправье баб и мужиков
Так и не приходит. Почему-то...*

В.Гавриков

Проснулся в три ночи.

Сбегал отметился в избушке на курьих лапках за сараем.

Лёг досыпать. Не спится.

Раз не спится... Займись делом!

Постирал в тазике рубашки, бельё.

Повесил на стену план туристических поездок на этот год
Центрального Дома журналиста.

И делать больше нечего. А всё темно.

Снова лёг.

Задремал. И снится...

В каком-то высоком присутствии на приёме я требую:

– Хочу венки! Не на гроб. А на голову! Да не из трамвайных билетов и не из квитанций об уплате штрафа за бесплатный проезд. Лавровый! Желая! Чтобы как у товарища Данте! Можно, как и у Боккаччо...

Очнулся я и больше не заснул.

Лежу собираю крошки вчерашнего дня.

Вспоминается, как вчера весь вечер Анохин тщательно брил хорёвку перед трюмо.

Брил долго, влюбовинку.

– Чего так стараетесь? – кольнул я.

– А ка иначе, Никифорович? Красота ждёт жертв.

– Вас сороки не украдут?

– Мне много сорок не надо. Тут хотя бы одна сорока не выпихнула из своего радостного тепла до утра.

С двумя букетиками побежал на торжества к своей Лидии Кирилловне. Пока нету. Значит, всё сладилось.

Студент Гуркин ездил в аэропорт. Купил цветов и упротил кого-то из улетающих в Алма-Ату вручить их его жене Оленьке. Любовь – центробежная сила времени! У любви свои милые подвиги.

Есть чему хорошо позавидовать...

Уже было позднее уютное утро, когда вернулся весёлый Анохин.

– Как погодушка? – спрашиваю его.

– Снег типа дождя! И солнце!

Без долгих переходов принялся он мастерить какую-то тумбочку.

Скоро пришли его дочка Тамара и сыногрей Володя.

Николай Григорьевич поздравил дочку с праздником. Поднёс два букетика.

– Спасибо, пап! Так приятно получать подарки.

Когда ушли брат с сестрой, я сказал Анохину:

– Вы такой богач!

– Чем же?

– У вас такой жених и такая невеста!

– Славь Бога, есть от кого получить по шее.

– Ну-у... На таких они не похожи.

За окном куражится крупный снег.

Николай Григорьевич возится со своей тумбочкой, довольнo мурлыча:

– Коля, Коля, Николашка –
Колокольчик труляля...

– Однако! – сбил он кепку на затылок. – Надо трудовому народу подкормиться. С хлебцем терпимо... – Он разломил железобетонный батон двухнедельной давности. В получку под балдой купил в один раз пятнадцать батонов. С той поры и едет на этих батонах. – Одного хлеба малуvато... Идём готовить праздничный завтрак... Пошикарней, чем у французского короля Людовика!⁶⁸

И он, размахивая руками, как в строю, идёт к лазу в подпол с песней:

– Солдаты, в путь, в путь!

У лаза он поясняет:

⁶⁸ Завтрак французского короля Людовика состоял из 56 блюд.

– Хорошо, что хоть немного картошки спрятал в этом подполе, а то б студентье всю пожрали, как под полом на кухне.

Он спрыгнул в погреб и выставил на обзор картошину с ростками в четверть:

– Что бы это значило?

– Это значит, душа у вас широкая.

– И горло, – усмехается он. – Надо б четвертинку с картошкой ляпнуть. Да купилок нету.

– Сегодня не ваш день и я вам не сочувствую. Кредитовать не стану.

– Где их достать?

– Подпишитесь на журнал «Деньги в кредит».

– Толь, дай вшивик.⁶⁹

– Вы же не женщина.

– Но у нас равноправие. Картошка всухую не пойдёт. Мне один фужерон.⁷⁰ Боль не буду!

Даю десятку. В счёт оплаты за койку.

Руку с десяткой, зажатой меж пальцами, он прикладывает к груди, кланяется с пением:

– Пред Родиной в вечном долгу...

– Никифырч! Надо не унывать. Там, на границе, всякие инциденты. Того и гляди, косоглазые повалят. А я домину

⁶⁹ Вшивик – рубль.

⁷⁰ Фужерон – стакан.

отгрохал. Жить некому... Поем и задам хроща-гопачка... Сыпатульки... Спатульки – райское дело.

Он принёс из магазина на разлив етвертинку.

Я засел за свои бумаги.

Не прошло и часу – суёт он мне под нос сковородку с жареной картошкой:

– Деликатес! Вот как надо жарить! Пошли есть, Никифырч.

И мы побрели на кухню. Он со своей картошкой, я со своим тортом «Сюрприз».

Я порезал торт на большие куски. Мы взяли по куску и со словами «За мужской женский день!» – чокнулись ими, как стаканами, и разговелись.

Анохин уныло поморщился, будто и в самом деле опрокинул в себя огромный стаканище антизнобина и порыскал глазами по сторонам. Чем бы запить!?

На глаза попалась его чекушка. Он зубами выхватил из неё газетный катышек и духом всю осушил.

Наш Анохин зацвёл.

– Вот это по мне! Вот это наша жизнь!.. Толька! Ты чего сидишь, словно тебе яйца прищемили железной дверью? Ты сейчас такой, будто жизнь тебя взяла и пришибла. Знаю, на какую тему страдаешь. Не дуй голову из-за баб!.. Меньше читай. Глаза убьёшь! Когда тебе трудно, помни, что ты мужик, а потом человек. Тебе плохо. Ты интеллигент. В тебе нет хамства. А это самая большая потеря сейчас. Интели-

гентов я называю пижонами. Они в жизни беспомощные...

Я выставил ладошку заградительным щитком:

– Да. Мы, интеллигенты, слюнтяи. Но как припрёт, мы сумеем отыскать на горле врага яблочко!

– Хороший ты человек. Толька! Хочешь я тебе бабу найду? Я старый знаток женских сердец... Женщина весьма слаба-с. Ножки сами, не спросясь хозяйки, раскидываются в стороны перед этим, – похлопал он себя ладошкой по груди, – варяжским гостем. Я знаю, какую тебе надо. У меня у самого целых две пчёлки. Кирилловна и Тамарушка. Первая моя щеколда,⁷¹ в мать твою канарейку, запрессовалась с татарином. Сам скулемал я самопал. Два раза стрелял в неё. Не отправил к верхним людям.⁷² Только слегка лодыжку поцарапал. Зато твёрдо отсидел четыре года... Вот такая была ёпера...⁷³

У нас в доме маленький Ташкент. Анохин так натопил – жара. Не продохнуть.

Николай Григорьевич осоловело жалуется:

– Не могу... Голова в штаны падает...⁷⁴

Жаруха срезала его. Сидя на табуретке у печи и уснул. От его жирного, художественного храпа тараканы боялись вы-

⁷¹ **Щеколда** – жена.

⁷² **Отправить к верхним людям** – убить.

⁷³ «**Опера** – единственное место, где палач перед тем как отрубить жертве голову, должен вместе с нею что-нибудь спеть».

⁷⁴ **Голова в штаны падает** – очень хочется спать.

сунуться на свет.

К вечеру он проснулся.

В комнате всё стояла духота. Я распахнул окно.

– Его Величество открыли окно в Европу! – театрально вскинул он руку и засобирался к своей свет Кирилловне.

– Какой же вы шустрый, как электровеник.⁷⁵ Ну вы же вчера были у неё!

– Так то было вчера. Мужичок я тёртый. Действую в рас-срочку. Вчера подарил ей, своей эмансипопочке,⁷⁶ рейтузы. В благодарность был оставлен на ночёвку. Слились в хулиганистом экстазе... Сегодня понесу цветочки. Ну кто откажется от цветочков?

⁷⁵ Шустрый, как электровеник – о пронырливом человеке.

⁷⁶ Эмансипопочка – эмансипированная женщина.

9 марта

На почве цветов!

Бесшабашное пенье разбудило меня:

– Раздайся, народ,
Анохин со свидания идёт!

– Николай Григорьевич! Где вы были ночь?

– В самовольной отлучке по случаю случки с разведённой женой на почве цветов!

– Всю ночь поздравляли?

– Как есть всю!

– Рядовой Анохин! Два шага вперёд! Объявляю вам в лицо перед лицом строя благодарность!

– Служу Отечеству!

После завтрака Николай Григорьевич довёл до точки свою тумбочку под трюмо и повёз её на Ангарскую заказчику. Сашке-узбеку. Сашки не было дома. В двери записка «Ушли гулять».

Николай Григорьевич оставил тумбочку соседке и приехал назад грустный.

Он так рассчитывал подкрепиться финансами, но вернулся с пустом.

Я весь день сидел над рукописью. Все свои газетные фе-

льтоны собрал в кучу. Не нравятся они мне. Какие-то при-
шлѣпнутые. Работы над ними, работы...

Вечереет.

Сыплет райский снежок.

Иду поразмяться. Заодно и хлеба возьму.

Впереди меня мужик вѣл под руку женщину.

– Всю жизнь я одна, – печалится она. – Бобылка... Ага...

И вот подсватывается ко мне такой же старый. Я к сестре на совет. Сестре всё ясно: «Вдвоём век доживать лучше. Сходите-тесь». Сошлись. Год не расписывались. Начал он пить. Про-пил телевизор, приёмник, свою кровать, чтоб со мной спать. То я его пьяного как сто китайцев не пускала к себе... Раз он напился и хотел меня зарезать. Разрезал мне руку. Я в милицию. Милиция его не взяла: муж да жена едина сатана. Обещали в три часа ночи взять. Не взяли. Я в больницу. Он поджѣг дом и повесился. Вот и живу одна. Паразиты мужи-ки! Хамы!

Хорѣк-проводжальщик всё поддакивал, поддакивал, а за мостом полез целоваться:

– Толечко р-раз! По случаю Восьмого марта!

– Так Восьмое было вчера! Все вы паразиты!

И убежала от него.

Хлеба в магазине не оказалось. Кончился. Весь за празд-ник без меня съели.

Пришлось печь самому. Настрогал мѣрзлых дрожжей и бух в горячую воду. Тесто заварилось. Я всё-таки вывалил на

сковороду. Пышка моя не получилась ноздристой, пышной. Как раньше. А вышла тоненькая, резиновая. Я немного пожевал и не стал есть.

10 марта

Страдания ИИ

Лисин не вышел на работу.

Наверно, запил по случаю 8 Марта.

– Ему есть отчего пить, – злорадно заявила молодящаяся бабёнка 45 лет Ия. Она стоит коленями на стуле, чтобы всем показать свои новые туфли, и выглядывает по временам поверх «Известий», которые вроде бы читала. – Не понимаю, почему берут таких молодых жён. С ними же поговорить не о чем. «С годами мужчине всё труднее бегать за женщинами, приходится волочиться». И наш Лисин приволокнул... Взял на 35 лет моложе себя! Она родила ему и сбежала к молодому скакуну, оставила на память дочь и старую тёщу. Лисин знает три языка, а к молодой беглянке так ни одного и не подобрал. Захаров тоже взял на двадцать лет моложе. Саша Петрухин – на семнадцать. Костя Белов – на шестнадцать. Пошалели мужики!

Все отмолчались.

Одинокая, незамужняя Ия, похоже, одичала от долгого молчания дома во весь праздник и теперь не могла на людях наговориться. Но никто её разговора не поддерживает.

А время идёт, часы бегут. Надо что-то говорить.

– А я седьмого, – выпаливает в пику молчунам Ия, перебирая дешёвенькое монисто на груди, – выступала со своими

стихами в военной академии имени Фрунзе!

– И о чём была твоя песнь? – лениво обронил Олег.

– Юмор я им читала!.. Вот это...

В 10.30 расписались,

В 10.40 разошлись.

Или ещё это...

Жили-были дед и баба

На десятом этаже.

Лифт работал очень слабо.

Они умерли уже.

– Наверняка писала бессонной ночью?

– Бессонной.

– Прочитала б – сразу уснула бы! Удивляюсь, и почему тебя не побили за такое рифмоблудие?

– А чего бить? Был даже стол!

– Вот дружок стол тебя и спас! Граждане доблестно приняли на грудь и готовы были слушать всякое хлёбово. И потом... Ты женщина. Обижать женщину под её фирменный праздник неэтично-с!

Вошёл Терентьев, вскинул руку:

– Привет, индустриалы во главе моего лучшего друга!

Ия обрадовалась, что при постороннем человеке Олег не будет наезжать на её стишата, и она ликующе крикнула Мед-

ведеву:

– Как он вас, – кивнула на Терентьева, – величает! Лучший друг!

– Да, друг, – подтвердил Александр Иванович. – Здоровается раз в неделю. В понедельник. На всю неделю.

11 марта

Скрипим снизу доверху

Злой прибежал Медведев с двухчасового заседания у Колесова.

– Не звоните, – бубнит на нервах с порога, – по междугородке по личным делам! Засекают!

Татьяна недоумевает:

– Ка-ак это? Моей голове такое недоступно.

Артёмов пускается лукаво пояснять:

– На халтай дедушке позвонить можно. А как хахалю – плати.

– Как понимать личное? – добивается ясности Татьяна. – Я звоню в Ташкент Таубеншлагу по заметке и под конец одной фразой попрошу значок прислать.

Артёмов разъясняет:

– Первая часть: Таубеншлаг – человек дела. Вторая часть – хахаль. Вот и дели...

– Значит, на одну фразу под значок заказывай телефон за свой счёт?

– Ты на правильном историческом пути.

Заглянул к нам ветхий старчик Кошельков с выпуска Б и, опершись плечом на дверной косяк, весело крикнул Медведеву:

– Как дела?

Александр Иванович вскинул руку:

– Ничего. Скрипим снизу доверху.

– Медведи! Отлично скрипите! Поздравляю! Вы сегодня выдали нам много хороших материалов!

Медведев приосанился в кресле:

– В порядке вещей! Вы же знаете, что наша редакция орденоносная краснознамённая! Всегда работает ударно!

13 марта

Чайник без ручки

В коридоре Леночка Хорева, ушедшая от нас на выпуск Б, спросила Бузулука:

– Как жизнь в вашей комнате?

– Швах! Горя до Бениной мамки!⁷⁷ Медведёв не даёт объектов. Сидим держим себя за грудки. Не даём возможности это сделать другим. Удовольствие выше головы! Дело доказалось... Санчик просит дать объект. Медведёв ему в пикку: «Покажи себя, потом дам». Ты сначала дай, чтоб было на чём показывать. Толик написал о мостах Москвы. Зююк Медведёв не стал даже читать, лишь ледяно зыкнул сквозь редкие гниловатые бивни: «Я тебе такого объекта не давал!» Толик оттащил материал в «Советскую Россию». На третий день тиснули!!!

– Какой ужас! Как хорошо, что я слиняла от этого чайника без ручки... Что же вы молчите?

– Ленок... Ну куда телятам с дубом бодаться?

Олег достал из паспорта фотокарточку:

– Лен, полюбуйся, какой у меня красавей сын!

Лена в восхищении любуется мальчиком на карточке:

– Олежка! А ты счастливый папик! От души поздравляю

⁷⁷ До Бениной мамки – много.

с таким сынулей!

– Буду по-стахановски стараться и впредь!

Размахивая карточкой, как знаменем, Олег вбежал в комнату, каждому в отдельности показал карточку и гордо пальнул:

– Он у меня красавец! Девки будут перед ним валиться штабелями! Вот что интересно... Как у такой образины, – стукнул себя кулаком в грудь, – получился экий чудасик!?

Медведев, угнув голову, сердито глянул на Олега поверх очков:

– Слушай! Чем тут рекламировать своё легендарное потомство, займись лучше делом. Кстати, это ко всем... Минуту внимания... Каждому сегодня составить список городов, кому будете раз в неделю заказывать по пять материалов в рубрику «Пятилетку – досрочно!»

Олег разом поскучнел:

– Уй и навалилась работка... До сблёва работы... Александр Иванович, ну вы ж прямо задавили нас своей активностью и массовостью...

Я высунулся с предложением:

– А к чему составлять какие-то списки? Зачем делать лишний крюк? Почему сразу просто не заказывать?

– Вот ещё обсуждать будем! – взвился Медведев на хвосте. Возражений он не терпел. – Список – это план! А без плана гиблое дело!

Почёсывая ручкой за ухом, Татьяна извинительно устави-

лась на Медведева:

– Александр Иванович, как правильно написать? Между Ждановым и Енакиевым или между Ждановом и Енакиевом?

– Пишите: между городами Жданов и Енакиево.

Сразу мне вспомнилось... Если не знаете, как правильно пишется слово интеллигент, пишите: культурный человек.

– Промышленникам, – продолжал Александр Иванович, – не обязательно знать грамматику. Вот недавно прошла в печати дискуссия, нужен ли союз как. Долго дискутировали. Итог подвели: как-никак, а без как не обойдёшься... Ох и... Умора... Я поступил сюда в 1949 году. Уже тогда здесь заговорили о грамматике. Стали устраивать диктанты. Бесплатный концерт! Начальство больше всех ляпало ошибок!

15 марта, суббота

Творческий человек

Вчера Анохин притартал из родного министерства выцветший ковёр. Разостлал по полу. И делает на ковре журнальный столик.

Работа спорится.

Анохин поёт:

– И на лодке вода,
И под лодкой вода.
Девки юбки намочили,
Перевозчикам беда.

– Знаешь, Анатолий, вспомнил, как мне делали операцию на желудке. На второй день спрашивают, как самочувствие. Отвечаю открытым текстом: «Лучше чем вчера. Но вы не оставили во мне скальпель?»

И вот стол готов.

Радостный Николай Григорьевич лёг на стол. Дурашливо катает по нему голову из стороны в сторону.

– Вот наша работка! Плачут, но берут!

– Хорошо.

– Плохо будет, когда будут смеяться, да не брать.

Стол вдруг зашатался, и Николай Григорьевич свалился

на ковёр.

Николай Григорьевич придирчиво осматривает своё творенье и обнаруживает свою промашку:

– Одна сторона брешет. Своей брехнёй нас бьёт.

– А конкретней?

– С одной стороны ножки короче.

И он довольно мурлычет:

– Коротка у стола ножка.

Отмахая я немножко...

Отрезал лишнее у длинных ножек. Стол крепко теперь стоит.

Он сел на диван, рессоры⁷⁸ кинул на стол и философствует:

– Человек я творческий. Приучаю глаз к точности.

⁷⁸ Рессоры – ноги.

18 марта, вторник

Судьба

Нам нечего терять кроме сознания.
Б.Бейнфест

В прошлое воскресенье прошли выборы.

На моем участке последними проголосовали замминистра МПС Муму, он же Муратов, и уборщица домоуправления. Гражданская сознательность у этой парочки на одной отметке.

Всю ночь с шестнадцатого на семнадцатое Татьяна дежурила в избирательной окружной Краснопресненской комиссии.

В понедельник отсыпалась.

А сегодня всё равно опоздала на работу.

– Я, ребя, не выспалась. А морда розовая. Противно... Странно появляются сообщения о том, что проголосовали 99,99 процентов избирателей. Списки с участков переделывались, подчищались, голоса подгонялись в нужную сторону. Подгоняли всю ночь и пили. Вот что нам доверил вытворять народ! На этой подгонке с какими фамилиями встречалась!.. Укачаешься. И Подымиглазов, и Нетроньшуба, и Круголя, и Топор, и Крыдысарук, и Попинако, и Гробокопатель, и Лисконог, и Впервинку...

– А вот опаздывать тебе не впервинку, – поддел принципиальный Владимир Ильич. – Надо меньше спать.

И Таня отрезала:

– Я не Мартин Иден, чтоб спать по четыре часа в сутки.

Вернувшийся из машбюро Медведев с почтительным поклоном поздоровался с Татьяной:

– Я вас лично приветствую!

И Татьяна поклонилась ему:

– И я вас лично!

На вздохе Александр Иванович пожаловался:

– Мне нужно закапывать глаза, а глазных капель нет в аптеке. Всё пьяницы попили.

Раз начальство заговорило о лечении, как не поддержать эту тему? И Татьяна выкладывает кляuzu на свои нервы:

– Было у меня нервное перенапряжение. Что ни кололи врачи... Всё зря! Выпихнули меня из «Труда» на три недели. Брала узелок с харчем и днями шлялась по Рублёвскому лесу. Прошло! Вот хорошее, модное средство от расстройства – элениум. Оно всего-навсего психологически действует на шизофреников. Сегодня в шесть вышла выгулять собачку. Тепло. Завтра курица напьётся водички...

– Ну и на здоровье! А наш следующий высокий этап – браковать заметки за плохой заголовок. Корявость надо гнать поганой метлой. А то на днях на сельском активе услышал в докладе призыв «Надо укомплектовать поросятами все свиноместа». Ну в какие ворота такое затащишь?

Я плачу Анохину за койку.

Он в невесомом состоянии разбито усмехается грибоедовским словом:

– Судьба проказница, шалунья
Определила так сама:
Всем глупым счастье от безумья,
А умным – горе от ума...

– У вас беда?

– Гран-ди-оз-зус!.. Промчались по мне давкой.⁷⁹ Закатали в асфальт... А если одним словом... Уволили, – он щёлкнул себя по кадыку, – из министерства. Кирдык мне! Аут! Больше я не министр над овцами... Низложен! Видишь, оч-чень я грамотный... А вот Оттедева-Отседева остался. Ка-ак я учил этого дикаря в ушанке: «Облагородь язык!» Этот фейсатый⁸⁰ тупарь мёртво присосался. Поворачивается, как медведь за воробьями... А меня на шестьдесят вшивиков впродешёвку отшвырнули. Смерть птенцу! Он – туфта. Не может завязать чемодан в ласточкин хвост. А товарищ Грибоедов силён!.. Как у Чехова. Кратко и с юмором. Читать книгу – травить зрение... Чтоб легче – женись на Дуське Бу. Бывшей в употреблении.

⁷⁹ «Давка – асфальтовый каток.

⁸⁰ Фейсатый – полный, толстолицый.

– Что вы несёте?

– Нью-ню...⁸¹ Ничего лишнего...

– Зачем вы пьёте?

– Я рака желудка боюсь. Проспиртуюсь... Никто и ничто меня раком не напугает!

– Установлено, рак не развивается в здоровом организме.

– Вот именно! Подружка газировка⁸² и не даёт раку залезть в наш дорогой организм! А что вытворяет твой хвалёшка чаёка? Я читал, развитию рака пищевода способствует употребление излишне горячего чая! Особенно вредно это излишне. Излишне! Так что, Толянины, бойся чайковского, а не живой воды.⁸³ Жи-вой!

– Да хватит вам гонять порожняк!⁸⁴ Горючее⁸⁵ и табак ой как урежут вам годы! Ну где ваши зубы? В ваши-то годы уже без единого переднего зуба. Как это понимать? Табак выбил?

– Не. Передние бивни мне аксакалы высадили в пьяной махаловке.⁸⁶ И это ещё не всё. В добавок нацепили орден дураков.⁸⁷

⁸¹ **Нью-ню** – нет, нет.

⁸² **Газировка** – водка.

⁸³ **Живая вода** – спиртное.

⁸⁴ **Гонять порожняк** – говорить вздор.

⁸⁵ **Горючее** – спиртное.

⁸⁶ **Махаловка** – драка.

⁸⁷ **Орден дураков** – синяк на груди от удара.

19 марта

Лисинский сераль

*В кармане ни копейки вновь,
В глазах тоска, в душе разлука.
Одна надежда на Любовь,
Любовь Ивановну – главбуха.*

Е. Запяткин

Ия тихонько подсела в кресло у стола Медведева и вкрад-чиво зашуршала:

– Александр Иванович, надо поехать к Лисину. С 8 Марта ушёл в подзалёт⁸⁸ и до сих пор не кажет глаз. К нему вчера Сурин ездил. Дверь не открыли. Соседи Лисина не видят. Может, он повесился?

– Ну... Поезжайте снимите с крюка. А то ещё оборвётся и убьётся.

Тут же Новиков и Махрова кинулись в путь.

Еле достучались.

Он спал.

Открыл и спросил уныло:

– Который час?

Ему сказали. Он чуже оживился:

⁸⁸ Уйти в подзалёт – начать пить спиртное в большом количестве.

– Магазин ещё открыт.

Чёрная волна накрыла Лисина.

Молодая жена – она моложе него на 35 лет – ушла. Оставила ему маленькую дочку и тещу.

Андрей Хрисанфович погоревал-погоревал и ну подбивать кислые клинушки к теще. А чего? Тещу сам Боженка повелел любить. И подал ей имя Любовь. По бабушке Ивановна. И первостатейный козырь – главбух в какой торговой заведении! Всегда будешь при твёрдых шуршиках⁸⁹ на пузырьёк антизнобина. К тому же теща моложе него на пятнадцать лет. В самом соку. Все весомые габариты при ней. Есть где разгуляться радости.

Однако чумного разгула не получилось. Теща тоже взбрыкнула и гордо покинула лисинский сераль.

⁸⁹ Шуршики – деньги.

25 марта У стаканохватов

Анохинские холода допекли. Полетел я на Банный, 13.

Здесь толкуются те, кому надо снять, сдать, обменять жилё.

Ищу, к кому бы пристроиться на коечку в добротном доме. Чтобы в новую зиму не мёрзнуть.

Одна тётечка взялась меня приютить.

Еду с нею в Красногорск.

Новая башня. Капитальная.

Подымаемся в лифте на девятый этаж.

Входим.

И настроение у меня покатилося к нулю.

Жуткая алкашная семейка!

Отец, мать, дочь, зять – все стаканохваты.

Папанька уже отхватался.

В состоянии готовальни⁹⁰ полез ночью гулять на пруду по первому зыбкому льду. Был один. Провалился, вмёрз в лёд. Три дня провёл на свежем воздухе в пруду. Вмёрз крепонько, еле вырвали у льда.

Мать молчит.

19-летняя дочка с малышкой на руках жалуется:

⁹⁰ В состоянии готовальни – пьяный.

– Муж у меня бык с задвигами. Если спросишь, с чего он начинает день, отбомбит коротко: «С безделья!» Только и забот – керосинит да давит подушку.⁹¹ Дольше трёх месяцев нигде не задерживался на работе. Вечно сыпит лапшу! Свои частые прогулы объяснял начальству только похоронами родни. Он три раза похоронил мать, восемь раз отца и двенадцать раз меня, жену. Мы с ним не расписаны. Ты не пугайся... Если надо, – смотрит на дочку, – я её покормлю и она у меня надолго отрубается. Мешать нам не будет...

И тут она наливает в бутылочку вина, надевает на бутылочку соску и «кормит». При этом пританцовывает и поёт, гонит веселуху:

– Мы смело в бой пойдём
На суп с картошкой
И повара убьём
Столовой ложкой.

Я плюнул и ушёл.

⁹¹ Давить подушку – спать.

7 апреля

На партсобрании

*Смело, товарищи, в ногу,
Счастье нас ждёт где-то там...
Кто-нибудь знает дорогу?
Нет? Ну тогда – по местам!*

В.Гавриков

Магнитофон ставят на стол Артёмова.

– Иван Павлович, – присмеивается Медведев, – до партсобрания ещё двадцать минут. Наговори что-нибудь для потомков. Поговори с потомками. Запись отнесут в музей революции.

Артёмов вяло отмахнулся.

Ведущий собрание Беляев представляет нового члена своей редакции Инжеватову:

– Вы знаете, она приятный человек.

– Чисто мужская точка зрения! – возражает Рождественская.

Беляев на улыбке:

– Майя! Не будь такой ревнивой. Инжеватова – надёжная абитуриентка.⁹² Полгода внештатничала. Показала...

⁹² **Абитуриентка** (здесь) – человек, ищущий работу.

Голос от двери:

– Вопрос на всплытие. Чего показала? И кому? Лично тебе?

– Не хамствуй! Показала себя хорошим журналистом. Прямо вписалась в наш коллектив. Втесалась утёсом! Можно спокойно брать в штат.

Докладчик Колесов категоричен:

– Журналист должен писать! Запомните это как «Отче наш». Поэтому сегодняшнее собрание о нашей коренной перестройке. Отныне все редакторы переводятся в литсотрудники. Редактор – лицо, не производящее матценностей, а литсотрудник, корреспондент – белая кость. Рабочий!

Собственно, тут ничего нового. Вождь аграриев Бажанов – умница. Его сельская редакция так всё время и работает. Все редакторы ходят на задания. В редакции дежурит один человек. Его обязанность обработать дневной поток информации и по возможности не выплеснуть ребёнка.

– А я поделюсь опытом АДН,⁹³ – сказал Артёмов. – Если все редакторы станут литсотрудниками, не появится ли жилка накопительства? У немцев не появится. Там редактор получает 1200 марок, сколько и Колесов.

– Использовать опыт АДН в части зарплаты! – выкрикнула Хромова. – Если это не конкуренция, то назовём здоровым соревнованием.

⁹³ АДН – Всеобщее немецкое информационное агентство (Allgemeine Deutsche Nachrichtendienst, ADN).

Обозреватель Романов ударился в философию:

– Интересен очередной опыт. Три редакции – эксперимент, три – по-старому. Предлагаю на трёх дверях повесить таблички «Тише. Идёт эксперимент».

Собрание загалдело.

Парторг Шишков:

– Я буду краток, как желает масса. Особенно её левая сторона. Устали? Шуметь будем или не будем, а красить будем. Я о субботнике 12 апреля. Всем явиться на субботник под расписку!

12 апреля, суббота

Субботник

8.30.

Я на работе.

На удивление, Татьяна пришла с новой причёской. Жалуются:

– Постригли меня коротко. Вот дурочка из переулочка!

Ношусь как угорелый заяц. К выходу снёс лопаты, мётлы, грабли. Сияю. Доверили мне рабочий инструмент! Шишков назначил меня ответственным за пяточок на Тверском бульваре напротив ТАССа. Доверие окрыляет. Чёрт возьми, мне так легко. Грузу сор на машину. Все уклоняются, брезгливо косятся на меня. Мол, давай, давай, Ваня алюминиевый! А мне хоть бы хны. Вкалываю себе. Недосуг и пот утереть.

Ия принесла немного молока в пакете. Выглотнул и снова за лопату.

Но вот машина нагружена. Ехать разгружать её на свалке никто не хочет.

Коля Железнов ставит всех в круг, набрасывает себе на голову рыжую куртку. Выставляет одну руку в сторону и вертится.

Я хохочу.

– Не показывай голоса! – кричит Коля.

Он остановился. Рука показывала на Куликова.

С Куликова Коля и начал считатьку до десяти.

Ехать на свалку выпало пижону Ржешевскому.

Тверской у ТАССа прибран.

Идём в библиотеку перетирать книги.

Бузулук на Тверском всё грыз семечки. Стоит столбиком и тут у окна и грызёт семечки.

– Ты на субботнике или на деревенских посиделках у бабы Клавды Непочатых? – допытываюсь я.

– На субботнике. Освобождаю карман от семечек. Марафет навожу в кармане.

– А другой карман укакиваешь?

– Вроде так. Поскольку шелуху всё же неудобно бросать на пол. Запихиваю в другой. У меня язык от семечек стал как наждак. Но свой вклад в субботник я честно внесу. Расскажу пару анекдотов. Первый. Румынский офицер после буйной ночи уходит от женщины. Она: «А деньги?» – «Румынский офицер денег не берёт!» Второй... Звонит телефон: «Пани Зося?» – «Да». – «Пан Войцеховский на вас?» – «На мне». – «Не давайте ему кончать. Он заплатил фальшивыми злотыми».

После субботника скинулись по два еловых⁹⁴ и медленно побрели гуськом в шашлычную. Бузулук первым влетел в неё и кричит с порога:

– Вольтанутые! Шевелите же помидорами⁹⁵ живей! Водка

⁹⁴ **Еловый** – рубль.

⁹⁵ **Шевелить помидорами** – идти быстро.

стынет!

В поисках угла

Анохинские холода допекли. Полетел я на Банный, 13.

Здесь толкуются те, кому надо снять, сдать, обменять жильё.

Ищу, к кому бы пристроиться на коечку в добротном доме. Чтобы в новую зиму не мёрзнуть.

Одна тётечка взялась меня приютить.

Еду с нею в Красногорск.

Новая башня. Капитальная.

Подымаемся в лифте на девятый этаж.

Входим.

И настроение у меня покатило к нулю.

Жуткая алкашная семейка!

Отец, мать, дочь, зять – все стаканохваты.

Папанька уже отхвтался.

В состоянии готовальни⁹⁶ полез ночью гулять на пруду по первому зыбкому льду. Был один. Провалился, вмёрз в лёд. Три дня провёл на свежем воздухе в пруду. Вмёрз крепонько, еле вырвали у льда.

Мать молчит.

19-летняя дочка с малышкой на руках жалуется:

– Муж у меня бык с задвигами. Если спросишь, с чего он начинает день, отбомбит коротко: «С безделья!» Только

⁹⁶ В состоянии готовальни – пьяный.

и забот – керосинит да давит подушку.⁹⁷ Дольше трёх месяцев нигде не задерживался на работе. Он три раза похоронил мать, восемь раз отца и двенадцать раз меня, жену. Мы с ним не расписаны. Ты не пугайся... Если надо, – смотрит на дочку, – я её покормлю и она у меня надолго отрубается. Мешать нам не будет...

И тут она наливает в бутылочку вина, надевает на бутылочку соску и «кормит». При этом пританцовывает и поёт, гонит веселуху:

– Мы смело в бой пойдём
На суп с картошкой
И повара убьём
Столовой ложкой.

Я плюнул и ушёл.

⁹⁷ Давить подушку – спать.

25 марта

Полёты китайской грамоты

Эта забавка спеклась в те дни, когда наши отношения с Китаем были как ни досадно далеко не сладкие.

Тассовские аппараты в китайском посольстве были отключены.

А в посольство надо было передать важную бумагу.

И поручили это сделать обозревателю ТАСС Николаю Железнову. Молодому провористому кряжику.

Поехал важный Коляк в посольство – дальше проходной не пускают и послание не принимают.

Что делать? Отошёл Коля от проходной метра два и, уныло-философски глядя в сторону, небрежно так, тайком метнул через плечо за забор пакет.

Тут же через тот же поименованный забор тот же пакет прибыл назад, ответно посланный уже каким-нибудь бдительным Ху Дзыньдзыньдзынем, и жабой плюхнулся у Колиных ножек.

Но Коля из тех, кто не допускает, чтобышки кто-то его обошёл.

Коля негордый. Нагнулся.

Взял пакет за уголок и швырнул ещё сильнее...

И летал пакетино белой загнанной птичкой туда-сюда, туда-сюда...

Минут десять летал.

Уже выработался ритм. На полёт пакета за забор и из-за забора нужно всего четыре секунды.

И Коля подразинул рот, когда пакет не уложился в четыре секунды.

Нет уже пять...

Нет уже шесть...

Коля в спешке запахнул рот и пошёл-побежал прочь.

И не знает Коля, приняли ли китайцы пакет, или пакет заблудился где, когда летел на чужую территорию через суровый забор московский.

1 Мая

На демонстрации

Китаев втравил меня в демонстрацию. Пришлось идти.

Вскочил в шесть.

Опаздывал. От метро к своей колонне бежал.

Каждому на грудь поцепили по красному банту. Как у Ленина на картинах.

Мы с Сашей Петрухиным несли транспарант «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!»

Из моего древка выскочил гвоздь.

Саша пожаловался секретарю парткома Пименову, и слесарь сбегал в ТАСС, принёс гвоздь. Починил моё древко.

Мы шли очень медленно. Часами стояли то тут, то там. Хотелось есть. Многие бегали из колонны в магазины. К лоткам с пирожками.

Рядом с нами шли две янгицы. Саша к ним подкальывался и нервно посматривал на часы. Ему надо в роддом к жене. Опаздывал.

Как только прошли мы весело по Красной площади, я поехал домой.

Весь остаток праздника переводил Вишню.

6 мая

Школьное

Под вечер я позвонил Светлане Третьяковой, школьной подружке-толстушке-ух.

Года два назад бежал я на работу. Выскочил из-за угла и чуть не врезался в пухлявку-незнакомку. Поднимаю глаза – Светка!

В нашем Махарадзе я за четыре года ни разу не встретил её на улице. А в Москве – пожалуйста!

Звонку моему она искренне обрадовалась. И кинулась хвалиться новостями.

– Пошла как-то в Пушкинский театр. Знакомое лицо. Я биноклем в перерыв на него. Юра Сергеев? Или не Юра? Подошла. Он! С девчонкой. Учился в инженерно-физическом институте. Хотели исключить. За разврат. Однако дали кончить. С той машуткой куда-то уехал... Ёська Иоселиани служил под Москвой. Женился. Шофёр в канадском посольстве. А как встретились... Иду по улице. Рядом ползёт роскошный лимузин с канадским флажком. Сигналит. Иду. Сигналит. Кричит: «Свет! Что ж ты своих махарадзевских не признаёшь!?» Посадил. Покатал по Москве. Всё рассказал о себе.

– А что с Мачавариани? Если помнишь, я сидел с ним за одной партией.

– Да помню... Ох Гоги – моя трагедия! Мне жалко было его в школе. Мы дружили. После школы переписывались. Он работал на стройке в Тбилиси. Получил комнату. Кончил институт. Инженер... Приезжал сюда лечиться от глухоты. Я устроила его в больницу. Он такой большой стал. Здоровый. Толстый. Прошлым летом он, я, Яшка Тонаганян и Тамази Никурадзе отдыхали на море. Андрей Александрович Ермайшвили, наш физик и класрук, закатил для нас за 120 рублей банкет в батумском ресторане «Интурист». В прошлом сентябре Гоги приехал жениться на мне. Я неделю не спала. Всё приготовила. А он начал капризничать. «Положи на стол мои яблоки, а свои ешь сама. Почему на стене нет моего портрета?» Мой двоюродный брат Шотик Гоготишвили...

– Он-то чем занимается?

– У-у! Это, Толик, наша звезда! Если помнишь, он хуже всех в классе учился. Зато теперь один из всего класса учится в аспирантуре Тимирязевской академии! Так вот Шотик против! Так и рубанул: «Пойдёшь за него – я тебе не брат!» Шотик выкрал мой паспорт, чтоб я не расписалась... А заявка в загсе... Подойдёшь, обнимешь, поцелуешь... У Гоги никакой реакции. Труп! Когда он был у меня, из Омска позвонил Яша Тонаганян. Яша объяснился мне в любви. Покаялся: «Ради тебя, Света, я поступлю во второй институт». Его родители были у моих. Просили согласия. А я сказала: «Яш, ну зачем я буду тебя обманывать? Я ж со школы никого не вижу кроме Гоги...» Гоги слышал весь разговор и спро-

сил: «Кто звонил?» – «Да друг школьный». – «Ну что это за друг, который отбивает подругу жизни? Я его убью!» Они долго не разговаривали. Дулись. Так Гоги на нулях и уехал... Я рубашки ему постирала перед дорогой. Две недели жил у меня. Ни копейки не взяла. Он этого не оценил. С сентября только сегодня позвонил. Сердчишко у меня ёк-ёк. Я ему сказала, что вышла замуж. Он закричал: «Дура!» Он во всём винит меня. А он же полгода не звонил! Меня познакомили с Гришей. Страшно старой деве одной в квартире. Через месяц мы расписались. А с Гоги я мучилась тринадцать лет! Люблю Гришу. Теперь я Журавлёва. Не хотела менять фамилию. Гриша попросил: «Не обижай меня». Не обидела... Ну что ещё? Я кончила институт лёгкой промышленности. Сейчас заместитель директора Торговой палаты. Толя, доля секунды!.. Подожди. Милиция пришла принимать от меня палату на ночь...

После разговора со Светланой я достал старую школьную карточку вот эту. Напишу, кто есть кто на данную минуту.

Нет меня на этом бесплатном снимке нашего одноклассника Далика Титаренко.

Слеповатый снимок сделан 7 февраля 1958 года. За ночь навалило снегу, и все, кто пришёл к началу первого урока, захотели сняться. Я на первый урок редко успевал, а тут ещё стихийное бедствие – глубокий снег...

Слева направо без меня стоят: Александра Васильченко, Василий Миронов, Наталья Титаренко (родила двойню, са-

ма спичка, осталась без зубов), Тая Скоропад, Ия Болквадзе, моя симпатия Зиночка Авешникова (она в центре снимка, была и в центре моей души; по слухам, живёт в Иркутске), Людмила Жаворонкова, Аня Свердлова (наша орденоносная медалистка; поехала в Ленинград; вырвалась от мамы, загуляла с иностранцами; скрутилась на парнях; выгнали из института, еле кончила техникум), Тамила Ибрагимова, Роза Гришакова, Лида Кобенко (в Свердловске кончила техникум; вышла замуж; живёт в Туле), Важа Катамидзе (живёт в Москве).

У многих в руках снежки...

В первом ряду присели: Шота Гоготишвили (аспирант сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева), Михаил Глonti (окончил Воронежский мединститут, в поте лица пашет ответственным работником органов⁹⁸ в Махарадзе), Юра Тарасов, Тамази Никурадзе (инженер, женат, живёт в Омске), Яков Тонаганян (юрист; пообещал любимой однокласснице Светлане Третьяковой поступить во второй институт; поступил; живёт в Омске), Юрий Сергеев (окончил в Москве технический вуз), Вадик Панфилёнок (в Черкассах кончил техникум; спился).

⁹⁸ **Работник органов** – гинеколог.

12 мая

Ура-ножки!

Лобанов с фатальной пылкостью, смешанной с безысходностью, уставился на пухлявенькие ура-ножки Светы, новой курьерши осьмнадцати лет.

Я поднял глаза к потолку и постно пропел:

– Что так жадно глядишь на дорогу-у?

Света выходила. Игорь проводил её безотрывным взглядом и на вздохе ответил:

– Люблю красивые зрелища!

Тут влетела опоздавшая Татьяна и с ходу вопрос ко всем:

– Мой чёрный полковник Альбернади не звонил?

Владимир Ильич хитрованно пожмурился:

– Звонил. И спрашивал, почему она вечно опаздывает?

– Ой, Вовка! Ты поймёшь и всё простишь. Вчера такой день был... Укатайка!.. В комитете радио была по случаю Дня радио на встрече с космонавтом Елисеевым. Меня представили ему так: «Лапинская девушка». Сечёшь, Вовик? Не кто-нибудь там, а именно вот лапинская девушка! Так что, врубчивый, поаккуратней будь с лапинской лапушкой. Отложил на главной полочке в головке? Послушала я Елисеева и припечалилась. Слишком хвалебно пишем мы о наших успехах в космосе. Зачем же сажать себя в неприличную лужу?

Она посмотрела на пустой стол Медведева:

– А Александр Иванович нонче функционирует? Где он?

– Пошёл рвать. Не то дуб, не то зуб!

– Лёгкого ему расставания с бивнем!.. Продолжим наши танцы. Вечером была на встрече выпускников факультета журналистики МГУ. Совершенно случайно выволоклись в ресторан «Москва». Вот теперь, Вов, и смекай. Могла ли я физически сегодня ровно в девять ноль-ноль быть в присутствии?

Тут приоткрылась дверь, и киска из справочного бюро Таня Белахова поманила меня к себе тоненьким бледненьким пальчиком:

– Можно вас на минутку?

– Хоть на всю жизнь!

Бузулук поручился за меня:

– Сейчас выйдет. Только вот валенки зашнурует.

Я пошёл к Тане.

Бузулук мне в спину:

– Ну, Толя, ручка в ручку и валяй. У этой козы хвост за-пятой.

В коридоре Таня смущённо затараторила:

– Я очень извиняюсь... Мне неудобно...

И внезапно осеклась. Замялась.

– Чего неудобного? Неудобно на потолке спать, одеяло сползает, да и то гвоздями прибиться можно! Что у вас? Рубите прямо!

И она, краснея, выдавила:

– Дайте мне займы... десять рублей...

– Всегда пожалуйста!

– Ой! Тут не давайте. Пойдёмте в угол. Чтоб никто не видел.

28 мая

Радость перевода

На прошлой неделе «Литературная Россия» дала мой перевод рассказа Макивчука⁹⁹ «Как писать рецензии».

Сегодня Клуб «Двенадцать стульев» «Литературной газеты» опубликовал мой перевод юморески второго украинца Микола Билкуна «Из дневника футболиста».

Я сияю.

Моё окружение в редакции молча на меня косится.

Лишь Артёмов прорвало:

– С удовольствием прочёл ваши переводы. Спасибо.

В коридоре столкнулся с Инжеватовой и она наставила на меня палец:

– О Бунин!

– К чему ты это?

Бунин переводил. И ты симпатично переводишь.

– Благодарствую.

– Ну что? «Переводчик с трудом переводил дух»?

– С радостью.

– Слушай. Чалит один с толстым портфелем. Идущий рядом спрашивает его, показывая на портфель: «Доктор-

⁹⁹ **Макивчук** Фёдор Юрьевич – главный редактор украинского сатирического журнала «Перець».

ская»? – «Любительская».

– А может, ливерная? – спросил я.

12 июня

Кто мы

В конференц-зале я был на встрече с Генеральным директором ТАСС Лапиным. Говорил Сергей Георгиевич об информации.

– Разовый тираж газет 138 миллионов экземпляров, журналов – 120 миллионов. Вот наша аудитория. За рубежом у ТАСС сто отделений. В ТАСС работает около двух тысяч профессионалов. Нет определения информации, которое было бы утверждено... Это война слов. Правдивая информация не самоцель, а средство достижения цели. К сожалению, не обходится без казусов. Мы выдали речь Сергея Михалкова на пленуме детских писателей. А выступление перенесли. Сообщили об этом газетам. Однако «Московская правда» всё-таки напечатала речь до её произнесения. Или такое. Звонит мне Промыслов¹⁰⁰ и говорит: «По «Правде», сессия Моссовета закончилась, а мы её и не начинали». А информация в «Правде»-то наша.

Сказал Лапин и о «большом Дубчеке» Михалкове:

– Если воспитывает Михалков, то уцепится за пуговицу вашего пальто и будет крутить до тех пор, пока не открутит.

¹⁰⁰ Владимир Фёдорович **Промыслов** – председатель исполнительного комитета Моссовета в [1963–1985](#) годах.

13 июня

Дунька, ворвавшаяся в Европу

Сегодня Медведев вернулся из отпуска. На пароходе ездил с женой по Волге.

Сидит в своём углу именинником.

Стол завален его туристскими снимками.

Новиков и Ия рассматривают их. Только заискивающе ахают.

– Как же вы загорели! – умиляется Ия.

– Старался, – солидно отвечает Медведев.

А он же бледен, как стена.

– Вы не замёрзли на пароходе? – спрашивает Новиков. – Было холодно.

– Было жарко. Батареи работали исправно.

Влетела опоздавшая Татьяна и сразу с покаянием к Медведеву:

– Александр Иванович! Извините за опоздание. Видит Бог... Я старалась не опоздать. Запыхалась. Фу!.. Похожа на Дуньку, ворвавшуюся в Европу. Знаю, помню... Вы возвращаетесь из отпуска. Филонить нельзя. Вовремя прибегай!

– Что вовремя, то вовремя...

– За опоздание не сердчайте... Видит Бог, я тут ни при чём. Все претензии к нашему сумасшедшему времени. Куда оно так летит?! Не успела проснуться, а уже опоздала на рабо-

ту!.. Хотя я и опоздала сегодня... Но мы тут без вас изюм не косили.¹⁰¹ Мы стреляем редко, да метко. Выдаём меньше села, только печатают нас больше.

– Ещё где не надо скажете, гнев нагнетёте.

– Я взяла на вооружение поговорку Бог не выдаст, свинья не съест.

Наслонявшись по коридору с папиросой, Татьяна под села на краешек кресла у стола Медведева:

– Александр Иванович, я понимаю. Я сковываю ваши душевные порывы. В РПЭИ я одна женщина среди мужчин. Мне надо идти в другую редакцию.

Медведев молчит. В знак согласия?

С порожка предместкома Серов объявил:

– Господа! Сегодня получка. Уж соберите, пожалуйста, по колу¹⁰² с каждого Воробьёвой, нашей больной старушке на пенсии.

– Я её не знаю и знать не хочу. Нужна она мне как гвоздь в попенгагене,¹⁰³ – окрысилась Татьяна и выметнулась в коридор курить.

– За такие шутки можно по шутильничку схлопотать, – вздохнул Олег. – Она из-за копейки повесится. А одной гонорее за полмесяца у неё семьдесят рэ. У меня же ни копейки.

¹⁰¹ **Изюм косить** – бездельничать.

¹⁰² **Кол** – рубль.

¹⁰³ **Попенгаген** – зад.

Все в нашей комнате отстегнули больной старушке по рублю.

Кроме Татьяны.

Как погляжу, наша Татьянушка в аккурат уж и вумная вутка. Перед обедом ржаво крякнула:

– Мужички! А кто меня сегодня накормит?

– Я! – бухнул Цапко, наш новичок.

И они поплинтовали в столовую.

Вернулась Татьяна с обеда и жалуется:

– Вот и не удалось мне сегодня похудеть.

А ближе к вечеру у неё новая песенка на старую едальную тему, но с десертным уклоном:

– Ну, кто у нас джентльмен? Кто ходит мне за мороженым?

Все молчат.

Татьяна поворачивается ко мне:

– Толь! Может, ты?

– Не-е-е-е, – проблеял я.

– Чего так тщательно закрыл ладошкой то, что пишешь?

– Человек я суеверный... Чтоб не сглазила.

– Я не сглажу. Глаз у меня косой и серый.

Всё же Татьяна пытается подглядывать кривым страшным глазом за моей писаниной и с ехидцей цедит сквозь зубы:

– У-у-у-у! Строчит про что-то своими синими чернилами. Пишет, пишет, король прусский... Кончал бы... Как сказано, «сжечь рукопись – один из способов согреть читателя».

Согрей, пожалуйста, мою душеньку.

– А ты не хочешь перейти на самообслуживание? Согревай свою душеньку кострами из своих рукописей, если они, конечно, есть.

И снова тихо.

Татьяна выговаривает самой себе:

– Сплю... Это тихий ужас. Я ж жару великолепно всегда переносила...

За окном послышался хлипкий лай дворняжки.

Татьяна со скуки стала ей подлаивать.

– Вав-вав!.. Ы-ы-ы-ы-ы!..

Клацает зубами. Просто страшно рядом сидеть.

Игорь не выдержал этот сучий пердимонколь¹⁰⁴ и кивнул Татьяне:

– Схожу-ка я тебе за мороженым.

– О! – восклицает Татьяна. – Не перевелись в РПЭИ джентльмены! Спасибо тебе, Игорёка!

Проводив радостным взглядом Игоря за дверь, она снова принимается лаять.

Медведев тоже, похоже, не вытерпел собачьего дуэта и пошёл в поликлинику выяснять отношения со своими зубами.

Татьяна Новикову:

– Володь! Отпусти меня на рынок. Там есть веники... А то разберут.

¹⁰⁴ **Пердимонколь** (пердюмонколь) – обозначает невероятное событие, непонятную историю, какую-то ерунду.

Новиков кисло кивнул ей.

– В-в-в-вав! В-в-в-в-в! – продолжает Татьяна собачий перебрёх и собирается уходить. – Слышишь, ввавушка!?! – говорит она уличной псинке. – Иду! Только ты не лайся! А вот где наш Игорёша? Послала за мороженым, а его всё нет и нет. Не попал ли он под машину с моим мороженым?

– А сколько ты ему дала на мороженое? – спросил я.

– Нисколько.

– Тогда не переживай. Никуда он не попадёт.

И действительно, ни под какую машину он не попал. Благополучно вернулся. Без мороженого. Он и на улицу даже не выходил. Просто убежал в туалет переждать сучий раздрай.

– И попутно с-с-сходил пос-с-смотрел, как с-с-самлёты, с-с-салятся,¹⁰⁵ – уточнил Игорь.

¹⁰⁵ С-с-сходить пос-с-смотреть, как с-с-самолёты с-с-салятся – сходить в туалет по малой надобности.

15 июня, воскресенье

Загар

Тепло.

Четырёхтомник украинско-русского словаря кинул я в авоську и своим ходом по Бусинову, через свалку на канал имени Москвы. Загорать.

По пути взял молока, хлеба, колбасы.

Вот и травянистый обрыв у воды.

Я прилёг на газетах. И постоянно съезжаю.

Поплаваю и за перевод с украинского.

Я обгорел. Обмазываюсь кефиром. Жжёт.

А облегчения нет. Кефир достался с просроченным сроком и не действует.

В полночь я облился холодной водой и стал прямо из пачки посыпать себя содой.

17 июня

Поддержка

Сегодня в Москве совещание компартий. Наши дают огромный отчёт. Сто четыре части!

На выпуске А мы с Терентьевым считываем его. Я читаю, он следит.

Работа адова. Нас прибежала поддержать Ия.

– И как же ты нас поддержишь? – спрашивает её Терентьев.

– Духоподъёмненько! Я вам анекдот про это совещание расскажу. Вам всё легче будет... Итак, участников совещания компартий повезли в Бутырку.

– Что это? – спрашивает гость.

– Пионерский лагерь.

Всех бутырцев одели пионерами. Гость спрашивает одну великовозрастную пионерку:

– Сколько?

– Пятнадцать.

– А я б двадцать пять дал.

– Э-э! Мы знаем советские законы.

18 июня

Привет, индустриалы!

Только и разговоров о новом чемпионе мира по шахматам Борисе Спасском.

– Думаете, – говорит Беляев, – отчего пересох Севан? Армяне в рот воды набрали. С горя. Их же Тигран Петросян бездарно продул матч нашему Борьке.

Оторвавшись от писанины, Медведев почесал затылок кончиком ручки:

– Непонятный этот наш чемпион Спасский. Он своим наглым упорством взял. Никого эффектно не разгромил. Так... Среднячок гроссмейстер. Втёрся в чемпионы. Ленинградец. Мать уборщица в школе. Развёлся с женой. Прописался под Москвой. Теперь-то его пропишут в самой Москве поближе к именованным Спасским воротам и дадут двадцать четыре тысячи долларов.

– Влетел радостный Терентьев. Трясёт газетой:

– Привет, индустриалы! Здравствуйте, активные читатели! А меня толстыми буквами дали! Весь мой трактат в «Советской России»! На второй полосе... Вот... Треть колонки... «Поучительный опыт»...

– Не хвалитесь, – осаживает его Татьяна. – Дают вас не одного. Отдел науки вчера поработал. Ну смехота! Одну-единёшеньку заметку выдал! Мы до такого не докатывались.

Вчера мы выдали шестнадцать заметок. Десять напечатаны!

– О! – просиял Медведев. – Сегодня в четыре летучка. Есть возможность отличиться. Не забыть сказать.

– А я, – хорохористо тянет Татьяна, – никогда не высываюсь. Не похвалюшка я...

Беляев наклонился к Медведеву, облокотившись на стол. Тихонько толкует что-то про экономику. И вдруг на всю комнату:

– А! Хрен с нею, с экономикой! Надел нейлоновую рубашку – сам в ванне стираю, – а она выползает. Вот так!

И он, хохотун с помочами, тянет рубаху из брюк.

– Э-э! Володь! – шумит Татьяна. – Главное, вовремя обновиться.

Беляев заправляет снова рубашку в брюки и грохочет:

– Вспомнил нашу трудовскую художественную самодеятельность. Вижу перед глазами ту милую сценку. Роль Фельетона исполнял Борька Федосеев, сейчас спортивный комментатор в «Известиях». Роль Редактора вела практикантушка с журфака МГУ. И вот эта свистушка редактирует Фельетон. Снимает с Борьки шляпу, часы, галстук, рубашку, брюки, трусы. Он дрожит: «Я не дышу». Она говорит: «Ещё немного почищу и Фельетон будет хорош». Она снимает с Борьки вторые трусы. Фельетон-Федосеев стоит в одних плавках. На них написано: «Голый факт».

20 июня

Бегу в свою контору.

У Александровского сада молодая крестьянка с двумя нищенскими одетыми мальчиками.

– Скажите ж, как попасть на приём?

– К кому?

– А я не знаю... К кому сюда все ездят?

Ох, Россиюшка... Ободранная, забитая.

Во мне всё перевернулось.

В горле стал ком. Душат слёзы.

– Пойдёмте со мной.

– Ну вот... Одна душа живая...

– Откуда вы?

– Из Коми.

– Во-он видите дом? Это приёмная Верховного Совета.

Идите туда.

Плетусь по улице Герцена к себе. Никто не видит моих слёз. А я вижу свои слёзы. Очки у меня зеркальные. Солнце в спину, и я вижу в очках блеск слёз. Эти двое мальчишек – я и мой любимый брат Гриша, если срезать нам лет по двадцать семь...

Сегодня паралич у дедушки Кошелькова Григория Алексеевича с выпуска Б отнял за завтраком руку и глаз.

Жалко...

24 июня

Бахметьева

Сегодня перенесённая с прошлого вторника летучка.

Дежурная критикесса – новенькая цыпа из культуры Бахметьева Светлана да ещё Яковлевна – чистосердечно кается:

– Я как перед экзаменом. Готовилась добросовестно на один день, а тут отложили. И я всё забыла.

Реплика с места:

– Всё правильно. Память-то девичья.

Второй голос:

– Была!

Светлана хвалит все редакции. Особенно налегает на свою:

– Если что хорошо сделано, так знайте, это наша редакция. Классика – это мы! Я думала, что в селе мне будет скучно. Но я без скуки читала сельские талмуды. Вот пример. О рыбе пишут сельхозники и промышленники. Почему рыба в селе и в промышленности? Сельская рыба вкуснее.

Уточнение с места:

– Свежая – в селе, жареная – в промышленности.

– Об отдыхе пишут все редакции. Почему? – вопрошает Светлана.

Баратянц с ходу предлагает:

– Создать новую редакцию отдыха!

Светлана его спрашивает:

– А почему вы присутствуете?

– Я ваш!

– Разве? А я считала, что все редакции по ту сторону от входа не наши.

– Нет. Я ваш!

– Тогда я отыграюсь на промышленной редакции. Все они пишут неинтересно, скучно. А писать надо интересно. Это моё соображение.

Поднявшийся хохот покрывает реплика:

– Не мешайте соображать!

– Стандартно пишут промышленники! – ломит своё Светлана. – Вот хоть эта заметка... Язык! О начинании Иванниковой. У меня закладка названа: «Горячо поддержали...» Я не понимаю. Одна сухая цифирь!

– Это жанр такой, – подсказывают с места.

– Это же махровый штамп!

– Не обижайте женщину! – выкрикнул Бузулук. – Не намекайте на нашу орденоносную краснознамённую Июшку Махрову.

Анекдот века, а не летучка.

Смеялись от души.

Баратянц и Маркелова обляяли дилетантку Бахметьеву.

Наш главный редактор Колесов егозил на стуле. По коридорным авторитетным слухам, он хотел прокатить Медведева. А тут – ша! Светлана перебежала дорожку.

Однако он встал и стал говорить вовсе не о том, о чём собирался. На нервах спросил:

– Где Беляев?

– В соседней комнате.

– Что он там делает?

– Обедает.

– Пусть идёт сюда! Я ему дам!

Пришёл покрасневшийся Беляев.

Колесов дал ему грамоту за освещение выставки «Автоматизация – 69».

Облизывая губы и принимая грамоту, Беляев сознался под смех всей комнаты:

– Спасибо! Мы от вашего имени затыкали дыты.

Потягиваясь после летучки, Татьяна затыкала:

– Ну эта вертушка-критикушка Бахмах! Вот эта дева дурка. Набитая! Во! – Приставила палец ко лбу. – Чайник полный!

А на летучке Татьяна сидела, поджав хвостик и дыша строго через раз. Побоялась выступить, хоть несли по кочкам именно её заметку о знатной ткачихе Иванниковой.

Татьяна начинает править материал Цапка и на срыве кричит:

– Где эта Цапля? Как он пишет?! «Они просты и несложны». Масло масляное!

28 июня, суббота

Дежурю на выпуске А.

Денисович, Резайкина и Шаповалов скинулись по рублю.

Резайкина на «Волге» слетала за хлебом и колбасой в «Елисеевский».

Меня спрашивают:

– А вы как думаете обедать?

– Колбаса не спасёт меня. Надо в столовую.

Заглянула к нам Ирина. Дежурная машинистка.

– Здравствуйте, – кивнул я ей.

– Честь имею, денег нет. Иди ешь. А то любить не буду.

– Но я такой стройный, когда голодный.

Вернулся с обеда, опять она с допросом:

– Что ел? Докладывай.

– Щи.

– Сам бы их варил.

– Некогда. Отсюда иду в библиотеку у Кремля. К постель-

ке доползаю в полночь.

– Чудак! Лучше б у женщины был до полуночи.

– У женщин меня быстро клонит ко сну.

30 июня, понедельник

Песнь юбиляру

*Как путь свой жизненный ни мерьте,
Во зле всё тонет и в добре:
Вся суть не в датах жизни – смерти,
А в этом ёмком их тире.*

Е. Запяткин

*Юбилей – прекрасный повод сказать человеку
то, что о нём не думаешь.
Р. Муганлинский*

Новиков правит заметку Татьяны и спрашивает её:

– Как оставить? «Неумолчно» или «не умолкая»?

– Ты что, Вовка!? Ха! Не умолкая!.. Дярёвня! Надо оставить моё «неумолчно»! Ох... Нужно купить тебе вскладчину словарь эпитетов!

Цапко горестно угребает из ящичков стола в портфель все свои бумагулечки. В прощанье поднимает руку:

– Я вас покидаю, ребята!

Ия деланно:

– Не шутите. Мы привыкли к вашему басу.

– Так надо, ребята. Так сказал Николай Владимирович.

Завтра кончается мой трёхмесячный испытательный срок.

Не прошёл-с... Практики маловато... Ну, ничего. От американского безработного меня отличает лишь длина моей легкой машины.

Он на собственной машине ездил на работу.

Начинается партсобрание. Стоит невообразимый хохот.

Партайгеноссе Шишков, масляно сияя, призывает:

– Товарищи! Войдём в рабочее положение. Для смеха нет никакого основания. Партбюро потребовало от всех нас овладеть партийной страстностью. А в течение года далеко не все активно учились на партийных занятиях.

– Это верно, – подхватывает Денисович. – Говорю на последнем занятии одному слушателю: «Выступи хоть раз. Где твоя активность?» А он в ответ: «Разрешите мне быть активным с будущего года».

Беззубая Татьяна не прочь выступить, но она стесняется своей шепелявости. Не зря Фадеичев всё наводил у неё справки, когда ж она вставит зубы.

В последний раз она ответила ему так:

– Вставит зубы Александр Иванович, после и я вставлю. Не могу при беззубом начальстве сверкать жемчугами зубов.

По случаю 60-летия посадили Василия Семёновича Терентьева в мягкое кресло у окна.

– Просквозите юбиляра! – забеспокоился кто-то из задних рядов.

Колесов был краток:

– Спасибо за отличную работу! Премия – месячный

оклад.

– Дисциплинированный, – похвалила юбиляра его начальница Смирнова. – Приходит на работу в девять ноль-ноль. Что подарить? Не знаю. Цветы? Неудобно. То, что мужчине дозволено, не позволено в редакции.

– Я считал, – сказал обозреватель Романов, – что ты на год старше меня и тебе сейчас пятьдесят один. А ты, оказывается, на девять лет старше. Семнадцать лет вместе гнём позвонки!¹⁰⁶ Много изведено чернил, много съедено гонорара.

– Спасибо, что много делаешь для родной партии! – трафаретно прокричал Шишков и сел. Он улыбался так тепло. Как папа-алкаш после сильной выпивки.

Зина Хромова была обстоятельней:

– Вас, Василий Семёнович, охарактеризовали с марксистских позиций. Я скажу с кочки психиатра. Это Вам, Василий Семёнович, надо. Сегодня открылся съезд психиатров. На нём профессор Снежинский сказал, что мозг человека по-настоящему начинает работать в шестьдесят лет...

Реплика с места:

– Без намёков!

– ... От имени женщин желаю Вас расцеловать! – И Зина смачно целует юбиляра.

Реплика откуда-то сбоку:

– Если ноги у тебя ходят, глаза видят, не уходи на пенсию!

Второй голос добавил:

¹⁰⁶ Гнуть позвонки – работать.

– Торжественно выпрут!

Вскочил масляный Шишков:

– Всё! Между собой устраивайте что хотите.

Стали расходиться. Терентьев растерянно озирается:

– С-с-слово... О-о-ответное...

Шишков:

– Товарищи! Народ! Граждане! Юбиляр тут хочет...

– Чего ему ещё?

– ... слово ответное сказать, – робко договорил Терентьев.

И как-то виновато проронил:

– Постараюсь быть таким, каким вы меня обрисовали...

Оставалось минут семь до конца рабочего дня.

У Олега сегодня день рождения. Ему тридцать два.

Олег льстиво улыбается Медведеву:

– Александр Иванович! По случаю моего дня разрешите почитать ребятам свои стихи.

Медведев ледяно смотрит на стенные часы.

– Ещё пять минут поработайте по-ударному и открывайте свой Гайд-парк,¹⁰⁷ – пробубнил он, хмыкнув. Мол, всякий осёл свой рёв любит слушать.

Тяжёлое было в Макеевке у Олега детство. Запомнилась ему частушка

У макеевской шпаны

¹⁰⁷ Гайд-парк ([англ. Hyde Park](#) – [королевский парк](#) площадью 1,4 км² в центре Лондона. Традиционное место политических митингов, празднеств и гуляний.

На троих одни штаны.

2 июля

Сегодня новая газета «Социалистическая индустрия» задерживается.

– Наверное, она закрылась, – сказал Медведев. – Тань, Кудрявцева собирается переходить в эту газету. Позвоните ей по городскому и спросите, в чём там клин.

– Как сообщает ТАСС, – сказала Татьяна, – в коридорах «Социндустрии» видели с анкетой Цапко.

– Ну... Тогда всё ясно. Испугались его прихода и закрылись.

– Если бы... В этой газете знаете какие бякости запузывают? Снимают фирму ТАССа с наших материалов!

– Да вы что!? Иду к Колесову! Позвоню в газету главному редактору!

3 июля

Людмила Фондовна

Справочная.

Уточняю информацию в ячейке с газетными вырезками.

– Здорово, начальство! – сунул мне руку Баратынц.

– Привет, подчинённый.

– Не знаешь, где тут «Труд», который не «Гудок»?

– Да в моей ячейке. Сейчас отдам тебе.

Тут подошла ко мне заведующая справочной Людмила Юфовна. Она считает себя директором справочного фонда. Поэтому я называю её Людмила Фондовна.

Она сказала:

– Я хочу с вами поговорить.

Удаляемся в коридор.

– Знаете, Анатолий, девочки на вас обижаются. Вы с ними не здороваетесь. Вы их не замечаете на их же рабочем месте.

– А они не пожаловались на самих себя? Они сами и виноваты, что перестал я с ними здороваться.

– Это как?

– Поначалу я, входя в справочную, всегда здоровался. Мне не отвечали. Лишь некоторые злорадно фыркали. Дело не остановилось на фыркание. Мне попросту перестали давать справки. Та же Неля. Открытым текстом лупанула на её же рабочем месте: «Ищите сами». Стал сам добывать нуж-

ные справки. Станешь к ящикам и колупаешься, колупаешься... Поздоровался – не отвечают. Справок не дают. Чего перед ними присесть? Я и перестань здороваться.

– Ну ладно. Что было вы забудьте. На летучке я заставлю их уважать вас. Конечно, не в такой степени... Тот же Калистратов – седина¹⁰⁸ уже пробрызнула в волосы, – а может, получая справку, погладить хорошенькую референточку по спинке и значительно ниже.

Я поспешил возразить:

– Я так низко не падаю. Да и глажка хорошенькой спинки... Это не входит в перечень услуг референтки. Я за нормы служебного этикета не забегаю. Если ко мне нормально относиться, то чего ж мне кукситься?

На этом и кончилось коридорное randevu.

Девочки справочной стали ко мне до тошноты притворно внимательны.

¹⁰⁸ «Седина – иней охлаждающей молодости, но первый признак второй молодости».

4 июля

Я пришёл раньше всех.

Вторым номером вбежал в комнату Медведев.

Вскинул руку:

– Здравия желаю!

Дошёл-добежал до своего места, плюх на стул, голову на спинку. Отпыхивается.

Минут через пяток, уже после девяти, влетает мокрая Татьяна:

– Ну и дождяка-бяка-вяка! Маркелова вся мокрая!

– Но и ты не сухая, – хохотнул Медведев. – Это природа наказывает лодырей. Вовремя приходи на работу! Кто до девяти пришёл, того дождёк не тронул. А кто после девяти – всех облил. Не опаздывай! Боженька знает, что делает...

Новиков режет статью Татьяны.

Она угрюмо ворчит:

– Пей, пей мою кровушку стаканáми!

Ударил ливень.

За окном сплошная серая ревущая стена.

– О-о-о! – заныла Татьяна.

Медведев с подколом:

– Ещё сильней будет!

– Не пугайте меня, – съёжилась Танька. – А то от испуга я ещё сильнее растолстею.

25 июля

Великий Оноре

Опершись на дверной косяк, Дима Дмитриев спрашивает меня, показывая на стол Олега:

– Не знаешь, где сей неуловимый на рабочем месте труженичек? Где наш великий Оноре?

– Наш Оноре де Бузулук где-то в бегах...

Татьяна в грусти покивала головой:

– Я поймала ежа платьем. А другие под платьем ловят другое... – И вдруг почти радостно и с горькой завистью прокричала: – У Бузулучины жена сына родила!

И тут входит Олег.

– Олежечка! – всплеснула она руками. – Про тебя, дружок, речь, а ты навстречку!

– Только так! – засиял Олег.

Медведев с напускной строгостью выговаривает:

– Что же ты не докладываешь?! На Пушкинской площади молодёжь уже собирается на митинг.

– А что докладывать? – пожимает Олег плечами. – Родила...

Татьяна бежит к нему:

– Дай я поцелую тебя за успехи!

Они трижды дико целуются в щёки.

И Танька весело выкладывает:

– Олег! Ты родишь третьего сына, если будешь так страстно целоваться!

– Намёк принял как руководство к действию!

Олег подаёт руку Лобанову:

– Здравствуй, Игорь-бракодел! Тебя толечко ихватило на то, что сочинил доченьку Варварушку. Я хотел тебя видеть.

В разговор встревает Татьяна:

– Игорь! Орденоносный Бузулук второго сына в поезде родил!

Игорь потирает руки:

– Идём, Олеже, стакашку хлопнем за твоего сынка!

Они в обнимку идут к двери. И тут звонок возвращает Олега.

Звонил яловый Танькин чёрный полковник Альбернади.

Его хорошо слышно:

– Поздравляю! Каждый работает на своём фронте. Появилось уже три Бузулука. Святая Троица! А четвёртый на карте – город Бузулук!

Олег счастливо улыбается в трубку:

– Есть с кем на хоккеей ходить!

Только положил Олег трубку – дают станцию Тоннельную. Там жена Елизавета в роддоме. Ехала с юга в Москву. Растрясло в автобусе – свернули в роддом. Вес парня три восемьсот. Рост пятьдесят четыре сантиметра.

– Ну, Олег, – говорит Татьяна, – расти сына. Я рожу ему неведому зверушку.

Скоро Олег и Игорь возвращаются с бутылками.

Сбрасываемся по рублю.

Владимир Ильич не даёт. Поманежил. Потом, ноя, скуля, краснея, рдея, темнея, синея, бледнея, отдаёт потных тридцать копеек:

– Больше нет... Пить не буду... Вы не знаете, а я знаю...

Пишут тут докладные: появился на работе в нетрезвом виде.

Мы не боимся и пьём.

Эх! У Олега Бузулука родилось четыре внука!

– Приходи, Маруся, с гусем. Посмеёмся и закусим!

Принесли значки ТАСС. Тридцать копеек штука. Олег берёт два значка:

– Один для новорождённого Романа. Обязательно придёт сюда работать. Меня сменит!

28 июля

Шашлык для генералитета

Сегодня открылась какая-то армянская выставка на ВДНХ.

По этому случаю устраивался обед.

Бузулук на правах почти хозяина – ВДНХ – его объект-вотчина – захватил почётное место для Колесова.

Раздавали шашлыки. Бузулук цапнул аж две шпаги.

Сглотнул он свой шашлык, а хоря¹⁰⁹ всё нет. Задерживался пан Колёскин!

Подвыпившие гости стали нападать на Бузулука. Хотели его обезоружить, конфисковать у него начальничью шпагу с мясом, поскольку нечем стало заедать армянский коньяк.

– Не отнимайте, клизмоиды!¹¹⁰ Вы что! Это шашлык для генералитета!

Еле отмахался шпагой с мясом для начальства.

С этим шашлыком на подносе Олег выбежал к воротам Выставки встречать своего патрона.

По словам Олега, Колесов схомячил шашлык по пути, придя к столу лишь с одной голой масляной шпажкой.

Надурняк Олег решил подкормить Новикова. Позвонил

¹⁰⁹ **Хорь** – начальник.

¹¹⁰ **Клизмоид** – вредный, нехороший человек.

ему. Владимир Ильич прихватил с собой и голодный желудок Надежды Константиновны, ой, пардонушко, Лидии Ивановны. В минуты они уже бежали по Выставке. Но Владимиру Ильичу и его верной спутнице не повезло. Досталось им лишь по одной синеглазой котлетке.

Лидушка пошла к замминистра Армении и жалконько за-
ныла:

– Подайте, пожалуйста, несколько яблочков для голодающего Поволжья...

– Если так – берите!

Она сгоряча и явно по ошибке вместо одного яблочка цапнула всю полную яблочную вазу.

Дали пальчик, отхватила руку.

С обеда на халтай все вернулись довольные и пьяные. Не надо идти в столовую!

Подобревший с сытного армянского стола Колесов даже ответил на мое приветствие:

– Здравствуй, Анатолий!

И заулыбался, обнажив стальной рот.

Увидев меня, Николай Григорий трудно поднимает над головой указательный палец:

– Вот скотобаз-за!..

– А точнее?

– Никифырч! Без трепачевского... Дура эта Лидка... Купила диплом масштаба в войну за шматок сала... Эта хох-

лушка... Стараюсь для неё же... Я ж кенгуру, ташу в сумке всё домой! В субботу сбегал в ГУМ...

– На Красной площади?

– На Красной... На Зелёной... За Бусиновом! Свалку мы так называем. В нашем ГУМе больше товару, чем на Красной! Рылся целый день. Принёс двенадцать пар туфель. Тамарке одни такие хорошие отдал... Обул... Вчера с Володькой десять пар отнёс на Преображенский рынок. Продали по вшивику за пару. Купил себе брюки за три рэ, рубашку за полтора. Володьке купил часы за три. А ей – я не забываю про дамские нагрузки – большой кочан капусты! И недовольна! Натравляет на меня ребят. Володька ей стеганул: «Я б с таким мужем, как папка, не жил». Хотел по шее ему съездить, да сдержался. Учит, как жить. Ну... Выпил... Так не на мозолистые ж вшивики... На гумовские...

29 июля

Редакция фестивалит

Доброму почину – крепкие крылья!

Под таким девизом трудятся в поте лица доблестные станхановцы РПЭИ.

Воодушевлённый примером орденоносного Бузулука сегодня разродился сыном и Петрухин.

Под вечер он принёс две бутылки.

Наша редакция фестивалит.

Хором запела:

– Петрухин Саша – гордость наша!

31 июля

Иткин

К нам в редакцию забежал печальный Володя Иткин, корреспондент по Московской области:

– Александра Ивановича не видали?

Аккуратова с подначкой:

– Видали. Но вчера.

– А сегодня?

– А сегодня не увидим... А зачем он тебе? Он сегодня транспортирует кого-то из близких на склад готовой продукции.¹¹¹ Стандартные похороны.

Володя растерянно, чуть заискивающе улыбается:

– Да-а... Этими похоронами он и меня похоронит...

– Типун тебе на язык. Говори, чего надо?

Володя молчит. Собирается с господами мыслями. Наконец выдавлиывает:

– Ребята, вы ж в курсах... Я три месяца лежал в больнице. Хулиганы издуплили. Шестого августа суд. Милиция посоветовала седьмого срыгнуть куда-нибудь. Дней на десять. Посоветуйте, куда от вашего отдела сбрызнуть. А то мордохваты снова нападут. Звонят... Угрожают... Хочу следы им запутать.

¹¹¹ Склад готовой продукции – кладбище.

Ему выбрали Среднюю Азию.

1 августа

Будёновки для молодожёнов

Наш практикантик из МГУ Плиско сегодня чалит на свадьбу к другу. Хвалится мне:

– Посмотри, что я несу в подарок. Уникум! Носочки, трусики и пачку польских будёновок.¹¹²

– Ха! Сложи всё это в сегодняшнюю «Советскую Россию». Там опубликован кодекс о браке и семье. Пусть знают, с чего начинать рвать нервы друг другу... А как всё красиво начинается...

Сегодня получка. Знаковый день!

К кассиру подходишь – ты никто. А отходишь от него микромиллиардером.

Герасимов вкрадчиво прошептал:

– А где тут вьетнамский ящик?

Все засмеялись. Потому что Герасимов так спросил, будто собирался его унести.

Прошлый весь год тассовцы бросали в тот ящик кто сколько может. Эти деньги шли журналистам вьетнамского телеграфного агентства.

Вьетнамцы не просили о помощи. Только так благодарить

¹¹² Будёновка – презерватив.

ли, что не отказались бы от новой поддержки.

Работница из секретариата принесла Медведеву справку о том, что печатаемость материалов нашего отдела самая высокая в главной редакции союзной информации.

Медведев распрямился и гордо рубанул:

– Вы же знаете, что наша редакция самая передовая. Надо об этом громко сказать на общем собрании. Вот я вставлю зубы и скажу.

Пришёл какой-то гусь-корреспондент из Ташкента и стал расспрашивать Медведева о его предшественнике Овчарове.

– Сейчас он в районном вестнике, – сказал Медведев.

– Значит, он большой начальник?

– Шишка не шишка, а место бугроватое.

– Ну, раз его нету здесь, дыню я дарю вам.

Аккуратова жарко заговорила о том, как бы хорошо её съесть.

Медведев долго молчал. Не вытерпел и дал отчаянную команду:

– Ищите нож. Режьте.

Дыня съедена.

Татьяна хлопает себя по животу:

– Вот нахлопалась. Лопну!

Бузулук:

– Не вздумай тыкнуть пальцем в живот. Проткнёшь и лоп-

нешь!

– Не бойсь, Олежка, – отмахивается она и грозит пальцем курящему Коле Великанову:

– Не кури, скотина, сдохнешь от никотина! Или не знаешь, что одна папироса убивает лошадь?

– Пускай, – говорит Великанов, – лошадь и не курит. Раз такая слабая.

Облокотившись на стол, к моему уху наклонился месткомовский вождь Володя Серов. Шепчет:

– Толь, милый профорг. Слушай моё последнее цэу перед отпуском. Ваш Захаров снова мутит. Взносы не платит, а хочет, чтоб я подписал ему бюллетень. Заплатит... Только тогда подпишу. На каждую хитрую жопу у нас есть хуй с винтом!

13 августа

Прыткий

Звонили от Миля, генерального конструктора вертолётов.

Просили взять готовую заметку.

Я сказал об этом Медведеву, зажав микрофон ладонью.

Он кивнул:

– Благословляю в добрый путь!

И Татьяна не забыла подсуетиться с советом:

– Не надо ссориться с Милем.

Я заартачился и ответил в трубку милевскому заму Ремизову:

– У нас некому ехать.

– Тогда я отдам материал «Красной звезде». Рвут!

– Вам же хуже! Вы не учли одного. «Красная» напечатает, а другие газеты не станут. Мы же даём сразу всем газетам.

Ремизов сам привёз информашку «Рекорды в небе».

У Аккуратовой глаза по семь копеек. Шары на лбу.

Медведев доволен моей прытью. И разметил мне редактирование заметки.

Я покругил красным карандашом в уголке листка – срочно! – и в машбюро.

– Опять ты красным уляпал заметку? – выговаривают там мне. – Мы не индюшки. Что ты нас дразнишь? Придёт время и так отпечатаем! И без красных пометок по сорок раз

перепечатываем вашу бессмертную классику!

– Не всё потеряно. За сороковым идёт сорок первый.

– Мы скажем, чтоб не давали вам красный карандаш.

– Я куплю новый. Вот тогда была беда, если б вы в Совете Министров потребовали прекратить выпуск красных карандашей.

– Мы управимся и без твоего Совета Министров.

И действительно...

Через несколько минут Тамара, жена Медведева, принесла ему вне графика яблоко. Обычно она приносила яблоко в конце трудового дня. Мол, заработал – получи. А тут... Ещё утро.

Возвращаясь, она остановилась у моего стола и игриво спросила:

– Ты назовёшь по памяти все цвета радуги по порядку?

– Н-нет, – растерянно промямлил я.

– Так слушай. Внимательно слушай! Маленький ликбез...

К(красный)**аждый** **О**(оранжевый)**хотник** **Ж**(жёлтый)**елает** **З**(зелёный)**нать**, **Г**(голубой)**де** **С**(синий)**идит** **Ф**(фиолетовый)**азан**. Первая буква каждого слова в прибаске начинается название цвета. Как ловко придумано!

Мы посмеялись и расстались.

После её ухода со мной тайно расстался и мой красный карандаш. Я и не заметил, как Тамарушка его увела.

Пришлось покупать новый.

14 августа

– Толь, – говорит Татьяна, – у тебя деньги не прорезались?

Рубля три до завтра.

– Пуст, как после грабежа.

– У-у! Какой ты сегодня моднющий. В манишке...

Я положил голову на стол.

– Продолжай давить подушку, – разрешила Татьяна.

– Ах, Таня... Как жить? Как быть? И на сердце болит, и под сердцем болит... Остался один пустой чемодан без денег. Тебе-то хорошо. С первого сентября в отпуск закатаешься на юга?

– А что делать? Поеду одна. Муж после приедет.

– А если забудет приехать?

– Ну-ну... Ты что? Ещё накеркаешь.

– Не горюй. На юге быстренько найдёшь другого.

– О! Я не собираюсь менять своего чёрного полковника.

Муж один в мире, второй в Сибири. Он у меня номер отколлот. Ушёл из «Известий». Сейчас заведует сектором печати в министерстве флота. Там он напишет свою книгу. Всю жизнь мечтал о море. Лешак его знает...

16 августа, суббота

Гум на свалке

На первом свете разбудил меня Анохин:

– Бегу в ГУМ. Айдаюшки со мной. Это ж такое матобогащение!

– Обогащайтесь без меня. Я ещё посплю.

Прячась от соседей за плетнями, он вернулся уже к вечеру.

Приволок полный мешок черте чего. Обувь, обои, плащи, носки...

За полтора рэ я купил у него туфли.

Смотрю, у него на пальце толстое кольцо.

– Вас что, в «ГУМе» обвенчали?

– Так точно! Нашёл-с... Под золотое. Буду носить... И угощайся, Никифырч, – показывает на позолоченную вазу с яблоками.

– И ваза из «ГУМа»?

– Оттель... У нас всё оттель! – Только, – тукнул себя в грудь, – мы отсель.

Я побрезговал брать яблоко из свалочной вазы и сказал, что к яблокам меня не тянет.

На следующий день, в воскресенье, излишки он оттащил на Преображенку. Суеверный Анохин в прошлый раз перед поездкой на рынок занимал у меня рубль. Выручил шесть.

С удачей вернулся! Сегодня просит рубль, хотя он ему и не понадобился. Выручил же всю десятку!

Накеросинился.

Откуда-то притащил щенка своей молоденькой сучонке Джимке.

– Зачем вам щенок?

– Никифырч, не переживай! Анохин зря не будет ссать против ветра. Народ как учит? Бросай кусок наперёд! Вот я и кинул. Вырастет наш кобелёчек – загоню за целую двадцатку!

Рассказывая, он всё подглядывал в окно, как в огороде тумбоватый, громоздкий белый африканский кот ладился уламбадить слабенькую кошечку бусиновских кровей.

– Ну и котище! – восклицает Анохин. – Он и нашу Джимку может лишит девичества.

– Но Джимка сучка.

– А-а! Все сучки одинаковые! Что собачьи, что кошачьи, что людские. Наш африкан может принять Джимку за кошку. У-у! Как у нахального ходока по клубничке глаза горят!

Загораются глаза и у Анохина. Он ловит кошечку и задом суёт её коту под нос:

– Рви! Не раздумывай! Говорю как опытный специалист-агрессор по нарушению девической чести. Айн!.. Цвай!..

При слове айн он проводит в воздухе длинную черту рукой. При слове цвай перечёркивает ту черту. Крест! Пли!

22 августа

Капитан, капитан, улыбнитесь...

*Позолота стирается, свиная кожа остаётся.
Английская пословица*

Последние два дня свирепствовал беспросветный дождь. Я промок до нитки. Пиджак никак не высохнет. Брюки сушил утюгом. Ботинки сырые. Надел единственные запасные «гумовские». В них мне не ахти. Хожу, будто кто в зад кол вбил и забыл вытащить. Сгорбился.

Олег кладёт руку мне на грудь, другую на спину. Выпрямляет меня.

– Надо так ходить. Что, болен?

– Нет... Настроение...

– Ты не знаешь, чего Махрова сегодня такая грустная и злая? Наверное, к ней дед Клим заглянул!¹¹³

– Уточни у неё. Отвянь.

После долгих дождей сегодня не зря появилось солнце. Медведев впервые почти за год по-человечески обратился ко мне, протянув листок:

– Толь, отнеси сельхозникам эту заметку о подсобных хозяйствах в колхозах и совхозах Украины.

Мы с Медведевым не говоруны. Молчуны. Он молчит. Я

¹¹³ Дед Клим пришёл – о наступлении климакса.

молчу. А когда он и заговорит, то так сухо, казённо. Будто к стенке обращается. А тут вот потепление такое в атмосфере. Это меня согрело.

Я хватаю заметку и лечу в соседний кабинет.

Возвращаюсь – Медведева уже нет. Ушёл к врачам.

Сияющий он вернулся часа через три. Ощеривает зубы на обзор Аккуратовой.

– Посмотрите. Жёлтые?

– О-о! Вставили! Капитан, капитан, улыбнитесь! Белоснежные! До чего ж белые зубы вчера видела у девушки в метро...

Медведев вздыхает с облегчением:

– У кого что болит... Взял двадцать рублей. Хотел дать сверх квитанции. Сверху в кармане две десятки. Вспотел... Идиотское положение. Дать? Не дать? Не могу я это делать. Не можешь, говорю себе, и не надо. Ну, так и не дал.

– Да, – соглашается Татьяна, – унижительны для человека эти подачки... Я сама... В прошлом году вывалился у меня зуб. Подремонтировала. Хотела дать пятёрку, сунула врачу мимо кармана.

– Ну! – постучал Медведев кулачками по краю стола. – Зубы в норме. Вперёд! За дело!

Он принимается читать статью Татьяны и тут же снимает очки. Спрашивает её:

– Что такое «табличка на двери»?.. Таблица... Это цифры. Ты же знаешь... Я строго слежу за точным употреблением

СЛОВ.

– Пойду у Даля погляжу.

Принесла словарь Ожегова.

– Александр Иванович, есть такое выражение, – говорит Татьяна.

– Это осовременили. А вообще неправильно. На двери должна быть не «табличка», а «дощечка». А то наделали... Станок-собрат... Родню среди станков развели...

Махрова изнывает от безделья.

Уныло смотрит на кувшинчик с ромашками¹¹⁴ со вчерашних проводов Артёмова на пенсию.

– Интересно, как быстро они завянут? – говорит она, ни к кому не обращаясь.

Медведев кладёт ей на стол записку:

– Займитесь... Чтоб не мучились проблемой долголетия цветов.

Ия кланяется ему:

– Спасибо.

Медведев лишь в крайних случаях даёт ей редактировать материалы. За нею приходится всё переделывать. Она стажуется в отделе уже год. Медведев ею очень недоволен.

Он продолжает читать и в испуге восклицает:

– А разве есть слово сворачивается?

Ну да! – подтверждает Татьяна. – Говорят же: «Сворачиваются работы».

¹¹⁴ **Ромашка** – цветок, отвечающий головой за чьи-то сомнения.(КСЭ)

– Нет! Работы заканчиваются!

Вмешивается великий стилист стажёр Махрова:

– Лучше: «Свёртываются работы».

Татьяна предлагает:

– Давайте озаглавим «Рождение стана». У нас сто лет не было такого заголовка. Напечатают на ура.

– Да-а... Статья о трубе. Тогда «Рождение трубы».

– Вылетим мы с трубой в трубу.

Вошёл корреспондент из Братска Сovenко. Он у нас на практике.

Татьяна сердито набрасывается на него:

– Глаза мои не смотрели б на вас! Давала ваши материалы о перекрытии Ангары в Усть-Илимске и ничего не поняла. Надо было хоть схему прислать. Схему перекрытия!

На листе бумаги Сovenко набрасывает схему, поясняет, как шло перекрытие.

Татьяна с важным видом, что всё понимает, поддакивает. Но её пустые глаза – один на север, другой на юг – выдают. Ничего она не понимает и к Медведеву:

– Александр Иванович! У меня предложение. Надо требовать, чтоб материалы о технических новациях, о больших технических свершениях сопровождали схемами.

Медведев с улыбочкой подкалывает:

– Схемы будем передавать газетам по телетайпу?

– Схемы для нас.

– Надо без схем писать понятно.

25 августа

Кровь папуаса

Входит Терентьев с поднятой рукой:

– Здравствуйте, дорогие индустриалы!

Ия сегодня на проводе – регистрирует приходящие заметки – отвечает за всех:

– Здравствуйте, грибных дел мастер. Как там поживают сыроежки?

– Не жалуются.

– А вы? Мы по вас скучаем.

– Спасибо, что не забываете. Я же знал, что вы без меня, что день без солнца.

– А знаете, – всем хвалится Ия, – у меня интересный случай. Есть у меня кубинский цветок. Вьётся, как виноград. Поливаю сегодня... Смотрю... Вот такая поганка на тоненьких ножках... Поела каши и есть хочу. Вот...

– И я хочу есть с утра пораньше, – тянет своё Татьяна. И начинает ворчать по-собачьи. – Есть хочу... Гав-гав...

Её сносит на рифму:

– Жажду крови, жажду мяса,

Кипит во мне кровь папуаса... Гав-гав!..

28 августа

Инжеватова и другие

*Дольше стали ночи до рассвета,
Птицы в путь готовятся опять.
Эй, остановите срочно лето –
Я не успеваю отдыхать.*

А. Ситняевский

Вернулась из отпуска похорошевшая Инжеватова.

Бузулук и не знает, как подкатить к ней коляски. Начинает с лукавого стишка:

– Как увидишь Инжеватову,
Тут же кинь в неё ватюю.

Инжеватова посмеивается:

– Коряво лепишь...

На эту подколку Олег отвечает грубовато:

– Откуда у тебя три подбородка и намечается пятый? Сразу видно, без мужчин отдыхала. Статс-дама... Сама толком не отдохнула и никому не дала.

– Сбоку на тебя посмотришь... Бузулук – находка для врага.

– Не смей так говорить! Я сын двух отцов. То есть отец

двух сыновей.

– Если будешь так клепать, от тебя и дочери дождёшься.

Сегодня вышел из отпуска и Новиков. В восхищении любуется новыми шторами на окнах.

Медведев докладывает:

– В честь твоего возвращения повесили.

Я иду в коридор звонить в министерство. Разговор предстоит непростой. Поэтому звонить из кабинета значит мешать работать всему отделу. Для таких переговоров и предназначены четыре телефонные будки в конце коридора. К крайней будочке приклеен листок:

«Кто нашёл записную красивую книжку, верните на второй этаж. В корректорскую».

Ниже на листке приписка другими чернилами:

«Алё! Лучше б вы сюда не ходили».

Третий почерк:

«Оно, конечно...»

Вся конторелла бежит звонить на наш этаж.

Аккуратова уходит сегодня в отпуск.

Прощаясь, она говорит Медведеву:

– Александр Иванович! Желаю вам здоровья, улыбок. Как вернусь – чтоб блистали вы зубами. Чтоб не болели они у вас...

Через стол Татьяна подаёт мне руку:

– Толя, желаю тебе всего-всего самого лучшего.

– А я желаю тебе всего чёрного... черноты. Желаю видеть тебя а-ля Африка!

– На юга подашься на машине или как?

– Не-е... На «Волге» отец ездил. Пол-отпуска проковырялся в дороге. В одном Мелитополе неделю лечил свою колымагу. А я полечу самолётом.

30 августа, суббота

Загораю на канале.

Рядом дурачатся парни лет по восемнадцати.

Я смотрю на них стариком с подагрой. Постепенно во мне что-то оттаивает, и я уже не сержусь на них.

Милые ребята... Я бы не прочь повозиться с ними...

Боже мой, как же быстро выпал я из молодых. У меня не было вот такой бесшабашной молодости, не было вот этой беззаботности. Я умиляюсь ими и чувствую райское отдохновение на душе.

Я возвращаюсь домой и вижу: пьяный в педаль Анохин спит в новом пиджаке на полу.

Я зычно командую:

– Рядовой Анохин! Встать!

– Ох... Трудно... Это тебе не хвунт изюму из булки... Т-толя, сходи к Ли Кир... ¹¹⁵ Приехал мой двоюродный брат. За меня сходи... Выпей. Я не м-могу...

– Щас! Только бабочку надену... Роль вашего дублёра меня не греет.

– М-молодец... Нкфыч... Разборчивый.

¹¹⁵ **Ли Кир** – Лидия Кирилловна.

31 августа

Концерт Анохина

Солнечное утро.

Сияющий Анохин поёт, в такт постукивая ложкой по сковородке:

– Жил-был Анри Четвёртый,
Он славный был король.
Вина он пил до чёрта,
Но трезвый был порой.
Тро-лю-лю бом-бом,
Да-ля-ля пам-пам.
Войну любил он страшно
И дрался, как петух.
И в схватке рукопашной
Один он стоил двух.
Еще любил он женщин
И знал у них успех,
Победами увенчан,
Он жил счастливей всех.
Когда же смерть-старуха
Пришла за ним с клюкой,
Её ударил в ухо
Он рыцарской рукой.
Но смерть полна коварства,
Его подстерегла

И нанесла удар свой
Ножом из-за угла.
От страшного удара
Кровь брызнула из жил,
И нечестивец старый
Скончался, как не жил.¹¹⁶

Кончив петь, он сильно ударил ложкой в сковородку:

– Концерт окончен. Теперь к делу. Собираюсь всё утро на рынок со шмотьём. Собираюсь долго, как вор на ярмарку. Вчера из ГУМа приволок бракованных лезвий в обёртках. Мешок! Теперь у меня этих лезвий, как у дурака махорки. Оцени! – потрянул он пиджаком, в котором вчера лежал на полу. – Купил в прошлое воскресенье на Преображенке. Из ГУМа продал – на рынке купил! Ну как? Семь рэ отдал. За три с полтиной купил замшевую куртку, за два – белую рубашку.

– Вы как миллионер. Каждое воскресенье – рубашку! Поносите и бросаете.

– А чего там стирать?.. Поехали на рынок.

– Да нет... Пойду поброжу по совхозному саду.

У входа в сад на меня хмуро смотрит крупная гримза с палкой. Сторож. Всех подозрительных гоняет.

Я ей говорю:

¹¹⁶ Автор песенки А.Гладков.

– Лучше бы загорали. Разделись бы и загорали себе на здоровье.

– Не наши года голиком валяться. Это бесстыжки московки могут. А мы, бусиновские, люди с совестью.

10 сентября, среда

Мне 31.

Выпил утром чаю, побрился, надел белую рубашку, висела на палке, прибитой на шкафу одним концом и другим – над дверью.

Сказал Новикову, что надо в поликлинику, и ушёл печатать перевод с украинского отрывка из сценария «Семья Коцюбинских» для приложения к газете «Советская культура».

Никакого даже голливуда.¹¹⁷

¹¹⁷ Голливуд – вечеринка.

11 сентября

Держись ногами за землю!

В коридоре Ия похлопала мне в жилетку:

– Вчера я хотела поговорить с Медведевым, скоро ли он переведёт меня в редакторы. А он: «Вы подыскали себе работу? Ну... Как редактор, как журналист вы нас не устраиваете». Никуда из ТАССа я не пойду! Пять лет в справочной, год в отделе у Медведева стажёром... Никуда я отсюда не пойду. Что ты мне посоветуешь?

– Только одно. Держись ногами за землю!

Мы вошли в свою комнату.

Зина Хромова оправдывается перед Медведевым за какую-то машину.

– Зин, – говорит Артёмов, – какая у вас мина была на лице, когда вы просили себе грамоту?

– Иван Павлович! Никакой мины! На этом международном конгрессе трансфузиологов все грели руки. Я думала, когда спрашивали мою фамилию, мне влепят нагоняй. А они вон что! Сделали снимок для «Тассовца».¹¹⁸ И весь конфуз в том, что моя шефша Смирнова очень удивилась: «Как это в «Тассовце» я иду после подчинённой Хромовой?»

Медведев хохотнул:

¹¹⁸ «Тассовец» – многотиражная газета ТАСС.

– Ну, вы поняли намёк? Вам на конгрессе хоть по уколу бесплатно сделали?

Сильно хромая, вошёл Коля Великанов. Все уставились на него.

– Ты чего хромаешь?

– А-а! Развивается плоскостопие.

– Плоскостопие развивается у тех, кто делает ерша, – со знанием дела пояснил Артёмов.

– Тогда в ТАССе все плоскостопы! – выкрикнула Ия.

– Кто про что, а я про своё, – скребёт затылок Терентьев. – Кто старое помянет, тому глаз вон. А кто старое забудет, тому оба глаза вон!

И кисло смотрит на Медведева.

Это Терентьев сказал в ответ на его приглашение Медведеву ехать в субботу за грибами.

В прошлую субботу Терентьев проспал и не поехал за грибами. Медведев полдня ждал его на платформе.

– Вот при всех говорю! – грозит пальцем Медведев. – В шесть приходи на вокзал. Опоздаешь – в тройном размере штраф!

Артёмов разводит руками:

– Это пижонство – в шесть! К чему так рано?

– А в семь грибы уже червивые! – усмехается Медведев.

14 сентября, воскресенье

Кружка Анохина

Стираю.

Пришёл сосед и просит у Анохина рубль.

Анохин не даёт.

Сосед негодует:

– Мы с тобой двадцать лет стаканим по воскресеньям!

Неужели сегодня изменишь традиции? Ты что, Колька? Подумай! У нас и повод-то есть идейный. Двадцатка!

С доской вбежала жена соседа и в крик:

– А-а! Вот он, негодяй! Ну-ка с баллонами бегом за газом!

Сосед вылетел на пуле.

Идейные торжества смёрзлись.

Но ненадолго.

В три ночи приплёлся какой-то пьяный в корягу студентик.

Анохин почувал водку.

Студентик с реверансами ему кланяется:

– Есть возможность подтвердить, Что не бросили вы пить...

– Если Родина позовёт...

– Она вас кличет под свои знамёна.

– Я уже здесь со своим оружием!

Через порог Анохин протягивает здоровенную алюминиевую кружку с вмятинами.

С полной кружкой он уходит в маленькую свою комнатку. Усаживается на бок топчана, поставленного на попа. С ножки топчана свисают «гумовские» фуфайка, сумка, плащ, пальто, шляпа.

Анохин надевает шляпу, опорожняет кружку и декламирует:

– Был заяц приглашён на им-м... им-м... им-менины...

Кватера люкс, х-х-хозяйка... ик... ик... во!

Котлеты, видно, из свинины.

Примите шляпу и пальто.

А закончил так:

– Я к вам пришёл на именины.

Хозяйка – сойка, пирог – говно,

Котлеты, видно, из конины.

Мотал я ваши именины...

Отдайте шляпу и пальто!

И тяжёлый храп.

15 сентября, понедельник

Артёмов рассказывает свою байку:

– Один представитель Белоруссии проголосовал против на сессии Верховного Совета. Так чуть мандата не лишился. Не голосуй против! А получилось... Он читал. Прозевал вопрос: «Кто за?». Но выставил машинально руку, когда гремело уже «Кто против?».

Ия подхватила разговор:

– Я тоже на уроках истории в школе читала роман. Вдруг слышу от учительницы: «Этот махровый бандит Деникин!» Я вскочила. А училка: «Сидите. Не о вас речь. О Деникине».

Обозреватель Романов неприязненно долго пялился на Ию, взобравшуюся на стул с ногами, и спросил:

– Вы что так на ногах сидите?

– Я всегда так сижу.

– То-то ж. Как на вас ни поглядишь, всё у вас бампер¹¹⁹ в грязи.

В обед сбегал в журнал «Наш современник». Дали переводить очерк о Днепрогэсе для двенадцатого номера.

До полуночи печатал в тассовском машбюро.

И дома не без новостей.

Вечером Анохин сбегал в ГУМ. Принёс в газете куски гитары. В драке пострадала.

¹¹⁹ Бампер – задница.

Склеил он кусочки. Теперь сидит под окном. Играет и поёт:

– Сапоги мои того...
Пропускают аш два о.

19 сентября

Влетела радостная Леночка Хорева, тряся над головой газетами. И ко мне:

– Ликуй, Санушка! Ленка-пионерка, – похлопала себя по груди, – тащит тебе только добро!

– С каких это пор ты стала Ленкой-пионеркой?

– А как стала редактировать вестник «Пионер». Не перебивай! Я болела. Провинциальные газеты, конечно, не видела. Вот сейчас перелопатила часть. И обнаружила. Сразу аж две газеты дали тебя! Работа на мой вестник «Пионер» видная. Заводи скоросшиватель, куда будешь собирать свою тассовскую классику.

– За мною дело не закиснет.

Я тут же на скоросшивателе написал:

«Рождённый в ТАССе писать не может».

И занёс в свою копилку обе первые публикации в пионерских газетах «Зирка» (Киев) и «Юный ленинец» (Кишинев».

19 сентября

Высылаю переводы с украинского Илье Суслову, заместителю заведующего клубом «12 стульев» «Литературной газеты».

«Илья Петрович! По довольно авторитетным слухам, Ваша персональная корзинка давно пустует. Эту весть я принял близко к сердцу. Ближе некуда. Посылаю... И если что-то по ошибке роковой окажется на странице «Клуба», я только молча разведу руками: в нашей жизни всякое случается.

С уважением А.Санжаровский

23 сентября, Колесов

С задания возвращаюсь в контору трамваем. Взял билет. 743158. Счастливей!

Неужто что-то и прибудет от этого счастья?

Последние месяцы я хлопочу о выделении мне комнаты за выездом. Моё заявление в Ленинградский райисполком подписали заместитель Генерального директора ТАСС Постников и заместитель председателя месткома ТАСС Шабанов.

В коридоре наткнулся на Шабанова.

Он печально мне улыбнулся:

– А комнатка-то ваша сгорела?

– Райисполком спалил?

– Если бы...

– Кто подставил ножку?

– Ваше низовое начальство. Серов... Колесов...

Я в редакцию международных связей. К Серову.

– Володь! Это что же такое?

У этого понтовова¹²⁰ вид порядочно напакостившей сучонки.

– Это не я, – отбрёхивается он. – Это Колесов.

– Да вы садитесь, – предлагает мне из-за соседнего стола

¹²⁰ **Понтовоз** – человек с завышенной самооценкой.

масляный партайгеноссе Шишков, вчера вернулся из ГДР. Как обычно, он сиял приторной улыбкой, в которую переложили сахару. – Садитесь. Правды в ногах нет.

– Нет её и в верхах. Где же мне жить? Поставить койку на Красной площади?

– Заявление недействительно без треугольника, – говорит Шишков. – Нужна подпись парторга. Я поговорю с Пименовым. – И к Серову: – Володь, к тебе Анатолий обращался?

– Официально нет.

– Зачем ты врёшь? – резанул я. – Моё заявление лежит у тебя. Я с тобой трижды говорил. Ты обещал помочь.

– А почему ты не хочешь зайти к Колесову?

– Только в этом и загвоздка? Так я уже одной ногой у него в кабинете.

– Николай Владимирович, – с порога обращаюсь к Колесову, – тут такая карусель с жильём...

– А при чём тут ТАСС? Правительственная организация?

Он брызжет ядовитой слюной из стального цельно-металлического рта. Лицо – жевал верблюдов да выплюнул – стакановца. Глазки бегают...

– Помочь бы не грех...

– А почему мы должны вам помогать? Вы здесь год. Но разве сравнить вас с Димой Дмитриевым. Специалист! Жить тоже негде. Хоть в сарай иди живи.

– Так я уже живу в сарае! Я ж за выездом прошу...

– Люди по пятнадцать лет ждут за выездом.

– Им есть где жить.

– Ну почему я должен отдавать вам квартиру?

– Да про какую вы квартиру? Всего-то надо подписать заявление в райисполком.

– Ну... Раз вы пошли через голову...

Оказывается, вон где собака зарыта. Сам гневается, что его обошли.

– Давний тассовец Петрухин, – мямлю я, – посоветовал идти сразу к Шабанову.

– Подумаешь! Петрухин тут фигура!

И в его гневе я слышу подтекст: здесь фигура я!

– Я письма в райисполком не задерживал, – гремит он. – Это массы. Местком. Партком. Скажите Серову, пусть он на собрании разберёт ваше заявление и будет ли разбор в вашу пользу? Попросите! – прищурил он холод в глазах.

Он так быстро говорит, что два ряда стальных зубов постоянно обнажены, вразбег мечутся навстречу друг к другу и сливаются в один ряд высоких блестящих бивней.

– Ха! – выпалил он. – Дайте ему! А чем хуже Дмитриев?!

– Это вы уже говорили.

– Я в «Правде» проработал шесть лет! Даже в «Правде» только через пять лет дают за выездом, если ЦК вас приглашал на работу. Вас ЦК не приглашал! У меня, – смотрит на часы на стене, – в три планёрка у Лапина. Хоть пойдите к самому Сергею Георгиевичу... Не даст!

Снова грести к Серову...

Как-то я должен был делать с ним материал с актива станкостроителей. Он заболел. А в авторы я всё равно сунул и его. Угрёб он халявную десятку. Сейчас и я получил от него. Только не той монетой он мне отблагодарил, ой, не той...

24 сентября

Оплата анекдотами

Столовая.

У Светки из справочной – стояла в длинной и толстой очереди к кассе передо мной – чего-то там не хватало.

Она крутнулась ко мне:

– Слушай! Дай тридцать копеек.

– Я-то дам. А ты?

– Сильно не волнуйся. Дам и я. В долгу не останусь.

– Долг беру анекдотами. За обедом расскажешь.

– Распожалуйста!

– Василий Иванович! Кто Бастилию взял?

– Спроси у Петьки.

Петька:

– Как кто что сопрёт, так всё валят на Петьку!

– Василий Иванович! Фантомаса поймали!

– Этого Котовского! По бабам всё шляется?

Анка-пулемётчица вернулась из Парижа:

– Василий Иванович, я там такой фужер произвела!

– Не фужер, а фураж.

– Неправильно! Иди к Петьке.

Петька:

– Я в этих делах не Копенгаген.

В музее Чапаева:

– Это скелет лошади Василия Ивановича. Это скелет Василия Ивановича.

– А что это маленькое?

– Это скелет детства Василия Ивановича.

25 сентября

Семинар «Письма трудящихся в печати».

Ведёт наш Колесов.

– В этом году мы получили 190 писем. Кто-то и подзабыл работу с письмами. Я напому три принципа, три кита, на которых держится печать. Какие это киты? Кто подскажет?

Начинают всем колхозом гадать.

Терентьев:

– Это вот что... Газета – коллективный организатор...

– Нет, нет.

– Шаповалов:

– Выбор темы.

Махрова:

– Партийность!

– Во, во! Второй принцип – коммунистическая идейность и правдивость!

У Колесова совершенно никакого профессионального образования. Десятилетка в Костроме и амбец. Но каким барином-«цицероном» он учит всех и вся!

– Я не зря, – гремит он пустой телегой, – напомнил теорию. Ежедневно «Правда» получает 1200 – 1400 писем. Отдел писем там старейший. Там накопились серьезные традиции работы с письмами. Там пятьдесят человек в отделе писем! На литсотрудника отдела норма – прочесть в день 45

писем и разобрать. Привлечённым пенсионерам за оформление письма платят двадцать копеек. Разрезает конверты шведская машинка. Письмо ни в коем случае не вредится. Точно, чётко. А раньше ножницами заезжали на письма. После вскрытия техгруппа прикалывает карточку и отправляет литсотрудникам. Первый литсотрудник ставит тему и географию. Потом письмо идёт к сотруднику, ведущему соответствующую отрасль, и тот пишет краткую аннотацию и предлагает, что делать с письмом. По важным письмам выезжают спецкоры отдела писем. Письма же, направляемые в другие отделы, читают заведующие и особо отбирают для ЦК письма о злоупотреблениях в торговле, в доставке хлеба. Я руководил отделом писем два года. Автору мы сообщали в течение трёх дней, что собираемся делать с его письмом. На подготовку к выступлению по письму отводилось две недели. Все письма, публикуемые в газете, проверяются. Не то что у нас в «Тассовце». Его редактор Романов публикует не проверяя. А в «Правде» на половинке карточки техсекретарь расписывается и направляет её в отдел писем. На хитрые письма я отвечал сам. Ну, какие хитрые? Ну, обидели там журналиста. Или жалобы на газеты. Например, на «Известия». Они грохнули по старому большевику, якобы примазавшемуся к славе. Накляузничала завистница сестра. А он спас увозимые деникинцами документы. Вместо документов положил кирпичи, а сами документы отправил в Красную Россию. Получил грамоту совнаркома. И вот старый большевик

шлёт нам протест. Куда с ним идти? Я иду к главному. Главный: «Посоветуемся с друзьями из Большого дома. Писать надо официально». В «Правде» не пропало ни одно письмо. Но вот и была печальная история с одной нашей старой работницей. Заметили за ней грешок. Уволили. Суд восстановил. Въехала на вороном коне. Назло стала она по две недели не отправлять подписанные письма! Раскопали необходимые документы-подтверждения – сама написала заявление об уходе.

– А с причёской самой «Правды» бывают письма?

– Есть. За накладки «Правда» извиняется частным письмом, но в газете не пишет. Если же приходит сигнал, что опубликованный материал неточен, автору пишут: «Исправим». Перелопатив заметку, даём точно.

28 сентября, воскресенье

Любовь прошла, завяли помидоры...

Не теряй достоинства – не найдёшь.
С. Пугачёв

*Мне внутренний стержень Господь даровал,
Основу для духа и плота.
По форме и сути – коленчатый вал –
Всё время трясёт и колотит.*

В.Гавриков

С двенадцати я дежурю на главном выпуске с Рождественской.

Тихий переполох.

Майя Теодоровна, она же в просторечии Тореадоровна, звонит по начальству домой и у всех спрашивает, не видел ли кто материалы из ЦК о выполнении хлебных обязательств Черкасской и Алма-Атинской областями. Тореадоровна не знает, что и делать. Из ЦК шумят, почему этих материалов нет в газетах. А их потеряли.

Один цэковец позвонил из дома и сказал, что поехал в ЦК за копиями.

Я иду в справочную проверить киевский материал о пребывании чехов на Украине, открываю папку «ЧССР» и на-

рываюсь на пропащие два материала и на один из Таллинна с пометкой «27.9.9. Давать без подтверждения».

Влетаю на выпуск и ору:

– Майя Теодоровна! Я ваш спаситель!

Она растерялась:

– Что случилось, Толя?

Как она обрадовалась моей находке!

Тореадоровна дала мне половинку яблока.

К удивлению, открыла маленькую личную тайну:

– Муж любит меня и боится. Но ему хочется мною руководить. Он в таких случаях всегда начинает так: «Моё золото, я хочу сделать тебе маленькое указание...». А я сделаю вам маленькое указание...

И отпустила меня вечером на два часа раньше.

Домой я вернулся в двадцать два.

Николай Григорьевич в белой рубашке при галстуке, в брюках и обутый благостно спал на диване. Маленький, как мальчик, и пьяный, как ветошка.

Сегодня ему можно. Днём был на 50-летию собственной жены. А спит вот здесь.

Он спит и мне жалко его будить.

Маленький, тщедушный, взмыленный и взвихренный жизнью и женой человек. Наверняка ему понадобится маленький гроб. Местком в расход не вгонит.

Как он сиял, как радостно готовился к юбилею разлюбез-

ной Лидии Кирилловны!

Мне он хвалился:

– На юбилее я без подарка не игрок. Надо что-то брать! Пометался я по магазинам, пометался... И кой да что наскрёб! Накануне, Анатолий Никифч, купил я ей богатую свиновую голову за 4.68, пять пачек пельменей... Выкохал-таки подарочек!

– Ну уж вы и разговееетесь! Вы ж не ударьте в грязь яйцом! Юбилейную палочку киньте по-стахановски!

Взял под козырёк:

– Служу Советскому Союзу!

Ему стыдно было идти без хорошего подарка и он побегал в магазин, взял хайфайный (роскошный) бронезилет,¹²¹ расшитый цветами, тут же выбрал за 11.20 и сорочку. Нужна 54 размера, а были только пятидесятого. Нравится. Он решил примерить. По-своему. Когда он обнимал жену со спины, то на её груди на четверть не сходились его пальцы.

Таким же макаром разбежался он измерить похожего габарита весёлую соседку.

Со спины под мышками добросовестно обхватил её. Руки сошлись. Как-то нехотя они сами лукаво подскочили, накрыли под наушниками¹²² толстые груди, и он стал дурашливо теревить их ровно так, как это делают с выменем козы перед дойкой.

¹²¹ **Бронезилет** – большой бюстгальтер.

¹²² **Наушники** – бюстгальтер.

Всё это со смехом длилось какие-то секунды.

Но это увидела входившая в магазин Тамарка, дочь.

Анохин кисло pokrивился, как кот, которому дёгтем мазнули по губам, и, покрутив ручку воображаемого допотопного настенного телефона, доложил:

– Доводится до сведения многоуважаемой Лидии Кирилловне персональное сообщение ТАСС: Анохин развратно обнимал в магазине чужую женьшениху...

Он помолчал и смято заоправдывался в воображаемый телефон, мысленно отоваривая себя пяткой в грудь:

– Лидок!.. Я же не для чего такого... Не корысти какой для... Ради тебя ж... За все 11.20!.. И чтоб по вкусу. Правда, сорочка чуток коротковата и узка. Ну я таки взял. Моднющая ж вешша!

В субботу мы встали затемно. Убрали в огородчике за белым домом¹²³ три бачка картошки и разбежались. Он на работу стеклить, а я в библиотеку у Кремля за иностранными пословицами.

Перед отъездом он замочил рубахи. Вечером стирал и слегка сокрушался:

– Вот да... В растворе надо держать пятнадцать минут, а я с самого утра до восемнадцати вечера! Ну, ничего... Лучше отмоются.

Сегодня утром он мурлыкал песенки, гладил брюки, выстиранную рубашку. Готовился к торжеству жены.

¹²³ Белый дом – туалет.

А она в это время требовала в милиции, чтоб приехали на коляске и забрали мужа-изменщика.

– К тому же он вечно на подгуле! Заберите Христа ради!

Ей не хотелось, чтоб торчал он за праздничным столом. Она предпочла спокойно фестивалить, зная, что её клещ в надёжной каталажке.

Милиция не приехала.

Зато приходил к нам сосед-крендель и просил помочь выкопать картошку.

Уже принаряженный Николай Григорьевич с поклоном извинился:

– Не могу. Сегодня у меня торжество-с!

И в полдень он ушёл к Лидушке.

Но вот ещё не позно, а он уже дома. Что-то случилось?

Я помялся на месте. Скрип половиц разбудил его. Он встал и в грусти помотал головой.

– Никифч... Слушай последнее сообщение ТАСС...

– Хгм...

– Не хгм, а именно! Каждый из нас – ходячий ТАСС! И я, и ты, и все протчие-такие граждане – ходячие тассовцы! Ты думаешь, ты стал тассовцем, только когда переступил на Тверском порог ТАССа? Н-нет! Ты стал тассовцем, когда только заговорил в своей ссыльной заполярной Ковде! Все мы таскаем друг дружке свои новости. Чем каждый из нас не ходячая кроха ТАСС?

– Занятно... И что вы притащили на сей раз?

– Печальную весть. Меня выперли с деньжошки! И высочайше отказали Её Превосходительство от жесточайшей ебилейной сексдуэли!..

– Как же это случилось?

– И не спрашивай... Никифырч, ты б хотел лишний разок бесплатно полюбоваться человеком без мозгов?

– А разве есть такие?

Он тоскливо подолбил ватным кулачком себя в грудь:

– В нашем хозяйстве водятся... Любуйся пока без платы.

Ну будь мозги, разве б я выкинул такой перепляс? Это ж надо не иметь совсем никаких мозгов, чтоб на видах дочуни – зоркого и бдительного агента моей Кириллицы – тискать в магазине принародно чужую старую клюшку? Ну какой леший-красноплеший подкусил меня на эту глупую авантюру?

– Ну... Для дела же... Производственная необходимость... Хотели примерить на клюшке размер шапочек для близнецов.¹²⁴ Всё пока простительно. Хотели купить эти шапочки в подарок своей юбилярше точно по размеру. И примерили чтоб не ошибиться. Какая тут особая крамола?

– Дочуня тут же доложила ей об этом моём магазинном выбрыке, и моя горькая Кирилловна из этой пустой шалости сделала сверхособый вывод! Для неё ж старался! А она этого не понимэ... Наотруб! И её я не виню. Вся вина на мне! Про таких долбонавтов даже стишки шлёпают. Вот таковецкеие:

¹²⁴ **Шапочки для близнецов** – бюстгальтер.

Таял я наподобие воска,
Но увидел шедевр – и какой!
Черепная коробка. Без мозга!
Я узнал её. Снимок был мой!

Это про меня! Я себя узнал. Я б сам о себе накрутил бы такой же стишок. Только вот Женюра Лыткин меня обогнал. Молодчук! А я...

– Не убивайтесь так сильно... Кирилловна когда-нибудь вас поймёт.

– Что мне когда-нибудь поймёт?! А она сегодня высочайше отлучила меня от праздничной ебилейной ламбады!

– Не отчаивайтесь. Ебилеи тем и хороши, что они уходят и снова приходят. Остаётся терпеливо ждать...

– И я о том же стучу, – кисло покивал он головой. – Слушай уж дальше мою горькую песнь... В полдень я уже сиял у своей Лидушки. Она оторопела:

– Ты зачем припёрся, колбасный чёрт?!

– Ка-ак зачем? На гульбарий... На наш фестиваль радости!

– Как ты думаешь, ты тут очень нужен?

– Очень! Очень в квадрате!

– Ты тут нужен, как гинеколог телеграфному столбу! Не больше! Разворачивайся и геть отсюда, козелино! Только,

как говорят наши детки, ЗабВО!¹²⁵

– С каких шишек должен я уйти? Да никуда я не пойду! Я пришёл на своё! Тут моя доля! Свиная голова... Пять пачек пельменей... Юридрички имею полное право!

Я таки уболтал Лидуню, вырвал себе угловое местечко за столом. В тоске махнул четыре стаканища и ушатался к себе. Вот и весь праздник... Весь!..

Он долго просидел в каменном молчании на диване и под гитару в грусти жалобно запел:

– Любовь прошла, завяли помидоры,
Сожрал картошку колорадский жук.
Отколосились хлебные просторы,
И сразу пожелтел зелёный лук.
Любовь прошла, потрескались арбузы,
И на корню клубника погнила.
Не вызрели початки кукурузы,
И вишня до плодов не дожидила...

– Вот такой мой безутешный плач души «Любовь ушла», – сказал он, положив гитару на диван.

– Куда ушла? – брякнул я.

– В неизвестность... Эх, Никфырч... «Жизнь прошла мимо. Но на секунду сегодня вернулась и отвесила мне подзатыльник». Собственная жена – пускай мы и в разводе! – зажилила супружеский должок! В такой день... Самая боль-

¹²⁵ **ЗабВО** – Забудь Вернуться Обратно.

шая потеря человечества на сегодня – торжественное покрытие дорогой ебилейши не состоялось... Исторический факт! И всё же я выдержал марку порядочного товарища... Не стал силой брать свою сладкую Бастилию. А ка-ак горел зуб! Жестоко взломать богатый лохматый сейф¹²⁶ и никаких дебатов в кулуарах! Но... Славь Бога, удержал себя. Как же она влипла мне в душу... День рождения... Насиловать в такой праздник свою жену, с которой развёлся... Никакой же прокурор не поймёт... Да и не такой уж я оторва половой гангстер... Любовь с криком¹²⁷ не мой конёк... А всё горе вот где... Своей Лидоне я нужен, как лысому вшегонялка...¹²⁸ Ну... Н-ничего... Ничего... Отступая, лев приседает, чтобы прыгнуть дальше... Главное, с перепоя не перепрыгнуть горячий сладкий объект... Уж я постараюсь не мазнуть... Гордо залижем раны на бедном сердце. Я своего никогда не потеряю. Просто отложу на энный срок. За такую вздрочку она ещё распишется собственной рукой в получении... Подай-то, Боже, время!.. А на перспективоньку... Если она умрёт раньше меня – поставлю памятник: злая бройлерша¹²⁹ на метр стоит над землёй с раскрытым, лающим ртом. В руке мешочек с ядом. Мешочек с кулак. Хватит отравить всё Бусиново.

¹²⁶ **Взломать лохматый сейф** – изнасиловать.

¹²⁷ **Любовь с криком** – изнасилование.

¹²⁸ **Вшегонялка** – расчёска.

¹²⁹ **Бройлер** – толстяк.

Свою вину он усугубил ещё и тем что, уходя, как-то по нечаянке цапнул бутылку кагора.

Это дало Лидии повод заявить:

– Ты не в дом – из дому всё тащишь! «Его выбросило на обитаемый остров и через полгода остров стал необитаемым». Разве это не про таких, как ты, писалось в одной газете? Л-ладно... Переживу. Всё питьё, что снесли и не выпили гости, я сплвила Верке в магазин. Осталась я с барышом.

Он обнял гитару, вальнулся на бок и тут же заснул. Как отрубился.

Я не хочу его будить. Маленького, обиженного, незлобиво-го. Я снимаю с него «гумовские» башмаки, накрываю его одеялом и на цыпочках выхожу из комнаты.

Лёгкого тебе сна, горький старый мальчик.

30 сентября

Вернулась Аккуратова из отпуска. Привезла на себе пуд солнца. На весь год!

На неё смех напал. Всё утро грохочет.

– Может, закроемся? – спросила она.

Гробовое молчание было ей ответом.

Она прожгла к окну и закрыла.

Татьяна села редактировать. Оставила авторский заголовок «Лесная архитектура завода».

Медведев насупился:

– Разве архитектура может быть зелёной? Можно сказать: зелень и архитектура завода. Но нельзя сказать: зелёная архитектура.

– Можно! – пробормотала Ия, зевая. – Например, зелёная тоска.

2 октября

Смехота

Чужие деньги считать неприлично, а свои – грустно.

В.Зуев

Больнее всего, когда бьют рублём.
А.Вансович

В коридоре меня перехватил Беляев:

– Распишись!

И протягивает какой-то листок.

– За что расписаться-то?

– Что переводишься в литсотрудники на 120 рэ. Это общий список. Ты не один.

– Я подумаю.

– Подумай. Не подпишешь – автоматически вылетишь из сотрудников ТАССа.

Мда-с... У всякого додика своя методика. Спесивый пендюк Колесов – пальцы веером, спина шифером! – уже целый год навязывает свою идиотскую перестройку. И соль её в том, чтоб всех редакторов перевести в литсотрудники. А зачем? Какой смысл?

Вот этого никто и не знает. И сошлись на одном.

Колесов – главный редактор главной редакции союзной

информации. И вокруг на этаже тьма-тьмущая рядовых редакторов.

Разве это порядок?

Кто я, пан Коляскин? И кто они? Но все мы редакторы!

Это непорядок! Редактор должен быть один! Я! Главный! Коляскин! А их не должно быть. Пусть перескакивают в литсотрудники. В общее стадо. В общак.

Иной причины пертурбации так никто и не доискался.

Я к Медведеву:

– Беляев велит расписаться. В новой должности я теряю тридцать пять рублей. Чистыми у меня будет выходить одна смехота.

– Ничего. Будешь писать. Будешь получать не менее двухсот.

И я расписался.

8 октября

Краснопресненское овощегноилице

С вечера я оставил репродуктор включённым, и в шесть он заговорил. Разбудил меня.

Я натянул старую анохинскую рыжую рубаху и полетел в ТАСС. Славь Бога, не опоздал. Как раз поспел к отходу автобуса на Краснопресненское овощегноилице.¹³⁰

Едем.

Молодые. Беззаботные.

– На базе есть хорошая столовая, – поясняет условия работы наш старшой Мартыненко.

– Вопрос на засыпку. А коньяк там есть?

– Коньяк, мышьяк и прочий як надо брать с собой. А вы не догадались?

– Мазилы! – слышен глухой шлепок кулака в ладошку.

– Работать придётся мало. Три-четыре часа... Хорошенько... И по домам! Разгрузили вагон и хватит! На месте я выдам вам халаты и перчатки. Вернёте их потом Макарову. Этот начальник хозчасти такой скупердяй. Если не вернёте, рыдать будет!

– Мы не позволим, чтоб он проронил хоть слезинку!

База.

¹³⁰ Овощегноилице – овощехранилище.

Сколько здесь добра с полей! Вся Россия съехалась сюда, киснет под дождём. И ждёт нас.

Мы хмелеем от увиденного.

За монбланами фруктов, овощей в ящиках мы натываемся на громадные бочки.

Гусь из ГРИДЗа¹³¹ валит одну бочку на бок, вспрыгивает на неё и пляшет папуасом, вереща:

– Не пустая! Не пустая!

– А с чем?

«Папуас» спрыгивает с бочки, вырывает затычку.

Ему подают высокий пластмассовый стакан. В него радостно журчит из бочки что-то красноватое.

– Ну, кто смелый?

Все жмутся. Боятся пить.

Тогда «папуас», пошатываясь со вчерашнего буревестника,¹³² широким жестом со стаканом обводит всех:

– Я пью и умираю за вас, братие!

Он осушает стакан. И не падает. А улыбается:

– Соковый полуфабрикат! Там, – стучит себя стаканом по животу, – будет фабрикат.

Все слетаются к бочке. Наваливаются керосинить.

Уже захмелелый парень побрёл меж бочек со шкворнем и протыкает их. Из бочек бьют тонкие струйки. Смелчаки ложатся под струи, ловят их ртами.

¹³¹ ГРИДЗ – главная редакция союзной информации для заграницы.

¹³² Буревестник – пьянка.

За парнем со шкворнем спокойно ходит флегматичный мужичок с базы и молча забивает дыры. Скоро это ему надоедает. Он поднимает топор на изготовку и тихо говорит нашему гусю:

– Вот так и буду я весь день ходить за тобой? Ты – открывать, я – заколачивать? Мне что? Мне не жалко... Да по-тра́витесь. Сырец ведь недоработанный.

У наших мигом скукоживается интерес к бочкам.

Все двинулись к вагонам.

По пути уминают виноград, дыни.

Мне захотелось арбуза и я подбежал к пятаку за забором.

У входа солдат с ружьём говорит:

– Не я тут главный, а она, – и показывает на девушку.

Я с поклоном:

– Здравствуйте, главная девушка!

Мне в ответ сердитое:

– Здесь нет девушек!

– Я понимаю, вас мало и те нараздёрг. Ну тогда кто есть...

Платите дань арбузами.

– Выбирай один.

Я выбрал. А второй мне подал солдат в дырку в заборе.

Увидев меня, сидевшие на бочках парни и мучившиеся привялыми дынями, повскакивали, выстроились по росту и взяли под козырёк.

Они рады толстым арбузам и немного моей проворности.

Наконец подали наш вагон с картошкой в сетках.

Мы, двадцать гавриков, выстроились двумя цепочками у двух окон с желобами и передавали друг другу сетки.

Вкалывали по-честной со смехом, с шуточками.

Когда мы разгрузили полвагона, наш вагон куда-то угнали. Просят начинать разгружать второй вагон.

Тут начались идейные шатания. Одни поехали кататься в полуразгруженном вагоне. Другие начали сбрасываться по вшивику.

Самые стойкие не стали расставаться со своими рублями. Я тоже.

Нестойкие под предводительством предместкома Серова ушли в ресторан заканчивать трудовой день.

А стойкие напекли у мачты картошки и, чумазые, ели эту бульбу.

Витя Козулин подал мне бутерброд с колбасой. Я не хотел брать. Он сердито вложил мне бутерброд в руку:

– Ешь, старик, ешь. Я знаю, какой ты сытый. Вкалывал ты на совесть.

Он говорил и мне становилось жалко себя. Я опустил голову, боясь, что он увидит рвущиеся наружу слёзы.

11 октября, суббота

БР-Р-Р!..

Три дня мы добросовестно вламывали на базе. Сегодня последний день.

– Ноне, – велит старшой Мартыненко, – не работать. А делать видимость.

Всепожалуйста!

С Мишей Озеровым – мы оба рыжие, – на тачке катаем по хранилищу друг дружку попеременно.

Миша философствует:

– Вот, старичок, какие перепады жизни. Полнедели таскал картошку, а в понедельник поеду сопровождать по стране вьетнамского премьера.¹³³ А что если вот в таком виде, как сейчас, прикадрить какую деву? Как отнесётся? Шарахнется? Представиться строителем?.. И вчера я подкатился к одной цыпе. Она серьёзно отнеслась. Даже телефон дала. Я представился работягой-студентом. Нашёл на свой хвост приключение. Зачем мне это? Как от неё отбояриться? Я же уже при жене. Просто не буду звонить...

– Такое не обсуждается.

В одиннадцать сбрасываемся по рублю.

¹³³ Позже Михаил Озеров работал корреспондентом ТАСС в Шри-Ланке и в Великобритании.

По жребию мне выпало бежать в магазин. Для себя и тоже непьющего Миши беру бутылку сладкого пунша, для прочих граждан – водку.

Выпили за здоровье госпожи овощной базы. За здоровье каждой сетки с картошкой, которую мы разгружали.

Показалось мало. Едем к Мише домой.

У Миши все организованно набросились на его спирт, привёз из командировки в Заполярье.

Ваня Новиков хряпнул полный стаканнице чистого спирта и окаменел с открытым ртом, застыли губы трубочкой. Все переполошились. Не мгновенный ли это каюк?

Но, славь Бога, всё обошлось.

Через минуту Ваня торжественно заулыбался, поглаживая живот:

– Пошёл, братцы! Пшёл!

Полный стакан чистого тут же кинул за себя и Саша Ржешевский.

Молодая интеллигентная чета Озеровых натянута радовалась умению гостей истреблять спирт.

Было выпито всё (и ликер), не считая воды в трубах.

Ваня сказал:

– А теперь, старики, я ж-желаю... к... Серёге...

– И я ж-жалаю! – заявил Ржешевский.

Они пили чистый спирт, они герои. Как не уважить?

И мы всем колхозом побрели к Есенину на Ваганьковское.

По пути Серов отчитал старика, которого вела под руку

от Ваганькова молодка:

– Чего ты лыбишься, старый пим? Она водила тебя в магазин при кладбище, сняла с тебя мерку на гроб. Ей нужен каменный стояк, чтоб стоял ох, а ты скрючился в четыре погибели!

Старик побледнел и молча вобрал голову в воротник.

Компания наскребла рупь с гачком, взяла бутылку краснушки и потащилась к могиле Есенина.

На нашем жизненном пути встретилась церковь. Пьяно растопырив руки, зарулили в церковь.

У входа старушка продавала свечи.

Перед нею Ваня с приступком поставил бутылку на лавку:

– Мать! Нас пятеро. За одну красненькую дать пять беленьких! – потребовал Ваня и указал на стоявшие на подносе свечи.

– На спирт не обмениваем, – сухо обронила старушка.

– Ха-ха-ха! – заржал Ваня. – Так я тебе и отдам! Так я и не могу себе свечку поставить? Одну! А вот ей аж три! – сердито ткнул он пальцем в старушку в гробу. У её изголовья горели три тоненькие свечечки. Старушку принесли сюда отпевать.

Ваня деловито обошёл гроб. Остановился у ног.

– Сурьёзная бабка. Даже не моргнула в ответ. А тапки... Старые, подсиненные... Хоть бы ну не позорилась!..

Он взял тапочку за носок, чуть приподнял ногу покойницы.

Стоявшие вокруг гроба старушки зашикали.

– Ба-бы! Ти-хо! – громким шёпотом востребовал Ваня.

Заливаясь краской, я толкнул его в локоть:

– Вань! Уважь старых людей. Идём отсюда...

– Ка-ак? Он, – взгляд на размахивающего кадилом попа,

шёл нам навстречу, – он тут разгуливает, портит воздух, и я – отсюда? Я прижму его к порядку! А м-может, ещё и пятнадцать суток припаяю! Мешает нашей старшей смене культурно отдыхать! Ты слышишь вонь? Его работка! Иди, иди сюда, – поманил Ваня батюшку пальцем. Но руку Ваня почему-то забыл поднять выше своего кармана.

Вряд ли батюшка видел зов пальца Вани. Однако на всякий случай не подошёл к нам ближе по людскому коридору, в конце которого стоял гордый Ваня. Батюшка торопливо свернул в толпу.

Ваня вскинул руку, вонзил указующий перст в батюшку, который продирался сквозь толпу в сторону своей светлицы. За ним клубился дым.

– Граждане! – горячечно вскрикнул Ваня. – Как сказано не мной, «церковь – место внесения платы за использование Бога в личных целях»! Паньмашь, внаглую обвешались тут, – ткнул он взглядом на иконы на стене, – «досками почёта для святых»! Это опиум народа!.. Он туману напускает. Ловит рыбку в мутной воде! Граждане! Разве вы не видите? Я и то вижу... Прозри, народ, и восстань! Цепи разорвите и своей горячей кровью волю окропите! Вот!.. У меня в школе по

литературе всегда был пятак!¹³⁴ С Тарас Григорич¹³⁵ я был на ты! А ты, – погрозил Ваня батюшке в спину, – не убегай! Что, яйца замирают от страха?! Я твою бородку всё равно сдеру с тебя и кину ковриком к кровати своей жены. Бородёнка-то у тебя из синтетики? Молчишь? Значит, да? Товарищи! Он и по части бороды вас обманывает! И вообще!.. Известно же!.. «Религия – устаревшая форма страхования жизни». Устаревшая! И зачем нам морочат голову устаревшим? А мы тут – боевой авангард всего прогрессивного человечества! – канителимся, паньмашь, с ним!.. Ну да бабуся! – крикнул Ваня старушке, мимо которой проходил батюшка. – Дёрни его за бороду! Бабуся! Ну что же ты? Дёргай! Да ну уйдёт же!

Высочайшее указание не было исполнено.

Весь мир у амвона зароптал.

Мы с Куликовым схватили Ваню под руки, сзади подталкивал пан Серов. Кое-как таки выставили его, упирающегося, за боковую дверь, куда обычно заходит церковное политбюро. Вдогонку я ясно слышал сердитое батюшкино «... исчадие ада».

В помощники к нам подбежал Ржешевский. На нервах стал в спину пихать Ваню к скамейке.

– Садись! – кричит Саша.

– Не сяду!

– Заставлю!

¹³⁴ **Пятак** (школьная оценка) – пятёрка.

¹³⁵ Тарас Григорьевич Шевченко.

Они завозились на скамейке. Стали выяснять отношения.
А мы, трое, ушли.

И зло берёт. И стыдно. Знали, знали б люди, откуда мы!
Наконец нас нагнал Ржешевский.

– Ничего. Придёт и Ваня, – успокоил Серов. – Баян-то¹³⁶
вот он!

В начале кладбища была сторожка. Из неё выглядывал
сторож. На сторожке надпись «Живой уголок!»

Ржешевский с бестолковой радостью вскинул свою бутыл-
ку и призывно махнул ею нам:

– Заглянем, панове, на огонёк к живым на складе готовой
продукции!¹³⁷ Посидим, ой да ох и поокаем!..

Мы еле отговорили его не приставать к сторожу и медлен-
но побрели по кладбищу. Перекликались.

Звали отстающих. Наши вялые голоса уныло слонялись
над могилами, и острые надгробные камни с упрёком су-
мрачно смотрели на нас.

У Есенина мы постояли с минуту. Передохнули и угнез-
дились на разгуляй.

Мы присели на скамеюшку у плиты, которая уверяла, что
здесь лежит некто Евдокия. Фамилию я не разобрал.

Ваня сел на плиту. Помахал бутылкой:

– Не обижайся, szanowna¹³⁸ пани Евдокия... Блудный сын

¹³⁶ Баян – бутылка спиртного.

¹³⁷ Склад готовой продукции – кладбище.

¹³⁸ Szanowna (польское) – уважаемая.

Иван к тебе пришёл, – и заиграл горниста.¹³⁹

Уже стемнело, когда мы возвращались по кладбищу назад. Было и страшновато, и стыдно мне.

Парни почему-то то и дело с натачками-накачками нарывались на таких же пьяных политруков¹⁴⁰ и всё горели почесать кулаки. Беду отводила просто какая-то случайность.

А напротив рынка могла прорезаться жестокая потасовка с финалом в козлятнике.¹⁴¹

Осторожный пан Серов лёгкой, грациозной рысцей удалился от нас. Его не мучило, что он был в сплочённом коллективе. Главное унести свои ножи.

И когда кровавые тучи рассеялись, Серов снова токовал с нами.

Было это уже у шашлычной забегаловки,¹⁴² мимо которой никто не мог пройти спокойно. Всем захотелось посидеть в ней за отдельным столиком.

Но не было денег. Зато был выход.

– Давайте бороться! – сказал профбосс Серов. – Победённый закупает столик!

В сквере у Краснопресненского универмага Серов стал бороться с Ржешевским. Победил Серов.

¹³⁹ **Играть горниста** – пить из горлышка.

¹⁴⁰ **Политрук** – алкоголик.

¹⁴¹ **Козлятник** – отделение милиции.

¹⁴² **Забегаловка** – заведение, куда забегают на двоих, соображают на троих и выползают на четырёх. (КСЭ).)

Ржешевский заартачился:

– Первая борьба не в счёт. Это была просто лукавая разминка.

Ржешевский снял пальто, пиджак. Бросил на траву.

На них на правах судьи лёг Ваня, и возня началась.

На ковре Ржешевский и Куликов. Они долго и свирепо пытели. Уж очень хотелось Ржешевскому отыграть столик.

Их кое-как растащили.

А когда рассеялся дым схватки, все мы недосчиталась своего профсоюзного вождя Серова. Убежал.

Ну куда мы без батьки?

И про столик в шашлычной все как-то легкомысленно сразу забыли.

Так закончилось наше четырёхдневное приобщение к физическому общественно-полезному труду.

В понедельник, тринадцатого октября, вся пятёрка сбежала в коридоре. У всех святые невинные вывески.¹⁴³ Стали свойски припоминать Ване, что за номера он откалывал.

– Старики! Родняки! Ей-Бо, ну не помню! Каюсь! Ой ну и какая ж я свинья!

– А разве кто сомневался? – хмыкнул Серов. – Не нравится мне твоя подозрительная самокритичность.

Ржешевский был принципиален:

– Моя женьшениха верно сказала: «А ничем вы, культур-

¹⁴³ Вывеска – лицо.

ники, не отличаетесь от работяг. Четыре дня крутились на базе, четыре дня жрали водку вёдрами! Бр-р-р-р...»

Вот именно.

25 октября, суббота

Своя хата

Нотариальная контора на Кирова, 8.

Рань.

Я первый в очереди на приём.

И чего я тут забыл?

Свою хату.

В ТАССе вроде побежали мне навстречу. Партайгеноссе Шишков вторично отдал мне мои бумажки по жилью со словами:

– Ну, Толя, теперь всё у нас в порядке. Подписал треугольник. Как положено. Беги в райисполком. Добивайся!

Прибежал. Добиваюсь у зама Азарова.

– Для порядка, – сказал он, – мы можем принять у вас документы. Да толку... У нас десять тысяч очередников. Вы в Москве чуть больше года. Ну подумайте, когда вам улыбнётся ваша комната за выездом?

– По-моему, никогда, – выразил я предположение.

Он вздохнул... Я вздохнул...

Обменялись мы глубокими вздохами и расстались.

Послушал я Азарова и склеил крылышки.

Что же делать? Ныть-скулить на всех углах о несчастной доле?

Ныть нас не учи. Сами тут академики!

На ТАСС никакой теперь надежды. Надо самому крутиться!

И я закрутился.

По объявлениям изрыскал пол-Москвы.

И наскочил на своё.

На стене Казанского вокзала увидел замытый дождями сиротливый клочок бумажки. Трепеща на ветру, клочок с улыбкой сказал мне, что в Кускове продаётся комнатка.

И набежал на ловца зверь.

Я покупаю сегодня!

Покупаю у брата и сестры Соколовых. Они вместе со мной преют сейчас под чёрной нотариальной дверью.

Всё бы оно и ничего. Да дёргает меня какая-то обида.

– Всё ж таки дороговато, – говорю я. – Восемьсот! Сбрасывайте сотню...

– Чего торговаться!? – пыхнул Николай Александрович. – Это несерьёзно. Договорились же!

– В том-то и дело, что договорились! Вы уверяли меня, что дверь будете делать вы. Двери-то нет. Не в окно же ходить?

– Да, Толя, комнатка глухая, – печалится Мария Александровна. – Ходить через мою комнату. – И озоровато усмехнулась: – Вход через перёд хозяйки!

– Вход через старушкин перёд меня не утешает. Сбрасывайте...

– Ну куда сбрасывать? – зыкнул Николай Александрович.

вич. – Ты хоть представляешь, в какие хоромы въезжаешь почти за спасибо!?! А? Это ж не колымский чум! Это ж, дорогой мой, само Кус-ко-во!!!¹⁴⁴ Русский Версаль!!! К нам на увеселительные затеи езживала сама Екатеринушка!

Мария Александровна весело поддела:

– И на тех балах-приёмах не ты ли, Колюшок, плясывал с самой императрицей?

Николай Александрович отходчиво хлопнул себя по ляжкам:

– Ну кто ж кроме меня...

Я упираюсь на своём:

– Вы так мёртво стоите за ценой, будто я сымаю себе хоромы в самом шереметовском дворце.

¹⁴⁴ Усадьба Кусково – бывшее имение графов Шереметевых, где сохранился архитектурно-художественный ансамбль XVIII века. Ансамбль включает: дворец, построенный во второй половине XVIII века в стиле классицизма; регулярный, украшенный скульптурой парк с павильонами: «Грот», «Оранжерея» (проекты крепостного архитектора Фёдора Аргунова, вторая половина XVIII в.), «Эрмитаж» (вторая половина XVIII в.), «Итальянский» (XVIII в.) и «Голландский» (XVIII в.) домики; церковь Спаса Всемилостивого (XVIII в.); музей керамики. Усадьба состояла из трёх частей: запрудной со зверинцем, французского регулярного парка с основным архитектурным ансамблем и английского парка «Гай». С наибольшей полнотой сохранился архитектурно-парковый комплекс центральной парадной части. Кусково было известно как «старинная вотчина» Шереметевых. С 1715 года усадьба принадлежала первому русскому фельдмаршалу, сподвижнику Петра Первого Борису Петровичу Шереметеву, а затем перешла к его сыну Петру Борисовичу, вельможе нескольких царствований. В эти годы ансамбль и получил свой законченный вид. Кусково строили крепостные мастера и архитекторы Шереметева, которыми руководил крепостной архитектор Ф.С.Аргунов.

– В том дворце ты можешь снять себе хоромы. Да лишь на карточку! А жить будешь в моей-то комнате!

Голос из-за двери:

– Входим!

Я не шелохнулся. Пропустил очередь.

– Что вы делаете!?! – в панике заорал Николай Александрович.

– Сбрасывайте.

Засуетилась и Мария Александровна:

– Колька, уступи ж... И в сам деле, ты ссыпаешь клетуху без дверей в сакле Соколовых, а не во дворце графов Шереметевых...

– Ну... Чёрт с ним! Уступаю четвертную.

Мы вошли к нотариусу. И уже через минуту вышли.

Оказывается, договоры купли-продажи сегодня не оформляются.

Соколов, генерал в отставке, приказал мне:

– Приходи в понедельник.

– Я суеверный. Увидимся во вторник.

Во вторник я сказал Медведеву, что иду в килькино (рыбное) министерство за комментарием к информации, и прибежал к нотариусу.

Чин чином подписали мы все бумажки, и сияющий генерал протягивает ко мне руку:

– Давай!

– Чего?

– Тугрики.

– А их у меня нет!

Зеленя, генерал хватается за сердце.

– Вы так сильно не переживайте, – успокаиваю я Сокола. – Денежки будут через полчаса. Ждите. Я пошёл за деньгами.

Соколовы немо уставились на меня, слова не могут сказать.

А я убегаю вниз по Кузнецкому.

Не мог же я при нотариусе им объявить, что такую большую сумму при моём кочевье я не таскаю в кармане на булавке. Я храню их в надёжной сберкассе на Центральном телеграфе, в виду Кремля.

При нотариусе я отдал соколам деньги, и мы счастливо разошлись.

Только на этом не кончились квартирные напасти.

Уже на работе люблюсь купчей и обнаруживаю дикий ляп. Ну нотариальные хмыри! Напечатали, что деньги я вручил, и я же их получил. Пришлось тут же бежать к нотариусу исправлять.

На прописку надо представить в милицию разрешение райисполкома на продажу. Разрешение у генерала. Пришлось ехать к нему домой, в двенадцатиэтажную башню.

Подгулявший на мои денежки генерал был настроен благодушно. Стал расспрашивать о моём житье-битье.

Наслушавшись о моих мытарствах, он искренне припечатался:

– Да... Жизнь прожить да не крякнуть... Какой ты, право, бухенвальдский крепыш, стойкий. Ни жены, ни жилья, зарплату на работе урезали ого как! Крепенький ты орешек... Другой на твоём месте не устоял бы...

– А я закалённый. Спасибо жизни за большие трудности... Я с семи лет зарабатываю на хлеб... Отец погиб в сорок втором. Мать не умеет расписаться. Трех подымала одна. Мы тонкие. Мы жилистые.

– Ничего, ничего...

– Конечно, во всём этом нет ничего хорошего...

3 ноября

Столько шуму!

На летучке Пресняков протрындил:

– Я опять о гонораре. На нём я съел стаю собак. Надо чаще наклоняться. Гимнастика! Нагнулся – информация. Наклонился – поднял пятёрку. За день можно нагнуться шесть раз. Пятью шесть тридцать колов!

Поднялся хохот.

– А смешного тут я ничего не вижу, – сказала Смирнова. – Хорошо зарабатывать можно и без наклонов. Сидя! Вон у меня в редакции Сурин уже на пенсии, а каждое утро прибегает в восемь как штык и по телефону выколачивает заметки. Всегда в передовиках. Завидная трудоспособность. Провожали на пенсию – подобрали ему в подарок детскую бескозырку и папку цвета морской воды. Он служил моряком. Маршалы с ним запросто...

– Если бы наоборот! – подколот кто-то.

Снова вскочил Пресняков:

– Я о том, что надо живо поворачиваться. У нас срочная работа. А у нас один лифт. Для корреспондентов нужен особый лифт. А то не дождёшься... Девки прыгают в лифт ради анекдота. И арапить тут нечего. Я считаю ТАСС своей академией. Мы – действительные члены этой маленькой академии. Вот так!

Такой маленький, а столько шуму!

12 ноября

Медведева с утра нет.

Новиков опоздал на два часа.

Бузулук созоровал:

– Ну что, Володь, яйца к кровати примёрзли? Не мог за два часа отодрать?

Засердилась Татьяна:

– И чего нести чёрт те что и сбоку бантик? Как ты смеешь так говорить о нашем лидере?

Бузулук ответил в рифму:

– Я такому лидеру
Все глаза повыдеру.

– За что?

– Он знает. Ишь, виноват, что сыроват.

18 ноября

Общетассовская профсоюзная конференция.

Я делегат от ГРСИ.

Голосование. Окрик из президиума:

– Мандаты! Мандаты подымайте! Ты чего голую руку подымаешь?

1 декабря

Счастье

Кусково. Рассветная аллея, 56.

Адрес моего счастья.

У меня – свой угол!

Фу-у-у-у-у!!!

И радостно вздохнули народы мира. В том числе и я.

Свой пенал четыре на двенадцать. Шагов. Но – свой! Пускай он не графский дворец, видный мне из вечернего окна.

Свой маленький бревенчатый сераль без отдельной входной двери!

Пускай такой. Но – свой!

В нём я готов каждому таракану воздвигнуть памятник нерукотворный. И если моя хозяйка хоть только косо взглянет на одного моего таракашика, я ей...

Моего таракана не трожь!

Правда, я сам пока ни одного таракана не видел, но первое притеснение мне было высочайше пожаловано.

Вчера я вечером слушал свой маленький хриплый приёмничек, и в 22.30 слушание прервалось. Преподобная Мария Александровна безо всякого предупреждения выкрутила пробки. Приёмничек замолчал.

Что бы это значило?

Посмотрим, куда ветерок подует и чего надует.

В шесть утра старуха пыталась сама вкрутить пробки.

Не получилось.

В семь одеваюсь без света.

Старуха из-за своей двери шумит:

– Толь! Ты в пробках не понимаешь?

– И вам понимать не надо. Просто вверните, как вчера вывернули...

Невинное удивление:

– Я вывернула?

– Ну не я же.

Она зажигает керосинку, вносит в мою комнату:

– Всё видней будет.

Давясь смехом, я ухожу.

Оказывается, она не может уснуть при работе приёмника. Так скажи. Разве я не выключил бы?

2 декабря

Сегодня получка.

У Медведева убитое лицо.

– Профорг, – говорит он мне, – давай я заплачу тебе за профсоюз. С мая по сентябрь. Сразу! Один вечер потужу и перестану.

Он не раз спрашивал прежде, с какого месяца платить. Узнавал, да не платил. Жалко. Сейчас заплатил и торопливо расписался:

– Сразу легче стало!

– А я, – сказала Татьяна, – заплачу за август-сентябрь. Заплатила бы и за октябрь, да нехорошо обходить начальство сразу на два месяца.

И радостно залилась цуцыком, раскосо уставившись на Новикова.

– Дядя Володя, ты доволен моим художественным лаем?

Новиков – теперь он партайгеноссе всего этажа! – важно поправляет на носу очки и нудно жалуется:

– Трудно считать партийные взносы.

– А ты приобрети логарифмическую линейку, – советует Татьяна. – Или лучше счётную машинку. Я, беспартийная, буду у тебя занимать деньги из взносов.

– Я их сдаю. А то займут, отдавать нечего.

К Бузулуку пришёл какой-то малый. Шумят-бузят. Меша-

ют Артёмову писать.

Он грозит Бузулуку кулаком и требует:

– Да идите же вы к ма-ме!

Бузулук с дружкой выметаются в коридор.

Скоро Олег возвращается один. С тоской поглядывает на свою лапшу и звонит Колесову:

– Николай Владимирович! Зарплату уже не получаем.

Едем на одном гонораре. Плоды работы по-новому.

Бузулуку просто забыли выписать зарплату. Начислили лишь гонорару тридцать один рубль.

С первого ноября мы перешли на новую систему. Все стали литсотрудниками. Раньше хоть одни редакторы в рабочее время лишь охраняли свои столы. Теперь стали поневоле охранниками и корреспонденты. В других редакциях дежурит на информационном потоке всего один человек, остальные на заданиях. У нас же всё по-прежнему. Охраняем-с пыль на столах.

Медведев гнёт своё:

– Я руководитель здесь, а не у других. И здесь будет так, как я скажу.

3 декабря

Оперативный повод

Ликующая Аккуратова докладывает:

– Сегодня я спасла жизнь одной собаке! Выхожу из дома. Оглядываюсь... На проезжей части улицы стоит собака и умными глазами смотрит наверх, на сварку, откуда сыпались с далёкого балкона искры. А вдруг какой шалый водила налетит? Смерть собачке! Вернулась я. Согнала собачку на тротуар и спокойно пошла к врачу.

Ия спросила:

– Собачка тебя не поблагодарила?

– Не до того мне было. Я спешила в поликлинику... Врачица велит сделать рентген. Подозревает язву желудка. Покурю я ещё до Восьмого марта, а там и умру. Вот так, ребята...

– Не горюй! – сказал Бузулук. – Всё фонарём¹⁴⁵ будет!

– Спасибо, Олежек, – ответила Татьяна. – Успокоил... Только... Что-то я давно не лаяла, – и чёрт её понёс, не подмазавши колёс: – Ав-ав-ав-ав-ав-ав-ав!

При этом она дёргалась лицом вперёд, как голодная собака, хватающая мясо с лёту.

Медведев не вынес этого лая и ушёл, буркнув:

¹⁴⁵ **Всё фонарём** – всё в порядке.

– Я пошёл в библиотеку писать ответ ташкентскому чемберлену!

Всех корреспондентов, требующих объяснения причины, по которой забракована заметка, он презрительно называл чемберленами.

Начальства нет. Редактировать нечего. Чем заняться? Ну чем же ещё кроме трёпа?

Татьяна поворачивается ко мне:

– Ты не видел, как ходит наш Медведев?

– Не обращал внимания.

– А я наблюдала это дело из троллейбуса. Ну умора! Шаг широкий! Печатает, как на параде!

– И ничегогошеньки смешного! Такая походка подчёркивает важность отношения ко всякому делу, ответственность и серьёзность. Таким надо быть не только в самой работе, но и на подступах к ней!

Молчанов тянет своё:

– Ну чего мы пишем... Миллионный станок, стотысячная лебёдка... А почему не дать? РПЭИ выпустила миллионную заметку!

– Медведев обязательно забодает миллионную информацию! – уверяет Бузулук.

– Ну чего вы сидите и гримзничаете? – выговаривает Татьяна. – Пошли б выпили... У кого скоро день рождения?

Бузулук:

– Срочно ищем оперативный повод! Дело лишь за газии-

ровкой.¹⁴⁶ Закусь уже плавает в кульке! – и он хвастливо подносит каждому под нос – понюхайте только! – три лециных хвоста, торчали из газетного свёртка. – Только что, братове, приволок из Минтяжмаша. В моей вотчине меня не забывают и слегка ценят!

Леци производят впечатление.

Татьяна загорелась:

– Олечка, давай меняться! Ты мне одного леца, а я тебе целых три значка, что Иткин мне дал.

– Идётся! За любой новый значок я что хошь отсвинярю!¹⁴⁷

Когда каждый получил своё, Татьяна хохотнула:

– А я тебя надула! Иткин дал передать их тебе.

И Татьяна принялась зачарованно разглядывать леца.

Стали обсуждать художественный свист,¹⁴⁸ будто Косыгин женился на толстюхе Зыкиной.

Татьяна за лецом не разобрала, о ком речь, спросила:

– Вы о ком?

– Да Зыкину обсасывают, как леденец, – ответил Олег. – Ох и люди... Кто мы? От кого мы?

– Оха! Все мы от маргышек! – весело выпалила Татьяна – Только одни от тех, что недавно прыгнули с пальм, а другие – раньше.

Бузулук уточнил:

¹⁴⁶ Газировка – водка.

¹⁴⁷ Отсвинярить – отдать.

¹⁴⁸ Художественный свист – сплетня.

– Я от макаки. И полно таких... У нас в литинституте один встал на занятия и вежливо сказал: «Ребята, минутку внимания». Приставил керогазку¹⁴⁹ к виску и бах! Ну не макак он?

Болтовня уже всем наскучила.

Заскулили о том, что без начальства не чувствуешь себя полноценным. При начальстве все что-нибудь бы да делали, а так... Со скуки помрём от безделья!

И Саша Петрухин сказал:

– Так уж устроен русский человек, чтоб над его головой всегда висел руководящий меч. А без меча беда...

Но беды не случилось.

Александр Иванович отвёл.

Он вернулся довольным своим ответом ташкентскому чемберлену и спросил:

– Я пойду обедать. Да?

Мы дружным хором разрешили:

– Да!!!

И снова тоска.

Ну чем же заняться?

¹⁴⁹ Керогазка – пистолет.

4 декабря, среда По пути в Сандуны

Вечер.

Иду в Сандуны. В баню.

У телеграфа улица перегорожена.

Битком народу. В Доме Союзов – прощание с Ворошило-

вым.

Я сунул ментозавру¹⁵⁰ удостоверение. Он буркнул:

– Понятно. Проходите.

На углу я взял двести граммов колбасы и втесался в толпу.

В Колонном зале лились два людских ручья. Один – на
смотрины, второй – уже со смотрин.

Гроб стоит метрах в семи от русла потока. Останавливать-
ся нельзя.

Впереди меня шла старуха. Она вдруг, распахнув рот,
остановилась напротив катафалка и поднялась на цыпочки,
чтоб получше рассмотреть покойника.

– Проходите, проходите, – прошептал я ей. – Только язык
не уроните.

– Так и нельзя поглядеть на человека, – проворчала она и
двинулась дальше.

Мой рассказ о том, как по пути в баню я простился с во-

¹⁵⁰ Ментозавр – милиционер.

ждём, припечалил Марию Александровну.

– Опять мне работа, – развела она руками у раскрытого гардероба. – Умер любимый мой маршал. Уж как я искала его на белом коне. Картина такая есть. Так и не нашла... Ну что за контры? Дворничиха ходила и наказывала, чтоб завтра вывесили на доме красный флаг, а послезавтра – в день похорон Ворошилова – чёрный. Что ж мне за чёрное повесить? Разве вот это? – выдернула она из гардероба брошенные съехавшим квартирантом чёрные плавки с красными полосками по бокам. – Не-е... Это не годится...

Она вывалила из гардероба всё чёрное сукно.

Перебирает:

– Для Ворошилова мне ничего не жалко. Моя любовь! Всё сукно, что подарил мне на юбку старик, повешу. Хоть проветрится от нафталина. Купил лет пять тому будет. Самого схоронила четыре зимы назад... Всё на меня!.. Флаг вешать от всего дома – мне! Лампочка освещает номер дома – моя!..

– Это, Мария Александровна, высокое доверие масс. Ценить надо!

6 декабря, суббота Страсти-мордасти

В два поехал в Главную библиотеку напротив Кремля.

Вышел из метро у ГУМа. Проход перекрыт. Идут похороны Ворошилова у Кремлёвской стены.

Со своим тассовским удостоверением я прошёл один пост, второй, третий. Дошёл уже до угла ГУМа со стороны Кремля. Кругом пусто. В какой сотне шагов от меня кучились первые цэковские бары. Как я промигну рядом с ними? Не угребут ли меня за шиворот да в камеру хранения¹⁵¹ на соцсохранность? Стало жутко. Да куда я пружу?

У зевак перед последним постом на Красную я растерянно спросил, в душе желая под каким угодно предлогом вернуться назад:

– Что? И здесь показывать удостоверение?

– Покажите военному.

Другой голос:

– Надо с Сапунова. Здесь сейчас пойдут военные.

Я довольно возвращаюсь и окольными путями бегу в библиотеку.

Уже вечером я вернулся домой.

¹⁵¹ Камера хранения – тюрьма.

А тут попойка.

Приезжал за вещами съехавший квартирант. Поставил прощальную бутылку. Сам уже уехал.

– Иди посиди, – зовёт меня Мария фон дер Александровна и кивает на пьяную старуху: – На неё не обращай внимания. Она председатель нашего товарищеского суда. Хлещет кубанскую – ужас! За год расходует электроэнергии на тридцать две копейки – во как у неё счётчик крутится! Она его так скоро намуштрует, что он будет брать ей денежки от государства!.. Она уже доехала до точки. Ничего не видит. У неё мухи на глазах сбрасывают давление!¹⁵²

Старуха наливает мне полнёшенький стакан.

Из своего стакана я отливаю Марии Александровне.

– Выливай назад! – требует старуха. – Не отдавай мою силу! Я тебе налила!.. Я ещё ничегошеньки. Вот кто молодой попробует – не отстанет. Вонравится!

– За чем же дело?

– А не пробуют. Боятся! А я готова хоть сейчас!

Маленькая, пьяненькая, она на высоком стуле выставила палочки ног враскид, будто на санках летит с горы. Хвалится:

– А мой Федяка ничего. А ты, – качнулась ко мне, – а ты – фигура, как у князя Волынского. Фигурястый! Я б отдала... А хочешь... Я сосватаю тебе свою внучку Лерку? Ни под одним ещё кобелём не барахталась! Она швея. По сто сорок

¹⁵² Сбросить давление – совершить половой акт.

в Реутове получает. Не стала всё матери отдавать. Говорит: мне за человека идтить замуж. Порток пятеро купила, три наволочки, четыре простыни. Умница... Приезжает в 10.47. Я хожу встречать. Пойдём встречать!

– Пойдём! – хохотнул я.

Мария Александровна смеётся:

– Прозевали. Электричка уже пробежала.

Старуха безразлично махнула рукой:

– А чё электричке-то делать? Какие у неё заботы? Мотается как дурка туда-сюда. Прошла и прошла... Ну ты смотри. Если лишишь её благородного креста¹⁵³ и не возьмёшь... Из-под земли тебя выдеру!

7 декабря

Треугольник

*Как же были счастливы мы оба!
А сегодня всё – не как вчера.
Женщины хотят любви до гроба,
А мужчины – только до утра.
Вот и утро. Я сижу, тоскую
И клянчу несчастную судьбу.
А любовь короткую такую
Я видала, знаете, в гробу!*

И. Кожевникова

У Марии Александровны на стене портреты парня и девушки.

– Это Игорь и Валька, – поясняет она. – Муж и жена. Из Ступина. У меня на квартире толклись ... Потеха... Был у неё Анатолий, полковничий сын. Я всё учила её, как себя вести.

– Если он сядет на кровать, ты не садись. Неприлично. Вдруг она при нём в одной комбинашке гладит его рубаху.

Старик мне и шукни:

– Э-э... Не помогла твоя учёба.

Я ей и говорю:

– Что ж ты при молодом...

– Ой, Мария Александровна! Что вы говорите – это старо и таких не любят. И то, что вы думаете, – уже позади!

– Вот тебе раз! А всё спрашивала: «Что мне делать?»

– Забирают Тольку в армию. Пошла с Игорем. Не знаю, с кем и быть.

– А сердце что тебе говорит?

– Сердце говорит, если Толька узнает, то убьёт! А Тольке ж пишу: люблю, не могу и прочую карусель.

Я ей выговариваю:

– Что ж ты крутишь яйца?¹⁵⁴

– А- а! Ему три года служить. Долго!

Отец похлопотал. Через год Толька вернулся.

Пошла она с ним в Большой. На оперу.

Вечером пришёл Игорь с вермуторной бутылкой. Пьёт...

Ждёт... Я дрожу. Драка ж будет!

Приходят Валька с Толей. Ставят раскладушку рядом с диваном Игоря. Ложатся.

Утром покупают водки. Пьют. Начинают выяснять отношения.

Валька мне:

– Тёть Марусь! С каким мне остаться?

– Выбирай сама.

Началась борьба за самку.

Игорь говорит:

– Уступи. Она мне жена. Я с нею спал.

¹⁵⁴ Крутить яйца – обманывать.

– А я раньше спал!

Только и говорит ей:

– Ты пойдёшь со мной? Считаю до трёх!.. Ну... Раз...

Два... Три-и...

Она ничего не сказала. Только как заревёт!

Заплакал и Толька. И тут же ушёл...

Свой выбор она так объяснила:

– У Игоря всё просто. Ешь, как знаешь. А у того родитель

из Германии всего понавёз. Хлеб вилкой не бери, а руками.

Рыбу вилкой не ешь... Целую тетрадь этих советов исписала!

Так я и буду писать?

Родила она от Игоря. Стал Игорь пить. Понарошку заго-

ворила с ним о разводе – первая стадия беды. Пришла ко мне

за советом. А у меня был Володька-квартирант. Ну, тот, что

сифилисом заболел. Минуту посидели – уже она у него на

коленях млеет! С ним она и уехала в Орехово-Зуево.

– А если Игорь сюда придёт?

– Не найдёт. Я сказала соседям – поехала в деревню. А

ребёнок у его родителей. Пусть вот и сидит с ним...

16 декабря, вторник

Пятый угол

Надпись на дорожном знаке рядом со школой:

«Осторожно! Не задавите ребёнка!»

Внизу детской рукой приписано:

«Дождитесь учителя!!!»

Анекдот

«Нельзя вечно сидеть на горшке. Задохнёшься».

Медведев жёлчно цыкнул:

– Олег!

– Есть Олег! – на подбеге к тёмному медведевскому углу лакейски поклонился Олег.

– Вот что... У нас новичок... Игорь Кашкаров. Сейчас подойдёт. Берёшь над ним шефство. Вот, – подаёт листок, – эту первую заметку пусть редактирует он под твоим контролем. Если что... Поправишь, подскажешь как надо... Вот тебе ещё и его материал. Три странички. Готовьте вместе...

– Слушаюсь, Александр Иванович!

– А теперь скажи, почему ты вчера не был на работе?

Олег замялся:

– Александр Иванович... Ну-у...

– Ну – это ещё не исчерпывающий ответ.

– Ну вы же знаете...

– Расскажи, что я знаю.

– Вчера по вашему заданию Татьяна ездила в Конаково. Собирала материал про ГРЭС...

– А ты зачем увязался с нею?

– Ну как же! Одной беззащитной нашей женщине ехать за сотню километров. В электричке шпана всякая... Короче, я её сопровождал.

– Ты что? Самопровозглашённый адъютант Её Величества? Ты эту самодеятельность давай бросай. В эту субботу будешь дежурить на выпуске, если хочешь, чтоб у тебя не было прогула.

Бузулук краснеет, переминается с ноги на ногу и, сунув руку к виску, чеканит во вкусе бывшего заматерелого вояки Медведева:

– Есть дежурить в субботу вне очереди, Александр Иванович!

– Александр Иванович, ну зачем вы его так? – заныла Татьяна.

Медведев взглянул на стенные часы и второпях удалился на планёрку, ни слова не проронив.

– Фу, чёрт, – сказала нам Татьяна. – По случаю беззубости у меня заплетается язык. Ну ничего. Я ещё поною доходчивее Медведеву.

Сияющий Олег, до беспамятства довольный тем, что успел выхватить голову из-под опускающегося топора гильотины, хорохористо потирает руки:

– Мы ещё помашем острой шашулучкой!.. О! Вот на пороге и мой ученик прорезался! Вот что, Игорёша!.. Захлопни пасть и слушай. Мне велено тобой подзаняться.

Олег положил на стол Игорю листок:

– Здесь можно сделать страничку. Я могу развести сусли и на две страницы. Можно описать так: «Оберман сел на пачку купюр и сказал...» Ну, побоку отступления. Главное есть кости, а мясо нарастёт. У меня мясо не успевает нарастать. Обгладываю! Свой материал ещё раз внимательно просмотр и мне на стол. Действуй, друже! И помни, задница говорящая.¹⁵⁵ В разговоре с начальством – кивок на пустой медведевский стол – следи за метлой!¹⁵⁶

Лукавый партбосс всего этажа Новиков уязвлён тем, что шефство над новичком доверено Олегу, а не ему. И он всё же тихой сапой лезет учить:

– Заметка строится по двум законам. Берёшь частный событийный факт плюс железное обобщение. Или: обобщение плюс частный факт.

Игорю не совсем ясны мудрёности всеэтажного Владимира Ильича, и он, Игорь, добросовестно скребёт собственный затылок.

Олег хохотнул:

– Не думай так долго, Игорёк. А то протрёшь пяточок на макушке!

¹⁵⁵ Задница говорящая – растяпа.

¹⁵⁶ Следить за метлой – контролировать свою речь, не говорить лишнего.

Не нравится Олегу, что Новиков навязливается в добровольные учителя. Подкалывает:

– Володь, что тоньше комариного?

– Не знаю.

– Струя из него! Ха-ха-ха! У матросов нет вопросов!

Только Новиков не унимается. Капает партайгеноссе своё:

– У нас, Игорь, не приветствуется распитие спиртных напитков... Был у нас в редакции Ключевский. Не мог писать в трезвом состоянии. Жена раз надела ему на голову горшок с детским содержимым. Поневоле ушёл в подзалёт.¹⁵⁷ Прятал деньги от жены. Раз сунул 25 рублей под стельку в башмаке. Сунул и забыл. Всё плакал: не на что выпить. А когда вспомнил про заначку – четвертак в пух истёрся. Он сидел и долго рыдал посреди этой комнаты...

Олег подвёл черту:

– Ну вот, Игорёк, я думаю, у Вовки уже прошёл воспитательный зуд. Суммируй, что тебе наговорили и за дело. Переделаешь... Я прочту. Ещё раз переделаешь... Там, глядишь, и примут твой первый труд. А пока тебя учат искать пятый угол...

Наконец обе заметки прочитал Медведев. О своём решении молчит.

Игорь робко спрашивает:

– Александр Иванович, что вы скажете о моём материале?

– Что я скажу... Зачем три страницы? Надо одну.

¹⁵⁷ Уйти в подзалёт – начать пить спиртное в большом количестве.

– Одной мало.

– Ну зачем сразу обо всё? Приёмом этим мы расстреливаем все свои решения... В одной куче и о рационализаторах, и о качестве, и...

– Чтоб картину воссоздать...

– Зачем нам картины? Нам материал нужен. Всё общего плана. Обо всё понемножку. Ты наши материалы не читаешь.

– Ну почему?.. Внимательно читаю. Промышленный ас Бузулук смотрел обе заметки. Одобрил...

– Бузулук не образец для меня... Тут даже повода нет.

– Выполнение обязательств к столетию Ленина.

– Это не повод. Все выполняют в меру своих сил. Повод – это событие! Я б поставил во главу: «Вся ткань комбината – лучшего мирового качества!» Нет. Мне всё-таки не всё ясно... – Медведев тупо смотрит в окно и мелко отплёвывается. – Если б мы все были текстильщики, то б всё поняли. Вы были на комбинате и знаете, а мы не были и не знаем.

– Для этого не обязательно ехать на комбинат. Выигрыш за счёт ускорения сушки. Раньше сразу сушили полотно шириной девять метров, а сейчас – двадцать два метра.

– Общие слова... Не работают. Нужны конкретные слова, чтоб каждый понял и сказал, что это действительно хорошо. Заметка должна быть подчинена логике и аргументирована.

– Я это и сделал. Создал картину соревнования к столетию.

– Это не картина. Вы всё лишь перечислили. Ну раз вы считаете... Посмотрим ещё...

– Я не считаю. Точек зрения много. Мой материал о вычислительном центре ходит от стола к столу уже месяц. А тут... Хлопот-то на минуты.

– Ну что делать? Мы же не в шашки играем. У нас все труды – страница. Вон Иткин. Он у нас считается классиком. А я из пяти его страниц оставил полторы. Раз я с чем не согласен – я режу. Вы не поняли, чего мы хотим. Мы хотим, чтоб всё было ясно, чтоб не править. Нужно, чтоб заметка читалась...

Медведев тупо и безотрывно смотрит в окно и вдруг спрашивает:

– А что такое гравий?

И всё сущее, движущееся в комнате начинает лихорадочно думать, что же такое этот проклятый гравий. Думают люди за столами; думают тараканы под плинтусами, прижукли, бросили свою глупую беготню и думают. Думают легкомысленные пылинки на столах и над столами.

Выскочил из комнаты легендарный всеэтажник Владимир Ильич. Не знает ответа и потому убежал от ответа?

– Ну! – отважисто начинает отвечать Татьяна.

– Медведев тут же её осаживает:

– Ну что ну? Ну – это не объяснение!

– Вы не дали сказать... Ну... Мелкий камень, щебёнка там...

– А что такое щебёнка?

Все ещё сильней обхватывают головы. Думают теперь уже про щебёнку.

Медведев хмыкнул:

– Занятно... Пишется через е. Щебёнка. А произносится через и. Щибёнка. Выскочили щи! А там, глядишь, пожалует и суп... Может, я схожу чаю попью? Да?

И парни за столами, и тараканы за плинтусами, и пылинки на столах и над столами в один голос радостно простонали:

– Да! Да!! Да!!!

И после полдника продолжение следует. Медведев сумрачно сидит за столом. Игорь опять подходит к медведевскому столу. Ждёт ясного, конкретного ответа.

Тут влетает всеэтажный Владимир Ильич с толстенной книжищей и ликующе вопит:

– Александр Иванович! В библиотеке я перелопатил тонну справочников. Вот! Принес политехнический словарь. Слушайте! Читаю всем!

– «Гравий – материал, добываемый из рыхлых залеганий, образовавшихся в результате естественного разрушения извержённых, осадочных или метаморфических горных пород. По происхождению гравий разделяется на речной, морской, озёрный и овражный. По форме зёрен различают гравий щебневидный (малоокатанный), яйцевидный (окатанный), игловатый, пластинчатый. По крупности зёрен гравий различают на мелкий от 5 до 20 мм, средний – свыше 20 до 40 мм,

крупный – свыше 40 до 150 мм».

– Вот это дело! Чётко, ясно! – похвалил услужливого Владимира Ильича Медведев.

Зато Игорь так и не дождался от него вразумительного ответа.

Ближе к вечеру позвонила Олегу Татьяна. Она на сессии Верховного Совета. Звонила из кабинета прессы.

– Ну, – говорит Олег, – ты с делегатов ещё не сорвала ни одного значка для меня? Что там делаешь? Давишься бутербродами с икрой? Ну-ну!

17 декабря

Поцелуй

Вечер.

В кусковском гастрономе пьяный амбал поднял у кассы палец над головой:

– Ну! Кто в помощники? Двое! Голосую!

И курносой продавщице:

– Не люблю курносые носы. Люблю прямые, откровенные.

Продавщица обиженно насупилась:

– Иди! Иди! Гуд бай!

– Я не бык. Я из Владивостока. А ведь ты кривая. Будто только что тебя с лошади сняли. А ну пройдишь. По одной досточке!

У моей хозяйки, у 71-летней дамы Марьи Александровны, или, как она себя любит называть, у обнажённой Махи, снова гости. Звон стаканов, хмельные голоса.

Я слушаю по «Маяку», как Весник читает мой перевод рассказа Чечвянского «Оскудение», и чищу картошку для супа с бараниной.

Еле вползает Маха с накрашенными жабыми губами. Дышит тяжело, прихрапывая.

– Извини, – целует меня со старческим пристрастием в щёку. – Прости, Толя. Я снова выпила.

– Ну что вы! – креплюсь я. – Все пьют.

– Вот тиранишься с картошкой... А то б плясал, а жена чистила... Привёл бы какую-нибудь...

– Не идут. По путёвке комсомола направили б какую...

– Ничего. Мы тебя тут женим.

– Вы меня не запугивайте! Меня нужно приручить, убедить в необходимости...

– Ну чего словами вожжаться?! Одно слово: женим! Этого греха враз найдём!

– Ну да.

– Катя! – стучит она в фанерную стенку соседке. – Не слушается.

Из-за стены скрадчивый совет:

– А ты его ремешком, ремешком. Это не помешает.

Марья Александровна выходит.

Я вытираю полотенцем её краску со щеки.

17 декабря

Протест

К нам в отдел затесался кагэбэшник с толстым портфелем. Разыскивает Постникова, заместителя Генерального директора.

Я ткнул пальцем в потолок:

– Выше.

Закрылась за ним дверь. Валька Молчанов подкалывает меня:

– А ведь он по твою душу. Согласует последние детальки с Постниковым и... Это за тобой, Толя. Точно! – Он выглянул в окно и присвистнул: – Повезут в парикмахерскую. Вон же стоит чёрная маруся!¹⁵⁸ Тебя ждёт!

– А тебя уже свозили?

– Вчера.

Я не стригусь уже третий месяц. В знак протеста.

На прошлой неделе ко мне приходил уплатить профвзносы Колесов. Я так объяснил ему свой протест:

– Вот вы перевели меня из редакторов в литсотрудники... Своей катастрофкой вы срезали мне зарплату на 35 рублей. Эти 35 рублей шли у меня на графу «Парикмахерская, ба-

¹⁵⁸ **Чёрная маруся** – грузовой автомобиль, оборудованный для перевозки заключённых.

ня». Не на что стало мне парикмахериться...

– Гм...

Больше он ничего не сказал.

21 декабря, воскресенье

Дрова для бедной махи

Да Бог с ним, с раем, раз шалаши остался.
Н. Хозяинова

Сегодня минус двадцать.

Мария Александровна протопила печь. Тепло.

Весёлая у нас изразцовая печка. Одна согревает четыре комнаты. В каждой комнате есть её бок. И у хозяйки Махи, и у Дуськи, и у меня, и у бабы Кати, которую муж Марьи Александровны навеличивал Кэти.

– Зачем он меня так? – обижалась баба Катя.

– А он на французский макарий! – пояснила Марья Александровна.

– А-а! Это почтение!

У нас печка одна на четыре хозяина. Каждый может топить из своей комнаты. Тепло же будет идти и в остальные три.

На электроплитке я пеку блины и сразу транзитом в рот. Ни одной перевалочной базы.

– Тебе надо прикупить дровишек, – советует Марья Александровна, любившая называть себя обнаженной Махой.

В молодости она была неотразимо хороша. За всю жизнь ни одного дня не работала. У неё даже не было трудовой

книжки. Ехала на своей красоте.

Наша кусковская Маха приделась. Похвалилась:

– Ухожу на заработки.

– Вот на дрова и подзаработаете.

– Ну да, пекарь Пикэ, задница в муке!

Вернулась Маха что-то очень вскорую.

Запыхалась от быстрой ходьбы.

Стучит в фанерную стенку соседке:

– Кать! Ты совсем легла?

– Совсем.

– А у меня происшествие...

– Сейчас встану.

Пришла Катя. Шушукались долго.

Через стенку всё слышать.

Из обрывков их шёпота я понял, что Маха, она же Марья Александровна, ходила к своему воздыхателю. Спросил он, который час. И цап её за руку – часов нет.

Еле отбомбила свои часы и не бегом ли домой.

При таких кадревичах где тут Махе заработать на дрова?

24 декабря Витька ушёл!

Вчера под вечер был в килькином министерстве. Там готовили материал для «Правды». А отдали мне. И попросили: – Обставь «Правдуню»: А то она нас задолбала своей критикой.

Сегодня в восемь я был уже на работе. Отпечатал материал. Кинул на стол Медведеву.

Вышел в коридор размяться и наткнулся на некролог.

Виктор Иванович Китаев.

Милый человечко... Ходячий островок чистоты...

В прошлый четверг он не пошёл на поминки матери нашей сотрудницы. А наутро, в пятницу, позвонил и сказал, что у него грипп, на работу чуть опоздает. Вечером жена приходит со службы и видит: пол залит горячей водой. Виктор Иванович лежит в ванне, кипяток льётся на него.

Со слов врачей о смерти говорят так:

– С мороза человек влетел в кипяток. Клапан сердца не сработал. Потерял сознание, захлебнулся. Диагноз: утонутье.

И вот сегодня кремация.

Автобус от ТАССа отходит в 15.30.

До отхода осталось пять минут.

Я мечусь со своим рыбным материалом. Медведев сбегал

выпил чаю, дочитал мой материал и велит:

– Кинь материал на машинку и пойдём отдадим свой гражданский долг.

По пути я заношу материал в машбюро, дальше идём с ним вместе. Садимся в автобусе рядом.

Из тассовской двери выходят трое.

– Смотри! – толкает меня Медведев в локоть. – А одетый по-зимнему Князев похож на Лаврентия Павловича Берия. Ему может не поздоровиться.

Трое проходят мимо открытой передней двери автобуса. Красовитая секретарша Лидушка подивилась:

– Хо! Все трое в очках. А не видят нас!

Впереди рядом с Лидой восседает, расклячившись, громоздкий рохля Беляев.

Беляев медведем облапил её. Хвалится Медведеву:

– Вот у меня подчинённые! Одни молодые дамы! Ну как руку не приложить?

Судя по её выражению лица, она б готова оформить его в нокаут.¹⁵⁹ Да как дашь хамоватому начальничку по балде? И она, притворно улыбаясь, молчит.

Минус двадцать. Холод – это рассыпавший своё тепло зной. Медведев держится петушком, не опускает уши шапки. Она ему большая. В ней он выглядит смешно. Кажется, вот-вот она прикроет его тонкое лицо. Выглядит он мальчишкой-забиякой. Шапка надвинулась на брови, из-под ко-

¹⁵⁹ **Оформить в нокаут** – сильно ударить.

торых насторожённый взгляд так и стриждёт всякого, на кого ни посмотрит.

Вошли Бузулук и Молчанов.

Медведев уставился на Молчанова:

– Что, наш жених без шапки?

Кто-то хохотнул:

– Он её в руке держит. Бережёт. Боится, на голове она застудится!

Последним вскочил в автобус преподобный Терентьев. Стандартно вскинул руку:

– Здравствуйте, борцы за народное дело!

Мы отъехали.

Весь автобус молчал. Лишь временами раздавалось лошадиное ржание Беляева. Чувствовалось, что едет он по пригудиловке.

Сразу после кончины Китаева зам Генерального Сергиенко подписал приказ: похоронить на средства ТАСС. Работавшие с Виктором Ивановичем должны были как обычно взять на себя похоронные хлопоты.

Начальник Китаева балагур Беляев наотруб лупанул:

– Мне некогда! Я не могу!

Глядя на Беляева, открестился от похорон и его зам подхалимный лукавка Терентьев.

Тогда Сергиенко звонит Колесову и требует, чтоб тот создал комиссию по похоронам. И потребовал, чтоб именно Беляев возглавил эту комиссию.

Вот теперь он по приказу сверху и «возглавляет» дурачась, как бы показывая: я не хотел – вы заставили. Вот и получайте в ответ.

Первый медицинский институт.

Покойницкая. Высокая и узкая.

В приоткрытую боковую дверь я вижу, как студенты-мясорубы четвертуют тела. Практикуются.

Мне становится не по себе. Я опускаю голову.

К открытой двустворчатой двери подправляется задом автобус с чёрной полосой.

Вот и Виктор Иванович.

Дебелая баба в халате равнодушно укладывает цветы у лица, на груди, вдоль рук. Виктор Иванович весь в цветах. Видны лишь лицо и седая голова.

Тассовцы томятся у гроба, ждут не дождутся, когда же ехать. Наконец они хватают гроб и быстро запихивают в автобус.

Первым идёт автобус с гробом. Мы, тассовцы, едем за ним. С первого сиденья я тупо вижу, как впереди холодно вертятся колёса автобуса с чёрной полосой. Живые едва выскакивают из-под колёс с мёртвым. В автобусе у нас тихо. Слышен лишь грохочущий бас Беляева. Он отдаёт свой долг гражданина.

Донской крематорий. Во дворе молодые ели с подушками снега на них. Кажется, они скорбят. Кругом разлита печаль. Из трубы идёт дым. Вот где воочию убеждаешься, что все мы

чадим, коптим небо. Вечно будут светить живым неугасимые огоньки коммунизма.¹⁶⁰

Гроб проносят в центр великолепного огромного зала. Ставят на пьедестал, окруженный мраморным барьерчиком.

Оглядываюсь. В глубине зала виден орган на сцене. Слева мраморный бюст архитектора Осипова, автора этого крематория, открытого в 1927 году. Осипов был тут кремирован.

Поднимаются на сцену две слепые женщины. Играют на скрипке и органе.

Люди проходят за барьер. Прощаются.

– Все простились? – сухо спрашивает служивица.

Молчание.

Дёрнулся свет, что-то дрогнуло, и пьедестал с гробом под звуки органа стал опускаться. На секунду я увидел пропасть, куда уносило Виктора Ивановича.

Эту пропасть с обеих сторон стремительно закрывают две створки тёмного бархата. Сбежались и дрожат.

Вера, супруга Виктора Ивановича, повисла на барьере, простёрла руки к ещё дрожащему бархату.

– Витька ушёл! – раздался её дикий вопль в мёртвой тишине.

У автобусов долго судачили.

Начальство не захотело ехать на поминки. Партвождь Шишков тут же сбежал. Остальные доехали на автобусе до

¹⁶⁰ Огни коммунизма – крематорий.

дома Китаева. Родственники вышли. В автобусе снова поднялся базар. Идти не идти на поминки?

– Эх! – вскинул кулаки Бузулук. – Люди вы или кто? Пошли скажем Вере слова утешения!

Медведев чуже ему буркнул:

– Скажи от нашего имени. Мы доверяем тебе.

27 декабря, суббота

Купил в кредит диван-кровать.

Договорился с забулдыгами с крытой машины довести за четыре рубля.

Попутно прихватили ещё два дивана. Для бабки и старика.

Сначала сгрузили бабкин диван. С пятёрки не дали бабке рубль в сдачу. Требовали набавить. Старику с шести не дали сдачи. Минут десять канючили накинуть.

У калитки сгрузили моё сокровище. Дал четыре.

– Набавь пару.

– Плачу как договаривались.

– Э-э! Дать тебе в морду?

– Ты! Хамло!

Записываю номер их машины.

Они тут же смотались.

Заносил в комнату с пареньком. Видно, шёл из школы. За пазухой учебники.

Как-то было неловко. Сунул я ему рубль.

Он застеснялся пуще меня. Отнекивается.

– Бери! Ты заработал честно.

Марья Александровна после выговорила мне:

– Тебе б мужики занесли. Кинул бы полтинничек.

– Таким обиралам я и копейки лишней не дам!

– Жадничаешь? Между прочим, ты у меня уже два месяца. А за топку мне не платишь...

– Вы не для меня топите печку, а для себя. Вы ли не знаете? У нас одна печка на четыре комнаты. На четыре хозяина. Каждый может топить из своей комнаты. Тепло же побежит и в остальные три норы. На днях куплю дров, буду топить и я.

29 декабря

Входит Люся Ермакова. Наша декретница.

Татьяна радостно раскинула руки:

– Идёт коза рогатая за малыши ребятами!

Наскуило Люсе сидеть дома с ребёнком. Пришла проведать нас.

– Олешка! Как сын? – спрашивает Люся.

– Молодцом. Не забывает расти!

– А ты так хотел девочку...

– Да, Люся. Хотели Поэму, а вышел Роман!

– Не огорчайся. Здоровья хватит и на Поэму. Работай!

Оживился Артёмов. Потирает руки:

– Расскажу я нашей декретнице о своей встрече с Маяковским. Ленинград. Актив ленинградской молодёжи. Опоздал он на час. Пожал многим руки.

– Ну что ребята, ругаете? Извините. Был на встрече на заводе.

– Не ругаем. Вопросов гора.

Маяковский вышел на сцену. Снял пиджак:

– Начнём с вопросов. «Маяковский, почему вы начинаетесь на М, а Пушкин на П?

– Э-э, ребята, бросьте эти анекдоты...

Маяковского травил критик Трегуб.

О нём Маяковский написал эпиграмму

Велик, как пуп,
Двулик Трегуб.

31 декабря

Храп

Страна любви живёт туризмом.
Н. Хозяинова

Сидим охраняем столы.

Столоохранители.

Эх... Тут «мы убиваем время, время убивает нас... Когда же наступит перемирие?»

В буфете появилось шампанское.

Взял бутылку и уехал к Зайченке. Кто это? А чёрт его маму знает. В друзья не запишешь. А так... Скользкий типус с бегающими глазками.

У него дома с одной стены обои съехали на пол. Помог поклеить обои.

Гости стали собираться в десять. К двенадцати были все уже очень хороши.

В три ночи выкатились на улицу горланить песняка.

Этого показалось мало.

Стали толкаться в снег.

Пухленькая Танечка подивилась:

– А почему ты чистый? Хочу тебя в снег.

– Я сам сяду.

Схожу с тротуара и чинно сажусь на снег. Она стоит рядом

и сияет.

– Ну вставай. А то мой хахель Эдик уже косится.

Таня столкнулась со мной и ударилась лбом о мои зубы.

– Надо поцеловаться, – загапризничала она.

– Нет проблем.

Я дважды целую ушибленное место.

Галя, Лида из Владимира, Эдик легли почивать на диване.

Баре!

Всем прочим гостям рекомендован тёплый пол.

– Твой хахаль спит? – спрашиваю Таню.

– Он притаился. Когда он спит – храпит жутко.

– И ты терпишь?

– Приходится.

– А вот я не храплю!

– Ну переходи в мои временные хахели...

– Знаешь, мне не хочется быть временно исполняющим какие-то обязанности.

– Сначала временно. Это зачтётся в испытательный срок.

А потом будешь постоянно не храпеть...

1970

1 января, четверг Новогодняя ночь

Вернулся из гостей в десять утра.

В моей норе волчий холодище.

Уже два дня Маха отогревается у брата. Завтра он с женой едет в Сочи.

В пальто и в шапке подогреваю жареную картошку на электроплитке.

Зашла баба Катя и пожаловалась:

– У тебя я зябну.

– А мне жарко!

– Слушай баюшку. У колонки слыхала.

В новогоднюю ночь захмелелая мышка ввалилась в бокал с шампанским.

– Котик! Родимушка! – взмолилась она, увидев кота, проходил мимо. – Помоги выбраться!

– Я помогу. Но потом я тебя съем.

– Пожалуйста! Пожалуйста!! Целых три раза пожалуйста!!!

Кот опустил в бокал хвост. Мышка по нему выскочила и

брызнула на ёлку. Пристыла самой на верхней ветоньке.

– Спускайся! Я должен тебя съесть. – Котик! Да ты что!?!
Кончай гнать мороз.¹⁶¹ Ну ни стыда ни совести... Даже маленьким детям не разрешают есть игрушки с ёлки. Конфеты, печенья там. А я живая ж игрушка! Украшаю ёлку! И потом... Какой же ты наивнушка! Да мало ли что наобещает пьяная баба в новогоднюю ночь!

¹⁶¹ **Гнать мороз** – говорить вздор.

4 января

Куда делась палуба?

Воскресенье.

Работаем.

Новиков пришёл с горькой новостью:

– Лида родила девочку. А я так хотел мальчика...

Аккуратова деланно, как всегда:

– Ур-ра! Ильич разродился! Ильич разродился!

В очереди за деньгами Резайкина поздравляет его с дочерью. Целует. А у него вид несчастного человека, недовольного тем, что его сняли вовремя с виселицы.

Вернулась из роддома и Бахметьева. Пришла за получкой.

– Родила?

– Родила...

– Мальчика?

– Если бы... Ничего... Переживу...

Аккуратова постукивает Медведеву на Сашу:

– Александр Иванович! Скажите Саше, чтоб аккуратней книжку вёл, – и трясёт перед ним талмудом для учёта поступающей информации.

– Хорошо. Соберу во вторник летучку.

Саша в ответ на этот «звоночек» стал Татьянку вежливо подкалывать.

Перед обедом подошёл к ней, наклонился и ядовито-лас-

ково шепнул на ушко:

– Татьяна Владимировна, пойдёмте в столовую?

Она порохом пыхнула:

– Какая я Владимировна? Я – Валентиновна! Никуда я с тобой не пойду!

– Ах, извините!

– Испортил мне день! Вообще не пойду в столовую. Обойдусь апельсином... Но вас, Александр Иванович, я им не угощу. Он горький. Я его ем по принципу: лучше в нас, чем в ТАСС.

Бузулук погрозил пальцем Новикову:

– А ты, Володьк, не зажимай обмывку. Дочь не будет расти!

Новиков сердито отмахнулся.

– Держишь на супружницу камешек за пазухой? – не унижается Олег. – Не таскай – рубаху порвёшь. А если уж очень гневаешься на неё, так купи своей Лидуне в подарок за дочушку наушники¹⁶² на меху и подмышечники из наждачной бумаги. И жди сына!

– Да отстань же ты, болтуха!

– Эха! – поворачивается Олег к Татьяне с улыбкой во все тридцать три зуба и направляется к ней с деланной ненадёжной походочкой. Широко раскинув руки, он духоподъёмненько поёт:

¹⁶² **Наушники** – бюстгальтер.

– На палубу вышел, а палубы нет.
Татьяна её растащила!..

Татьяна от него отмахивается:

– Не кати бочку на честную труженицу советского пера!..

Или ты и в сам деле хватанул сранья три стакана с первого подхода?

– Никак нет, Татьяна Валентиновна! – рапортует Олег, кинув руку к виску. – Никаких манёвров¹⁶³ с утреча! Поклевал грешной каши с молоком и весь завтрак. Я пришёл к тебе с докладом про нашего Вовика. Как услышит наш Володя про сына – на 180 градусов его воротит!

– А я, – говорит Татьяна, – готова родить сына горячо любимой Родине. Все претензии к Альбернади.

¹⁶³ Манёвры – пьянка.

5 января

Заседаловка

*Какой же волк не считает себя наставником
заблудших овец?*

Б. Крутиер

Сегодня вернулся к нам Сева Калистратов с выпуска А. По окладу – 210 рублей – он заместитель заведующего редакцией.

Теперь у нас три начальника на четыре литраба.¹⁶⁴ Четверо с сошкой, трое с ложкой. Погоньчи! Погонялкины! Осталось каждому по новому кнуту выдать.

У Медведева свой припев:

– Теперь у нас коллегия! Можем серьёзно обсуждать наши дела.

И в четыре сегодня же первая заседаловка.

Медведев:

– Ну что? Начнём? Сидя. Проинформирую что надо. Попутно скажу. Вчера было посещение иностранными журналистами ЗИЛа. Я подделался под японца и просочился на этот автогигант... Вот... Теперь про обязаловку. Сейчас мы на пороге больших событий. Приближается столетие со дня рождения Ленина. ЦК выпустил тезисы...

¹⁶⁴ **Литраб** (сокр.) – литературный работник, литературный сотрудник.

Его перебивает Артёмов, обозреватель уже на пенсии:

– Саша! Ты завредакцией. Ты эти тезисы сам читал?

– К чему такой вопрос?

– А к тому... Я провёл тайный опрос и убедился, что лишь один (!) процент тассовцев читал эти самые тезисы. Ну какой колхозник прочтёт эти нудяшные три полосы!?! Вода в ступе это. Это было к 50-летию Советской власти. Повторение. Тут не аля-ля нужны. Нужно выступить коротко самому большому писателю... Каждое слово отточено... Чтоб человек прочёл и захотел походить на Ленина. Может, я ересь говорю, но я бы не видел тогда сегодняшней профанации: масса снимков в газетах – рабочие читают тезисы. Да никто их не читает!

– Ну ты-то за всех не расписывайся. Лично я тезисы прочёл, даже составил план к ним! Газеты необоснованно связывают незначительные дела с именем Ленина. К нам, к ТАССу, у ЦК нет претензий. Мы много мелочного вычёркивали. И ещё много будем вычёркивать. Не мельчить! Трудовая вахта столетия – основная наша линия! Давать широко! Для этого и укреплена наша редакция. Вернули вот нам Севу. Крен надо брать такой: как предприятия выполняют юбилейные обязательства. Надо давать крупным планом. У меня есть перечень ленинских тем. Первая. «Создание материально-технической базы коммунизма». Тема широкая. И следующие темы: «Электрификация», «Сталь нашего времени», «Города будущего». То ли строить их до миллионника, то ли

остановиться на пятистах тысячах. Есть разные настроения.

Медведев почесал в затылке:

– И о нашей работе по новой системе. У нас не очень тщательно редактируются материалы. Приходится мне и Новикову переделывать и перепечатывать. Кто будет плохо редактировать – будет сидеть на редактировании, пока не научится хорошо редактировать. Мне не нравится, что многие уходят и не говорят куда. Бузулук пропадает на час. Санжаровский стал уходить. Я никого не задерживал. Санжаровский не хотел идти на коллегия в министерство. Я заставил пойти... Я бы хотел услышать объяснения, почему Петрухин и Бузулук не выполняют свои планы, почему не пишут корреспондентам письма с рассказом о том, о чём тем писать. Ну, кто первый объяснять? Давай, Олег.

Олег прикипел взглядом к потолку:

– Обвинять человека, связанного по рукам, можно в чём угодно. Сидим здесь от звонка до звонка. Писать некогда.

Медведев:

– Я для того ввёл ежедневный приход на работу, чтоб Бузулук и Петрухин почувствовали, что такое работа в ТАССе.

– Я уже почувствовал! – отрапортовал Петрухин.

– Мы, – сказал Медведев, – чаще лучше говорим, чем пишем. У меня пожелание: давайте серьёзно относиться к делу.

Коряговатый колесовский зам Иванов эквилибристничает:

– Можно подумать, что есть здесь насильники с кнутом

и противоборствующие подчинённые. Не видимость ли тут? Для дисциплины нелишне. Но если редакция видит, что всем сидеть лишне, установить дежурство, а другие-прочие марш на свои объекты! Только без дураков! Чтоб было сделано наверняка. Тогда будет больше ответственности у каждого... Я никого не хочу пугать, но хочу, как говорят наши восточные друзья, чтоб они видели в этом намёк. Дорожите своей маркой. Помните, что ТАСС – каждый из нас! Думать прежде всего о качестве. За плохо написанную заметку будем наказывать!

– Кого? – выкрикнул Олег. – Того, кто написал или того, кто завизировал?

– Кто написал.

– А я в одном словаре вычитал, что на востоке наказывают не того, кто провинился, а его хозяина.

– Но мы-то живём на западе! Теперь такое... Пока серьёзный материал не получил окончательное добро здесь – у меня или у имеющего право окончательной визы – не посылать на визу. Вот Аккуратова сегодня завизировала в Госстрое у Новикова. А у меня есть вопросы. Каково теперь идти Аккуратовой к Новикову? У вас появился ещё один зам. Сева Калистратов. Как сказал Бузулук, на одного литсотрудника по одному начальнику. Это хорошо. Быстрее будут подгонять подчинённых.

Медведев тут подсуетился:

– А не хотите делать – мы сами будет делать. Вы не сдела-

ете тему – нас, начальников, три – пойдём по вашим следам и сделаем.

В огорчении всплеснул руками Петрухин:

– Это несерьёзно. Слова обиженного человека. Пусть зав не доволен нами. Так и сидеть здесь четырём редакторам непозволительная роскошь! Невидимыми цепями мы прикованы к столам, как рабы к тачкам на галере.

Я сказал:

– Александр Иванович! Ну зачем вы так много кидаете лапши на мои бедные уши? Они у меня не безразмерные. Странно слышать от вас попрек, будто я пошёл в рыбное министерство лишь по вашей приказке. Без ваших понуканий я отправился в 9.30. Вы вдогонку сказали, что пора идти. И зачем говорить, если я уже шёл? К чему этот упрёк? Вы видите только чёрное. Заметку со словом сегодня о машине для разделки рыбы вы задержали на четыре дня! Вы почему-то не видите, что материал я сделал за одну ночь. Узнал уже в пять вечера, сбегал в министерство, ночью написал, в восемь отпечатал, в девять положил вам на стол. Работа по-новому нанесла пока вред. Раньше сидели в редакции лишь два редактора, сейчас протирают штаны уже четверо. Сегодня вдвоятером сдали семь заметок. Слишком много! И второе. Когда переходили на новую систему, у меня отобрали четверть зарплаты. Вы мне сказали: «Будешь писать, будешь получать!» По натуре я вол, работы не боюсь. Так мне вы её не даёте! Я чистыми получаю шестьдесят вшивиков. Как ни

удивительно, я ещё хочу... Ребята у нас молодые, грамотные, крепкие. Работу знаем. Доверять! Мы молоды и у нас больше прав на ошибку. Вы для того и есть, чтоб поправлять нас искренне, честно глядя в глаза, а не окриком. Нам надо работать, а не охранять столы. Гм, сиди и охраняй! Не отойди. Докатимся до того, идёшь в туалет – проси у вас письменное разрешение?

– Да, мы сидим, – на вздохе поддержала меня Татьяна. – С переходом на новую систему я стала вдвое больше выкуривать в коридоре сигар. В ожидании заметок. Зачем тогда тут сидеть?

Медведев постучал по столу:

– Мы всегда успеем начать работать по скользящему графику. Да есть опасность. Тогда вместо двух выходных кое у кого будет четыре.

Переливали из пустого в порожнее два с половиной часа. Всё это время Медведев что-то судорожно искал в своих бумагах. Искал и рвал. Нарвал на столе два Эвереста. Наконец он отыскал нужные листки и радостно подбежал с ними к Иванову:

– Вот планы Бузулука и Петрухина. Красивые. Всё они правильно говорят. Да почему не делают? – И потряс листками Бузулуку и Петрухину: – Одна говоруха! Кончайте всё это ваше устное народное творчество! Дело-то где?

Уже после заседаловки Медведев похвалился:

– Ещё две летучки и стол я очищу от ненужных бумаг.

Хорошо я сегодня поработал. Сто-олько выбросил...

Стали расходиться.

Сева не мог удержаться от воспитательного служебного зуда, по инерции попенял Бузулуку:

– А вчера ты, Олежка, играл с Артёмовым в шахматы в рабочее время!

Артёмов щитком вскинул ладошку:

– Нет. После шести!

И все рассмеялись.

7 января

Трёп коромыслом

Сияющая Татьяна потрясла над головой «Трудом»:

– Всем объявляю строжайший выговорешник! Почему не прочитали мне эту заметку? – И торжественно читает: «Наверное, лучше многих других традицию эту могли бы объяснить женщины племени тораджи с индонезийского острова Сулавеси. Здесь считается модным отсутствие передних зубов. И хотя власти запретили этот варварский обычай, местные модницы продолжают упорствовать. Они тайком уходят в джунгли и с помощью камня выбивают себе передние зубы». Во! А я ни в какие джунгли не бегала, камнями не лупила себя, а ела новогоднюю курицу и сломала зуб! Хочу в джунгли в командировку! И командировочные чтоб пять двадцать. Как в «Литературной газете».

Медведева нет. На планёрке.

Трёп у нас в комнате стоит коромыслом.

Бузулук с улыбкой показывает Калистратову кулак:

– Съева! Я не ожидал позавчера от тебя такого коварства. По части шахмат.

Сева грозит руководящим пальчиком:

– За твою неорганизованность я буду пилить тебя каждый день!

– А в выходные чем займёшься? – окусывается Олег. –

Будешь точить пилу? Или прогул себе запишешь?

Я подымаю обе руки:

– Господа плюс товарищи! Настало время раздать вам дуэльные пистолеты.

– На дуэль – в коридор! – командует Татьяна и продолжает вырезать статьи из «Литературки».

Ворох ненужных бумаг подняла она перед собой и трубно докладывает Новикову:

– Глянь, Вовк, сколько настригла!

– Пожалуйста, без комментариев! – мрачно бросает из угла Молчанов. Он пишет.

Руководящая чесотка раздирает Севу. По всякой пустяковой правке отредактированной мной заметки он поучает меня. И причина вроде уважительная:

– Мне хочется передать тебе свой богатый опыт работы с тассовской информацией.

На последнем терпении я мотаю на ус болтовню.

Через день-два эта учёба заставит меня лезть на стену.

Всё впереди.

Вечером я дружинник. Со мной ещё двое наших. Куликов и Белов.

Узнав, что я вышел на дежурство в первый раз, говорят мне:

– Мы линяем по домам. А ты в 21 час придёшь и распишешься за нас. А до этого часа иди гуляй где хочешь.

Я посидел в зале периодики Главной библиотеки.

За себя я расписался. А за тех парней не дали.

12 января, понедельник

Объяснительная

Бегу на работу вприпрыжку. Так мне хорошо.

А хорошего-то ничего. Только сегодня узнал, что должен был я дежурить вчера на главном выпуске. Да запомнил.

Вызвал Фадеичев и велел рисовать объяснительную.

Я такие штуки ни разу не писал.

– Ну чего ты, пане, повесил нос? – потрянул Олег меня за плечо. – Садись рядом. Я помогу. Уже штук шесть нарисовал. Поделюсь опытом.

Он пишет от моего имени.

Заместителю главного редактора ГРСИ

Фадеичеву Евгению Михайловичу

от литсотрудника РПЭИ Санжаровского А.Н.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

В воскресенье 11 января я должен был по графику дежурить на главном выпуске ГРСИ. Безусловно, я бы вышел на дежурство, твердо знаю, что должен быть там. К сожалению, я впервые об этом запомнил. И вот почему. Накануне два дня у меня были заняты освещением актива геологов страны. Я впервые писал о таком крупном событии, я боялся упустить самую

аленькую подробность. В пятницу поздно вечером на активе выступил Секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Соломенцев. Я устал. У меня не хватило сил приехать в редакцию. Сверки, передача, дальнейшие уточнения деталей отняли у меня не только много времени, но и сил. В результате я не смог приехать в редакцию и восстановить в памяти известие о том, что в воскресенье у меня дежурство на главном выпуске (оно лежало на моем столе). Обещаю, что этот первый нечаянный случай нарушения трудовой дисциплины будет у меня и последним.

Олег торжественно прочитал мне своё творение и спросил:

– Ну как? Этот всепланетный плач народов пойдёт?

– Хыр-р-рошо!

– Писал ведь опытный нарушитель дисциплины. Стреляный воробей и не раз битая собака. Ничего, старик. Крепись! «Человек не становится меньше оттого, что ему отрубают голову».

– Спасибо. Утешил.

Приказом за подписью одного из замов Лапина мне отстегнули замечание.

Секретарь Лидочка принесла мне этот приказ на подпись.

Я заартачился:

– Ваши шишки собирать!?! Не буду. За месяц тащите график на подпись! За месяц можно забыть даже как тебя зовут! Почему б за неделю до дежурства не предупредить?

– График составляют Колесов и Беляев. Говори с ними.
Я к Беляеву.

– Ничего, Толь! – охлопывает он меня по спине. – Вон Смолин тоже чуть не получил выговор на невыход на дежурство. Забыл тоже. Но ему позвонили и он пришёл. А у тебя нет дома телефона... Не ты первый накаливаешься...

Я схватил толстый карандаш для правки и зло и размашисто в пол-листа кручу всего четыре буквы.

Приказ провисел в коридоре всего один день.

Бузулук сочувственно пожал мне руку:

– Свою ненависть к администрации ты доходчиво выразил в своей подписи. Только слишком рьяно не дерись с начальством. А то оно быстренько прижмёт тебе морковку дверью.

А Молчанов подбодрил:

– Чтоб волков не бояться, надо спортом заниматься!

2 февраля, вторник

Новый прокол

Я бодр. Радостен. На душе легко.

Ещё нет девяти. Влетаю на выпуск Б с заметкой.

И тут Денисович плеснул на меня ушат холодной воды:

– Вы почему в субботу не дежурили на главном выпуске?

– Я очумело разинул рот:

– Разве я должен был дежурить?

– Посмотрите на график. Там ваша подпись.

Лечу на А. Ну да, моя. Я же дежурил в четверг вечером.

Видел эту подпись. И почему не положил на неё внимания?

Фадеичев, оторвавшись от вычитки текста, лениво так, с подковыром любопытствует:

– Вы почему снова не дежурили?

– Я... Я... Я ... болел...

Наконец вырулив на болезнь, я отважистой гахнул:

– Ну да! Болел! Вот!

– У вас больничный?

– Н-нет... Будет... Тут... Было до тридцати холода. Хо-

зьяйка уехала к брату на квартиру. Он в отпуске на юге...

Я один топил печь в частном доме... Плохо себя чувство-

вал... У меня нет телефона. А до первой телефонной будки

с полкилометра... Я не мог позвонить ни на выпуск, ни в

скорую...

– И некому было сходить за вас?

– Некому. Я живу один там недавно. Никого не знаю.

– Пишите объяснительную.

Я помялся и, расстроенный, ухожу.

Моя каша опечалила Бузулука. Он сосредоточенно почесал спину, ничего вразумительного не посоветовал.

Я съездил в килькино министерство за материалами по завтрашней коллегии. Возвращаюсь – из тёмного угла улыбается довольный Медведев. Он пока ничего не знает. Всю прошлую неделю он с Колесовым и Смирновой был на кустовом совещании в Риге.

Я бочком подсел на медведевское исповедальное кресло и пробормотал:

– Александр Иванович... Спасите мою душу... В субботу я заболел и не мог выйти на дежурство. Я и сейчас плохо себя чувствую...

– Плохо чувствуешь? А чего вышел? Тут жертвы не нужны.

Получаю я деньги, а Бузулук – стоял за мной в очереди – шепнул:

– Окапиталился... Давай слиняй на недельку. Поболей на здоровье!

Медведев был на планёрке.

Я к Новикову.

Он только вчера вышел из декретного отпуска. Ждал мальчика, а жена родила девочку. С горя Владимир Ильич

прихворнул на целых две недели.

– Володь, – говорю, – я плохо себя чувствую. Если не приду завтра, значит, я болен.

До метро я шёл с Артёмовым. Он всё утешал меня:

– Ничего. Я поговорю с Сашей Медведевым и с Фадеичевым. Я дежурил в субботу. В шахматы играли. На выпуске ты и не нужен был. В шахматы-то не играешь.

В кожном диспансере я с порожка аварийно заныл:

– Доктор! Положите с моими грибками на ногтях в больницу. Сегодня или никогда!

– К чему такой пожар? У нас ведь очередь. Направление я сейчас напишу. Позвоните завтра.

По пути домой меня занесло в 71 поликлинику.

В регистратуре со мной говорить не хотят. Никакой конкретной жалобы! И главное, говорят, вы не нашего района.

– Ну хоть несчастную температуру можно измерить у вас американскому лазутчику?

– Это всепожалуйста.

Сунул я градусник под мышку, сижу на кушетке и слегка мечтаю прихворнуть. Мне очень этого хочется. Иначе – могила. В полном здравии могила!

И происходит невероятное.

По горячей просьбе трудящегося в меня вселяется моя желанная хвороба. Я крепче прижимаю к рёбрам градусник и шепчу ему:

– Работать! Работать без дурандеев! Спасай, шкалик ты

мой красненький!

Сестра протянула ко мне руку:

– Покажите. Пора.

– Он ещё не согрелся! – буркнул я.

– Тут не забегаловка. Если у вас тридцать пять, то на нём не будет сорок!

– Это ещё ка-ак сказать...

Я вынул градусник из-под мышки и подскочил визжа:

– Тридцать семь и четыре! Тридцать семь и четыре!!

– Вам плохо?

– Мне слишком хорошо, милая сеструнечка!

И тут же спохватываюсь:

– Не столько хорошо, сколько плохо...

Сияя, я лечу в регистратуру:

– У меня температура! Тридцать семь и четыре! А вы даже талончик не даёте к врачу!

– Идите к главврачу. Примет сама – выпишу.

Главврачу я сказал:

– Хотя я не ваш, но знаю, вы поможете мне.

– Что значит не наш? Чужих больных не бывает!

– Я тоже так считаю. Я недавно переехал в Кусково. Я пока не знаю, где моя родная поликлиника. Я смог добраться лишь до вас. У меня температура. И она поднимается пропорционально времени, проведённому здесь. Помогите! Мне так плохо, если б вы только знали!

– Что у вас болит?

– Не знаю, что сказать... Э-э... Знаете, у меня голова...

– Что голова?

– Не то горячая, не то чуть тёплая...

– Это ещё не всё потеряно.

– Но и ничего не найдено!

Я постучал костяшкой пальца по столу. Мне стало как-то совестно. Я не мог врать. Опустил глаза.

Она стала прислушиваться ко мне через резиновую трубочку.

– Дышите... Глубже.

– Это можно.

– Не дышать!

– Доктор! Мне на работе не дают дышать... Вы гуманны...

Ещё Чехов...

– Вы были сегодня на работе?

– Что был... Что не был...

Я должен хрипеть для пользы дела. Вся надежда на беду в лёгких. Похоже, хрип не прорезался. И я очень отчётливо хрюкнул. Переборщил. И от досады покраснел.

Она тоже покраснела.

«Человек, не потерявший способности краснеть, не лишён чувства гуманности».

Она сжала упрямые тонкие губы:

– Что вы хотите?

Я решился рассказать ей всю правду:

– Утром я был...

Она перебила:

– Вы были у нас и вас не приняли?

– Да...

– И вы думаете, вечером проще? Уже восемь. А вы, больные, всё идёте, идёте, идёте...

– Мда-а... Не зарастает сюда тропа. И не зарастёт!

– Скажите, вы когда-нибудь болели?

Я пыхнул:

– А почему вы думаете, что я сварен из кварца и доломита?

– По крайней мере, об этом думаешь, когда смотришь на вас.

– Спасибо за откровенность. Я буду до конца джентльменом и не скажу, о чём думается, когда смотришь на вас.

– О камне.

– Хотя это и недорогой строительный материал, однако вам лучше знать себе цену.

– Так когда вы болели?

– Не далее... как... назад... Знаете, такой импортный гонконгский...

– Вернулся снова.

– Для закрепления? – усмехнулся я. – «Повторенье- мать ученья»?

– А этот грипп мы проходили так, галопом по Европам, – почему-то призналась она и покраснела.

– Это уже зря. Грипп опасен. Вон от него вчера умер Бер-

тран Рассел. А не захочет ли мой организм увязаться за ним?

Она выписала мне освобождение на два дня. На листке приписала, что дальнейшее лечение по месту жительства.

– Доктор, – не отставал я, – как мне быть? Я заболел в субботу. Не мог встать. На работе надо было дежурить...

– Ничего не знаю. Я вижу вас впервые.

Я не верил всему, что случилось сейчас. Но это было! Организм, говорят, неподвластен человеку, своему хозяину. Ой ли... Человек может управлять собой. Он может в одну минуту приказать себе заболеть или выздороветь. Стоит лишь сильно захотеть.

Выхлопал я это своей Соколихе.

Она только посмеялась:

– Горе не беда. Поболей по нужде на здоровье. А врачи... Что они понимают? Один халат¹⁶⁵ выписал мужику бюллетень: отпуск временный – гражданин беременный!

¹⁶⁵ Халат – врач.

5 февраля В магазине

Ночью с крыши сполз под окно снег. От его глухого падения я проснулся.

Мне стало жалко снег. На крыше ему было хорошо. Он царственно лежал там и видел всё окрест. Теперь весна столкнула его с трона зимы. Плотной сиротской горкой лежит под окном. Скоро запоёт крыша каплями и от этой песни плохо станет снегу.

Солнце.

По саду носится с лаем Байкал.

Бабка в окно улыбается ему:

– Тепло. Оттаял мой пёс. Вот и лает. А в холода и есть не выходил из будки... Смотри, какие вон большие сосульки! Такие крупные уродятся огурцы... День прекрасный. Не придуривайся, симулянт! Поезжай за кухонным столом.

Еду на Чернышевского.

У магазина толчея. Гвалт.

Еле записался на столы. Семьдесят восьмым!

– Сынок! – обращается ко мне старушка. – Толкни ту, что записывает. Совсема не слышит меня.

– Толкните сами. Я не хочу зарабатывать пятнадцать суток.

Первая у двери женщина хвалится:

– Вчера записалась в 23 часа. Ночь провела в подъезде напротив.

Голос из толпы:

– Одна?

Она смеётся:

– Будь одна, не знаю, что и делала б.

– А где же он?

– За апельсинами пошёл мне. Он по очереди второй.

Разгорается дискуссия о мясе.

– А продавцы фулюганы! – в крик заявляет сердитая ветхая старушка. – Я жила в деревне. Ни одного барана не видела без зада. А тут за три года ни разу не видела мяса с задом... Вот!

Её голос покрывает молодой густой бас:

– А где запись на табуретки?

– В подъезде.

Список у молодой рослой губастой девицы с усами. Она прижимает список к груди и говорит парню:

– Я вас ни за что не вычеркну, Одинокий!

– Не Одинокий, а Одинокоев. Дружба наша закалилась с шести утра.

Маленькая женщина молитвенно уставилась на усатую девицу:

– Запишите меня. Козак.

– Уже есть!

– Нет. То Казак, а это Козак.

Подошла ещё женщина:

– И меня запишите. Козачок.

Толпа шатнулась от смеха:

– Одни казаки и козы! И ни одного фельдмаршала!

Смех достигает апогея, когда маленький глухой старичок

кричит:

– Будённый я. Ну тот, что в Кремле. Только он мой однофамилец. Не путайте.

На табуретки я был шестьдесят девятый.

Рядом со мной стоял мужик. У него тридцатая очередь на табуретки. Но табуретки ему не нужны.

– Ну давай мне твой талон.

– За так?

– А как ещё?

– За так поищи дураков в другой деревне. Гони пятак и моя очередь – твоя!

Мы тут же обменялись верительными грамотами. Я ему пятёрку, а он мне клочок бумажки с цифрой 30.

Я купил красный кухонный стол и три красных табурета.

Оформляющая доставку не знает, сколько с меня взять.

Говорит в телефонную трубку:

– Галь! Прокрути Кусково.

– Четыре тридцать девять.

Тут подошёл малый и предложил:

– Они тебе привезут твои красные игрушки только завтра.

А я за пятёрку повезу сейчас.

Я оформительнице:

– Девушка, с вами дружбу нельзя разорвать?

– Рвите.

На красном «москвиче» мы летели на всех парах.

На проезжине шоссе Энтузиастов лежал, согнувшись, сбитый мужчина. Казалось, он прилёг согреться. Вот согреться и пойдёт. В руке была зажата авоська. В авоське хлеб, вокруг рассыпана картошка.

7 февраля, суббота Кругом семнадцать!

Вечером опять пришлёпала к Соколихе нотариальная кнопка Марья Ивановна. Получила сегодня пенсию. Притащилась с бутылкой перцовки.

Кумушки наклюкались.

Зовут разделить с ними их радость.

Я упираюсь. Соколиха хватает меня за руку и тащит в свою комнату к столу.

– Толя, не протестуй! – еле шевелит языком старуха. – Не имеешь права на протест. Я тебе продала братову комнату. Я тебе хозяйка по гроб. Запомни это... Против хозяйки не дыхни!

За столом она беспардонно нахваливала меня и по временам всё норовила поцеловать в щёку.

Влепила три холодных жабьих поцелуя.

Я встал уйти.

– Толя! Не уходи... Не обижай старуху...

– Какая вы старуха! – с ядом хмыкнул я. – Вам не семьдесят один, а совсем наоборот. Кругом семнадцать!

– Вот за комплимент спасибо! Я всем говорила и скажу сейчас. Вот рушат наше Кусково. Распихивают кого куда и дальше. А я поеду в новый дом только с Толей. Я умру – всё отпишу ему!

Осерчала нотариальная кнопка:

– Раньше ты говорила мне другое.

– Так то раньше... Стань я молодой, сама полезла б на Адама! Не смотрите на меня полохливыми глазами. Семнадцатки нет. Адама нет. Лезть некому и некуда... А вообще-то я доброй души... Для многих жильцов была второй матерью. И эта доброта угубит меня... Помню, сосед уехал на месяц к любовнице. Бросил кошку... Промывала я косточки соседовы, но кошку кормила... Были квартиранты-ух! Одна девица ходила с парнем. Взяли его в армию. Забрала второго. Вернулся первый... Ночь меж двоих на террасе. А утром я говорю: «Ребята! Берите по палке. Ты – Онегин, ты – Ленский. И за соседский дом в лес на дуэль...»

Вспомнила своего старика Валерия. Он всё Катерине застенной кидал:

– Мы в цене. А вы ничто!

Катерина звала его гутан-орангутангом. Уж больно тёмно он был с лица.

Печально вспомнила Соколиха, как попугала раз братову внучку:

– Поеду я, Марина, на юг и привезу другого дедушку. У этого уже совсем нет волоса на голове.

Девочка заплакала и стала умолять:

– Бабушка! Я очень прошу тебя... Не меняй дедушку! Я даю тебе честное слово: вырастут у дедушки Валеры волосики!

9 февраля

Сговорчивые дяди

Аккуратова притащила из дому новость:

– Вот происшествие... В пятницу я договорилась с подругой встретиться в субботу. В субботу утром она мне звонит: «Знаешь, Тань, я не смогу. У меня умер дядя». И я ей почти обрадованно и удивлённо кричу: «И я не смогу! И у меня умер дядя!» Без обиды. Взяли дяди и умерли. Они не сговорились?.. Вот... Сегодня надо идти хоронить. А у меня актив министерства промышленного строительства. Материал я уже написала. Надо пойти кое-что уточнить и дать присутствие...¹⁶⁶

Я назвался груздём:

– Давай я схожу...

В «Детском мире» купил я серые кружки на табуретки, на которых стояли электроплитка и ведро с водой. В «Пассаже» затарился простынёй и побежал на актив.

В перерыв прорвался к заму министра. Он отфутболил к члену коллегии. Член подмахнул текст.

Звоню на главный выпуск. Велят, чтоб материал завизировал сам министр. Послали за мной «Победу».

¹⁶⁶ **Дать присутствие** – назвать участников актива из вышестоящих организаций.

Министр всё время прел в президиуме. Кое-как пробился к нему. Прочёл он материал, ведя актив.

Конечно, подписал.

Только на этом беготня не кончилась. Целый час толкся у цензора, всё доказывал, откуда та и та цифирь.

А тем временем началось профсоюзное собрание. И на нём меня в две тяги костерили в воспитательном приступе Колесов и профбожок Серов:

– Схлопотал товарищ выговор за прогул и не явился на первое же профсоюзное собрание. Ну как ещё его воспитывать? Ну и фонарист!¹⁶⁷

¹⁶⁷ **Фонарист** – человек, не сдержавший слово.

10 февраля

Кассирша

В угловом магазине у Никитских ворот я брезгливо прожёл мимо винного отдела. Сразу в продуктовый.

Взял двести грамм свинины, один апельсин.

Уже на подходе к метро вспомнил, что меня капитально надули. С десятки дали сдачу как с рубля.

Я рысцой назад.

– Я вас не помню, – вежливо икнула пьяная кассирша. – Подождите... Сниму кассу. Может, если ты мне понравишься, я тебе и дам... Ой, отдам...

Я выпил пакет молока.

Бросил шапку на подоконник. Присел на табурет между двумя круглыми столиками. Опёрся на них локтями.

Подошёл милиционер:

– Вы что тут висите? Уже?

– Ещё. Жду сдачу.

Скоро десять.

Два парня пересчитывают кассу. Похожи на правдолюбцев. Мы скомпановались.

– Знаете, – рубанул я завмагу и кассирше, – со мной лучше не связываться. Я самого себя боюсь. Вот такой я.

– Валь, – уговаривает завмаг кассиршу, – ну, отдай.

– Ладно, – соглашается она. – Я отдам из своей зарплаты.

И подаёт мне из сумочки девять рублей.

Один из парней удивился:

– Откуда у вас эти деньги? У вас их не должно быть!

– А мне долг отдали.

– Ровно девять?

12 февраля Больной бузулук

Бузулук прихрамывает.

Держится как национальный герой Вьетнама, отважно бо-
рющегося с американцами.

Он небрежно суёт мне под нос листок:

– Вот какие оправдательные документы надо иметь, а не
твои голые слова!

Вокруг него сбивается толпа зевак.

Олег гордо читает:

*«Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что 7 фев-
раля тов. Бузулук Олег Дмитриевич, по его словам, с сыном
пришёл к нам в баню. Он был совсем трезвый. Полез он на
полок попариться, но почему-то поскользнулся, упал.*

*При падении товарищ Бузулук был рассеян и невнимате-
лен и ударил ногой трубу. В ответ труба от удара лопнула
и обожгла его кипятком, что мы и подтверждаем.*

Зав баней». Подпись.

– Вот, Толя, – говорит Олег, – таким обрезом ты видишь,
что я болен? Видишь. Я – член профсоюза. Ты – профбосс.
Ты должен мне дать три рубля на посещение? Должен.

Олег зовёт к себе Молчанова:

– Живей, сюда, небоскрёб твою мать! Садись!

Валька садится рядом с Олегом.

Бузулук диктует ему текст прошения:

В местком ТАСС

*Профбюро ГРСИ просит выделить на посещение
заболевшего литсотрудника РПЭИ О.Бузулука 3 (три)
рубля.*

Председатель профбюро ГРСИ

В. Серов

Молчанов просит меня подписать.

Я подписываю и думаю, что же дальше.

А дальше Аккуратова подняла хай:

– Олег! Ты зачем приставал к трубе? Избиение трубы вый-
дет тебе боком! Да вы что? Совсем офонарели? Вы Сана ещё
под один выговор подведёте! Как не стыдно!

Молчанов кисло поморщился:

– А ты не слышала... Не слушай.

6 марта

Прошло женское торжественное собрание.

В уборной светопредставление.

Терентьев в недоумении:

– Женское поголовье, пользуясь случаем, варварски аннексировало у нас целый туалетный отсек. Нам осталось единственное отделение на шестьдесят стволов. Как терпеть такое узурпаторство? Ка-ак?!

20 марта

В чёрном углу

Вернулся из отпуска Медведев.

Помрачнели все в нашей комнате.

Особенно мрачен этот тип в своём тёмном углу.

Жутковато.

Сухой дохля киснет в чёрном углу.

Из темноты ему видней, что делаем на свету мы, низы.

Придирается ко всякому пустяку.

Вот принесли на разметку материал Рогинского. Я правил.

– Здесь не хватает слова будет. Что это за правка? «Отправил институт чертежи на завод». А об установке говорится в настоящем времени.

– Доходчивей так.

– Надо править, чтоб не слишком было доходчиво. Соберу летучку. Просто будем ругаться.

– Будем.

Через полчаса летучка.

Медведев выпевает:

– Плохо ведём книгу учёта. Не сидим на месте. Правим плохо. Особенно Санжаровский.

Я молчу. Мысленно прокручиваю свою будущую речь: «Очень жаль, что вы разучились говорить. Вы хрипите.

Жёлчь, ненависть. Что это за метода?»

Выговорившись, он вопрошает:

– Ну, кто будет? Кто? Кто хочет сказать?

Молчат.

– Тогда можно и кончать.

Вечно кричащий глухой Лисин съехидничал:

– У нас очень шумно.

И снова тишина.

Иванов:

– Вы знаете, за что ругали Молчанова на планёрке?

– Молодой, а тон не тот взял. За это, – пояснил Медведев.

И снова тишь. Так молча и разошлись.

25 марта

АКТИВ

На шестом этаже идёт собрание актива.

Медведев, Новиков, Бузулук там.

Кот из избы – мышки пляшут лезгинку с ножами в зубах.

Татьяна ощеривается.

– Посмотри, – тычет в открытый рот. – Вставили! Теперь я могу укусить не условно, а натурально! – И залилась пособачьи: – Ав-ав-ав! Ав-ав-ав!!!

Артёмов и Лисин стали вспоминать прошлое.

– В войну я был корреспондентом ТАССа в Свердловске, – грустно улыбается Иван Палыч. – На «Уралмаше» сделали какое-то доброе дело. Собрали печать. Дали мне три удп (ударный дополнительный паёк). Я почему-то называл его – умрёшь днём позже. Ну... Рассказали нам о делах. Устроили ужин. Все бросились пить. Чтоб не спиться и не забыть передать материал в Москву, я отправил информацию и вернулся. Пили всю ночь. Утром шлёпаем к директору: «Дай похмелиться». А он: «Вы хоть написали о том, ради чего мы вас звали?» Тут передают по радио известия. Читают мою заметку. Я поднял руку к брехаловке на стене: «А это что?» Он вызвал завхоза и приказал: «Остановите машину там какую, отдайте им весь спирт. Иначе их не выпроводишь!»

– А у меня, – хвалится Лисин, – есть фотография: я читаю заметку Хрущу. Апрель пятьдесят шестого. Лондон. Я молодой... Корреспондент ТАСС... Сопровождал Хрущёва в поездке по Англии. Никто из журналистской братии не решается подойти к вождю. А я махнул на все условности. Написал очередной отчёт и подошёл: «Никита Сергеевич, разрешите прочитать заметку для ТАСС». – «Читай». Читаю. А он приговаривает: «Ничего... Ничего... Правильно всё!»

– А я был с ним в Калиновке, – вздыхает Иван Павлович. – Нам сказали, что завтра рано уедем. Вечером я побрился. Утром вышел из вагона. А рань. Июль. Солнце. Навстречу Хрущёв. Поднял руку: «Здравствуйте, пресса! Ну как спалось?» – «Хорошо, Никита Сергеевич!» – «Ну и хорошо!» Смотрю, а у него за спиной летят Воронов, Подгорный. Брюки на бегу застёгивают. Проспали!.. Написал я отчёт. Но в конторе меня так отредактировали!.. Расхвалили то, что он ругал. Пришли на самолёте газеты. Я взял «Советскую Россию», глянул по диагонали свой материал и стал заикаться. Хрущёв, Воронов набросились на «Правду». Ребята из «Правды» успокаивают: «Не волнуйся. Кроме «Правды» они ничего не будут читать». Так и есть. Прочли и поехали. А я всё думал. Прочтёт вот и заорёт: «Какой мудака в ТАССе послал вас сюда?!» Он же темпераментный был. Както на выставке тракторов кто-то из сельхозбоссов спросил: «Никита Сергеевич, какой трактор запускать в серию?» Мне Хрущёв и говорит: «Вы слышали? Один трактор хорош на

мягкой почве, другой – на твёрдой. Это всякий идиот знает, а он меня спрашивает!»

26 марта

Малый эшафот

Меня кликнули на малый эшафот. На планёрку.

Едва я переступил порожек, Беляев мне гахнул:

– Ты неквалифицированный журналист!

– То есть?

– Ты неаккуратно выправил заметку Сошина из Куйбышева. Столько помарок, столько грязи...

– Вы путаете журналистику с каллиграфией.

– За такую грязь... Это ж хулиганство, за которое пять суток не дают. А я бы в морду дал!

– Кулаки приберегите своим деткам.

– Иша какой вумнявый! Вся рота в ногу, а один фельдфебель не в ногу. Возьми оригинал!

Я делаю вид, что ничего не слышу, и ухожу.

28 марта, суббота

Утро. Солнце.

Подрезая топором снег – его горы! – бегу ломать дом за железнодорожной линией. Там, у озера, уже переселили народ в новые дома. Пустующие гнилые недоскрёбы разбирают кому не лень.

Мне не лень.

Надо надёргать добра на террасу.

Навстречу идёт мама с дочкой:

– С вами встречаться опасно... Топор...

– Да я хороший! И топор у меня хороший.

Руки изорвал в кровь, но набрал себе целую машину на террасу.

За пятёрку перевёз один малый.

31 марта

Дунуть за визой на кубу?

Ко Дню геолога – 5 апреля – подготовил беседу с министром геологии Сидоренко.

Медведев целую неделю мариновал статью.

Наконец беседу подписал и Колесов, убрав мою фамилию.

Я дал искру.

Круто в обиде вспылал.

Да делать нечего, лечу в министерство за визой Сидоренки.

И тут облом.

Сидоренко на Кубе. Дунуть за визой на Кубу? Могут не пустить.

Помощник министра Федорчук:

– Пусть ваше начальство позвонит первому заму Евсеенке. Он завизирует.

На мой звонок Медведев пальнул:

– Что, мы пеньки?! Ты корреспондент. Действуй!

У Евсеенки я только и разжился советом:

– Ждём третье число, когда прилетит Сидоренко.

Федорчук добавил:

– Я всегда ценил ТАСС. Я возьму материал в аэропорт и дам министру прочитать.

– Надо как-то выплясываться. Ведь этот материал ждут

9700 газет страны!

– И дождутся! – стукнул Федорчук по столу. – Будь спокоен.

На ватных ногах ввалился я в редакцию.

Бузулук в недоумении раскинул руки:

– Что это ты чешешь плешь? Племенную мандавошку разводишь?

– Разведёшь тут... Медведев целую неделю зря продержал материал... И вот...

– Лови в аэропорту Сидоренку. Выколачивай визу у самого трапа! Только таким обрезом! Именно. Обрезом!

1 апреля

Сегодня день рождения бывшей тёщи.

РАЗБОРКА

Профбюро.

Серов мне:

– Разбираем на запчасти тебя, дорогуша. Машинистки написали докладную...

– Слушай! Не много ли на одни мои хрупкие плечи? Два дня назад Беляев выполоскал на планёрке меня за неаккуратную правку. Теперь ты лезешь с головомойкой...

– А что делать? Заявление машинисток свято: грубоват, говорит, что срочный материал, а материал несрочный.

– Да шелуху они несут!¹⁶⁸

Хмыкнул Калистратов:

– Не может быть дыма без огня. Ты виноват. И вот ещё записка Денисовича. Жалуется, что ты медленно редактируешь материалы на выпуске, а потому, предлагает он, тебе нельзя доверять дежурство на выпуске.

– Брехня! Я с ним дежурил, и он мне в лицо пел дифирамбы. С чего это он вдруг сменил репертуар? С чьей-то под-

¹⁶⁸ Нести шелуху – говорить вздор.

сказки?

Серов, кивнув на меня, спрашивает Калистратова:

– Как он? Вы ж вместе работаете.

Сева деловито поправил на носу тёмные очки и погнал ботву:

– Такое впечатление, что Толю убедить нельзя. Не принимает критику. Вспылчив. Отпросится на тридцать минут, а придёт через три часа.

«Нечаянно» заглянул в комнату Медведев и назад. Серов:

– Александр Иванович! Зайдите. Что вы скажете о Санжаровском?

– Ничего хорошего. После него приходится чистить. Упрямистый. Неужели не поймёт, что плетью обуха не перешибёт? Если хочешь работать – делай то, что говорят.

Снова Серов:

– Александр Иванович! Вы заметили, исправляется ли он после ваших замечаний? Есть сдвиги?

Медведев мнётся:

– Есть. Но небольшие. Ух и упрямка!

Да-а... Централизованная целенаправленная травля? Колесов душит меня чужими потными дрожащими руками? Вот вам подтверждение. Сегодняшний первоапрельский спектакль.

Серов мне:

– Что скажешь в своё оправдание?

– Что говорить.... Буду работать, как требуют...

Василевская, спохватившись:

– Профвзносы не собирает!

– Даю слово. 17 апреля все соберу. Я сказал громко и чётко.

После бюро я сказал Серову в коридоре:

– Скажи, неужели Денисович сам принёс тебе поклёп?

Принёс и положил безо всякой чужой подтравки?

– Принёс и положил.

– Ты лихорадочно вёл протокол. Тут без протокола. Ты не забыл записать, что я хороший? Ведь Медведев сам сказал, что корм в коня. Я ж исправляюсь под клыками критики. Люблю критику. Не могу без неё. Дотягивай меня до уровня передовых!

Дома Соколиха рассказала мне анекдот:

– Поженились молодые. Первая брачная ночь. Легли. Провалилась сетка кровати до пола. И сказал свёкор молодой жене:

– Вы что-то небожеское сделали.

– Конечно, сделали. Он у вас такой слонище!

3 апреля

Виза у трапа

Я почти не спал.

В шесть встал. В восемь был уже в конторе.

Звоню в Шереметьево.

Рейс из Гаваны перенесён на завтра.

Вот тебе и виза министра у трапа!

Молчанов:

– У тебя сегодня день визы. Не забыл?

– Да не забыл... Министр испугался ответственности за визу и остался в Гаване. На сутки взял кубинское подданство.

Я забираю материал у Федорчука и к Евсеенко:

– Жду вашего меча.

– Это с помощником решайте.

– Нет. Свет клином не сошёлся на Сидоренке. Надо делать беседу с другим человеком. Желательно с вами.

– Ладно.

Он прочёл материал и сказал:

– Хреновый. Даже «Пионерке» стыдно давать.

– Но давать что-то надо. Праздник!.. День... Такой...

– Хорошо. Я вызову Данилевича. За два часа переделает.

– Ну и я с ним. Деваться некуда.

Мы с Данилевичем на ключ заперлись в его кабинете.

Ровно через два часа, в тринадцать, мы были у Евсеенки.

Читает он материал и мурлычет:

– Выбросишь – не ошибёшься... Никогда не ошибёшься, когда говоришь директивами. Тэ-экс... Прочёл. Что вам надо от меня?

– Ваш автограф.

Он подписывает и морщится:

– Всё равно хреново, но не так уже.

В конторе на меня смотрят как на героя дня. Виза! И чья!

В синей папке с беседой случайно оказались выступление Сидоренки на торжественном собрании и доклад первого зама.

Я отвёз эту папку назад, поплакался в жилетку секретарю коллегии Лаврову:

– А всё же Федорчук неприятный тип. Откуда он?

– О-о!.. Всю жизнь он был кагэбэшником. Ловил и к стенке ставил золотоворов. Кагэбэ его испортило. Сидоренко встретил его где-то на прииске, где золото рыли в горах, и взял. Мужик ещё тот! Повышенной проходимости!

– Это я заметил. Он хотел забрать мой материал. Сказал мне: «Вы не справились с заданием. Плохо написали. Вот напишу я, завизирует министр, а вы дадите. В противном случае ничего не дадим». Я ему: «Материал читал первый зам. Дал добро». – «Я доложу министру, что отдельные члены коллегии недобросовестно относятся к своим обязанностям. Он ему даст добро! Всё у вас не то».

– Он тут отколол номер! Всё министерство сообща готовило доклад министру на торжественном собрании. А он тайком, подпольно готовил свой доклад. План Федюни: общий доклад забрить, а свой подсунуть министру. Узнал Евсеенко. Вызвал к себе Федю, выматерил – выскочил от Евсеники Федяшка синий. Шёлковый стал. Типяра ещё тот...

19 апреля, воскресенье

Живи!

Кусково. «Русский Версаль».

Рассветная аллея, пятьдесят шесть...

Кусково рушат.

Скоро здесь радостно зашумит молодой парк.

А пока тут колобродила озорная жизнь.

А пока здесь ещё вечно хмурился ветхий бревенчатый домик, в котором я без малого за восемьсот рублей купил пенал. Два на восемь. Не сантиметров. А всё же метров.

С печным отоплением.

Случалось, в сильные морозы я ложился одетым, стянув уши шапки под подбородком тесёмкой.

Утром я умывался толстой пластиной льда, за ночь нарастала в ведре. Ведро с питьевой водой стояло у двери на табуретке.

Трёшь, трёшь лицо ледышкой, возьмёшь слегка подзавтракаешь. Погрызёшь ледышку и аллюром на службу.

И всё равно мило мне моё дупло.

Совсем не то что раньше...

Пеналу своему я радовался.

Перекрутил кое-как последнюю зиму и задумайся. Надо кое-что довести до ума в моей норке.

А то старуха хозяйка, большая древняя баловница, ни

дня не работавшая нигде и даже не имевшая своей трудовой книжки – жила на иждивении мужа – и так не раз кидала мне в шутку:

– Толя! Это не дело, что ты шпионом пробираешься в свой пенал через мою комнату. Вход через перёд хозяйки! Нехорошо-с. Руби себе отдельную дверь в свою Европу!

Вход через чужую комнату – это не дело. Надо вставить свою отдельную дверь!

У меня было два окна и в одно я взялся врезать дверь.

Вынул оконный проём и ржавой ножовкой, отыскавшейся на чердаке у хозяйки, я стал резать брёвна в стене, лежали ниже окна. Брёвна дулись толсто, а ножовочка-коротышка была всего в две четверти, и она, когда я пилюкал, даже не высывала своего горячего носа из бревна.

Пилил я, пилил и вдруг бах! – просвистел мимо чурбачок, чиркнув меня по верху уха.

Я огляделся и обомлел.

Чурбачок этот был куском бревна, который лежал в верхнем венце над окном.

Видимо, бревно было коротковато, его нарастили этим куском. За долгие годы притёрся он, лежал тихо и даже не подал голоса, когда я убрал проём.

И вот – ахнул!

Всего в сантиметре каком стоймя прожёл мимо моей головы.

Этот сантиметр и спас меня. Не будь его, чурбак тюкнул

бы меня по копилке.¹⁶⁹ А это уже чревато... Навсегда бы припечатал к будущему порожку. Я не успел испугаться. Сейчас смотрю на него и меня одевает страх. Я цепенею. Молча беру три кусочка сахара и передаю хозяйке:

– Отнесите вашему пёсику Байкалу. Пусть скушает на помин было не усопшей моей души.

Меня не отпускает мысль, каким чудом я уцелел. Почему чурбачок не угодил в меня? Почему промазал? Почему не стукнул?

Ну что ж гадать? Стукнул не стукнул...

Раз захотел стукать, надо тянуть жизнь дальше.

Живи, панове!

20 апреля

Хулиганистый чурбачок

Взял отгул за прогул на выпуске. Вожусь с дверью.

Со стула вправляю хулиганистый чурбачок над дверью. Он вроде вошёл на своё место. Да я не устоял, рухнул со стула. Зацепился за гвоздь в стене. Разодрал ладонь. Плеснул йода и в медпункт.

– Где работаете?

– В ТАССе.

– Это где же?

Медсестра трудно записывает под мою диктовку по аршинной буковке:

– Т... А... С...

Я в нетерпении:

– Добавьте ещё одну С. Больше не будет.

Вернулся в бинтах.

Снова лезу на стул и снова падаю.

Падая, хотел удержаться за бревно в стене. Конечно, не удержался. Только сильно саданул ладонью по бревну и кровь полилась сквозь толщу ваты и бинтов. От боли мне хочется писать. Холодно в животе и жарко в голове.

Да-а... Странно, Анна Ивановна. Чай пила, а живот холодный.

Отключили свет. Соколинка пожарила на керосинке мне

сала и принесла пива:

– Пей! Не упирайся! А то услышит!

И кивает на стену, за которой наверняка надставила уши топориком бдительная Кэтрин, она же баба Катя.

Я поел и уснул.

21 Апреля

Идти на работу.

Лестницы пока нет.

Первый раз выпрыгнул в свою дверь-окно. Героем смотрю на торжественно окружающий меня мир.

Соколинка подобострастно:

– Соседи тебя хвалят. Молодец! Всё сам!

– Я и девок сам. Не зову на помощь. Универсалище!

В конторе тихо. Как в мавзолее.

Идёт столетнее заседание. Из конференц-зала выходить нельзя. На стене приказ

21, 22 апреля всем сотрудникам ГРСИ, не работающим в Кремле и на главном выпуске, прибыть в редакции к 9.00 и находиться на своих рабочих местах. Выполнение неоперативных заданий, связанных с выходом из здания ТАСС, запрещается.

Сидим. Обхватили пустые столы руками. Не отдадим исторические завоевания Ильича!

Вот и подарок к столетию Ленина.

В 10.00, за десять минут до торжества, в Кремле была коллегия и Лапина кинули на радио.

У нас сменился папа.

Теперь надо любить Замятина. Он заведовал в МИДе отделом печати.

Артёмов кисло:

– А наш новый генеральный – дярёвня! Митрофанович!
Так только в деревне могут назвать.

– Теперь, – скребёт Медведев темечко, – и титулы изменит. Заведующие редакциями станут послами, редакторы – посланниками, редакторы в командировке – временными поверенными.

Медведев засиял.

Поглаживает ленинскую медальку на груди:

– Наверху баба из райкома вручала. Сказала: «Ленинскую премию можно когда хочешь получить. Только постарайся. А ленинскую медаль не получишь!»

Влетел малый из спортредакции и к нашему расписанию.

Медведев, поглаживая ленинскую медалишку на груди, с ядовитой усмешкой цедит:

– Это расписание для шпионов. Оно старое. Вот попадёт к нам шпион – введём в заблуждение.

Бузулук воеет стих:

– Я видел, как ветер кобылу свалил...

Дальше дело застопорилось.

Он морщится и кричит входившему Молчанову:

– Нахапетов! Сюда!

Он называет Молчанова Нахапетовым.¹⁷⁰ Внешне они похожи слегка.

Валька подходит ближе, и Олег начитывает ему своё го-

¹⁷⁰ Родион Нахапетов – актёр.

рячее свеженькое творение:

– Приходите, тётя Лошадь,
Нашу Лену покачать.

22 апреля

Утром вышел из метро на «Площади Революции».

Никуда не пропускают.

Сую мильту под нос тассовское удостоверение и бегу через Зимний сад в мастерскую. Мне надо по пути на работу взять в мастерской башмак из ремонта.

В конторе тихо. Пришибленно.

С постной миной на лице Артёмов информирует Медведева:

– Александр Иванович, сегодня ленинский субботник.

– Какой?

– Будет случка слонов. Надо яйца заносить.

И Артёмов наклоняется вбок, выставив руки вперёд, будто что тяжёлое подаёт и заносит вправо.

23 апреля

Бузулук вздыхает глубоко, глядя на Калистратова:

– Эх, Съева, Съева... Приходит сегодня чёрная из науки

Маркелова и говорит себе на уме Фадеичеву: «Посоветуйте, давать или не давать?» Фадеичев, краснея: «Ну... Смотрите сами...»

Медведев готовно:

– Нам всё равно давать. Только где и кому.

Бузулук уходит и скоро возвращается. Оказывается, он был в машбюро. Щёлкнул пальцем по листку, подавая его Калистратову:

– Опять нету выходных данных! Ну машинисточки! И когда эта ...лядь научится правильно оформлять?

Сева тускло спрашивает:

– А почему они у тебя, господин Бузулюк, стишатами говорят?

24 апреля

Вышла после хворобы Аккуратова и с лаем ну накинулась на всю редакцию:

– Все вы сволочи! Гады! Не пришли меня навестить! А если б скочепыжилась?¹⁷¹

– Если бы...

¹⁷¹ Скочепыжиться – умереть.

25 апреля

Прочёл пленительную повесть Василия Белова «Привычное дело».

Это Пасха для души!

27 апреля

Ух и молодцы!

Избыв дня. Вечер.

С ведрами стою в очереди у колонки за водой.

Подходит баба Катя. Глазки просительно бегают:

– Толя, а Толя, идь подмоги... Кого ни попрошу – проскакивают тиграми мимо. Нековда! А мы без них. Ты, знаю, не откажешь. Подможешь...

– Что у вас?

– Ступай за мной.

Я ведра в сторонку и плетусь за нею.

Перетащили диван из её комнаты в сарай.

Старуха безумно рада.

Уже в ночи тешу под окном бревно.

Она принесла ведро воды. Поставила и стоит. И будет стоять. Ничего ей не будет.

Смотрит. Вздыхает:

– Ни одна стервь не прибежала подмогти, – жалобится тихо. – А мы с тобой... Ух ну и молодцы! Перетащили! Дома мне нехорошо. Из-за одной стенки голоса, из-за другой... Мешают спать. Да и душновато в доме. На подбеге вот и лето с жарой под ручку... А там, в сарайке, мне рай. Спокойнушко. Никаких голосов. Там при мне будет одна кошка. Скоро она подсыпет мне на коврик в сарае котят. Будем одним ти-

хим ёбчеством жить!.. А тебе одному не скучно? Чего девку выпроводил?

– Ну а как быть, тётя Катя? Я не знаю её. Навязывается... Да старая она...

– Старую не надь! Ежле какая путная – бери без дитёнка, однарку. А так... Самолучшее... Ищи толь молодых лет, под восемнадцать. А ежле старше – гони! Так им и говори, что тебе так тётя Катя велит.

– Хорошо... Я так и буду говорить.

28 апреля

– В горах Франции, – трясёт тассовским вестником Артёмов, – на один квадратный метр приходится 12 микробов, на Елисейских полях – один миллион, в большом магазине – четыре миллиона. Одна легковая машина съедает много чистого воздуха.

– Всех частников машинных – к ногтю! – кидает клич Медведев.

– Начнём с предводителя крестьян и по совместительству заведующего сельской редакцией Бори Бажанова! – предлагает Бузулук.

– Открутить колесо с его цыганского броневишка!¹⁷² – бросает Медведев.

– Да, трудно быть частником, – прилипает к разговору Новиков. – Вот мой знакомый в Марьиной роще купил машину. Алкаш сосед давит ультиматумом: «Плати нам за машину». – «Да пошли вы...». – «Хорошо!» Разбили фару – вставил. Разбили смотровое стекло – вставил. С двенадцатого этажа бросили в газете три кирпича. Проломили крышу. И стал он пьянчугам платить. Хотите выпить? Вот вам два рубля... И всё стало хорошо. Свои градусники¹⁷³ стали охранять его машину от «чужих» бухариков.

¹⁷² **Цыганский броневишок** – автомобиль «Запорожец».

¹⁷³ **Градусник** – алкоголик.

30 апреля

Основание

Калистратов говорит по телефону с какой-то женщиной. Прикрыл трубку ладошкой, думает вслух:

– Мда-с... Крепкий зад – это ещё не основание для крепких взаимоотношений... – И в трубку: – Я надел пальто. К вечеру обещали дождь и похолодание. Видишь, погода не шепчет... Так что, может, отложим рандеву?..

Артёмов:

– А собрание будет?

– В четыре! – откликается Медведев. – Я буду вас поздравлять.

Аккуратова ему подхалимовато:

– А мы не обидимся, если вы поздравите нас досрочно.

Медведев щитком вскинул бледную сухую ладошку:

– Досрочно нельзя!

Пришёл наш пенсионер Лисин и всем выговор:

– Вы забыли меня. Я сам о себе напомнил. Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе.

Бузулук его уточняет:

– Если гора не идёт к Магомету, то Магомет свернёт ей шею!

– Ну как? – усмехается Лисин. – Новое начальство вас ещё не пощипало?

– А что мы? Цыплята в табаке? – отвечает Бузулук и поворачивается к Артёмову:

– Иван Павлович! Когда мы сразимся в шах и мат?

Аккуратова тянет своё:

– Александр Иванович, у меня ум раскорячился. Ну, может, по случаю праздника отпустите нас пораньше?

Медведев на вздохе:

– Так и стремитесь подорвать устои дисциплины.

Аккуратова уныло:

– Смотрите. И солнышко прорезалось. Вышло на волю из-за туч. А вы нас держите.

В четыре началось собрание. Обычная предпраздничная болтовня. Мне невозможно сидеть слушать. Выхожу.

В коридоре у меня спрашивают:

– Что там, в вашей комнате?

– Раздают благодарности через повешение.

Другим отвечаю короче:

– Идёт торжественная линейка.

И после собрания Медведев не отпускает истомившуюся от безделья Аккуратову.

Она канючит:

– Может, отпустите единственную женщину в вашей редакции?

– Сейчас.

17.46.

Уже целую лишнюю минуту сидим!

Пеструхин, я и Бузулук прилежно уткнулись в бумаги. Медведев доволен, что мы всё не уходим.

Наконец, он бормочет:

– Ну... Можно и по юртам. Счастливо праздник встретить... Чтоб голова не болела.

Пеструхин:

– Нам если по полбочке... Не будет болеть.

Звонит Бузулуку жена:

– Дают красную икру. Очередь в три раза обмотала магазин. Стоять?

– Не стоять!

1 Мая

Как гналась за мной злая лестница

Кусково ещё спит. Рань.

А я уже тюкаю молотком на своей веранде. Кладу последние половые доски.

Строю-с дорогую вер-р-рандео!

Моё Кусково спешно рушили.

Кругом прело полно уже покинутых домов и я быстренько натаскал оттуда досок, дверей, брёвен, старой жести для крыши. За апрельские вечера и выходные я слепёхал себе веранду. Какую красотищу залобанил!

Летом вокруг всё зацветёт. Фазенда! Под окном я посажу подсолнухи, фасоль и несколько корней огурцов.

И это ещё не всё моё богатство. Ещё были подобранная бездомная собачка с красным бантом на груди да отражённый в моём окошке чужой сад.

И вот положена последняя доска.

Пол готов!

Он у меня на столбиках высотой так с метр.

Под верандейкой я расквартируют дрова.

Но как входить? Нужна лестница ступенек в десять.

Самому её лепить – штука чумная.

Не проще ли раздобыть где в заброшенном старом вигваме?

Поблизости такой лестницы не попадалось и я побрёл на ту сторону железной дороги.

У дома без окон и без дверей на берегу пруда я наскочил на то, что искал.

Бросовой электропроводкой подхватил за скобу почти но-вёхонькую лестницу и, сунув топор за пояс, поволок.

Экую махину через бесчисленные пути не протаранить, я и попри свою ненаглядку на мост.

Как по ступенькам встацил на самый верх и не скажу.

Пот лился по всем моим желобкам.

По мосту красиво прожёл.

И остался самый пустяк. Спуститься с моста.

Потянул я по ступенькам вниз, и моя тушистая госпожа Лестница покорно и легко пошла за мной.

Вначале она медленно плыла, но потом вдруг взбесилась и полетела на меня.

Что делать?

Громокипящая громада чертоломит за мной во всю ширь мостовых ступенек. В сторону не стригануть. Но и пластаться впереди всё быстрее бегущей за тобой махины нет сил.

Я до сих пор не знаю, как она не настигла меня на мосту и не срезала с ног.

Уже на земле, сам не свой, подошёл я к своей буйной Лестнице и говорю:

– Милая! Ты что, спятила? Ты чего за мной гналась? Ты ж могла меня раздавить! И думаешь, тебе от этого было б

лучше? Чужие люди тебя б раскроили топориками и сторела б ты в печи. А при мне ты ещё поживёшь. Тебе у меня понравится. Вот увидишь. Ну, пошли домой...

Притащил я её.

Тут же скобами прихватил к своей веранде.

А ну ещё убежит, если отложу на потом. А теперь, когда прихвачена толстенными скобами, от меня ей не улизнуть.

Я ещё и снизу вбил в землю по штырю, чтоб её сдерживали.

– Ну, – смахиваю пот со лба, – нравится тебе, госпожа Лестница, у нас? Молчишь? Сказать нечего? Там ты, у пруда, кисла под открытым небом. Дождь, снег – твои. Невозможное солнце – твоё. А тут тебе рай. Над тобой крыша крыльца. И соседи какие у тебя. С одной стороны огромнящий куст цветущих роз, по другую сторону будет живой подсолнух в цвету... Вон там, чуть поодаль, видишь, будет цвести картошка, по забору будет виться фасоль, огурцы побежат по плетню... Раньше там гнила помойка. Со всего дома несли. А я возьми и разбей тут огородишко! Соседи какие у тебя... Красота всюду теперь какая! Любуйся... Всё равно, милушка, молчишь... Ну, я и сам не люблю байду разводить.¹⁷⁴ Спасибо, что на мосту не нагнала... Мы с тобой мирком да ладком ещё не один годок уживём!

¹⁷⁴ Байду разводить – болтать.

2 мая

Верандео

И снова продолжение пляски на верандео.

Где что подчистить, где что подогнуть... Да мало ль радостных хлопот у подновлённого своего дупла?

Под окном разлился огромный куст шиповника.

Соколинка говорит:

– Если мешает... Сруби!

– Шиповник в цвету мне никогда не мешал.

Мы потуже собрали куст, стянули старой бельевой верёвкой. На флоксы – они на полпальчика торчат из земли – поставили перевёрнутые банки. Чтоб никто не наступил.

Баба Катя выпустила из закутка своих двух поросят погулять по солнышку. Пощипали они немного травки и ну по Катиной делянке лихо носиться, весело похрюкивая друг на дружку.

Бабка не надышится на них.

Пёс Байкал вылетел из своей конуры и вдоль соседнего забора носится за ними с диким лаем.

– Ну чего ты, Байкалушка? – лаской успокаивает его бабка. – Иди в свою каюту, – ткнула пальцем на конуру. – Иди. Не шуми. И на мальчишек, – улыбнулась проносящимся мимо поросятам, – не сердчай. Они у меня лихачи! Вишь, как носются! Хоть милицию вызывай, чтоб свистела им за за-

вышку скоростёв!

Пёс не унимается.

– Байкалушка! Кончай эту злую припевку! А то, – она положила руки на подпояску на животе, – горячих насыпаю! Целый возок!

Напоминание о ремне производит на Байкала впечатление.

Он как-то срезанно авкнул и стих.

– Ну! Вот и молодец! Не серчай на моих ребяток. Они травки покушают, косточки расправят и пойдут к себе баюшки...

Пёс удивлённо уставился на бабку.

– Ты не всё понял? Иль тебе не в понятку, чего они хрюкают? Так они это так смеются! И боль ничего! И не над тобой смеются. А так, промежду собой. Играются!

Пёс зевнул и лёг, положил голову на лапы.

Тут поросята, разом оттолкнув носами калитку, побежали к дороге.

– Эй! – кричит им вдогонку бабка. – Вы куда-а? Там машины!

Как ни странно беглецы остановились. Будто задумались: и в самом деле, куда мы летим?

Бабка подошла к большенькому, почесала бок, и он готовно опрокинулся, будто подкошенный. Бабка скребёт ему живот и что-то ласковое говорит, а он тихонько хрюкает и выворачивается весь, подымает живот всё выше, выше. Вот

лежит он уже на спине, упираясь ногами в небо.

– Нравится? – улыбается ему бабка и продевает под него бечёвку. Он не чувствует подвоха и в ответ лишь легонько похрюкивает. Бабка потуже стягивает верёвку, взваливает поросёнка на спину и тащит назад. Сделала шага три и ушастик выскользнул из неплотного кольца бечёвки, побежал к закутку.

Бабка сияет. Роняет ему вослед:

– Ничегошко... Живой...

Я с улыбкой наблюдал за милой идиллией. Бабка это заметила и, проходя мимо, спросила:

– Как дела, Толя? Идут?

– Куда ж они денутся? Что им делать? Идут... Вчера из дома получил посылку. Прислали яйца и кусок сала. Заходите как-нибудь. Угощу.

– Тут меня спрашивать не надо...

Она услышала шаги. Повернулась.

Соколинка несла завтрак Байкалу, и баба Катя сказала ей:

– Мань! Ну когда мы с тобой женим нашего Антолика?

– Это вопрос с задачей...

– И с большой! Ты, – говорит мне баба Катя, – всё ищешь запечатанных.¹⁷⁵ А их только в таких и найдёшь, как я. Вот на днях была у врача. Он ясно мне сказал, что всё моё всё при мне. В полной сохранности. Никому чужому ни грамма не дадено. Всё при мне! А у молодых этого добра незнамо.

¹⁷⁵ **Запечатанная** – девственница.

Да и где этих целинок наберёшься для вашего брата?

– А всё мужики виноваты! – шумнула Соколинка. – Норовят перепортить всех девок и невинность в дом привести.

– А где её взять? – разводит руками баба Катя. – Горбатый вопрос.

3 мая, воскресенье

Сегодня двадцать семь тепла. Впервые в этот день за девяносто лет.

Я лажу крышу и пою:

– Если к другому махнула невеста, –
Значит, мне крепко, друзья, повезло!

Раз десять пропел.

Потом сменил пластинку:

– Из-под дуба, из-под вяза
Вышли трое и Наташа! Айя-я-я... Айя-я-я...

4 мая

Персональный гимн

За праздник я так наломался на веранде...

Все костоньки плачут.

Работа. Заметок нет. Чем заняться?

Что вижу, что слышу под интерес – всё тащу в дневник.

По временам мелькает перед носом белая поддёвка – Аккуратова садится, приподымая платье. Уж лучше бы вовсе не видеть эту каравеллу Колумба с кормой¹⁷⁶ шире клумбы!

Медведев читает её заметку и выговаривает:

– Не «Началось сооружение», а «Начато сооружение». Так надо.

– Всё закавыка в -лось. Люди ведь строят! – вскакивает Татьяна. – Я всегда правлю: «не началось», а «начали».

Владимиру Ильичу тоже, глядя на начальство, хочется ввязаться в дискуссию:

– Разве можно сказать «Изготовили 100 тонн стали»? Изготовить можно машину, а сталь плавят.

Бузулук звонит на междугородную телефонную станцию:

– Девочки! С послепраздничком вас! Как нам вытащить на редакцию Кривой Рог?

– Какой лисий голос! – восхищается Артёмов.

¹⁷⁶ Корма – задница.

Я выстриг из липецкой газеты за 22 апреля на всю страницу две красные строки:

Ты всегда с нами,
Наш дорогой Ильич!

Вырезку отдал нашему Ильичу со словами:

– Это о тебе персональный гимн.

Он лишь довольно хмыкнул.

Бузулук:

– Ну, я понёс заметку Лю Сяо Ци (Люсе Ермаковой на выпуск Б).

Люся пришла с Олегом и спрашивает:

– Где ваш вождь и слегка учитель Новиков? У него моя зарплата.

– Неужели вам, – усмехается Медведев, – почти главному выпускающему, нужны деньги?

Ермакова полуобиженно:

– Зачем так жестоко смеяться? Надо мной уже смеялась.

– Кто?

– Общественность.

– Когда?

– Намедни.

– А у нас Калистратов пропал. Три дня не работал до праздника. Нет его и сегодня. Говорили, что в подмоге у Смирновой. Спросил её. Отвечает: «Никакого Калистратова

у меня нет».

Бузулук горько вздыхает:

– Что вы хотите взять с лодыря необученного?

– Его учить дороже обойдётся, – уверяет Медведев. – Такого работника надо уволить.

Артёмов уходит и предупреждает:

– Если позвонит Брежнев или кто из политбюро – я буду через час.

5 мая, День печати

Аккуратова отправила в Донецк Герценову письмо-заявку подготовить к 9 Мая материал.

Медведев закрутил носом:

– Надо писать Доманову. Герасимов там рядовой.

– Александр Иванович! Но у него такой начальственный бас!

Входит уже подвыпивший Артёмов:

– Мне от Брежнева не звонили? И от Колесова нет?

Я ответил:

– Бузулук вас спрашивал.

– Не тот уровень!

– Зато он обыгрывает вас в шахматы!

– Это недавно он начал.

Медведев воодушевлённо:

– Сказывается работа по-новому! Как стал Бузулук лит-сотрудником, стал больше бывать в редакции, стал больше уделять внимания шахматам. Это он решил подорвать мой авторитет.

– Зато я обыгрываю Иванова! – похвалился Артёмов. – Он хорошо играет, но не думает.

– Как Петросян! – уточнил Медведев.

Артёмов скребёт затылок:

– Прочитал ли Колёскин мой военный материал?

– Кстати. А какой он специалист? – спросил Медведев. – Кто он был в войну?

– Радист.

Медведев саркастически:

– Да он кроме своего ефрейтора никого не видел. Я в войну выше него был! В дивизионной газете гегемонил ответственным секретарём. Придёшь... Командир дивизии с тобой на равных. Я расскажу ему, что по радио передают. Я имел право слушать радио, а военные рядовые – нет! Вот поют сейчас песню про землянку. А в войну она была запрещена.

– Почему?

– Потому что «до смерти четыре шага». Какая пропаганда! Слюнявая песня!

– А как вы попали в армию?

– До войны я работал в Саратове в авиационном институте. Меня мобилизовали как политбойца.

6 мая

Недальновидный

Принесли разметку.

Медведев глянул в неё и зачесал там, где не чесалось:

– Ну и здорово мы вчера махнули. Только четыре заметки прошло. А сидели всемером. На нос пришлось по ползаметки! Ух и по-стахановски работнули мы в День печати!

Он кисло поморщился и уставился в окно.

Молчит.

Вздыхает.

– Не верится, что войне уже двадцать пять... Вспомнишь... На прожекторе – шесть девчушек лет по семнадцати. Командиром парень. Покомандуй... Решили... Чтобы не было действий, противоречащих уставу, женить. Тогда и станешь командовать. После Берлина – в Монголии. Дисциплина ползла по швам. Никто не хотел учиться. После обеда – в степь. Украли овцу. Зажарили... Зажали монголочку... Спирт... Пей не хочу! Весело... Недальновидный я был. Не записывал. А то б...

8 мая

Чем отличается Азербайджан от США?

Аккуратова по телефону:

– У меня на столе ералаш. Будто Мамай проскочил. А ты чего такой тоскливый накануне Победы? Жизнь трещину дала? Ну-ну... Ты ж для медиков безнадёжный черепник...

Она увидела, что вошёл непустой бакинский тассовец Васин, и закруглила разговор.

– С праздником вас Победы, миряне! – шумит Васин на весь околоток. – Разрешите по мусульманскому обычаю подарить вам бутылку азербайджанского вина «Мал»... Знаете, чем отличается Азербайджан от США? В США чёрные работают на белых, а в Азербайджане белые на чёрных. Ну я это так, для связки слов... А «Мал» по качеству не мал!

– Так в нём двадцать процентов сахара! – возражает Медведев. – стакан потом не отмоешь.

Татьяна засерчала:

– Ну, знаете, Александр Иванович... Дарёному коню неприлично в зубы пялиться...

Татьяна хватает власть в свои руки:

– Олег! Бегом по редакциям! Ищи стаканы.

– Не могу встать со стула... Упарился. Дай отдышусь...

Роман утром чуть свет разбудил обидным рёвом. Весь мокрый. Аж дымился... Я больше не лёг. Ездил в Матвеевское. Смотрел свою новую хату. Доволен... Радость придавила. Не встать... Нету моих сил...

– Ну, сиди. Копи силы для выпивки.

Татьяна сама понеслась по кабинетам и скоро вернулась с тремя стаканами. Для Медведева, для себя и Бузулука.

Медведев отказался пить.

– Ну выпейте хоть символически, – уговаривает Татьяна. – Просто чокнитесь!

– Ни под каким соусом я не пью!

– А ты, – поворачивается Танька ко мне, – иди ищи себе стакан. Я не пойду искать.

– А тебя никто и не посылает.

Она снова уходит.

Приносит новые стаканы. Во все наливает.

– Бери пей, – говорит мне.

– Я не пью, – тяну я свою линию.

– Страшен тот, кто не пьёт.

Я отбился:

– Лучше быть страшным, чем стакановцем.¹⁷⁷

¹⁷⁷ **Стакановец** – алкоголик.

9 Мая

Я заметил, что моя крыша над углом веранды протекает.

Ближе к вечеру поднялся. Переложил жёсть.

Подполз к трубе. Она тёплая. Соколинка только что протопила.

Обнял трубу и кричу в неё дурашливо:

– Алё! Земляне! Откройте заслонку, я спущусь к вам. А не откроете... Останусь жить на крыше. Здесь так красиво!

Из-за соседнего двухэтажного барака солнца на земле уже нет.

А на тёплой крыше оно ещё греет меня.

Я свысока лёжа смотрю на прохожих и мне совсем не хочется спускаться на землю.

11 мая

«Сидит народ, внедряет нот»

Крючоктвор Медведев потряс листком, как звоночком, собирая к себе внимание всех:

– Тут один гений пишет: «Время не властно над подвигом». Разве это правильно сказано?

Все значительно молчат. Думают-с.

Первым откликается Калистратов:

– Неправильно. Надо: «Время не может стереть память о подвиге».

Бузулук:

– А я вякну не в струю. Зачем вы, Александр Иванович, запустили козла Дмитриева в наш огород? Всю ж нашу капусту слопал!

– Вам в назидание. Учитесь, как надо писать о реформе.

– А учиться у этого худенького, который боком еле впиывается в нашу дверь, нечему! О реформе в промышленности строгают этот горе-универсал из отдела науки! Едет в Свердловск в командировку... Разве мы не можем написать? Не-е... Вы уж, Александр Иванович, отстаивайте наши интересы!

– Делай своё как положено, а потом и говори! – прицыкнул Медведев.

– Да! – подхалимно подкрикнул в тон начальнику Кал(и-

стратов). – Помалкивай. Сиди и то раскладывай, то собирай бумажки от нечего делать... Знаешь, как сказано? «Сидит народ, внедряя НОТ».¹⁷⁸ Внедряй!

¹⁷⁸ **НОТ** – научная организация труда.

13 мая

Артёмов поднимает на обзор всем свою ручку:

– Ею я заработал 2500 рублей. Золотая ручка!

Новиков в восхищении:

– Будь в ТАССе музей... Отдали б?

– Ещё чего, – хмыкнул Калистратов. – Да Аккуратова переплавит её на зубы!

Иван Палыч в грусти вспоминает:

– На девятнадцатом съезде партии продавали паркеровские ручки. Перо – золотое. По 450 рублей штука. Пальгунов¹⁷⁹ поблагодарил нашу бригаду, работавшую на съезде. Я как бы вскользь: «Надо бы материально отблагодарить». – «На что вы намекаете?» – «Ручки там паркеровские продают». – «Это стоящее дело». На том и разошлись. И вот идёт седьмой день съезда. Последний. Случай снова столкнул меня с Пальгуновым. Я и говорю: «Николай Григорьевич! Как насчёт паркеровских ручек?» Пальгунов опешил и пальнул: «Слушайте, Артёмов, а вы бестактный демагог!»

¹⁷⁹ **Пальгунов** Николай Григорьевич – генеральный директор ТАСС с 19 июня 1943 по 22 августа 1960 года. Владел немецким, английским, французским и персидским языками.

15 мая

Камень Мачавариани

*Про героя известного мифа
пораскину мозгами порой:
все мы, люди, по сути, – Сизифы,
только камень у каждого свой.*

А. Жуков

Еду на автобусе.

Вошёл мужчина с тремя коробками яиц в сетке.

Кондукторша:

– Эй, с яйцами, бери билет!

Мужчина слегка растерялся, молчит.

Кондукторша опять:

– Эй ты, с яйцами! Да бери ж билет!

Мужчина подходит к ней и шипит:

– Ты, с волосатой хромосомой, у меня проездной!

Я вышел. Бегу к памятнику первопечатнику Фёдорову.

Здесь была назначена встреча с Георгием Мачавариани. Это мой школьный приятель. В одиннадцатом классе сидели за одной партой.

С ним мы пошли к станции метро «Краснопресненская». Оттуда он в девять вечера побежит любить какую-то офици-

антку.

Мы шли и болтали о том о сём.

Когда-то это был щупленький застенчивый парнишок. Он плохо слышал и всегда краснел, когда не мог понять какое-то слово при разговоре. Всё ему казалось, что над ним все насмеются. Мать умерла, когда он ходил ещё в детский сад. С отцом жил в совхозе «Лайтурский».

Сейчас это был высокий и плотный мужичара. Лось! Толстые розовые щёки, тонкие высокие зубы с прогалинами. На нём новенький костюм, бордовая рубаха, чёрный галстук в красных пятнах, остроносые туфли.

Говорил Георгий как-то с недоверием к самому себе. Казалось, он сомневался, что его понимают.

Разговор больше вертелся вокруг женщин.

– Понимаешь, Тольк, – гремел он. – Я ищу хорошую девочку и – ни черта! Я не люблю улицу, шум. Я тяготею к дому, к уюту. Есть однокомнатная. Заработал разнорабочим на стройке. И как заработал? Год сидел в совхозе на шее у отца-агронома. И вдруг наскочил в газете на объявление «Требуется молодёжь на строительство Дворца спорта». Несколько раз просил отца отпустить на стройку. Не пускал. Боялся. Я кипячусь: «Разве я не молодёжь? До пенсии ехать на твоей шее?» Сдался он наконец. Приезжаю в Тбилиси, а мне и говорят: «Мы принимаем только по комсомольской путёвке. Оформите в райкоме». В райкоме уточняют: «Путёвки необычные. Надо подписать договор» – «Что это значит?» –

«Вы должны проработать три года и вам обяжутся дать площадь». – «Ваймэ! Где этот договор?!» Закончил вечерний институт. Инженер-экономист... Я ищу такую, чтоб она была рада мне, чтоб ради меня пошла на всё, а не только в загс. Я им выкладываю всё, а эти тра-та-тайки уходят! Одной студентушке сказал, что ради меня она может перейти на вечернее. Она расплакалась и больше не пришла. Другую любил. Дал срок полгода. Проверка на крепость чувств. Она всё кивала. Однако я чую, что кто-то её накалывает. Понимаешь, Тольк!

Он гневно сплюнул и пустил по-грузински многопартийным матом.

– Гоги, ты меня удивляешь. Обычно грузинские парни, ссорясь, стрекочут по-своему, по-грузински, но матерятся кудряво по-русски.¹⁸⁰ Ты же наоборот. Говоришь по-русски, а матерок-ветерок-ураганчик пустил по-грузински.

Он усмехнулся:

– В надежде, что ты уже забыл грузинский мат.

– Это незабываемо, милый Гоги. В горьком ты переплёл

¹⁸⁰ Это не на улице один обматерил другого. Это уже «Рустави-2», телекомпания, вещающая на грузинском языке. Как сообщило агенство РБК, 7 июля 2019 года «в эфире итоговой еженедельной программы «PS» ведущий Георгий Габуния на русском языке обратился к президенту России Владимиру Путину, используя в своей речи нецензурную брань. Однако гендиректор «Рустави 2» (...) сказал, что российский президент «заслуживает мата», поскольку «лично он, Ника Гварамия, из-за Путина не может посетить могилы своих предков в Абхазии». Руставцы повесили на доме телехама позорную табличку: «Здесь гнездится злой петушар Георгий Габуния».

те... Семья – это духовное единство, а не схлёстка звериных инстинктов. Хотя... Тут нет золотой середины... Тут не всегда попадёшь пальцем в небо. Вот у тебя... Перед тобой она ангел, а ангелу, видишь, нужен як-стояк. Это доходчивее, убедительней. Не будь слишком откровенен с ними... Я просто не знаю, что тебе и подсоветовать...

– Слушай, Тольк! Мне эта хрензатема почему не давала, а ему, соседу, – пожалуйста! Может, у неё есть святцы, в которых свыше предписано, кому давать, а кому ставить лишь голый прочерк? У нас же вроде равноправие? Не понимаю... Ему – в любой момент с картинками, мне же – скорей, пролетай, голубок, мимо!!!

– О... Тут дело тёмное... Может, когда поступает от тебя заявка на тесное деловое сотрудничество, у неё нет лимита на контакт... Вышел лимит и когда снова зайдёт, неизвестно...

– Что-то не врублюсь... Разве такое бывает?

– В нашем плановом социалистическом хозяйстве только так и бывает. Всё по лимиту...

– Я увидел её странный взгляд при встрече с тем малым. Я спросил, кто это. Да так, говорит, просто сосед. «Он защищает меня ото всех во дворе. Он мой брат». Он грузин, она русская. Во дворе я спросил про этого «брата». Мне сказали: «Если будет мимо бежать сучка без кобеля – отдерёт!» Мы расстались, Тольк. Я ещё год поищу... Не найду... И так обойдусь. Человечество шибко не пострадает.

Слушал я этого гиганта с душой дитяти и мне было жалко его.

– Я тяжело переживаю всякую встречу, всякую несправедливость, – жаловался Гоги. – Я на всё смотрю глазами ребёнка. В Грузии выживает богач с деньгами. Я там не найду. Я вырасту в Москве. Ох, Третьякова! Такая любовь... Тринадцать лет! Сколько раз прилетал на выходные... Билет туда – тридцать, назад тоже не дешевле... Ты не смотри на поступки, смотри, что в душе. Со мной была тринадцать лет! А Гришу знала всего две недели. И вышла! Уже родила дочь. Всё испортила... Я ей сделаю... Какие письма писал! Ждал субботы и писал по пять часов! У меня не было пятидневок. Были только шестидневки... Прислала назад несколько писем. Почитал я – удивился. Чувства какие!.. Ух, эта Третьякова! Стала говорить – девушки обижаются, что я не называю её по имени- отчеству. Светлана Афанасьевна. «Ты была для меня Светкой и будешь Светкой до гроба». Она хотела, чтоб я, как Гриша, варил ей суп и мыл ей ноги. Ха! Будь довольна, что я с тобой! Всё-таки история справедлива. Не свергни мы, мужики, матриархат, не вырви мы у них власть – что б они натворили! Женщины давно бы открыли все запруды и устроили бы всемирный потоп! Ты представляешь, Тольк!.. Я ей сказал: «Ты и я – два трамвая в одной связке. Только ты ведомый, а я ведущий!»

– Конечно, каждый сверчок знай свой шесток.

– Вот именно. А она хотела быть ведущим трамваем. Яш-

ка Тонаганян, наш одноклассник, если не забыл, тоже за ней уплясывал. Да куда такому клопу за такой бабищей угнаться?

– Да-а... Яша против тебя не боец.

– Тольк! Мы даже пива не выпили... Видишь, я здесь случайно. Сейчас без работы. У сестры мужа посадили. Она приехала в Москву подыскать сильного адвоката. Языка русского не знает, взяла меня с собой. Будешь в Тбилиси... Заходи! У меня знакомства... Гостиницы в моих руках... Какие у нас серные бани! Выйдешь – помолодеешь на двадцать лет!

Мы пожали друг другу руки, и я сказал:

– Успокойся, Гоги. «Человек – кузен своего счастья». В жизни одна дверь закрывается, сотня других открывается! Надейся! Надежда не кормит, но поддерживает. Кто не надеется на победу, тот уже проиграл! Верь! Всё сольётся в норму. Потреба – мать находчивости. Нужда во благо! Нужда – борец! Будешь ты стольным жителем!

17 мая, воскресенье

Невеста со всеми удобствами

*Что ни говорите, а с умным лицом совершать
глупости как-то солиднее.*

В. Антонов

Вставил раму на веранде.

Присел на лестницу передохнуть.

Подошла баба Катя.

– Разогналась в магазин. Смотрю... Ты в печальности. Думаю, дай подойду. Ты чего весь такой пригорюненный? Илько тебе беда какая пала?

– Пока не пала... Но кто-то упадёт, – и показываю ей на хлипкую ступеньку. – Того и жди, что под кем-нибудь проломится.

Бабка обеими руками уперлась в старенькую ступеньку. Ступенька прогнулась.

– Да, надёжи на неё скупое. Ты вот что. Толстых не води. А любая другая ласточкой промигнёт и ничего.

– Да я и не вожу.

– Знаю, знаю! Была одна. Слышала... Фанерная стенка ничего не утаит. Всё докладывает!

– Разве мы шумели?

– Нужду поточить не грех. Сама природа велит. Куда от

неё денешься?

– Как от алиментов.

– Ты, главное, с толстёнами не вожжайся. А то они тебе и ступеньку раздавят, и твой новый диван угробют. А так, с худёшками тихонько пошаливай... Мирно можно... А до тебя что было! Лежу. Всё слышать! Диван ихний не молчит. С жалью охает! Подушку на ухо – ещё слышней! Ну рази тут уснёшь? Я и заори дурноматом: «Оставьте мою комнату в покое!»

В калитке проявилась весёлая Соколинка.

– Граждане собрание! Что я вам доложу... Плыву от Доры. Она такой гардероб продаёт! Свой бы продала, а её купила! Просит двадцатник. А отдаст и за десятку. Пойдём, Толь, посмотришь. Тут близко.

Бабка Катя недовольно уставилась на меня:

– А он тебе больно нужен? Ты лучше женись скорей на невесте со всеми удобствами. Иля ты будешь довеку таскать времяшек?

Соколинка тут же ей возразила:

– Пани Кэтрин! Конечно, старый человек – университет жизни! Но сейчас ты далеко и даже глубоко не права! Гардероб Толе в любом случае нужен. Универсальная ж вещь! Незаменимая в молодом деле. К мальчику пришла девочка. Вскоре стучится вторая. Что делать с первой? В гардеробчик её на соцсохранность! И принимай вторую витаминку. Это я по опыту братца Лёни говорю. Сейчас он в Крыму живёт.

Бегала к нему одна замужняя, тут через два двора. И вот раз сбрасывала она у Лёни давление.¹⁸¹ Пришёл муж. Искал её. Я проводила её в свой гардероб. Потом она потихоньку выбралась в окно. Обежала дом и стучится ко мне: «У вас моего ненаглядного Петушка нету случайно?» Обрадованный и обманутый на все сто Петруха радостно выскочил к ней. А она: «Ну я прям обыскалась тебя! К матери даже бегала! А ты вот где! Наконецушко нашлась моя всепланетная сладкая пропажа!»

¹⁸¹ **Сбрасывать** давление – совершать половой акт.

18 мая

Доноры

Бузулук скребёт затылок:

– А где наш Псевдолабиринтович (Всеволод Лаврентьевич Калистратов)?

– Отдыхает после дежурки на выпуске, – отвечает Аккуратова.

– А я хотел пригласить его в доноры...

– Так иди с Молчановым...

– Да это мы сходим. Отдадим... Я хотел отпроситься. А у Медведёва не могу я отпрашиваться. Сидим охраняем незнамо что. И слова гоняем, поканаш Медведяка на планёрке. Мыши шумят, пока кошка спит...

Олег поворачивается к Молчанову. Молчанов пишет.

Олег говорит:

– Он сочиняет словами Есенина:

«Вот скоро в поле выгонят скотину...»

– У меня своих слов хватит, – отмахивается Валька. – Не мешай.

– А чего у тебя ноздри торчат, как двустволка? Я с тобой родственник по диагонали... Ну что, понесли сдавать Родине кровь? Не забыл, что сегодня в ТАССе День донора? Уже время. Пошли.

И они уходят.

Для доноров в столовой отдельная кормёжка. У окна сдвинуты три стола, покрыты белой скатертью. Донорам бесплатный обед: цыплята-табака, 250 граммов молдавского вина «Гратиешты» и прочие сладости-мармеладости.

Первым вернулся Валька и доложил:

– Я пьян и три дня отгула в кармане!

– Александр Иванович, – говорит Олег Медведеву, – я пойду отгуливать.

– За что?

Встрял Артёмов:

– Как в анекдоте. «Почему нет Петрова?» – «Отгуливает». – «За что?» – «Он вчера не был на работе».

Бузулук:

– Я не Петров, и отгул у меня законнейший. За кровя!

Медведев кисло кинул:

– Иди и не мешай. Не разлагай других.

25 мая

Вечер.

Бутылочка красненького собрала у Соколинки её подружек.

Из бани вернулась баба Катя и к столу. Ей жарко. Прирастегнула толстую фуфайку, сбила на плечи вязаный платок. Просветлённо улыбается, оглядываясь по сторонам:

– Эх! Это не бабы, а форменный совет в Филях!

Соколинка кивнула ей:

– Ну как, пани Катрэн, не замёрзли твои поросяточки?

– Не-е... Машутка у меня с прострелинкой...

– А что такое прострелинка? – спрашиваю я.

Баба Катя мнётся:

– Ну-у... Нехитрая... Не себе на уме... В одно слово ежле – с простинкой... Ага... Машутка, значит, ложится с краю. А Дашутка – к стеночке. Эта с хитриной... Ага... Лежат... Да и в согласности хрю-хрю, хрю-хрю. Это мне они в культуре говорят: иди спи, мы сытые, нам хорошо. Вот... Я их понимаю...

Соколинка опять с вопросом:

– Чай пить будешь?

– А чего ж нет?

– Сейчас чайник прислоню к Анне Катинской¹⁸² и разо-

¹⁸² Анна Катинская – ягодица.

грею.

3 июня

Молотилка

Медведев:

– Я вчера не досидел летучку. Ушёл в поликлинику. Записался к зубному врачу. Отошёл от регистраторши. Одна тётка мне и говорит: «Ни в коем случае не ходите к этому врачу! Ей 75 лет. Она кроме рта ничего не видит. Ей в принципе очень важно, чтоб с первого раза хоть в рот наверняка попасть». Вот к такой зубарихе пойду в пятницу... Ну а чем вчера кончилась летучка?

Татьяна отмахнулась:

– Лучше и не спрашивайте! Иванов такой гундёж развёз! Прописные истины добивали... Такой гундёж, что я и не поняла...

Медведев на подкрике:

– Бузулук! Ты где вчера был?

– Александр Иванович! Я сказал Калистратову, что ходил доделывать зировский материал.

– Если Калистратов не подтвердит, напишу докладную.

– Александр Иванович! Докладную писать не придётся, потому что Калистратов имеет уши и язык.

Хоть уши и язык не покидали Калистратова, но докладная была-таки написана.

Тут же Медведев кликнул в РПЭИ летучку и полдня всем пролетарским базаром молотили орденоносного Бузулука за активность.

Иванов:

– Олег! Ты у нас чувствуешь себя кумом королю и императором! Тебя включали в краснознамённую бригаду по освещению хода съезда комсомола. Но из-за денег ты ходишь по другим редакциям. Срываешь горячие рубли на стороне. Там меньше требовательности, проще протолкнуть. Ты по своей редакции делай! Больше будет чести, хотя меньше рублей. Не нравится наш порядок – ищи счастья в другом месте. Не держим!

Олег насупился:

– Нам нужен хотя бы один творческий день в неделю после дежурства по книге...

– Можно и два! – безответственно впал в щедрость Медведев. – Чего мелочиться?

Иванов быстренько подсчитал:

– Тогда у вас будет два выходных плюс ещё два!

После летучки Молчанов ободряюще потрепал Олега по плечу:

– Ну что, Олеся, отодрали тебя, великого труженика лебединого озера?

Олег оттолкнул его локтем:

– Смотри на этого Нахапета...

Унылый Олег звонит жене Лизе:

– Добрый день, низкий поклон, Лис Иваныч... Это говорит корреспондент ТАСС по Москве Олег Дмитриевич Бузулук. Да, братушка... Дружочек-пирожочек... Да, братушко... Да, братуха... Да, брателько... Да, брательничек...

И никогда не называл имени жены.

Конспирация для непосвящённых.

У Молчанова лопается терпение. Он берёт параллельный телефон и тихо говорит:

– Лиз! Не мешай заработать ещё пятёрку.

Переговорив, Олег вдруг радостно потирает руки и запевает:

– Когда я пьян, я пьян всегда!..

25 июня, четверг

С утра дежурю на выпуске.

Прибежала Аккуратиха:

– Иди быстрее в коридор! Я тебе по порядку расскажу, как я вчера с пяти до полуночи жеребилась. Фестивалила от и до! Отхватила ж кооперативную квартиру на семнадцатом этаже окнами, к сожалению, на Саню Петрухина, то есть на его Коньково.

Потом она целую неделю ходила по всем комнатам и каждому в отдельности расписывала, как она жеребилась. Тиранила человека до тех пор, пока не откручивала у него пуговицу.

2 июля, четверг

«Так это не моя функция...»

С утра я снова на выпуске.

Резайкина правит заметки и примеряет модняцкие солнцезащитные очки.

– Майя Теодоровна, – обращается она к Рождественской, – я похожа на иностранку?

– Вылитая засранка-иносранка.

Я помог Резайкиной отредактировать все поступившие заметки, и Майя Теодоровна отпустила меня.

Вхожу в свою редакцию и слышу тяжёлый, надрывный голос Аккуратовой:

– Калистратов! Я зла на тебя! Ты меня не удовлетворил!

Калистратов, краснея, бормочет:

– Так это не моя функция...

– А чья? Пушкина?! – Татьяна безнадёжно махнула рукой и тоненько завyla обиженной сучонкой.

Олег стал басовито подвывать ей.

Калистратов пыхнул:

– Олег! Я заткну твою энергию вот этой заметкой! – и протягивает Бузулуку листок.

– Пожалуйста, Псевдолабиринтович! – кланяется Олег. – Давай выправлю.

5 июля, воскресенье

Я лихорадочно докрасил рамы, в спехе переложил несколько кусков жести на крыше. Теперь дождевая вода с моей крыши не будет захлёстывать угол комнаты Соколинки.

Взялся погладить рубашку безрукавку – сжёг. От спешки только ну и жди беды.

Уже три. Бегу на поезд.

Старухам – они разговаривали у калитки – наказываю:

– Ледя Маха и ледя Катрэн! Без меня хорошо тут ведите себя. Не балуйтесь!

Они заулыбались, а я почесал дальше.

Еду в Сухум и далее везде в южном направлении. Проведаю родные места детства, юности.

6 – 13 июля

*Летящий в пропасть не оглядывается.
Н. Шиловостов*

СУХУМ, НАСАКИРАЛИ...

В Сухуме благодать. Плюс тридцать пять! Не обморозишься.

Я снял койку у эстонки на улице Эшбы и понёс в «Советскую Абхазию» переводы рассказов Чечвянского. Какой-то Аршба отобрал два рассказа, а потом попросил показать удостоверение личности.

– Город пограничный. Столько проходимцев!

Я молча сунул ему паспорт.

Скоро у меня была подружка Алиса Балужева. Я назвал её Лиса-баловница.

Выходим мы поздним вечером из ресторана на море «Диоскурия», идём по набережной. Навстречу парень и три девицы. Вдруг одна из них подлетает ко мне, ласково берёт меня за локоть:

– Я хочу сегодня быть с вами. Пойдёмте.

Я ошалел и обрадовался.

Впервые ко мне сама подошла девушка.

«А вдруг она меня проиграла и на виду у спорщиков

решила арендовать меня, искусить, обесчестить и обесточить?»

Она пошатала мою руку:

– Ну что же вы не идёте?

Я пожал плечами. Мол, я б и пошёл, да вот...

И смотрю на Лису.

– Нет! Он не пойдёт, – глухо проговорила Лиса и крепко сжала мою ладонь.

На сцену очень развлюблённо смотрела незнакомая тройца. И ждала. Конца. Ждала конца и смущённая дева.

Мы молча разошлись.

Утром рыжая Лиса усвистала в свой Кисловодск.

Слегка погрузив, я забрёл в клуб туристов на фильм «Миллион лет назад» и гладил руку раздавшейся вширь и вкось грудастой старшекласски Наташи. Её папа и мама сидели по ту сторону юнчихи. Бдительно стерегли. И не устерегли. Стережённая марксами Наташа схватила мою руку и крепко прижала к тёплой и большой одной своей вершине Гиндукуша и пылко повелела: «Приходи завтра на медицинский пляж».

Конечно, я был на медицинском.

Конечно, мы не встретились. Я ж не знал её в лицо. Сидели-то в тёмном кино.

А молодых полнушек – весь пляж.

Я подходил к одной юнице, ко второй, к третьей.

Убеждал:

– Сознавайтесь! Вы Наташа!

Все мотали головами, и я мотал дальше.

Я сказал себе:

«На век твоих красных плавок хватит мармеладок и без Наташки. Остановись!»

И я остановился возле Вали. Она сидела под тентом на пляже Совмина Грузии и грустно лакировала в одиночестве ногти на ногах.

– Почему ты одна под небом Грузии печальной?

– Так теперь не одна. Я плюс ты. Пара!

– Раз плюс так плюс.

Время было обеденное, и Валя сказала:

– Айда поедим в «Диоскурии».

– Айда.

– Но туда надо нести рублей тридцать!

– Посмотри на мои хлипкие плечи! Я столько не донесу!

Мне по плечу лишь пятёрка.

У меня в кармане было лишь пять рублей.

В «Диоскурии» после энного стопарика она значительно посмотрела мне в глаза и восхитилась:

– А в тебе что-то да есть!

– Конечно! Я съёл салат и шашлык.

– Дубак!

– Всё может быть.

– И всё равно в тебе что-то есть!

Я потрогал в кармане свою мятую пятёрку. Больше там ничего не было.

Мне ничего не оставалось делать и я раскололся:

– У тебя тоже что-то наверняка есть. Будь готова поделиться. А то, может случиться, с официантом мне одному не расквитаться. И нас бросят в море. А оно и так от горя чёрное. И глубокое. Пока долетишь до дна – простудишься. Можно насморк схватить.

Дурашливо-беспечная сухумская неделя пролетела одним мигом, и я поехал в Махарадзе.

С поезда я сразу пошёл в свою школу, пошёл по той улице, по которой ходил долгие три года.

Школа наша на улице Ниношвили, семь.

Лето. Нигде никого. Один старик сторож.

В грусти прошёлся я по всем классам...

В печали вышел я из школы и побрёл старой дорогой к себе в совхоз-колонию «Насакиральский», где горько прожил первые свои двадцать лет.

Всё новое меня останавливало и заставляло попристальней в него взглядеться.

Городок омывала шумливая, какая-то сердитая речка Натанеби. Казалось, она злилась, что приходится ей прыгать через большие камни. А камни ещё крупней она не могла одолеть и с шипом обегала их с боков.

В мою школьную пору на реке не было моста. Машины одолевали её вброд. Для пешего брата пошатывалась дохленькая дощатая кладка на гнилых столбцах.

Теперь же километровый мост на бетонных высоких сваях радостно перемахивал и речку и её долинку. Видеть всё это глазу было в большой праздник.

С ланчхутского тракта я свернул посмотреть на нашу мельницу, куда я носил молоть кукурузу. Но мельницы уже не было. Её снесли.

Дальше от большака отбегала шоссейка к нашему пятому району. Справа от дороги был пустырь, где я каждую осень резал папоротник и утеплял сарай для коз. Теперь здесь в садах горделиво высились друг против друга два новеньких дома. На плоском камне у родничка сидел мужик с кривым носом. Я его сразу узнал.

– Привет, Акоп! – крикнул я.

Он улыбнулся:

– Ты меня не забыл, Толик? – удивился он.

– Да кто ж посмеет забыть самого Акопа Каракашяна! И камушек твой помню!

– Вайме... Вайме... Заходи, Толик! Большой гост будэшь.

Слово слову радуется, слово к слову тянется.

– Акоп, ты женился?

– Нэт, Толик. Вот, – вздохнув, похлопал он камень сбоку под собой, – вот мой жэна!

– А чего так?

– Судба.

– Ты это брось!

– Да, Толик. Я хотел на ней жениться – ничаво не пришёл.

Остался один камен. Приехал на вербовка – уехал мой вербовка...

Каждое лето к нам в совхоз-колонию приезжали по вербовке многие девчата. С одной вербованной раз в воскресенье оказался он в городе. Возвращались вместе. И пока дошли до дома – Акоп раз десять прикладывался к ней. А сахарница¹⁸³ у неё тощенькая – он всякий раз подпихивал под тоскливую заднюшку плоский камень в полотняной сумке. С этим камнем он и приплёлся домой. И все долгие годы хранил. Частенько в грусти сиживал на нём, как на троне, у ворот. Вот как сейчас.

Каракашяны и Куликовы съехали из посёлка сюда, на отшиб. Выстроили на пустыре дома. Завели сады.

Сначала жили мирно. И вдруг какая-то чертовщина сломала ладный порядок. Объявились насакиральские Монтекки и Капулетти!

Даже сейчас, при постороннем человеке, ни одна из сторон не хочет уступить. Старик Каспар пригласил меня к обеду, а десятью минутами позже позвал к столу и Николка Куликов.

И узнав об их раскардаше от Акопа, я сказал и Каспару, и Николаю:

¹⁸³ Сахарница – зад.

– И одно, и другое предложение я отвергаю. Да как это так?! Жить одним чёрте где от людей и кормить склоку? У вас на две семьи один родник. И жить надо только как одна семья! Вы друг дружке нужней некуда. Или ставите общий стол у родника, или я ухожу.

И что ж вы думаете?

Медленно, со скрипом потянулись к одному общему столу и те, и те...

Самая младшая из дочерей Каспара черноглазка красавица Тирун трижды меняла наряды. Мужчина всё видит! И она провожала меня до посёлка. Пока я не встречал девушки краше. Эльфийка... Звала от имени родителей на ночь в свой дом. Я застеснялся и не пошёл.

Ей всего-то шестнадцать. В десятом классе. Вот бы уждать год-два. Там бы можно и о загсе заикаться...

Ах, Тирун, Тирун...

Знаешь ли ты, что за пятьдесят лет сердце сокращается 1867 миллиардов раз и перекачивает по всему организму 150 миллионов литров крови? Рядом с тобой я б был согласен и на миллиарды-миллионы покруче...

И завертелась насакиральская кадриль.

Я всех знал в посёлке. Все знали меня. Встретился кто – как не погоришь?

– Толик! Ты помнишь, як танцював Максима? – теребила меня баба Настя Сербина, мамина товарка. – Мы тебя Мак-

симом дражнили. Ты ж был рыжий, як рабочком...

– Может, как председатель рабочкома?

– Хоть председатель, хоть рабочком, а всё одно рыжий був! Куда ни йдэшъ – всё в книжечку зырк, зырк на ходу! Молодэць, Тольша-левша! А шо мы? Пьем, дэрэмось та лаимось. Цэ и вся жизнь!

На полдержавы раскинул руки для объятий Борчик Гавриленко. Четыре жены было и всех бил. А пятая стала бить его самого. И доволен! Живут уже семь лет!

Андрюха Попов:

– Ну, расскажи, Толик, про Москву. У меня двое детей. Отправил к теще. Всё не будут отрывать от моих тугриков на вино.

Жорка Клинков:

– Я всегда шёл за тобой в учёбе. Если б у меня жива была мать...

– Почему ты всегда говоришь с местными по-грузински?

– Ха! Поговори у них по-русски... Эта железка, – посту-чал ногтем по рулю, – досталась мне трудно. Все же не на чаю парюсь. Подхалимаж – двигатель прогресса!

– Ты буржуй. У тебя две такие дочки-невесты! Скоро придётся покупать двустволку и вести отстрел настырных женихов.

– Я их заводным кривым ломиком...

Вечером затащили меня к Мамонтовым. Со стариком я пас вместе коз. Сейчас он болеет, старуха болеет. Паша с ни-

ми живёт. Ей уже сорок. Говорит мне:

– Посоветуй, как тут... Один мне написал... В поезде ему расхвалили меня. Пообещал приехать. Приехал. Такой красивый, молодой. Выпил с отцом по стопке. Не берёт больше. Я, говорит, норму знаю. Уезжать – попросил пять рублей на дорогу. Прощаться приходил в бригаду. Я не пошла провожать. Стыдно. Пация набросилась: «Ти чито!?! Такой хороший! Проводи!» И я кинулась за ним вдогонку... Проводила... Деньги прислал. Уехал на Колыму заработать на дом. Говорит, что я ему нравлюсь. Говорит: заработаю на дом и поженимся. Как мне с ним вести себя?

– А стоит рискнуть. Может, судьба? Пусти его ближе к сердцу.

– Да уж пустила... И самой понравилось... А вдруг что тёмное? Ну посоветуй, как быть?

Сорокалетняя женщина просила у меня совета.

Мне было и лестно, и неудобно, и радостно, что ко мне обращаются.

У шофёра Ивана Шаблицкого я засиделся допоздняка, и мать-старуха повела меня на ночлег в их сад за пасекой:

– Здесько всегда спит сам Ванька, як напъётся... Ловкое местушко... И от людэй подальшь, и воздушка чистый...

Место и впрямь царское.

Сенной лежак источал пьянящие запахи цветов летнего луга.

Звёзды подмигивали мне, я подмигивал звёздам и при-

слушивался к нашему сараю. Он был от меня в каких метрах пяти. После нашего отъезда и наш сарай, и огородик за ним захватили Шаблицкие.

Благостная тишина.

Проснулся я раньше солнушка.

Рядом мирно гудели пчёлы и не замечали меня. Какие воспитанные...

Солнце наполовину выкатилось из-за гор, когда я отправился на наш самый дальний и самый главный огород.

У края деляночки я опустился на колени, припал губами к земле и заплакал.

Я благодарно гладил маленькие комочки и не мог унять слёз.

Долгие годы эта родная трудная земля, политая детским потом, кормила нашу семью.

Теперь на ней ничего не сеяли, не сажали.

Забросили.

Глухие травы полыхали на ней злым, ядовито-зелёным пламенем. Земля умирала и никому не было дела до неё.

Я прижался к ней ухом и долго слушал её, как врач больного. Земля моего детства была больна тоской по заботе людской.

Уже вечерело.

В газетный кулёк я насыпал тёплой огородной земли, поставил в портфель и виновато побрёл к дороге.

С пригорка я грустно помахал рукой.

Спасибо Тебе, Друже... Прощай...

Две отпускные, южные недели на отходе.

Ещё две недели я побуду у мамы.

Надо помочь убрать картошку, подремонтировать погреб,
нарубить дров на всю зиму, завезти угля...

Без дела преть не буду.

5 августа

*Вначале – Слово. После много слов...
И, хоть они общения основа,
Та речь, где слов избыток, – для ослов.
Ведь умный понимает с полуслова.*

А. Жуков

«ОН НЕ БОИТСЯ МЕНЯ, Я НЕ БОЮСЬ ЕГО»

У меня на перекидном календаре на столе написано моей рукой:

«Выход к рампе А.С.»

Я вышел и нарвался на открытое партсобрание.

– Товарищи! – докладывал Иванов. – Мы обсуждаем вопрос о кадрах. Не все вовремя приходят на работу. Только РПЭИ в 9.00 всегда на месте.

Я тихонько скомандовал:

– Встать РПЭИ в полном составе. Пусть вами полюбуется Родина и ближнее зарубежье!

– У нас, – продолжал Иванов, – всё муссируют вопрос о возврате к работе по-старому. Бузулук даже написал в партком. Олег утверждает, что работать по-новому невозможно: все прикованы к столам. Выдвинул лозунг «Да здравствует

возврат к прошлому!» И мне он пообещал: «Ну, вам поддадут на парткоме».

Бузулук выкрикнул с места:

– Осталось выдать каждому по ружью. Будем охранять историческую пыль!

Председательствующий на собрании Артёмов постно спросил:

– Кто хочет выступить? Первому в прениях можно дать сверх нормы две минуты за храбрость.

Поднялся Шаповалов:

– Мне не понравилось выступление докладчика. Говорил как Нобелевский лауреат. Слишком спокойная тональность. Нет взволнованности. У меня крамольный рецепт. Всё-таки я считаю, что Карфаген должен быть разрушен. От старого надо уходить.

– Верно! – поддержал Артёмов. – Есть условия. Только явный дуралей может не работать. Лишь надо чуть-чуть вздыбиться. Стряхнуть с себя пыль старых привычек.

Саша Петрухин косо взглянул на Медведева и понёс хвост чубуком:

– Не подумайте, что я хочу бить заведующего. Я этого делать не собираюсь. Он не боится меня, я не боюсь его. Отпускает он с такой большой тоской, что не хочется отпрашиваться и идти за материалом. А что здесь высидишь?

Конечно, Медведев тут же откинул шайбу:

– Была мода критиковать промредакцию. Кто её против-

ник, тот и был в чести. За подобную активность Бузулука сделали спецкором.

И тихо.

Желающих толочь воду в ступе больше не находилось. И так уже два часа отквакали. Стали по одному испаряться.

– Что-то поредели наши сплочённые ряды, – пожаловался Артёмов. – Как прорубили. Не уходите... Что-то не выпрямляется наша картина по дисциплине.

Морализаторство никому не нравится. Каждый норовит либо улизнуть за дверь – покурить ли, посплетничать ли – или заняться, не вставая с места, чем-то поинтересней. И скоро интерес всех собирает то, что к красавчику Молчанову подседа рыжая расфуфырка. Пошепталась эта парочка, и дева павой поплыла к двери.

– Кто это? – встрепенулась Люся Ермакова, провожая шикаристочку кислым взглядом.

– Да, Нахапет, кто? – глухо пристукнул Олег кулаком по столу. – Отвечай ёбчеству здесь и сейчасско!

– А! – отмахивается Молчанов. – Так... Решила посоветоваться, стоит ли ей подаваться в журналистику.

– Клещиха прибежала к тебе на партсобрание советовать-ся?

– А что тут такого?

– А то, – поморщился Олег, – что из-под тебя эта лялька подастся в роддом!

Молчанов раскинул руки:

– Хулиган, а не Бузулук!

12 августа

Грушевое варенье

Мария Александровна показала из окна на рясную грушу в своём саду:

– Толя! Не дай пропасть экой красе! Я груши не люблю. Все они твои. Рви себе, неси на работу кому. Не дай пропасть.

– Это пожалуйста! Я по грушам умираю!

И разлетелся я наварить на зиму грушевого варенья.

Да на чём варить?

У меня в пенале стоит изразцовая печь без плиты. И готовлю я себе на крохотульке электроплитке. Пока стакан воды вскипятишь – год пройдёт!

На электроплитку я поставил четырёхведёрный котёл, доверху насыпал нарезанных груш и варил двадцать шесть часов. Ночь не спал!

На медленном, сонном огне груши хорошо уварились.

Варенье получилось сказкино.

И через пять лет оно будет смотреться таким, как будто только что сняли его с огня.

13 августа

На картошку

Меня вызывает Колесов.

Не Таймыр, не Колыма. А именно вот пан Колёскин.

За что на ковёр? Я ж месяц был в отпуске. Грехов ещё не напёк.

Захожу.

У него масляная улыбка до ушей.

– Анатолий Никифорович! Зайдите через пять минут.

Странно... По имени-отчеству...

Я ухожу в кабинет задумчивости¹⁸⁴ и тупо гадаю, что же сейчас со мной будет. Да-а, тучи всё сильнее сгущаются. Снаряды рвутся совсем рядом... Ох... Подождать, когда снаряды начнут точно попадать? Тогда будет уже поздно. Как и где пересидеть эту бурю? Не высовываться отсюда? Ну, ваньзя!

Я выхожу из туалета.

– Где тебя хрен качает? – набросился на меня Иткин. – К главному на одной ноге!

Колесов, Князев, я. Триумвират.

– ЦК КПСС, МК КПСС, Моссовет, – духоподъёмненько затягивает свою лебединую песнь Коляскин, – поставили задачу о завозе продуктов в столицу местными силами в связи

¹⁸⁴ Кабинет задумчивости – туалет.

со сложившимися трудными обстоятельствами. Вы об этом знаете. Мы обращаемся к вам за помощью. Задача такова: надо организовать сбор и завоз продуктов. Придётся заниматься и переборкой капусты. Это нетрудно. Чтоб отрывать капустные листья, не надо быть Геркулесом.

– Достаточно быть зайцем, – уточнил Князев.

Я обрадовался, что зван не на эшафот, не на ковёрную прокатку, и проблеял:

– Не знаю, какой я руководитель, но сделаю всё, что от меня зависит. Овощи будут! Поверьте моему честному слову. Все силёнки кину! Организую. Вот...

– Там нужен личный пример, – робко подсказал Князев.

– Я и пример подам. Не то подавали.

– Там работать надо, – уточняет он.

– И поработаем!

– Там нужно самому работать.

– А я и не собираюсь перекладывать на чужие плечи.

– Там нужно просто самому убирать картошку.

– Не привыкать... С детства пахал у себя на огороде. Физического труда не боюсь. Вон полдома сам построил. Купил чёрте что и построил.

Колесов крикнул:

– Здесь у вас будет идти стопроцентная зарплата. Плюс то, что заработаете в совхозе.

18 августа

Дадим!

Еду в совхоз «Чулки-Соколово».

Нас битый час наставляли уму-разуму в парткоме.

В автобусе ко мне подсел бочком Шурик, верзила-шкаф из грамзаписи «Мелодия».

– Ну какая от нас польза? Это же порнография! У вас длинные музыкальные пальцы, а у меня любовь к вину и работать на сельской ниве мне противопоказано.

Шурик вернулся к своим на заднее сиденье, и там они шумно разыгрывали на спичках, кто ж выпьет первый халявную лампаду¹⁸⁵ на 101 километре. Выиграл Шурик.

Автобус летел по Зарайску, когда к водителю еле подошёл пьянюга:

– Шеф! Остановились! У нас не стало одного...

– А куда он делся? Я ж нигде в дороге не останавливался...

– Святой! Чудотворец! Вышел сквозь закрытую дверь! – хохотнул Коля. – Открой! Я пойду его искать.

– Не валяй дурочку. Бутылку будешь искать? Мало набрался? Потерпи. До совхоза осталось всего пяток километров. Там и отоваришься!

– Тебе в доклад не пойду. Открывай, ящер печной!

¹⁸⁵ Лампада – стакан.

Водила шумнул в салон:

– Ребята! Возьмите этого чумрика...

Но никто не шевельнулся. Никто не хотел связываться с пьянистом.¹⁸⁶ И шофёр, плюнув, открыл дверь.

Коля побрёл по проезжине.

Навстречу лошадь в телеге.

Нашла коса на камень.

Коля мужественно держался на ногах и храбро не уступал дорогу. Лошадь не собиралась обходить поддاتيку.

Они сошлись лицом к лицу. Мордой к морде.

Коля стал бить лошадь по голове.

Возница не стерпел избиения своей живности. Скрутил Колю и привёз на опохмелку в вырезвитель.

Коля напоролся, за что боролся, – на штраф в двенадцать рублей и ночь провёл в вырезвители.

Наутро он сходил в собор Николая Чудотворца, посмотрел свою икону и на попутке доскакал до нас в Жемово. До места уборки картошки.

– Ну так нашёл ты того, кто вышел из автобуса сквозь дверь?

– Нашёл... Он перед тобой. Не выпивки ради я вылез в Зарайске. Хотелось посмотреть на свою икону. Икону Николая Чудотворца! И я посмотрел. Теперь можно и вожжаться с картошкой.

Вот такая чумная комедия...

¹⁸⁶ Пьянист – пьяница.

И вернусь я к той минуте, когда мы прибыли в совхоз.
Остановились у конторы.

А выходить боязно. Наполаскивал сатанинский дождь.

Кругом непролазная грязь по колено.

Так что же делать?

Спускаться на грешную землю!

Выдал комендант нам постельные тряпочки и понеслись
мы дальше. В клуб в селе Жемово.

На клубе ветер теребил плакат

Дадим больше овощей Родине!

Ну...

Кому чего...

Родине – овощи.

Нам же – жильё.

В вестибюле на нарах будут спать женщины. Мы же, товарищи мужчины, будем спать в зрительном зале, а избранные – в президиуме (на сцене). Но все на нарах.

Из автобуса мы выскакивали каждый со своим матрасом. Каждый под дождём набивал его тут мокрой соломой, которую подвезли к нашему появлению.

Ночью шёл пар от нас. Мы испарялись.

Дверь между вестибюлем и залом – между женщинами и мужчинами – не была заколочена, и ночью в потёмках публика хаотично мигрировала куда угодно сексу.

В президиуме же жительствовавал лукавый народец. Есть

там дурка Валера. Он кричит:

– Отбой в двенадцать. Кто опоздал... Я не виноват. Выключаем свет и... и... Опоздунам устроим весёлый бег с барьерами!

В проходе между нарами он ставит поперёк лавки и хохочет.

Входившие по темноте налетали на лавки, падали. Кто-то смеялся, кто-то ругался, а кто-то в то же время уже звонко целовался за сценой.

Там была светлица. Комната на четыре койки. Туда шли девицы, которые не хотели как простолюбки заводить шашни с мужиками в общем стаде хотя и в потёмках.

У столовой произошла забавная сцена. Коля узнал одного гуся из вытрезвителя. Хлопнул его по плечу:

– Слушай! Почему мне знакома твоя синяя рубаха? Где тебя видел? Ты на днях не был в райском-зарайском аквариуме?¹⁸⁷

– Почему не был? Как же вытрезвилка без меня? Обижа-аешь...

– О-о-о! Обмоем встречу! Устроим себе бенефис! Что мы, хуже артистов?

Скинулись по рублю и в посадку.

И на этом бухенвальде¹⁸⁸ Коля рассказал про свои послед-

¹⁸⁷ Аквариум – медвытрезвитель.

¹⁸⁸ Бухенвальд – пьянка.

ние домашние бенефисы.

– Выпили. Наутро воскресенье. Надо похмелиться, а паранджа¹⁸⁹ не даёт на выхлоп.¹⁹⁰ Ладно. Я ей и говорю: дай хоть рассолу! Она молча полезла в погреб за рассолом. Только опустилась в яму – я крышку хлоп! Поставил на крышку шифоньер. Стал я для надёжности на крышку и засылаю ей вниз условие: пока не дашь на отходняк,¹⁹¹ не выпущу. Сходил к соседу, похмелился. Возвращаюсь, руку к виску и докладываю: «У меня не горит. Буду ждать твоего раскола!» – Она просит выпустить. А я еду на своём козыре: «Не дашь – не выйдешь!». С утра до полдника отсидела и больше нет её терпения. В щёлку люка пропихнула мне горбатого.¹⁹² Чмокнул я благодарно ту люковую щёлку и выпустил на волю послушницу целую и невредимую. Ага... В другой раз выпил её одеколон и в пузырьёк налил какой-то солярки. Собираемся в кино. Она перед зеркалом и ну себя хлестать из пузырька во все места. Носом что-то задёргала... Догадалась... Ка-ак пужанёт в меня тот пузырьёк! Да промахнулась. Пробила окно. Я выбежал на улицу и забросил тот пузырь в кусты. Вдруг дурь ещё не улеглась, чтоб не повторила свой бросок... Потом как-то напоил не знаю чем мужа своей сестры. Мне ничего, а он в 24 часа облез. Больше в гости ко мне не ходит.

¹⁸⁹ **Паранджа** – жена.

¹⁹⁰ **Выхлоп** – похмелье.

¹⁹¹ **Отходняк** – похмелка.

¹⁹² **Горбатый** – рубль.

А то очень обожал кудряш по гостям слоняться. Я отучил...
Е-есть польза от бенефисов...

– А вот я заступлюсь за облезлого! – вдруг замахнулся пустой бутылкой зарайский варяг. – Не смей изнущаться над хорошими людьми!

– Чего ж хорошего? Болтался по гостям...

– Замолчи! Не буди во мне зверя.

– А ведь ты боишься меня.

– Я боюсь тебя? Да убить могу! А у меня семья, щенок!

Обменялись они тоскливыми оплеушинами и уныло расползлись кто куда.

На третий день появился на личной «Волге» МОЩ 69 – 39 запоздалый помогайчик из ТАССа.

Вылез из своей машины и заявил:

– Я покажу, как надо работать не прикладая рук!

И показал.

До уборки картошки и вообще ни до какой работы он не дошёл.

Во все дни не вылезал из машины.

За ним табунились девки. Возил их в город в кино, на танцы, в ресторан. В машину набивалось человек по десять.

Сам он приударял за юнчихой Кланей, которую звал Дрожит Бедро. Кланя собиралась поступать во ВГИК и была похожа на Брижит Бардо.

Но кончилось всё пшиком.

Кланю увезли в больницу.

С чем-то венерическим.

Уборкой картошки и не пахло.

Из шести тассовских мужиков создали бригаду.

На пилораме мы катали брёвна, убирали мусор. Приводили двор в порядок.

Вскоре меня из бригады перекинули в помощники печника.

Бледный, хлипкий мой печник был мне ровесник.

Начали мы с того, что на складе взяли печные плиты. Одну он отвёз знакомому, и тот принёс литр водки.

Мой начальник опорожнил бутылку, окосел, будто его подружили.

Я его на плечо и отнёс домой. Положил на ступеньках.

После обеда он не пожаловал работать. Я пришёл к нему. Он беспробудно спал на ступеньках.

Я выговор заведующему пилорамой:

– Я сюда приехал работать, а не пьянь разносить.

– Это тоже дело. За это я тебе тоже выведу. И неплохо.

Всё же мы сложили две печки.

– Какие мы стахановцы! – похвалился печник.

– Может, стакановцы?

– Всё у нас может быть. Мы универсалы. Плохо, что ты совсем не пьёшь. Это о-ч-ч-чень большое упущение. Но я тебя исправлю!

– И не пытайся!

– Попытка не пытка. Я всё ж таки мастерец... На прошлой неделе сдал калымных бутылок на тридцать четыре рубля!

За полмесяца я заработал сорок пять рублей. Девчонкам за пятидневку выводили и по тринадцать копеек. Они положили капусту, собирали помидоры и огурцы.

Питание в столовой было не ахти, и мы ломали грибы, варили и жарили. Хотя нас на уборку картошки и не пустили, но мы всё равно не обегали картофельное поле. Подкапывали под вечер по полсумки и варили. С постным маслом – объедение.

Кто-то на пилораме сделал из дранки меч. Я его взял себе. Хранил на своих на нарах под матрасом. Повешу дома над диваном...

Перед отъездом многие мужики взяли по поллитровке. Чтобы не затосковать в дороге. Ехалось весело. Один мухомор так набрался, что всё просился к девчонкам на колени. Ему уступили. Он всю дорогу спал у девиц на коленях.

Из совхоза я привёз два мешка яблок. Нарвал в заброшенном саду. Этой осенью собирались его вырубать.

Высадили меня у Курского вокзала.

Как добраться до электрички?

Два мешка на один горб не усадишь.

Я тащил один мешок и постоянно оглядывался, чтоб второму мешку не приделал кто ножки.

Метров через пятьдесят возвращался за вторым.

Вперемьнку нянчил то один мешок, то другой.
Так добирался и от платформы в Кускове до дома.

21 сентября

Натаскал толстых брёвен с заброшенных домов.

Пилю один большой пилой.

Тяжко и радостно.

Сам!

Нарочно с одного конца выбил ручку, чтоб прохожие сердобольцы не приставали ко мне со своей помощью.

28 сентября

Это несправедливо, что справедливости нет!
А. Соколов

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Медведев собирается ехать в Тольятти. Только и разговоров о его командировке.

– Самолётом я не поеду, – говорит он. – Там Волга, туман. Ещё не посадят самолёт...

В спешке он раздал всем в редакции адреса командировок.

Всем кроме меня. Это несправедливо!

Я напоминаю о себе:

– А почему меня не посылаете?

– А писать кто за тебя будет? Ты вон плохо написал о торжественном заседании лесников. Получился порожнёвый материал. Написал, как в лужу пёрднул!

Сева сочувствует мне:

– Опять вы сцепились... Не обращай внимания на этого психопата, – посмотрел он на закрывающуюся за Медведевым дверь. – Ко всему относись философски. Не посылают – и хрен зы ным! Я понесу пальто в ателье. Спросят меня, ска-

жи, что я где-то здесь в нашей проруби болтаюсь.

Беляев на выпуске:

– Что же вы Насера¹⁹³ уделали? Улица говорит – умер. А что передали вы?

Лукиянов из редакции международных связей:

– Мы ничего не знаем.

Бузулук подковырнул:

– Улица лучше информирована, чем ТАСС.

Я вернулся с обеда.

– Слушай! – накинулся на меня Медведев. – Где ты полтора часа был?

– Обедал.

– Ты дежурный по книге. Сколько незарегистрированных заметок лежит! Ещё раз столько проходишь – напишу докладную главному, чтоб перевел тебя в другую редакцию.

– Я был 35 минут.

– Надо было сказать.

– Скоро и в туалет по письменной заявке будете пускать?

– Ты не остри. На хрен мне нужны такие работнички.

¹⁹³ Гамаль Абдель Насер Хусейн – президент Египта (1956–1970).

30 сентября

Рашид Ахметов притащил Новикову заметку. Навис над ним. Вместе читают. Рашид застит свет Артёмову.

– Рашид! – говорит Артёмов. – Хоть голова у тебя и пустая, но свет всё же не пропускает, – и махнул рукой. – Отойди от окна!

Рашид огрызнулся:

– Ты однообразен.

Вернулся с вокзала Медведев с билетом до Тольятти.

– Александр Иванович! – серьёзно говорит ему Артёмов. – Звонил министр автомобильной промышленности Тарасов. Просил, чтоб ты не очень ругал их в своих очерках.

1 октября

Пришла тётя из соседней редакции и просит прикурить.

– У нас, – сказал ей Медведев, – пять мужиков и одна Аккуратова. Только она курит. Но она в отпуске.

– Тоже мне мужчины...

Бузулук хриплым голосом – вчера был в ресторане «Москва»:

– Не понимаю курящих. Особенно женщин. Курящая женщина – это голубой унитаз, которым все пользуются, но который никогда не моется. Не понимаю... Пить... Да!

– Голос где? – строго выговаривает Петрухин. – Пить меньше надо. А Молчанова за глаза называют загибалой. Он написал, что 20 тракторов скоро заменят сто, а Медведев выправил: один заменит сто! Так солиднее.

6 октября Разгуляй

Медведев в командировке – в редакции разгуляй.

Утро начинается с того, что Сева задаёт программный вопрос Олегу:

– Что такое экстаз?

– Это нам с тобой недоступно.

– А всё же?

– С каждой каждый раз по-новому...

– Тавтологии многоватушко... Как-то трудно укладывается...

– А трудно укладывается потому, что это слово прежде всего пишется неправильно. Надо писать через дефиску. Экс-таз! И сразу всё всем ясно. Это таз, бывший в употреблении.

– Гм, – значительно говорит Сева. – Наконец-то уяснили... А теперь сыграем...

Сева шлёпает в шахматы с Петрухиным и с упоением бахвалится, как он отпускнутил в башкирской деревне.

– Грибов смерть! Наломал, нажарил. А утром началось... На три метра против ветра! Знаете ж, гриб да огурец в заду не жилец. Водкой остановил это разгильдяйство.

Саша обыграл Севу, и блаженствующий судья Козулин поглядывает на часы.

– Тебе идти? – спрашивает Сева. – Или там мамочка?

– Мамочка ходит.

– Хороши и комары! – хвалится Сева. – В задницу укусит, а болит голова... Очаровашка деревенская житуха. Со мной моя любовь. Надоела деревня – поехали в Уфу на три дня. Потом по Белой и Каме в Казань.

Козулин встаёт уйти:

– Там телефон!

– Подожди! – Сева давит на плечо, усаживает Козулина на прежнее место. – Самое интересное впереди! Билетов на теплоход из Уфы до Казани нет. Бегу к главному речнику. Поддали. Вовпит речник: «Высажу весь теплоход, а вас отправлю! Мою броню продали, но вы утром приходите». Пришли. Он пьян, мы пьяны. Всем весело, а двухместных кают нет. Речник своё гнёт: «Теплоход не отпущу, пока вас не посажу!» Побежал он на теплоход, вытолкал одну молодую парочку. В нашем распоряжении оказались сразу две каюты: этих молодых, которых главный пообещал отправить следующим рейсом, и капитана. Мы выбрали капитана. Каюта у него хороша. Не было только мягкого пола. С капитаном была его жена. Керосинили вчерняк! Спали. Кто с кем не помню. Но трагедия. Самые красивые места проходим ночью. Капитан переделал расписание. Все красивые места мы проходили теперь при свете дня. Раза три, когда я был особенно весел, я выходил на палубу и в плавках вёл теплоход по Белой. Охеренно хорошо-с!

Козулин пытается уйти.

Бузудук хватает его и тащит на старое место:

– И не шевелись! Слушай, что Псевдолабиринтович рассказывают и дыши через раз! Ни слова не пропусти!

– Ой, расшалопайничались без Медведева, – говорит Сева. – Витя, друг Козулин, посмотри, какая у нас красивая жизнь! Прочувствовал? А теперь давайте немного поработаем.

Он брезгливо просматривает книгу заметок и выносит свой приговор:

– Говна много, а информации нет!

Козулин выходит и через минуту возвращается с залихватским криком:

– Ну что, чеканутый народ!? Работаем?

Сева даёт мне заметку:

– Возьми Старикова. Твоего любимика.

– Если я позвоню в министерство геологии и кое-что уточню, то его информацию сразу забракую.

– Надо сделать. По плану для районных газет.

Я быстренько отредактировал. Больше делать нечего. Чем заняться? Или позвонить куда-нибудь кому-нибудь и за чем-нибудь?

Вспомнил одну шапочную знакомку. Набираю.

– Привет, Наташ! Ну, когда ты, незаходящая блуждающая звезда, появишься на нашем горизонте?

– Наверно, Толь, никогда. Я выхожу замуж.

– Кто же он?

– Он самый-самый!..

– Ну-ну... Как ты запоёшь через год-два? А чего у тебя голос хриплый?

– Вчера долго гуляла.

– Гулять так с ним. А лекцию по Израилю готовь Толя. Хорошенькое разделение труда. Кому вершки, а кому корешки. Она выходит... В люди... В жёны... Ты счастлива?

– Я не хочу говорить, чтобы тебя не расстраивать. А ты очень переживаешь?

– Если к другому мотнула невеста, то неизвестно кому повезло!

– Я не была твоей невестой. Ты ничего мне не предлагал.

– А ты что? Кто быстрее?

– А если б предложил? Пошла б?

– Год назад – да! И не говори так обо мне – кто быстрее.

– Мда-а... Все великие дела делаются молча. Так кто он?

– Кончает авиационный... Красивый...

– Куклы тоже красивы. Но они пластмассовые и внутри пусты. Ты споткнулась... Ты... Шла по красивой дорожке. Здорово споткнулась о пень. Всё гудит. В глазах мурашки. Ты ничего не видишь. Одна дорога, солнце и нет пня. Ты видишь радугу, видишь, что в дали твоей фантазии. А что под носом не видишь. А под носом пень. Нехорошо, что ты не знаешь самой главной моей тайны.

– Ну скажи, Толь. Ведь теперь всё равно.

– Нет! Её узнает только Она Единственная при мне. Ты добровольно покинула этот высокий пост. Кто-то будет тебя благодарить со слезами.

– Даже так?

– Даже так!

– А ты переживаешь? Ты меня забудешь?

– Я тебя вычёркиваю из жизни своей, как вычёркивают из блокнота устаревший телефон.

– Видишь, как легко. Вычеркнул и всё. Забудешь, женишься...

– Будто ты не забудешь. Вы уже подавали в загс бумаги?

– Нет.

– Так наседай. Добивай его. А то он ещё мигнёт куда в кусты.

– От меня в кусты никто не уёрзнет. Я и там найду.

– Славь Бога, что ты – о жестокая! – не досталась мне.

– Молись Богу.

– Молюсь. Вот ты бежишь замуж. А что ты приготовила на развод? Я уже отложил сто рублей.

– Я ведь не заработала. А у папы стесняюсь просить. Ты очень расстраиваешься?

– Скажи, ты одного меня так подкусила?

– Не одного...

– Ну, спасибо. Утешила. Не только со мной... Так поступают все женщины. Ну что ж... Походим ещё в запасных. Пусть этот матч сыграют без меня. Мне будет больно, когда

тебе забьют первый гол. Ты играла хорошо. Били по твоим воротам. Ты отбивалась. Ещё ни одного гола ты не пропустила. Вратарь что надо! А вдруг ты получишь травму при первом голе? Твоя травма – моя травма. Я плачу, рыдаю и меня уносят с поля в лазарет. К тебе приходит твой штатный нападающий, и ты рада. Все поступают так. Ты люби его, жалеешь! – скороговоркой крикнул я и бросил трубку, будто змею.

– Я работать нэ пиду,
Я встречаю Помпиду.¹⁹⁴

Вкрадчиво пропел это Олег надо мной и ногтем постучал меня по плечу.

– Аиньки! Будя спать на ладошках. Пошли встречать Жоржика.

Вся редакция выкатывается на улицу.

У автобусов пол-ТАССа.

Секретарь парткома Пименов с камня кричит:

– Напоминаю. На Ленинском проспекте наши столбы 150 – 152. Между этими столбами наше место. Советские и французские флажки все берут здесь. Садимся!

¹⁹⁴ Жорж Жан Раймон Помпиду – президент Франции в 1969 –1974. Впервые посетил Москву 6 октября 1970 года.

7 октября Болтовня

Калистратов просматривает газеты:

– Гм... Что это? Сначала называют среди встречающих члена Президиума Верховного Совета Брежнёва, а уж потом Председателя Президиума Подгорного?

– Так Брежнев же генеральный член, – лезу я со своими пояснениями. – Генерал партии!

– Не путай сюда партию... А что им в ЦК?... Одно ателье шьёт шляпы? У всех одинаковые!

– У меня тоже такая. Только с ямочкой сбоку.

Делать было нечего и я зачем-то снова позвонил Наташе:

– Ты встречала вчера президента?

– Нет. Я и не знала о приезде. Как он собой?

– Ничего... Молодой, красивый...

– Ты скажи! И президент уже...

– Неосмотрительно выскочила ты за своего авиатора. Он наверняка президентом не станет. И ты не воображай. Ты не центр земного шара. Ты центр для одного... Притягиваешь не всю Вселенную, а лишь одного чубрика. До чего докатилась... До ручки.

– До какой?

– Ну до ножки. Даже своей фамилии лишишься, не говоря о чём-то другом.

– Другого я уже лишилась, Толя. А фамилию оставляю. Я такая маленькая...

– Ага! Покажи этой манюне палец – всю руку отхватит!

– Ну и что?

– Как что? Каково без руки?

– Странный оборот.

– Да, странно. Ты сделала шаг вперёд и два в сторону.

– Я всегда иду вперёд.

– В сторону! Ты уже приехала. Твоя станция. Твой выход.

Мой поезд пойдёт дальше без тебя.

– Убиться-а, – стонет она.

– Ты раскокала моё сердце. Вчера бегал по магазинам, искал бечёвку повеситься. Нету! Выручи.

– Ну да.

– Тебе и бечёвки жалко для меня. Я так и знал. Жестоко-сердная!

– Я добрая, искренняя...

– Похвали, похвали себя. Ты разрешаешь мне впредь тебе звонить?

– Да.

8 октября

Козулин читает своё творение Бузулуку:

– Ты не Олег, что Русью правил,
Но я хочу, чтоб ты тоже след оставил.

– И не надейся! – вскидывает Сева щитком ладошку. –
Наследить... Да пожалуйста! Не более того... Лучше послу-
шайте... Отец и сын были в зоопарке. Дома сын хвалится:
«Мам, мы видели слона. Во – хобот! Во – уши! Во – хвост
и ещё кое-что.

– Кто тебе сказал?

– Папа.

– Это у него кое-что, а у слона что надо!

Козулин погрозил Севе пальцем:

– Баланду травите. Медведя на вас нету! А ты, – повер-
нулся Козулин к Олегу, – кончай му-му катать.¹⁹⁵ Давай сре-
зай элеватор.¹⁹⁶ А то уже дырочек на ремне скоро не хватит.

Олег засерчал:

– Я тебе доложу поперёк шеи, бобик ты бесхвостый. Это
у тебя от пуза веером!

¹⁹⁵ **Му-мукатать** – бездельничать.

¹⁹⁶ **Элеватор** – живот.

12 октября

Трудяги

Медведев вернулся из тольяттинской командировки.

Калистратов чиновничьи осведомляется осторожно:

– Как съездилось, Александр Иванович?

– И не спрашивай. Завод – целый город! У меня спросили: «Вы с машиной?» Я ответил: «Пока нет». Думал, дадут навсегда. У них дождётся... Туда надо ехать на месяц, чтоб побывать во всех цехах. Там в минуту сходит с конвейера двадцать машин! Ездил по заводу с каким-то малым из «Известий». Я его не знаю.

– Я его тоже не знаю! – торопливо выпалил лиса Калистратов.

Я чуть не расхохотался.

Да как он, Севка, мог знать малого, о котором говорил шеф? Он же, Севка, не был рядом с Медведевым и не мог знать. Но... У Севы своя подхалимская логика. Чего не знает начальство, того не смеет знать и подчинённый! Начальство нельзя подводить!

– В Домодедове, в порту, – усмехнулся Медведев, – один привязал верёвкой медведя к скамейке и ушёл. Может, к кассе. Может, в туалет. Стоит Михалыч один, обиженный. Уборщица сыздали замахнулась метлой – гневно рыкнула. Кинули ему газету – смял. Чего-то искал. Конечно, еду ис-

кал. Девчонка принесла мороженого, кинула на комок газеты. Медведь лизнул. И тут же съел вместе с обёрткой.

– И у меня был случай, – подобострастно хвалится Владимир Ильич. – Питерцы подарили чехам байкальского медвежонка. У трапа они дали ему своего, чешского, пива. Выпил он и бросил бутылку. Разбил на счастье. И спокойно пошёл по трапу в самолёт.

– А что у вас тут нового? – спросил Медведев.

– Клименку сделали спецкором, – ответил Новиков. – У него квалификация хорошая.

– Ну что квалификация? Приехала присоска¹⁹⁷ Муся, на скрипке сыграла Пятый концерт Бетховена. Всех очаровала. То же самое, что и у нас: «Успешно проведена плавка на новой домне».

– Векслер и Клименко остались одни в культуре. Теперь Клименко должен руководить Векслером. А Векслер упирается: «Я не буду ему подчиняться. Он беспартийный».

– Есть у нас новостёнки и покруче, – говорит Артёмов. – Расскажи, Олежка.

– Выпил я на брудный shaft, – ткнул Олег указательным пальцем в потолок, – и тут же сознался в рифму:

Я не папин, я не мамин,
Мой папа Костя Лапин!

¹⁹⁷ Присоска – жена.

– Правда, было это во сне, – уточнил Олег.

– Ну... Мне не интересно, что там было во сне. Мне подавай фактуру яви.

– А наяву вот что произошло за время твоей командировки! – сказал Артёмов. – Слушай.

Мы Америку догнали
По надою молока.
А по мясу недобрали:
Стояк сломался у быка.

– А вообще, – продолжал Артёмов, – народ у нас золотой! Народ-трудяга! Железняк! Вот случай с одним рыбаком. Ладно отработал путину. Спускается на берег и видит малого с плакатиком «Кто в море? Я первый». Наш герой и задумайся. А не сходить ли вповторяк в путину? Прямо с корабля на корабль? А тут порядок такой. Если человек идёт в путину с корабля на корабль, ему платят вдвойне. Сходит три раз подряд – втройне! Наш герой сходил подряд восемь раз. Ему заплатили в восьмикратном размере. Когда он сошёл на берег, его пришли встречать сто тысяч человек! Всем хотелось увидеть героя. Он дошёл до госбанка и упал на ступеньках. Он разучился ходить по земле. Восемь же месяцев в море! Зато из банка он вышел с плетёной корзинкой, полной денег.

13 октября

Принесли новые красные стулья.

Все старые сразу выкинули в коридор. Стали обживать новенькие.

И тут началось...

– Да они низкие! – визжит Калистратов.

– И прогибаются! – хнычет Новиков.

– Дайте-ка я проверю! – говорит Медведев.

Новиков ставит рядом посреди комнаты два стула. Старый и новый.

Посидел Медведев на том и на том и заключил:

– Да, новые ниже и ненадёжные какие-то... Лида, – приосанившись, говорит он техничке, – новые стулья только для литсотрудников! Подрывать, умалять и урезать авторитет начальства не позволим! Я буду сидеть только на своём старом стуле из спецбуфета.

Новиков размахивает рулеткой:

– Ну на целый же сантиметр урезаны новые!

Медведев наставил на меня кривой указательный палец:

– Это вот налицо работа Санжаровского. Он обслуживает мебельную промышленность. Всё писал статьи об экономии. И до чего доэкономился?

16 октября

Международник Михаил Герасимов принёс Новикову партвзносы. Меж пальцев чадит папироска.

Медведев сердито бросает:

– У нас не курят!

– Воспитанные люди всегда говорят гостям: пожалуйста, курите! Даже вон сам Кастро! Он выкуривал по десять сигар в день. Теперь тайком выкуривает только по три штуки.

– А у нас ни под каким соусом нельзя! А раз желается принять ингаляцию...¹⁹⁸ Костыляй в курень!¹⁹⁹ А тут нечего. А то оштрафуем, как милиционер на улице.

– Милиционер штрафует, даёт квитанцию. У вас нет квитанций. И на улицах везде написано: «Не курить!»

– А у нас тоже написано на нашей двери с той стороны.

Герасимов выходит, внимательно осматривает дверь:

– Не вижу.

– Кто-то сорвал. Минуту назад была.

– Минуту назад я вошёл сюда.

– Тут и зарыта собака! – буркнул Медведев и пошёл на планёрку.

Вскакивает Бузулук, приставляет пухлявые ладошки ру-

¹⁹⁸ Принимать ингаляцию – курить.

¹⁹⁹ Курень – предбанник в туалете, где можно курить.

пором ко рту и с напрягом густым басом объявляет:

– Работают все радиостанции Советского Союза! Передаём экстренное сообщение Телеграфного Агентства Советского Союза! ТАСС уполномочен заявить, что заведующий редакцией союзной информации Медведев Александр Иванович отныне переведён главным выпускающим на выпуск А!

Петрухин поддержал Олега:

– Всё верно. Одно доверенное лицо сказало, что Колесов посадит Медведева на выпуск. На новом месте Медведев быстренько наделает ошибок, и Колесов ещё быстрее уволит его по статье о профнепригодности.

Все встали и торжественно захлопали.

– Консенсус налицо! – заявил Калистратов.

– А потому, – басит Бузулук, – объявляем «Минуту стиха», пока нет с нами неугомонного товарища Медведева. Читайте своё! Слушайте все внимательно!²⁰⁰

Вернулся Медведев и, ни к кому не обращаясь, бухтит:

– Ну, иностранцы ушли?

Только закрыл он рот, и лёгкие на помине входят «иностранцы». Так он называет группу алма-атинских журнали-

²⁰⁰ Бузулук Олег Дмитриевич – автор сборников стихов: «Горячее дыхание» (1959), «Лыжня», (1965), «Отчего ретивое болит» (1993), избранное «Люберецкое притяжение» с предисловием известного поэта Владимира Фирсова (1998).

стов, приехали к нам на стажировку.

И сразу к Медведеву:

– Плохо, Александр Иванович, что нельзя у вас курить.

– До обеда мы не пускаем сюда курящих. Заведите и вы у себя такой порядок. Выкурите, выживите там Ганжу.

– Он не курит.

17 октября, суббота

Зеваки

Прибегаю на выпуск – Беляев зверем набрасывается на меня:

– Ты где бродишь?

– Да вот прибрёл к вам на дежурство. За пять минут до девяти. А я, между прочим, с девяти.

– Твоё счастье, что прибрёл. Не приходи в девять, я б вызвал Медведева. Не умеет руководить – пусть сам работает!

Тут же Беляев звонит в Ижевск Данилову:

– Лёнь! Срочно натягивай штаны и марш в Глазов к родителям Курченко.²⁰¹ Сделай очерк. Уточни... Мы дали, что она собиралась поступать в педагогический, а «Известия» – в юридический. Так где она хотела учиться? Выясни...

Иванов всё утро безутешно рыдал:

– Маленькая дочка вчера прыгала в туфле с гвоздём и поцарапала покрытый лаком пол. Правда, вдобавок она ещё вывихнула ногу. Но это... – он кисло махнул.

Вывихнутая нога дочки – пустьак! Жалко ему только поцарапанный пол.

Так бы и пустил в него матом.

²⁰¹ Надежда Владимировна Курченко (1950–1970) – бортпроводница Сухумского авиационного отряда. Убита при попытке предотвратить угон самолёта террористами. Посмертно награждена орденом Красного Знамени.

Иванов трясёт передо мной листок:

– Ты вычитал эту заметку из Миасса?

– Да.

Через три минуты злой выговор мне:

– А в Миассе-то две эс!

– Извините, зевнул.

Иванов выправил информацию о Саяно-Шушенской ГЭС. Я заметил у него ляп. «Полотно полощет». Поправить? Да как сметь править начальство? Разве дозволено яйцу учить курицу?

И я смолчал.

Скоро приходит корректор со своей поправкой: Полотно полощется». Иванов подымает руки:

– Сдаюсь. Вы правы.

19 октября

Приехал из Свердловска на мини-эшафот строптивый Стариков. Сразу рысцой побежал на полусогнутых на поклон к Медведеву.

Дуэт Бузулук – Калистратов:

– Наконец-то ты правильно сориентировался.

Всем колхозом чистили мозги Уралу.

Калистратов важно выпевал:

– Не доведи тебя Господь попасть на пропарку и продувку к Иванову. Это наша тяжёлая артиллерия. Методично, размеренно говорит, говорит и только дё-ёр-рг за ниточку. Бабаха по врагу! Мотай на кое-что. Иванов как учит? «Мы не хотим никого пугать, но, как говорят наши восточные друзья, мы хотим, чтоб видели в этом намёк».

Стариков голову всё ниже, ниже, ниже...

Бормочет:

– Критику признаю... Да, я недостаточно активно работал. Буду выполнять все указания...

23 октября

Сева:

– Александр Иванович! Фадеичев зарубил мою командировку. Надо нести сдавать деньги.

– О! Ты уже получил!

– А вы не хотите за меня вступиться?

– Решайте сами свои семейные дела. Да... Что значит вступить в бой...

Я:

– ... с отдохнувшим...

Петрухин:

– ... и окрепшим на море Чёрном...

Медведев:

– ... Фадеичевым! Он рвётся в бой!

Бузулук:

– Но почему только с промредакцией? Это, Александр Иванович, должно вас взволновать.

– Только и осталось...

Мне позвонила Наташа и вздыхает:

– Как живёшь? Теперь ты отломанный ломоть.

– Как?

– Ты отколовшаяся льдина, пустившаяся в паводок в открытое море. То-то тебя ждёт! Как к тебе и подойти?

– Ко мне не надо подходить.

– К тебе уже подъехали. Обогнали меня, пешего. Не спеши! Из ста браков 88 разбегаются в разные стороны.

– Ты к чему это?

– А к тому, что у тебя нет тугриков на развод.

– Толик, я у тебя займу. К твоему сведению, если мы, молодожёны, не проживём три месяца, то будут платить свидетели. Я узнавала.

– Опять тебя на шуточки заносит.

– А ты не бросай в мой огород камешки.

– Ты столько набросала на мои хрупкие плечи булыжников!

– Что делать...

– Менять фамилию.

Бузулук звонит жене на работу:

– Братишка?

– Какая мартышка? – огрызается женский голос.

Он снова звонит:

– Позовите Лизу... Братко, какая там чуня взяла трубку?

Подружка твоя? Я с нею не буду говорить. Брательник, ну, выпьем! Я еду в командировку. Деньги на ляжке. Бери все бутылки на себя.²⁰²

²⁰² **Брать бутылки на себя** – брать на себя ответственность.

26 октября

Вышла из отпуска Аккуратова.

Ходит по углам и хвалится про море и собачку.

– Ты, – говорит ей Сева, – даже оттолстела, жирная. Иль в цековском санатории курила бамбук?²⁰³ И какая-то одичалая, чужая.

– И ты чужой.

Я удивляюсь:

– Чужие, а узнали друг друга.

²⁰³ Курить бамбук – отдыхать.

27 октября

Бузулук разбудил тайгу

Обычное утро.

Войдя в редакцию, Медведев первым делом переобувается. Из сейфа достает домашние тапочки, а в сейф запикивает уличные башмаки. В редакции он всегда шлёпает в тапочках.

В 9.01 Аккуратова уже на телефоне:

– Приезжай в воскресенье, Гош. Всё-таки семнадцатый этаж! Поплевать с балкона можно. Так романтично... Будет как новоселье... Без лифта не можешь? А это оттого, что ты уже в землю растёшь. В ботву... Да, за отпуск сильно затолстела. Ну... Возьмёшь меню, глаза разбегаются. По морде уже созрела для должности заведующей редакцией... Нет, не самолётом летала. На пролетарском поезде. Так спокойней. Сам же знаешь... Чем больше самолёт, тем пышнее похороны...

Медведев запикивал в сейф второй башмак, когда принесли материал на телетайпной ленте, которой можно трижды обмотать самую толстую женщину в Европе.

Это был первый такой большой материал из Кемерово. Медведева это так поразило, что он бросил возиться с башмаком, сунул его на сейф и принялся читать.

– Хм... Интересно, – щелкнул он ногтем по ленте. – Хорошая деталька. Директор – запевала заводского хора!

Но чем дальше читал, тем всё мрачней становилось его лицо. Не дочитав, забраковал он очерк. Потом всё же воткнул башмак в сейф и отправил цидульку в Кемерово о том, что материал отклонён.

И при всём при том ему понравилось, что только вчера Бузулук вылетел в Кемерово и развил такую горячую деятельность, что уже сегодня тамошний корреспондент с переломанной ногой Юра Хромов прислал огромный материал.

Примерно через час Бузулук прислал грозную телеграмму с просьбой дать материал.

Его не слушали.

Позвонил Хромов.

– Мне некогда, – ответил ему Новиков и положил трубку.

Тогда Бузулук стал терроризировать редакцию по телефону.

– Ты что, туда адвокатом поехал, – выговорил ему Новиков. – Этот материал – худший образец твоего забракованного материала с завода Лихачёва, – и бросил трубку.

– Они пьяны, – сказал нам Новиков. – Бузулук ритмично икает. Такое ощущение, будто слышишь по телефону запах водки. Теперь его за такие штучки больше не пошлют в командировку.

И тут Хромов прислал по телетайпу заявление об увольнении.

– Это, – сказал Медведев, – они с Бузулуком решили нас поугатать. – Наверно, выпили, рыданули друг дружке в жи-

летку и написали. Решили нас припугнуть. Хромов же хро-
мает. Ходит с палочкой. Мол, больного не уволят. А может,
его хромым и брали на работу?

Наш генералитет воспарил.

– Бузулук разбудил тайгу! – объявил Иванов. – Бузулук –
наш ледолом! У нас на местах сколько сидит корреспонден-
тов-неумёх! Плохо пишут. Не знаешь, как и уволить. А Бу-
зулук нам поможет. Я уже прикинул его план поездок в Ря-
зань, в Ижевск... Лиха беда начало!

Провожая взглядом выходявшего из комнаты Иванова,
Медведев, хихикнув, тихонько съязвил:

– Пошёл писать приветственное письмо Бузулуку.

28 октября

Молчанов:

– Ильич, я уже год работаю. Прибавь мне жалованье, а то завтра не пойду с Аккуратовой на овощную базу грузить картошку.

– Действуешь по принципу старухи: не отремонтируешь воду – готовить не пойду.

– Видишь, у меня неудобная ставка. 110 не делится на четыре без остатка. А я алиментщик. Мне надо, чтоб на каждого приходилось поровну. Без мелочи.

29 октября

Прихожу домой – дверь на веранду нараспах.

– Перегрелась, кума? – улыбаюсь двери.

От холода дверь сжалась и открылась сама.

В комнате ноль градусов.

Дышу на руки:

– Холод собачий и голод кошачий!

– Ты с кем говоришь? – спрашивает из-за стены Мария

Александровна.

– С самим собой. В комнате у меня ноль целых хрен десятых! Вот подышал на градусник – уже три! Жара!

– Это моё тепло! – выкрикивает из-за другой стены тётя Катя. – Вот возьму и поставлю стену кирпичную. Чтоб моё тепло не уходило к тебе.

– Зачем же? Тогда я вас не услышу.

– Раз пока слышишь, давай у темпе шестьдесят копеек. Дворничихе. Она метёт улицу у нашего дома. К празднику ей надо что-нибудь купить. Маша дала 50, я 50, Дуська 50 и ты дашь 60.

– А почему я больше всех? Я добавки не просил.

– Потому что на тебе негде ставить пробы, – усмехается она.

– Нет. У меня есть ещё где ставить. Есть чем и есть где. Э-эх... Бывает...

Бабка Маня перебивает:

– Бывает, у девки муж умирает, а у вдовы живёт. Давай шестьдесят и вся твоя песенка.

30 октября

В 6.40 сама открылась от мороза дверь на веранду.

Глянул в окно – всё бело!

Ба!

Это сама Зимушка-Зима распахнула дверь.

Вспомнилось, как в кавказском детстве нас будила утром мама, боясь, что мы проспим снег, там он быстро таял:

– Уставайте, хлопцы! Сниг!

Почти так я крикнул сегодня, обращаясь за стены к старухам:

– Вставайте, дамы! Проспите снег!

Молчание было мне ответом.

5 ноября

Вернулся из командировки легендарный Бузулук.

Татьяна притворно пошлёпала в ладошки:

– Ах! Олечка появился. Тихо сел и сидит. Будто и не ездил в Кемерово.

– Я давно говорил, что ты наводчица и подколотчица.

– Я не лёгчица, я не наводчица. Я молодая змея- подколотница. Я перехожу на работу к Беляеву. Буду ездить в командировки и наводить кадровый порядок.

Сева приложил руку к груди и кланяется Олегу:

– Если выкуришь ещё и Титлянова, памятник тебе обеспечен! Ну совсем этот красавец перестал ловить мышей в Рязани!

– Поеду и уволю. Он у меня быстро получит маслину!²⁰⁴ Только пустите.

– А теперь скажи, – говорит Сева. – Когда Хромов диктовал на ленту заявление по собственному желанию, ты стоял рядом?

– Я уже лежал. Мы были та-ак хороши...

²⁰⁴ Получить маслину – быть убитым пулей.

6 ноября Коллеги

Молчанов сказал Калистратову:

– ЛенТАСС прислал всем редакциям поздравления с Октябрём, а нашей редакции – хренушки!

– Кто подписал? Узнай. Я подам представление.

– Смирнова.

– Океюшки! Считай, что ей уже сделали ингаляцию.²⁰⁵

– А где наши Пеструшкин и Аккуратиха?

– Пеструшкина я отпустил до десяти часов. А Аккуратихой я давно не руководил.

Тут вошла Аккуратова:

– Сев, я скоро умру. Покурила «Дымок»... Проглочу что – слышу, в горле комком стоит.

– У меня те же боли. У тебя будет рак.

– Ну, давай руку. Ты меня утешил. К врачу не надо идти.

– Может, к тому времени научатся оперировать. Отрежут то место, пришьют чего-нибудь... Только... Резать-то режут, да пришивать забывают.

Звонит из Ташкента Таубеншлаг.

Олег ему выговаривает:

– Голубой шлак! Ефим! Я тебе не Съева, мать твою! Змей

²⁰⁵ Сделать ингаляцию – наказать.

Горыныч! Ты сам не пьёшь и другим мешаешь! Дай ему тему для заметки! Радоваться надо, пить. А он – заметки! Я сказал тебе своё фэ. А теперь ты ответь... Ты чего перхаешь, как овца? Молчишь? Махни полбанки – как рукой снимет! Гуляй! Информации никакой нет. Сидим муде чешем. Праздник же на носу! Мы принимаем ваши нежные поздравления и шлём вам свои самым категорическим путём. Вы поднимите там за нас стопку, а мы уж поднимем!

Калистратов:

– Слушайте анекдот про Таубеншлага. Он задал Узбекскому радио вопрос: «Моя жена на всю получку купила двенадцать бюстгальтеров. Что мне с ними делать?» Ответ: «Сшейте тубетейки. Как раз получится двадцать четыре».

– Раз делать нечего, – тупо смотрит Татьяна в окно, – может, нас пораньше отпустят?

– Пока начальство не поздравит, никого не пустят! – пристукнул Олег по столу. – Вдруг Колесов придёт и скажет: «Я пришёл поздравить с премией Аккуратову, а её нету!»

– Меня он не вспомнит.

– Ка-ак не вспомнит? Ты же член нашего коллектива! Мужского рода.

– Ты говоришь, как Молчанов: здесь нет мужчин и женщин, а есть коллеги.

– И где болтается наш коллега Петрушкин? – заныл Сева. – Просился на двадцать минут, а его нет уже три часа!

Олег рубнул:

– Я всегда ухожу молча и не говорю на сколько.

– Это, – грозит Сева пальцем, – выйдет тебе большим боком!

– Не могу же я сидеть прикованным к стулу! Сидеть и думать... Эх, бывало, заломишь шапку и запустишь оглоблю в коня... Девятого еду в Рязань к Титлянову. Через два дня получите от него заявление об уходе.

Влетает секретарша:

– Не выходить! В полвторого здесь будет митинг!

На собрании Колесов, морщась, сказал:

– Говорить громко не могу. Зубы... Полчелюсти выдрали...

– На чих кошки здравствуй, зубы болеть не станут! – выкрикнул кто-то совет с места.

Колесов кисло отмахнулся и продолжал:

– Помните 52-ой Октябрь? Тогда мы говорили о трудном годе: столетие Ильича, съезд комсомола, выборы. С освещением всех этих задач вы прекрасно справились. Сейчас у нас одно на повестке: достойно освещать подготовку к 24 съезду.

Прошамкав всё это, Колесов тут же срулил.

– Как распорядился главный, – сказал Беляев, – тем, кому делать нечего, можно потихоньку сливаться где-то в районе трёх часов. Но поскольку все мы люди занятые, то уходить не надо. А вольный комментарий к высказыванию главного такой: уходим поодиночке, а не стройными рядами.

– Выкрик с места:

– Надо подготовить список тех, кому делать нечего!

Из другого угла выкрик:

– Запишите меня первым!

Подтягивая штанишки, Сева жалуется Новикову:

– Володь, ты будь готов к тому, что я напишу докладную на Петрухина. Нельзя так плевать в лицо товарищу. Просился на двадцать минут, а нет его на работе уже пять часов! Хоть тут нам делать нечего, так всё же... На работу надо приходить...

Молчанов предупредил:

– Володь! Если в понедельник я не приду, то я взял отгул.

В воскресенье я дежурил на выпуске с Фадеичевым.

Татьяна торопливо собрала свои бумажечки со стола и сказала:

– Беляев разрешил мне рассредоточиться. Я сейчас приложусь щёчкой ко всем вам, поздравлю с праздником и марш к тётке. Раз такой холод, суну собачку в сумку, и поедем мы с нею в гости гонять чайковского.

7 Ноября, суббота

Ошибка

*Свои ошибки мы обычно отмечаем
государственными праздниками.*

Б. Кислик

Годовщина Великого Октября.

Проснулся я поздно.

Вставать не хочется.

Из-за стены тётя Катя:

– Тольк! Вставай прибей знамя на дом. А то нас оштрафуют. Маша не может. Заболела.

– Прибью...

8 ноября

Холодно.

Решил затопить печь.

Перекрестил её и крикнул за стены соседкам:

– Вставайте, замороженные ангелы! Грейтесь моим теплом!

Зажёг я бумагу, которой забил печь.

Повалил дым изо всех щелей.

Завопили и бабки. Мой сладкий дым и им ест очи.

Тётя Катя из-за стены:

– Маш! Покажи этому хрену, как топить.

Прибежала печной генералиссимус:

– Ты обе открыл дырки?

– Обе.

– Странно... А чего же дым прёт в дом? Принесу замазать щели.

Замазал я у себя на печке щели. Замазал и у тёти Кати.

– Марья Александровна, а вам замазать щели?

– Не надо.

После замазки дыму стало меньше. Но вонь держалась. Всю ночь дверь была полуоткрыта.

Оказывается, Соколинка по-дружески намешала цемента с песком. А цемент, как мне объяснили, в таком переплёте опасен. Я тут ни бум-бум. За что купил, за то и продал. Тот-

то она не разрешила замазывать у неё щели. А может, она и не знала о фокусах цемента?

Ночью я плохо спал. Боялся за тётю Катю. Скрёбся по стене – молчит. Кашлял – молчит. Утром потемну побежал к ней и увидел у неё свет. Жива!

Славь Бога!

10 ноября

Летучка.

Все жмутся к двери, чтоб при первом же случае слинять.

Фадеичев требует:

– Не стойте за дверью. Все войдите и дверь закройте. Лариса Павловна! Входите!

– Я не могу со стулом.

– Над головами пронесите.

Из-за двери голос:

– Объявляется внос Ларисы ибн Павловны.

Фадеичев неумолим:

– Проходите, проходите. Освободите проход!

Великанов полез поддержать:

– Как ответственный за пожарное дело, я тоже за то, чтобы проход был свободен.

Первым выступал в прениях Баратьянц. Похвалил дежурного критика за обзор в лучших тассовских традициях и заявил:

– Такие обзоры не нужны. Надоели! Надо обозревать не вообще работу всего коллектива. А нужно изучать работу каждой редакции в отдельности за определённый срок. Сказать, как сработала та и та редакция. Указать, что надо сделать...

От Беляева передали записку.

Баратынц прочёл её и сказал:

– Я кончил.

В записке было:

«Каждая инициатива наказуема».

13 ноября

Бег вокруг лифта

Звонит из ЦК Медведев.

Пока искали Новикова, Татьяна говорила:

– Я рада слышать ваш важный руководящий голос!

– В выходные отработывал.

Сегодня Татьяна опоздала на два часа. Объясняет Новикову:

– Володь! Виноватая я. Прospала. Что делать? Будильник не слышу! Вчера мой грек пошёл гулять с привезёнными с курорта щенками Марсиком Аккуратовым (этот мой кобель зарегистрирован на моё имя) и со своей сучечкой Татьянкой, записанной на его имя. В лифте застрял. На полметра не доехал до семнадцатого этажа! Я бегала вокруг, кудахтала и высвободила его из клетки только в четыре ночи. Шесть часов сидеть в лифте! Собачки выли, грек выл, и я метала икру. Собачки уписались. Грек через щель пisał в шахту.

От волнения Татьяна закурила.

Петрухин демонстративно открыл форточку.

Татьяна пыхнула:

– Единственную в редакции женщину хотите простудить?

– Хоть ты и единственная, но тут лучше не воняй табаком.

Вдобавок ты ещё и некультурная.

– Ты б про культуру молчал! – захлопнула Татьяна форточку. – Будешь ещё меня воспитывать!

Мы с Сашей вышли в коридор.

– Ну ты видел, как я её? – спросил меня Саша.

Я молча поднял его руку, как это делает судья на ринге в конце поединка:

«Петрухин! Советский Союз!»

19 ноября

Для бездельника цель жизни – успеть ничего не сделать.

В. Кафанов

ПОТЕРЯЛАСЬ ЗАПЯТАЯ

Из ЦК Медведев прислал тульский отчёт. В нём говорилось, что горняки добыли за пятилетку 4,7 миллиона тонн угля.

В пути со Старой площади до Тверского бульвара потерялась запятая, и в плотных тассовских листах уже значилось, что было получено 47 миллионов тонн угля.

Переполох!

Теперь на выпуске заведена папка для каждой редакции, и дежурные редакций должны читать копии прошедших материалов.

Косило²⁰⁶ Калистратов пустился в рассуждения:

– Моё золотое правило: не спеши выполнять указание начальства. Оно даст другое. Не надо спешить печь блины с просырью. Ла-ла-ла нам не нужно, как сказал главный. Поэтому, между нами, я больше сижу без дела. В ожидании но-

²⁰⁶ Косило – лодырь.

вого указания.

24 декабря

Утро. Еду в автобусе.

– Вы сходите?

– Я сходил дома.

Бузулук бренчит на воображаемой гитаре и мурлычет:

– Старикам везде у нас дорога,

Молодым везде у нас печёт.

– Олежка, – сказала Татьяна, – а я тоже могу лепить в рифму!

В мире ни одна зараза

Не живёт без унитаза!

Подал свой голос и Молчанов:

– Ещё ходит по улицам московским

Девушка, которую не встретил Санжаровский.

Калистратов вежливо похлопал в ладошки:

– Спасибо всем бардам. Только почему сегодня по «Маяку» не было юморной передачи «Опять 25»?

Татьяна:

– А это всегда – если кто помер. Услышала сегодня утром

симфонию Моцарта. Ну, думаю, кто-то тю-тю. Так и есть. Шверник.²⁰⁷ Ничего был дядька.

– И без того тяжелый у меня день утрат, – жалуется Калистратов. – На членские взносы²⁰⁸ отстёгивай... Уй!..

²⁰⁷ Николай Михайлович Шверник – политический деятель. В 1946–1953 годах занимал высшую государственную должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

²⁰⁸ Членские взносы – алименты.

31 декабря С подступающим!

Бузулук мечется из кабинета в кабинет, суёт всем руку и нарочито громко и весело кричит:

– С подступающим! С подлежающим! С наступающим!

Входит Калистрато де Съеву́. Сияет. За ним влетает радостная Аккуратова. Не терпится ей выболтнуть сокровенное, наконец-то содеянное в последний день года.

Она, Севка, Герасимов готовят общий материал, «пускают» новую линию метро. Потому табуняются.

– Сева! – с порога шумит Татьяна. – Ну ты доложил Александру Ивановичу про Дези?

Сева потирает руки:

– Да вот набираюсь духу...

Он боком подходит к углу стола Медведева:

– Александр Иванович! Легендарный Бузулук горько заплакался на главном выпуске: «А мою жену вчера лишили премии...» А Торeadоровна – знаете ж, какая она дама-молоток! – и ухни: «Подумаешь! А мою непорочную Дези лишили девственности!»

– Ты, – подсказывает Татьяна, – расскажи, как фонарём подсвечивали, чтоб убедиться, что всё шло как положено.

Медведев одобрительно усмехнулся:

– Такие вещи надо записывать и делать книгу.

Но до книги не дошло.

Позвонили ему из «Правды» и сказали, что информацию Бузулука о шарикоподшипниковом заводе нельзя публиковать: не всё готово к сдаче.

– Олег! – мрачнеет Медведев. – Ты с кем её выпускал? Кто-нибудь из РПЭИ её видел?

– Не видел. С Тореадоровной мы сработали...

– Ты что, в её аппарате? Звони в министерство и снимай!

После звонка в министерство Олег снова подсел на «приёмный» медведевский стул:

– Там одна вошка по очистным сооружениям не хочет на акте приёма ставить свою царапину.

– Срочно дуй на выпуск и снимай материал!

С трагедией на лице Олег плетётся на выпуск. Долго кумекает над текстом, как поделикатней снять информацию. А тем временем Тореадоровна попросила Фадеичева позвонить начальнику строителей всей Москвы.

Евгений Михайлович и спрашивает по кремлёвской вертушке главного строителя столицы:

– Вчера вы отрапортовали, что удачно завершили год. Вот передо мной лежат ваш рапорт и рядом информация о том, что шарикоподшипниковый не сдан. Как всё это понимать?

Главный строитель испуганно:

– Понимать однозначно. Завод сдан! Сдан! А этого ассенизатора за своеволие я после праздника выгоню!

И через минуты «очистник» подписал акт о приёмке. Ин-

формацию не пришлось снимать.

Вот такая новогодняя метаморфоза.

Посмеялись над ней в редакции и Артёмов пустился расписывать свою историю:

– Ребята! Я о том предновогоднем случае, после которого тёща больше не посылает меня за ёлками. Как-то попросила она меня по телефону: «Вань! Вырвала по дешёвке ёлку. Помоги привезти домой». Я на такси и к ней. Радость такая! По пути взял чекушку. Что она нам с таксистом!

Приехали.

Возились, возились... Не идёт ёлка в машину.

Дал я таксисту десятку в старых, отпустил. А сам теперь выпил и пошёл к метро. Не пускают. Один друг и советует: «Ты сунь ей десятку и беги!»

Я долго смотрел на дежурную. Она – на меня. Приготовил я десяточку и вперёд. Пробегая мимо дежурной, сунул ей десятку. Ошибки не было. Она ловко схватила моё подношение и чисто машинально крикнула:

– Эй, дуб, куда с ёлочкой?

Не успел я влететь в вагон. Милиционер тормознул у са- мой двери:

– Извините. С вас штраф²⁰⁹ 15 рублей.

Козырнул и отпустил с ёлочкой.

Вышел я из метро, снова выпил...

Узнала тёща, во что обошлась её ёлочка, и стало ей плохо.

²⁰⁹ «Штраф – вынужденная покупка квитанции».

Неважно и я себя чувствовал.

Наша нарядная ёлущка цвела на столе в техническом секретариате. Все пьяные вскладчину восхищались ею.

Слышалось:

– Желаю тебе богатого любовника, океан любви и море золота!

– А я желаю тебе океан здоровья и море любви.

В полпятого я попрощался с елочкой до понедельника, когда вернусь дежурить с утра на выпуске.

Вышел на улицу.

Куда идти?

Взял в продуктовом бутылку пунша, молока, четыреста граммов домашней колбасы и в Сандуновские бани. Постригся. Помылся. Пять лет с плеч долой!

Дома пёк блины на электроплитке и ел сразу со сковородки, запивая из бутылки молоком.

Уже 23.

Один.

Звал приятель на праздник к себе. Не пошёл.

Сижу в пальто, пишу в дневник.

Уже около полуночи.

Проснусь в 71-ом.

Вышел на веранду.

Стеной валил снег. Он засыпал приступки. Я схватил ве-ник и стал сметать с них снег. Пусть приступки будут чисты-

ми, чтобы всё в Новом году шло ко мне легко и быстро.

Пожалуйста, мой господин Новый Год, в мой дом. Будьте только радостными. А впрочем, будьте самими собой. Как я.

По радио дежурное цэковское поздравление.

Перезвон курантов.

Гимн.

Ну и что?

За стеной храпит баба Катя.

Вот что.

.

1971

1 января, пятница

*Вначале было Слово, затем Бог создал женщину,
которая каждому мужчине давала слово, что он у
неё первый.*

Б. Крутиер

*Экономьте время – влюбляйтесь с первого
взгляда.*

Л. Ишанова

САХАРНАЯ ГОСТЬЮШКА

С утра протопил печь и в два помчался на метро «Маяковскую» встречать Надежду ибн Борисовну от роду двадцати лет.

Приехала она вовремя и деловито спросила:

– Что будем делать?

– Читать «Отче наш».

Она весело выставила большой палец:

– Вот это дело, отче!

– Тогда ногу в стремя! Едем ко мне как и договаривались!

Вошла она в мой чум и просияла:

– А ты хныкал, что у тебя волчий холод. А тут Сахара!

– Протопил...

– Тогда я раздеваюсь...

Я помог ей снять пальто, шапку. Повесил их на длинные гвозди в бревенчатой стене.

Она поправила волосы и кокетливо разнесла края платья в стороны, слегка в поклоне присела с улыбкой:

– Видишь, я не крашусь. Только глаза чуть подсинила. Чтоб с перепоя не казаться такой ужаленной.²¹⁰ А вообще я юна, мила, несексуальна.

– Япона мать! Примбамбаска не тут не самозванка? На своём ли она месте?

Надежда налегке обиделась:

– Япона отче! У нас все примбабульки пляшут строго на своих местах!

– А как же ты принимала госэкзамены у младшего братца по поцелуям?

– Он тренировался на мне.

– Я могу поступить к тебе на курсы?

– Ну уж если пройдёшь по конкурсу. У нас слишком жёсткий отбор.

Мы присели на непорочный мой диван, который я пере-крестил.

Диван капризно скрипнул.

²¹⁰ Ужаленная – пьяная.

Больше не на что было сесть. Стульев у меня не было. Табурет краснел лишь под электроплиткой. На ней я готовил еду.

Как говорят французы, женщину можно оскорбить, не приставая к ней.

Да ну как я мог и подумать, чтоб вульгарно оскорбить свою сахарную гостьюшку?!

Лишь на второй день к вечеру мы вспомнили, что люди иногда едят.

Я нажарил огромную сковородищу картошки на сале.

Надежда ибн Борисовна ела и хвалила:

– Особо мне понравилось, как ты режешь картошку. Я так не умею. Эх, лешева я хозяйюшка из села Помелова из деревни Вениковой... Пирожок испеку, так и корова не ест!

– А наша коза наворачивает всё! – похвастался я. – Научишься. Какие твои годы? Терпение и умение, говорил паук, плетя паутину.

4 января «И вечный бой»

У кого совесть нечиста, тому и тень кочерги виселица.

Сегодня Молчанов загорелся идеей открыть отдел «И вечный бой». И впихнуть в отдел лишь Марутова и Бердникова.

Эти два тундрыка уже который месяц носятся друг за другом с булыжниками за пазухой. И началось с перестройки.

Худо-бедно, а всех редакторов перевели в литсотрудники. А Марутова ну всё никак. Не соглашается. При переводе он лишился части зарплаты, и тут он стоял намертво. Это стояние портило Колесову кровь. Все пошли в ногу – один грязнит картину! Куда это годится?

Не мытьём, так катаньем!

И по колесовской указке стали Марутова шельмовать. Попросту выживать из редакции.

Быстренько нашёлся персональный критик. Бердникович. На каждом собрании, – то ли профсоюзном, то ли партийном, – на каждой летучке Бердникович тащил по кочкам Марутова, нёс несусветную ахинею.

Но... Влезши в сечь, не клонись прилечь.

Лучше биться орлом, чем жить зайцем!

И белый Марутов отбивался сегодня на общем собрании как мог:

– Стало нормой методически бранить мои дела. Для этого используется любая трибуна. Это немыслимо. Я болел, а меня на собрании хаяли! Снова вывели человека из строя. Что у нас делается с честными людьми? Раньше главный редактор повторял один рефрен: «К Марутову замечаний нет». А сейчас? Когда Бердникович, эта Моська... Как сказано не мной, «Моська – родоначальница критики снизу». Когда эта Моська перестанет клеветать на меня? За клевету ты, Бердникович, ответишь! Вот увидишь! Выйдешь отсюда в коридор и реально увидишь!

В перерыв Бердникович вышел в коридор и не только увидел, но и услышал, как с авральным воплем «Великий популизатор! Клеветник!» к нему подлетел коротышка Марутов и с подпрыгом дважды отоварил кулаком бердниковичские скулы.

На войне Марутов был сержантом. В Сталинграде кричал по-немецки в рупор фашистам: «Сдавайтесь!» Бердникович был тогда подполковником. И вот сержант при людях дал по вывеске²¹¹ подполковнику-ябеде.

Бердникович побежал в суд.

Марутов тоже не присох на месте. Побежал. Побежал дальше и выше. В горком. К самому Гришину. К члену Политбюро, к которому был вхож: горком был марутовским

²¹¹ Вывеска – лицо.

объектом.

И этой тяжбе не видно конца.

Вот и решил Молчанов собрать спорщиков в отделе «И вечный бой». Может, совместная работа их умирит?

Только Коля Великанов в это не верит. Сегодня за обедом он выговорил Марутову:

– Почему меня никто не поддержал, когда я года три назад на летучке облаял Бердниковича косильщиком?²¹²

Марутов заоправдывался:

– Ну он же тогда не был подлецом!

– О святой Гарегин Гарегинович! Ведь люди растут. По закону природы. Был бездельник. Выбился в подлецы.

²¹² **Косильщик** – бездельник.

11 января

Гостиница «Ленинградская».

Через несколько минут здесь начнутся советско- японские переговоры по рыбе. Посол Тору Никагава не приехал. Его заменит Ариста.

Я спросил у японского журналиста, как имя Аристы.

– Не знаю.

Я узнал и говорю япошику:

– Его имя Всесуки.

– Не-ет... Он не Все Суки. А Кесуки!

24 января, воскресенье

*Видеть можно только сердцем.
Антуан Сент-Экзюпери*

ПО-БЫСТРОМУ

В два приехала Надежда. Я встретил её на платформе и сразу со станции мы пошли побродить по нашему милому Кускову.

Кидались снежками, бегали друг за дружкой, дурачась. Потом почалили ко мне.

– Только мы по-быстрому. Ладно? – сказала она.

– Можно и по-быстрому, – буркнул я, не вдаваясь, что именно она имела в виду. – Мы, стахановцы, готовы на всё!

Я выставил всё, что у меня было.

Вчера весь день бегал по магазинам. Хотел купить что-то необычное. Взял армянского лаваша, свежих помидоров, торт «Прага». Сделал салат.

А она ко всему этому и не притронулась.

– Я только пообедала.

– Специально? Знала, что в гости едешь?

Мы выпили пунша.

И у неё прорезался интерес к лавашу.

– Его пекут мужчины, – рассказывал я, нагоняя страху, – в железных подвалах. Разводят посреди огонь, накаляют стены и бросают на них тесто. Бороды обвязывают марлей, чтобы не пожечь.

Ей нравился лаваш, а мне нравилась она.

Она ела лаваш и говорила:

– Разве я тебе нужна? Тебе нужна...

– Ну что ты за меня твердишь, кто мне нужен? Я лучше знаю, на каком суку мне висеть.

Сегодня она показалась ещё краше. Сияющая, молодая.

– Мне хорошо с тобой! – сказал я. – Хочешь, я поцелую тебя в пятку?

– Что за дела? Какая-то кривая лирика. Почему именно в пятку? А если я вчера перед сном не мыла?

– Изредка б и можно...

Было уже поздно, когда я поехал её провожать.

Я проводил до выхода из её метро.

Прибежал на вокзал – электрички уже не ходят.

Первая моя электричка будет только в шесть утра.

Ночь я перетёр на вокзальной скамейке, не унывая.

Со мной была моя радость. Надежда!

25 января Князев

Отмечали 25-летие работы в ТАССе Валентина Ивановича Князева.

– Очень точно и хорошо он пишет, – сказал Терентьев. – У него один недостаток. Не бывает ошибок! Но, видимо, на радость ТАССу он не расстанется с этим недостатком.

Артёмов:

– Я всё время работал с Князевым и постоянно вижу его в справочной. Уточняет, проверяет... Доходит до своей подписи. Достает своё удостоверение, сверяет и гасит галку. Для меня, старого тассовца, Валентин – воплощение высшего принципа партийности литературы. Он выкладывается весь в материале. Хоть и говорят, рождённый в ТАССе писать не может... Но! Может! Получил премию к столетию Ленина. Вот!.. Уже в годах. А у него на голове ни одной седой ниточки. Всё молод наш юбиляр. А пришёл он сюда с войны. В гимнастёрке с медалями. Скромный, застенчивый...

Выступил и наш Новиков, незабвенный Владимир Ильич:

– Я начинал под крылом Валентина Ивановича. Вот вырос. Его работа – хорошая школа для молодых. У него надо учиться, учиться и учиться, как завещал Ильич.

Голос с места:

– Который? Вас же, Владимиров Ильичей, три у нас на

этаже!

30 января, суббота

Вечер.

Жду Надежду.

Мне не терпелось её встретить.

Я поминутно вылетал к калитке, хромая.

В четверг я солил мясо, прислали из дома, и напоролся на гвоздь в крышке от посылки.

Врач дал освобождение на бланке «Справка о временной нетрудоспособности служащего в связи с бытовой травмой, операцией аборта». Сделали три укола. Перевязали.

Наконец бежит моя радость:

– Я думала, ты лежишь, концы тут отдаёшь...

– Некому отдавать.

В благодарность я глажу её по плечу и всю закиданную снегом веду в своё дупло.

– Дай веник. А то я тебя всего намочу.

– Мочи, восторг мой, что есть мочи.

На веранде я обметаю её веником.

– А знаешь, чего я припоздала? Приявилась попозжее срока? Прела на педсовете вместо брата Павлика! Его сынуля Валерка курит и плохо учится. Папка с мамкой родили, бабка в деревне вырастила, а я, двоюродная сестра, отдувайся по педсоветам. Павлик эпизодически его метелит. Да толку... Папка отдерёт, сынуля со страха закурит. И так всё время.

Ни матери, ни отца не боится. Одну меня боится.

– Неужели ты такая страшная? Почему же я тогда тебя не боюсь?

– Тебе не дано.

От холода я занавешиваю окно байковым одеялом.

Она надвое усмехается:

– Тебе чего? Мяса?

– Давай.

– Давай не будем.

– А если будем, то давай. Чёрт его знает, почему мне хорошо с тобой, радостно? Ты как чистая волна. Всё море в нефти, чёрное. А тут – чистая волна!

– Нет. Я луч света в твоём тёмном царстве.

– Солнце!

Раз, раз и свет погас.

Часа в три ночи она проснулась и запросила чёрного хлеба с солью.

– И хлеб, и соль вы получите, мадам. Главное, доживите до рассвета. Днём я нажарю картошки с мясом.

– Корочку от сала – мне! Поджаренная она вкусная. Я её с хлебом.

– А я эту корку выбрасывал...

– Не разбрасывайся. Собирай для меня. Я безотходный автомат!

2 февраля

Из Нижнедевицка брат Гриша написал:

«Семья Дмитрия растёт. 19 октября появилась на свет божий девчушка. Людой назвали. Горластая, курносая. Вылитая старшуха²¹³ Ленка. Отец очень хотел сына, а Бог послал дочь. Ленка говорит, не могли больше денег собрать и потому не купили мальчика».

²¹³ Старшуха – старшая дочь.

5 февраля

«Хорошо не просто там, где нас нет, а где нас никогда и не было».

СОЛИСТ ПЕТРУХИН

9.00. «Выступает» солист Саша Петрухин:

– Ребята! Вчера на партбюро Медведев представил нас котятками. Все мы ничего не умеем. Всех нас надо учить редактировать и писать. А вы-то сами, – метнул сердитый взгляд на Медведева, – ничего не умеете. Думаете, нам приятно сидеть здесь и смотреть, как вы в углу злитесь? Вы, Медведев, злой, плохой человек и кроме зла вы нам ничего не приносите.

– Ты что, – набычился Медведев, – собрание начинаешь? Выступать нечего! Работать надо. Уже девять часов и звонок был.

– Ничего. Об этом мы ещё на партсобрании скажем. Нам не нужен такой злой зав.

– Можно заменить. Хоть ты десять лет здесь, а это место – Медведев с достоинством оглядел свой угол, – не смог занять. К слову, не ходи на коллегияю в министерство. Беляев приглашает тебя на планёрку.

– Зачем?

– Узнай у него.

Оказывается, вчера Саша диктовал в машбюро нетассовский материал и за это ему сегодня влили на планёрке.

Иду на обед с Калистратовым и Великановым.

– Ну что, Коль, – говорит Сева Великанову, – вчера выпил?

– Да приговорил бутылочку... Под качественный бутерброд... Дома скандал. Ежовая маруха²¹⁴ грозитя уйти.

– Ты б её по чувству ласково щёлкнул. Мол, сама пожалеешь. Ведь свято место пусто не бывает!

– Да говорил... Она всё равно: «Уйду. Ты только о себе. В январе сто рублей пропил. Денег не носишь. Ты тратишь деньги на любовниц». – «Да нету у меня любовниц. Я алкоголик». – «Тогда лечись!» – «Я неизличимый алкоголик».

Возвращаемся с обеда.

– Запах в комнате, – говорит Молчанов, – как в казарме, когдаходишь в неё утром после ночного караула. Надо сказать Аккуратовой, чтоб потеплей одевалась и разрешала открывать нашу форточку. Ну... Во все дыры нос суёт!

– Хоть нос картошкой, а стёрся! – выкрикивает Бузулук.

Молчанов блаженно гладит себя по животу:

– В понедельник на весь день мы с Севой уйдём пить пиво – учиться на курсах повышения мастерства.

– А почему, – заныл я, – не записали меня?

²¹⁴ **Ежовая маруха** – строгая жена.

– Записывали только малоквалифицированных, – сказал Молчанов. – А тебя мы отсоветовали записывать. Ты у нас почти Гидро (Ги де) Мопассан. Ты читаешь уже «Литературку», даже печатаешься в ней. А мы до этого ещё не доскакали.

Вошла Аккуратова, «внештатный зам Медведева» и оповестила:

– А сегодня мой Марсик будет есть шницель по-чешски.

– Приятного аппетита Марксику! – вскинул руку Сева. – А общественность, Таня, желает: потеплее ты одевайся, чтобы кофточку-форточку держать открытой.

– Пусть общественность сначала купит мне кофту.

– Нет проблем! – сказал Марутов. – Завтра принесу женину кофту. Только из химчистки.

– Какие ж мы нищоброды, – припечалилась Татьяна. – Дожила до кофточки с чужого плеча... Живём, как в Китае: в школе – дань, чиновнику – сунь, гаишнику – вынь, а зарплата – хунь!

Медведев на обеде. Мышки озорничают.

Сева говорит:

– Смело ты Саша, сегодня лупанул. Действительно, входишь в комнату, а в углу сидит злой, угрюмый человек. Не хочется и входить!

6 февраля Учиться!

Вечером едем с Надеждой ко мне.

– Как и договорились, – толкую я, – начнём готовить тебя к поступлению в МГУ. Будем заниматься немецким.

– Ты что? Плохо себя чувствуешь? Сразу с электрички в лесок!

– Никаких лесков-перелесков-овражков. Учиться!

– Ну что за дела? Это ж смех. Учиться!.. Конечно, я не тупая, как шкаф, понимаю... Спасибо тебе за заботу обо мне. Ты мой якорь. Поможешь мне удержаться в жизни на плаву. Не дашь потонуть. Но сейчас оставим учёбу в покое!..

Вот и моя калитка. Надежда хватает меня за рукав и тащит дальше по тропинке меж заборов в лес.

Ровные белые березы. Снег. Луна.

Она подставляет мне ногу, толкает в грудь, и я валюсь спиной на снег. Она садится мне на грудь, победно машет рукой:

– Я никогда не была внизу! Я всегда наверху!

– Тебе не хватает сабли.

– А тебе сил побороть невинную девушку.

– Ничего. Я как-нибудь с божьей помощью и с твоей одолею тебя.

– На Бога надейся, да сам не давай слабинку!

– Слушаюсь! – приставляю я руку к виску, лёжа на снегу.

С час проболтались мы в лесу и причадили ко мне.

Я затопил печку.

Выключил свет.

– Иди, мадам, посмотри на живой огонь.

Я открываю дверцу, и блики пламени таинственно скачут по полу, по стенам. Я сажусь на груды полешек, сажаю её к себе на колени. Молча смотрим на пляску огня.

– Живой огонь... Он такой светлый, ликующий. Совсем не такое его тепло, как в трубах. Я его слышу...

– Я больше слышу. Горячо ноге. Ты хитрый... Посадил меня, чтоб я обгорела?

– Всегда ты... В радостную минуту капнешь дёгтю...

Она закрывает дверцу, подтыкает её веником и перебирается на диван.

Куда иголка, туда ж и ниточка.

Скоро я слышу гарь.

– Знаешь, мадам, мы горим!

Я включил свет.

Так и есть!

– Ну какая хозяйка подтыкает дверцу веником, когда печь топится? Опять втравила в растрату. Угробила новёхонький веник! Ничего. Заживём эту горю. А то ж могла сжечь мой сераль.

Я хватаю чадящий веник, готовый пыхнуть пламенем, и в снег его головой.

Распято зашипел веник, почернел с горя.

В комнате уже тепло.

Я выставляю бутылку вина «Айгешат».

– Ну что, Толик-алкоголик, – потирает Надежда руки, – выпьем водочки для разводочки и рванём потом пивка для рывка?

– Никаких рывков! Спокойствие прежде всего.

– Почему у тебя на диване имени Сана пахнет мазью Вишневского?

– А это мне продырявленную ногу лечили.

Мы долго бесимся и скрепляем свою возню поцелуями.

– Не стремись к большему, – бросает она. – А ты стремишься!

– Плох тот солдат...

– Я тебе дам генерала! Надо завязывать с этими моими наездами...

– Я люблю тебя.

– А я... Я могу привыкнуть к тебе. Да кому это надо? За муж я не собираюсь. Моя цель поступить. Я и учебники принесла. Давай начинать готовиться. Да только ну какая с тобой подготовка?! Давай до августа дадим друг другу свободу. Иначе я завалю.

– Я тебе дам завалю! А что такое свобода? Вот тут, – я постучал по краю листка, выглядывал из-под настольной лампы, – я списал у Пришвина. Читаю: «Есть такой час в жизни почти каждого человека, когда ему представлена возможность выбрать себе по шее хомут. Если такой час в собствен-

ной жизни вы пропустили, то прощайтесь навсегда со свободой, если же он у вас впереди, ждите его с трепетом и непременно воспользуйтесь. Наденете хомут сами на себя – и будете свободны, пропустите свой дорогой час – и на вас наденут хомут, какой придётся. Свобода – это когда хомут хорошо приходится по шее, необходимость – когда он шею натирает. Умейте же выбрать себе хомут по шее и будете свободны так же, как я».

8 февраля

*«Пусто никогда не бывает в лесу.
А если кажется пусто – сам виноват».*

ТЯЖЁЛОЕ УТРО

Утро. Электричка. Тамбур под завязку.

Распомаженная дева спрашивает мужчину:

– Вы выходите?

– Нет.

– А как же я выйду?

– Наверное, ножками.

В метро столпотворение. Какой-то малый, обгоняя меня, упёрся в моё плечо. Я оскорбился. Меня оттирают! Я упёрся в его плечо. Летим быстро плечо в плечо. Я резко остановился, и он чуть не упал мне под ноги.

Мы рассмеялись и разошлись.

Как-то неуверенно заходит новый выпускающий Петруня.

– Заходи смелей! – махнул ему Бузулук.

– А вот возьму и не зайду. – Петруня тряхнул листком. –

Где Калистратов?

– Он с Молчановым на курсах повышения мастерства.

– Они очень правильно поступили. И своевременно. Накрутил тут этот де Калистрато... Возвращаю до выяснения, – и положил заметку Севе под лампу.

Марутов стучит ногтем по столу:

– Этот Калистратов – небожитель! У него в мозгу одна извилина и та прямая!

9 февраля

На пионерском расстоянии

Олег покритиковал в «Тассовце» казанского корреспондента Дьяченко.

Теперь за то выговаривают Олегу на каждом углу.

– Оказывается, корреспондентов нельзя ругать, – говорит Олег. – Они святей коровы в Индии. И подтолкнул меня на эту чёртову критику Иванов.

– Поменьше будешь играть с ним в шахматы, – поддела его Татьяна.

– Да-а, – вяжется в разговор Сева. – Корреспонденты обидчивы. Есть в Тбилиси Воробейчик. Кацо ему говорит: «Слюши, Соловейчик...» – «Я Воробейчик!» – «Слюши, какой разница? Всё равно птичка!»

Татьяна загробно:

– Ребята, вчера моего Марсика разоблачили.

Она бродит от стола к столу и всем суёт под нос фотографию:

– Он должен быть таким. А он оказался не мальтийской болонкой, а карликовым пуделем.

– А моему приятелю, – говорит Новиков, – подарили кота. Приятель назвал его Джигитом. Через год спрашивают: «Ну, как Джигит?» – «Мой Джигит окотился!»

Чихнув, Татьяна подтвердила:

– Верно! А что чихаю, так это дело рук Калистратова. Ты открывал форточку. Дело твоих белых ручек.

– Не моих.

– Но с твоего благословения.

Звоню Надежде:

– Ты почему вчера не пришла?

– Я забыла. И пошла с Римом в кино на «Короля Лира».

– Король влип! Она за-бы-ла! Зато я вспомнил. О розгах.

Они мокнут у меня в чане. Я тебе напомню.

– Знаешь, я вспомнила, когда села...

– ... к нему на колени?

– Вот ещё! Ты не подумай чего! Ты всегда не то думаешь.

Мы держались на пионерском расстоянии. Иначе и не могло быть. У него четверо установленных и шестеро неустановленных детей.

– Универсалище! Дай его телефон. Я сочиню ему День Бородин!

– Я знаю. Ну не надо.

– Я отобью у него желание уводить чужих лемур.

– Ты не злись. Я просто дала тебе намёк на будущее.

– Чтобы предвидеть будущее, надо хорошо знать прошлое. К моменту... Расскажи про своих кадревичей. Сколько их было?

Она сосредоточенно тихо шепчет, загибает пальцы.

– Какая-то длинная у тебя арифметика... Что, может, уже

на пальцах ног считаешь?

– Не сбивай. На руках насчитала девять. Пока хватит...

– Мда-а... Запомни. Я твоя путеводная звезда. Всех прочих козлов побоку. Главное – учиться! Пока молода... И потом... Тебя устраивает твоя работа?

– А чего? Секретарь главного редактора. Звучит!

– Это по-твоему... Ну что такое секретарша редактора технического журнала для подростков? Девочка на подхвате. Девочка на побегушках. Заточи карандаши! Пригласи такого-то!.. Надо хватать основательную профессию. А это даст только учёба. Пиши обязательство учиться.

– Считай, оно у тебя в кармашке.

– Ты будешь у меня учиться! Возьму на завтра билеты на фильм на немецком языке «Девушка из джунглей». Встретимся завтра вечером в кино.

– Я не смогу. Провожая к тётке маму.

– Проводишь и приедешь. В восемь тридцать.

Она пришла сегодня вечером.

Идёт. Виновато улыбается.

Я тоже улыбаюсь. С лёгкой злостью:

– Бить тебя надо, да некому. А мне некогда. Сначала я хотел отдать тебе сегодня билеты. Да передумал. Ещё побежишь с Римом на мои билеты. Я не хуже него, не ударил в грязь яйцом и тоже взял билеты на две серии.

Она написала на листке: «Обязуюсь исполнять» и отдала:

– Досрочно выполню.

Она становится босой ногой на чистый лист:

– Это будет отпечаток левой ноги правой стопы. То берут отпечатки пальцев, а я даю тебе отпечаток целой стопы. Цени!

И игриво пропела:

– Ты не радуйся, змея,
Скоро выпустят меня.

10 февраля

На небесах

Аккуратову кликнули на небеса. К заместителю генерального директора Ошеверову.

На ватных ногах побрела на шестой этаж.

Спустилась с небес в ликующем нимбе:

– Ребята! Это нечто... Григорий Максимович сказал мне: «Вы написали хороший материал, но зачем эта стереотипная фраза «Напряжённые дни наступили у работников московской телефонной станции»? Напряжённые дни могут быть у косарей...

– Твой Ошеверов рванул не в ту степь! – сказал я. – Почему напряжёнка может быть только у косарей? А у телефончиков не может быть? Перед праздниками, например, когда работы у них набегают ого-го сколько!?

– Ну, – развела Татьяна руками, – не стану же я возражать боссу... Я быстренько отрапортовала: «Полностью с вами согласна! Не нужна эта фраза». Интересно... Вызывал, чтоб сказать о лишней фразе... Я всегда так знакомлюсь с начальством. Он спросил, не обиделась ли я. Я ответила: «Я обижаюсь, когда на меня необоснованно кричат».

– Ишь, как она подсиживает нас! – ядовито буркнул из своего чёрного угла Медведев.

Татьяна равнодушно отмахнулась:

– Ну вы-то, Александр Иванович, никогда не кричите.

Ермакова позавидовала Татьяне:

– Походя и второго начальника умастила.

И тут Татьяна разбежалась хвалиться:

– А знаете, как я с Лапиным познакомилась? Вызвал он меня. Вхожу. Моя беседа с торговым министром лежит перед ним. Я смекнула, о чём может пойти речь, и с ходу каяться. Сказала: «В этой моей беседе не всё гладко...». Он и говорит: «Редко у кого всё идёт гладко. Вон... Когда я завтракал с Громыкой²¹⁵ в Нью-Йорке, нам подали простоквашу с черносливом и спросили меня, не хочу ли я с черешней. «А разве мы хуже питаемся?!» – пальнул я. – И невесть с чего расшумелся. Когда проорался, смолк». Не помню... Я что-то такое ему сказала, что ему понравилось. И мы расстались друзьями.

– И в добавление, Тань, – сказал Бузулук. – Ошеверов – новенький зам. С первых дней бурно погнал волну. В субботу звонил мне на выпуск: «Зачем употребляете тяжёлые депричастные обороты?» – «Ну раз они есть в русском языке...». Что ещё мог я ему ответить?

²¹⁵ Андреем Андреевичем Громыко (1909 – 1989) – дипломат и государственный деятель, в 1957–1985 годах – министр иностранных дел СССР, в 1985–1988 годах – Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

11 февраля

«Яблоко, упавшее на голову Исаака Ньютона, помогло ему открыть закон всемирного тяготения».

Так это или не так, гадать не стану.

А байка такая есть.

Ньютон открыл свой закон, лёжа под яблоней с девой на коленях.

Историки до сих пор не могут выяснить, была ли дева.

Но шишка на лбу была. От яблока.

Вернувшись сегодня домой, я тоже в нерабочее время сделал открытие.

Отомкнул замок и вижу на веранде: входная дверь из комнаты настежь. И я в законном ключе подумал...

При потеплении дверь расширяется, а при похолодании сжимается. К вечеру шлёпнул приличный мороз, дверь ужалась и сама гостеприимно открылась. В комнате было минус пятнадцать.

Как тут не откроешься?

Я затопил печь.

Через три часа стало плюс пятнадцать.

Да не вернёшь сетку картошки и полкило лука, убитые холодом.

12 февраля, пятница

Ветер в голове чаще раздувает паруса любви.
Е. Сиренка

«НАЦИОНАЛЬ»

Беляев Медведеву:

– Саш! Пусти ребят потаскать ящики из машбюро в сельскую редакцию.

– Да пожалуйста!

Беляев зыкнул:

– Ребята-козлята-молодыта! Положим ручки и на выход!

И мне:

– Все пошли. А ты чего сидишь? У тебя сил нет?

– Найду.

Таскали, таскали...

Шустрик Шаповалов, стоя в коридоре за высоким столом, что-то пишет, подперев голову рукой.

Молчанов тычет на него пальцем:

– Смотрите! Смотрите! Хемингуэй²¹⁶ из сельхозредакции!

Вечером мы встретились с Надеждой у вазы на Курском

²¹⁶ Эрнест Хемингуэй создавал свои шедевры, стоя у своей печатной машинки.

вокзале.

В электричке летели из вагона в вагон. Надежда показала одному малому язык.

Он похлопал себя по коленке:

– Иди садись!

В Кускове в магазине дала мне указание:

– Хлеб бери чёрный. Чтоб не толстеть.

Дом. Я развожу печку.

В пальто она сидит на диване. Выговаривает:

– Послушать тебя... Не фонтан... С ума сойдёшь! Одеваешься кое-как... Счастье не в деньгах... А в чём, Федя?

– Меня не Федей зовут.

– Всё равно ты Федя, раз так думаешь. Запомни. Счастье в деньгах. И в тех даже, добытых любым способом. Ты понял? Повтори это себе тыщу раз! Это смех, а не деньги твои сто двадцать. Минус двадцатку на всякие подоходные. Два раза в месяц по пятьдесят. Что эти две твои полташки? Пять раз сходить в магазин. Ты меня не прокормишь, не оденешь.

– А я по последнему писку моды пушу тебя в мир. Голой!

– Шутишь ты глухо, Федя. Мне дублёнка нужна. А она пятьсот рэ. Да тем, кто достанет двести. Доходит, чего стоят твои сто двадцать?

– Разве счастье в одежде? Важнее, что у человека под нею.

– Какой же ты большой дубиньё! Кому нужны твои духовные побрякушки-квакушки? Пусть они при тебе киснут. Книгу пишешь? Тащи в издательство. Мне дублёнка нужна!

– Ты командуешь мной, как поросёнок мешком. Разука-
зывалась, будто я твой муж.

– Отче! Ты герой не моего плана. Ты меня не впечатляешь.
Тогда спросишь, а чего я к тебе хожу? Отвечаю. Работаю на
тебя!

– Нет, не на меня. Мы все работаем на коммунизм!

– Тебе нужна кроткая, женственная, тихая, полузабитая
машутка. Мне же нужен красавей лет двадцати пяти. – Она
пристально посмотрела на мой морщинистый лоб. – Где ты
так быстро постарел?

– Кажется, на женщинах.

– На молодых?

– На разных.

– Хватит гонять мульку за жизнь. К слову, куда это ж за-
пропастилась моя орденоносная звёздочка?²¹⁷

– А почему именно у меня ты об этом спрашиваешь?

– Ты мне не веришь, что ты у меня первый?

– Как явствует твоя личная статистика, я у тебя десятый.

У своих первопроходцев и спрашивай, кто спioniерил твою
искомую пропажу. А я тут сторона...

– Ох-хо-хо! Сторона! Часами катаешься на качелях и –
сторона. А другие ... Две минутки и полный предсмертный
отвал!

– Откуда у неваляшки такая осведомлённость?

²¹⁷ Звёздочка – девственная плева.

– Из разговоров с девками! Хватит давить косяка.²¹⁸ Завтра я с подружками лечу в «Националь». Мы получили пакетики с прогрессом.²¹⁹

– Не ходи. Что ты забыла в ресторане?

– Хочу икорки поесть.

– Приходи лучше ко мне.

– К тебе я всегда успею. И потом... Мы давно договорились. К тому же я закопёрщица культпохода в «Нацио». Туда я готова бежать в любую минуту. У меня всегда в сумочке мои туфли. На работе я снимаю сапоги и надеваю туфельки.

– Приходи лучше ко мне.

– Особо не надейся. Если ничего не будет, приду.

– Не будет.

– Да ну... Мы собираемся в четыре.

Назавтра, в субботу, я натопил печку до жары в комнате.

Вечер. Сажу у окна. Жду.

Так и не пришла.

Вспомнилось... Курский вокзал. Перрон. Малый носильщику:

– Три дня из дома. Соскучился без самовара.²²⁰ Где поточить стояк? Нужна девка-однодневка... дневка-одноночка.

И носильщик ответил:

²¹⁸ Давить косяка – говорить вздор.

²¹⁹ Прогресс (здесь) – прогрессивка за рост тиража.

²²⁰ Самовар – жена.

– Если на ночь нужен Федя, Маня аль –
Прямо дуй в «Националь».

Я скажу ей это.

15 февраля

С утра дежурю в квадрате А (на выпуске).

Петруня:

– Говорят, смертью смерть поправ. А мы вестью утреннюю весть поправили.

Медведев, читая газету, удивлённо бормочет:

– Председатель колхоза, а фамилия Мамуня.

Мурлычет Бузулук:

– Сам товарищ Калистратов

Выступал на свадьбе сватом.

И его кормил из рук

Сам товарищ Бузулук.

Идиллию ломает молоденькая голенастая курьерша в красной кофте:

– Атас! Генеральный прёт по коридору!

Татьяна несколько озадачена:

– И чего это Замятин неприкаянно бродит по нашему этажу?

Владимир Ильич духоподъёмненько декламирует:

– Мороз-воевода дозором

Обходит владенья свои!

Я не хочу наткнуться на начальство и уйду есть.

За столом Сева в шутку выговаривает мне:

– Там Замятин ходит, а ты здесь...

– Я ушёл, чтоб не встречаться с Замятиным. Самое большее, он может руку пожать.

– А ты и без этого перетопчешься. Я тоже ушёл. А то сытый голодного не поймёт.

Пообедав, он долго смотрит на себя в зеркале. Вздыхает и укоряет своего двойника в зеркале:

– Пить меньше надо.

Я фыркнул:

– Плохо уговариваешь!

– Зато пью хорошо.

Возвращаюсь в редакцию и слышу исповедь Медведева:

– Я вовремя смылся. Отсиделся в секретариате. За стеной, в бункере, слышал горячие голоса. Перельцвайг²²¹ хотел в бункере установить свой телетайп, а Колесов против. Ещё бы не против! Перельцвайг батька чужой редакции, а свой телетайп хотел пристроить на нашей территории. Замятин зашёл рассудить. По коридору его сопровождал служебный эскорт: впереди Колесов, по бокам Иванов и Перельцвайг, позади Фадеичев.

²²¹ **Перельцвайг** Александр Акимович – главный редактор Главной редакции союзной информации для заграницы.

16 февраля

*Любовь разглаживает морщины у женщин и
извилины у мужчин.*

А. Петрович-Сыров

ЗДРАВСТВУЙ, ХРИЗОПЕЛИЯ!

Вошёл пенсионер с палкой заплатить партвзносы Новикову. Новикова нет.

– Можно посидеть? – спрашивает пришелец.

– Для почётных гостей!.. – Сева показал на кресло у медведевского стола.

– Ну... Я редко...

– А у нас чем реже гость, тем почётней.

Сева дал жиденькую информушку о лове рыбы в Заполярье.

Я предложил ему:

– Дай проконсультирую её в своём министерстве.

Сева замахал руками:

– Как только ты заговоришь о консультации, у тебя в голосе появляются плотоядные нотки. Заранее хорони заметку по первому разряду. Ведь наверняка уконсультируешь ты, первостатейный похоронщик!

Переговорил Сева с кем-то по телефону и докладывает всему ёбществу:

– Это прорезался Дмитриев из Центра дальней космической связи. Сказал коротко о деле и просит: «Передай Лене, что купил подушку из чистого пуха за 25 рублей. Не нужно ли ещё кому? Могу достать по твёрдой цене». Это же расшифровывать будут...

– Да, будут, – втискивается в разговор Медведев. – Как в войну. Простая фраза «Поддайте огурцов!» А расшифровка – «Давай артогонь!»

– А это без всякой расшифровки ясно, – усмехнулся Сева. – Один пришёл в баню и говорит кассирше: «Дайте билет на одно лицо». Из окошка вопрос: «А гаубицу²²² вы мыть не будете?»

Три дня крепился Анатолий,
А там рванул он в крематорий.

Трое суток не звонил Надежде. Больше не могу терпеть. Навпрочь сорвало резьбу.

– Ну, – говорю, – здравствуй, хризопелия!

– К кому ты обращаешься?

– По-моему, к тебе.

– А кто такая хризопелия?

– Это летучая змея.

²²² Гаубица – задница.

– Ну-ну...

– Ты и летучая, ты и гремучая, ты и гробовая... Почему ты не пришла в субботу? Ты ж обещала.

– Я обещала тебе, но не себе.

– А я так ждал...

– Потому что ты кретин.

– Спасибо за комплимент. Только почему ты всегда даришь мне один и тот же комплимент? Зачем ты на нём делаешь акцент?

– Наверно, ты и в самом деле кретин.

– А ты сомневаешься? Лучше скажи... Иду я сегодня мимо «Националя» и там, где висит табличка, что здесь жил Ленин, выдавлено окно. Не твоя работа?

– Что ты! Туда нас не пустили. Мы в «Центральный». И там вахтёр-шахтёр-бобёр спросил: «На предмет чего, девочки, рвётесь?» – «Ну... На предмет мужиков». – Перебьётесь. Пить вы мало будете, а места займёте». И не пустил. Мы и побежали в кафе от ресторана «Арагви».

– Ты пришла домой одна?

– Кажется, одна.

– Ты хорошо помнишь?

– Что за дела, отец? В шесть...

– ... утра?

– ... вечера я была на Курском. Хотела поехать. Ну... Туда час, оттуда час... Не выплусь.

– А я, идиот, ждал. Думаю, раз дева задурила, а поступать

ей надо, потому и надо готовиться. Думаю, дай-ка я за неё буду готовиться. Читал «Евгения Онегина».

Нас пыл сердечный рано мучит,
И говорит Шатобриан,
Любви нас не природа учит,
А первый пакостный роман.

– Не то заучил, отче! Ты не видел там такое:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

Или:

Мой дядя самых честных правил...

– Дядя-то честный. А вот тётя?

– Не намекай.

– Ладно... Скажи, где путешествовал Онегин? Не знаешь?

– Знаю!.. Москва, Горький...

– О-о, милая... Давай, давай... Алексей Максимович родился лишь в 1869 году.

– Ой, Нижний... Потом Тольятти, Волгоград, Тбилиси, Крым...

– Да, да.

– Что да, да? Как тогда назывался Крым? Таврида! Как

звали отца Лариных? Дмитрий. А как звали няню Татьяны? Филипьевна! Вот тебе! Вот!

– Я прямо срочно поумнела.

– А кто из нас тогда кретин? Ты кретинша!

– Может, ты за меня сдашь экзамены в МГУ?

– Я бы рад, но волос не хватает.

– Ради такого дела я остригусь и сделаю тебе парик. Тогда не видно будет твоих баков. Баки, как у собаки. Ты чего три дня не звонил? Мужался?

– Из последних сил. И дулся.

Вечером мы встретились.

– А знаешь, – сказал я ей, – после твоего похода в кафе у тебя изменилась походка.

– Не носи шелуху.

– Изменилась. Это огорчительно. Ты ж сама говорила, что после этого меняется у девушки походка. Так вот я подтверждаю. И авторство этого новшества ты мне не пристёгивай, милаша.

17 февраля

Звонит Надежда:

– Ты хочешь со мной общнуться?

– Мечтаю.

– Вчера мать привезла повестку Сашке в военкомат.

– Будет братец офицером.

– Макаронником или куском. Так называют сверхсрочни-

ков.

– Откуда такие познания?

– У меня много военных знакомых.

– С каждой минутой ты всё больше огорчаешь меня. Есть пословица «Что девушка не знает, то её и красит». А ты знаешь всё! Жаль.

– Когда я училась в десятом классе, наши шефы были военные.

– Эво-он откуда любовь к военным!

– Знаешь, если кто войдёт, я сразу положу трубку. Без предупреждения. Будь готов.

– Как отвечают пионеры, всегда готов! Ко всему.

18 февраля

Саня против сани

«Время собирать камни. Время разбрасывать камни. Время уворачиваться от камней...»

Калистратов и Аккуратова цапаются.

– Я говорю с Баку, а ты рвёшь трубку! – выпевает Татьяна. – Можно повежливей.

– А что делать? Я машу тебе, показываю, что хочу говорить с Баку, а ты не реагируешь! Хоть бы кивнула.

– Ну да! Я Гольденбергу киваю. Ещё и тебе!

– Ну... Гольденберг не видит твоих кивков и не нуждается в них. Если ты пришла в скандальном духе, то это не значит, что и другие должны взвиваться.

– Тебе хочется сказать последнее слово? Ну, скажи...

Поединок оборвал телефонный звонок Татьяне.

А тем временем в комнату набивался люд со всего этажа. На партсобрание. На великий лай, или Как яйца побьют курицу.

Яйца – это Бузулук, Саня Петрухин.

Курица – Александр Медведев.

Саня пожаловался мне на себя:

– Моя беда – со временем я остываю, и зло выходит.

– Состояние нормального человека.

– Но ты выступи. Надо хорошенько смазать мозги Медведеву. Богам тоже надо преподавать уроки. Кажущейся принципиальностью и суровостью Медведев прикрывает свою беспомощность.

«Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – всё кипит».

Последние перебрёхи.

Беляев:

– Завтра «Труду» исполняется 50 лет.

– А выпивка будет? – забеспокоилась Маркелова.

– Золотая!

На подбеге рядом со мной плюхнулся Серов и уважительно постучал ногтем по ножке стула под собой:

– Свой поджоппик из самой своей редакции пёр!

Пришёл главный. Гомон стих.

Бузулук смотрит на часы на стене:

– Опоздание на 15 минут. Если бы мы так опаздывали на работу...

Иванов:

– На повестке один вопрос – проект Директив КПСС и работа коммунистов в этом свете. Докладчик Колесов Николай Владимирович. В прениях – 10-5 минут. Есть что сказать – десять минут. Нечего сказать – пять минут.

– Думаю, – говорит Колесов, – доклад много не займёт.

Мы ж идеологические работники. Вот уже четыре дня наша страна изучает Директивы нашей родной партии...

И так далее в таком разрезе.

Говорит он, как вождь Брежнёв. Тяжело. Такое впечатление, будто во рту полно камней и он ими давится. Ну да... Сухим же получает паёк из Кремля.

– Приведу цифру не для печати. Наше строительство подорожало на 30 миллиардов рублей. В угольной промышленности мы выполнили ввод мощностей – это должен знать Бузулук – лишь на 62 процента...

– Только на шестьдесят! – под смех в комнате уточняет Олег. – Это я слышал из уст самого Байбакова.²²³ Этой цифры нет в Директивах.

– Директивы, – продолжал Колесов, – вы изучали и ещё долго будете изучать. Нас атакуют из зарубежья слева и справа. Надо широко освещать выполнение задач, намеченных в Директивах. Живыми рассказами о конкретных передовиках показывать наше продвижение вперёд.

Артёмов:

– У поляков есть выражение «Если бы я был Гомулкой,²²⁴ что бы я сделал?» Я перекрою на свой лад это и скажу так:

²²³ Никола́й Константи́нович **Байбако́в** (1911 -2008) – в 1965–1985 годах заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР.

²²⁴ Владислав **Гому́лка** – генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948 годах, первый секретарь ЦК Польской объединённой рабочей партии в 1956–1970 годах.

«Если бы я был Колесовым...

Комната загудела:

– О-о-о-о!

– ... я бы обязал замов читать отраслевые журналы». Ну, главного я не смею критиковать. Из всех замов только Иванов немного разбирается в экономике. И не потому, что он сегодня председательствует на собрании. Нет. Иные замы бравируют тем, что не разбираются в сельских делах. Будто в электронике они плавают, как рыба в воде. Замы должны знать проблемы жизни не понаслышке. Тогда смогут добиться от нас, чтоб мы писали так, чтоб и балерина прочла и поняла, что построенный нефтезавод – это ко всему прочему и лавсан, и стул, и помада, и спирт...

Бузулук:

– Я говорю с точки зрения не руководителя, а исполнителя. Я читал проект не с одним, а с двумя карандашами. С освещением поставленных задач у нас такие трудности, что устранить их можно только директивным путём. О делах ГР-СИ мы узнаём в кулуарах. Нам в РПЭИ не говорят, что на планёрке было ну вчера, сегодня... Я бы не сказал, что наша жизнь мёд. Редакция укомплектована. Народу не продохнёшь. А отдача? Я считал по часам. Первую заметку сегодня мы сдали через четыре часа, вторую – через три. Рывки с поклоном надоели. Я говорю о том, что мы вынуждены отпрашиваться. Мы ж, сидя здесь, ничего не делаем. На задании не всегда укладываешься в нужные сроки. Бежишь сюда. За-

чем? Си-деть!!! Побыл я, Николай Владимирович, два дня редактором, дайте мне побыть репортёром. Наши претензии на творческие дни законны и должны быть удовлетворены. А отпрашиваться – это довольно низко. В противном случае переведите в другую редакцию.

Петрухин:

– Я бы хотел остановиться на том, что позволило бы нам выполнять планы. Я о творческой обстановке. В РПЭИ её нет. Вспоминаю, как один товарищ робко открыл на секунду нашу дверь и подколот: «Я слышу скрип перьев, как в гоголевской «Шинели». Наш руководитель не умеет организовать работу. Руководитель редакции должен быть мудрым, внимательным. Он не таков. Было время, когда наш зав не мог говорить с местными авторами. Это были не разговоры, а одни окрики²²⁵ и накачки.²²⁶ Он хотел и с нами так. Но мы ему не даём. Осаждаем. Порой он не понимает экономических факторов. Недавно нефтяное министерство подвело итоги соревнования на лучшего нефтяника. Заметку наш зав забраковал: «Нам это неинтересно!»

Маркелова вставила:

– Мы же говорим о директивах, а не о личностях.

– А разве директивы выполняют не личности? Нельзя закрывать глаза на наши трудности. Он не пускает на объекты...

²²⁵ «Окрик – и.о. аргумента».

²²⁶ **Накачка** – разрядка начальника и зарядка подчинённого».

– Это ложь! – выкрикнул Медведев.

Саша щитком поднял ладошку:

– Мне говорили, не обращай внимания. Он человек сухой, больной. Зачем это переносить на других? Мы не потерпим такого отношения.

Иванов:

– Я не могу пройти мимо выступления Петрухина. Я не понимаю, как можно из десяти минут одиннадцать минут говорить о руководителе. Будто разбирается его персональное дело. У нас хорош критический голос, зато никакой самокритики. Я вернулся из Душанбе. Надо по-особому подходить к информации оттуда. Таджик купил дом в Голодной степи. Это не факт, это явление. Он купил, чтоб обживать степь. Никита Сергеич понашлёпал пятиэтажных коробок и в Москве, и там, в степи. Да разве может таджик жить без клочка своей земли, без осла? Он осла по лестнице заводит на пятый этаж. В ванну. Надо серьёзней относиться к людям в степи. Я своё время съел. Я ещё три минуты. Переписку не ведём должным образом со своими корреспондентами на местах. У нас это в основном отписки. А надо не только давать задания, но и сообщать, как задание выполнено, что не удалось. Это и будет наша глубокая пахота.

Медведев:

– Я должен сказать, что тема двадцать четвёртого съезда партии была у нас постоянной. Предсъездовская информация идёт в каждом выпуске вестников и в общем-то печата-

ется. Эта информация имеет недостаток: она лаконична. И в ней не расскажешь подробно о том, что могли бы перенять на других предприятиях...

– Надо уметь работать с корреспондентами! – выкрикнул Саша Петрухин.

– Тут двое выступали, – продолжал Медведев, – что у нас всё очень строго. Ну как строго? При переходе было сказано приходить в девять и без разрешения никуда не уходить. Я так понял и действую. Бузулуку надо быть прямым. Он уже два года собирается в Электросталь и никак не съездит. О Петрухине. Я должен дать характеристику. Он не знает дела. Он сообщил, что цветное министерство выполнило пятилетку...

– По сумме годовых планов! – уточнил Бузулук.

– Не подсказывай! – зыкнул Медведев. – Петрухин дал ошибку. У Петрухина нет элементарной порядочности. На партбюро ему было сказано – лодырь! Лодырь, он и есть лодырь. А качает какую-то свою правду.

Колесов:

– Мне нравится, что в РПЭИ скрипят перья. Реальная задача. РПЭИ больше всех даёт заметок. Честь ей и хвала!

– Ну да! – возразил Бузулук. – В «Правде» передовую пишут два часа, а Медведеву двух недель не хватает на одну заметку в десять строк!

Собрание зажуужало.

Никто и не принял всерьёз выкрик Олега.

Итак, мочилровка²²⁷ «Саня против Сани» захлебнулась. Чёрные руководящие силы восторжествовали. Добродетели указано на её место.

Резюме.

Хата РПЭИ – Сенатская площадь. Петрухин, Бузулук – декабристы РПЭИ. Что бы о них сказал Ильич? Который самый-самый?

Правда, на собрании присутствовали аж три Ильича: Новиков, Серов, Иткин. Какой плодовитый наш этаж на Ильичей!

Но они дипломатично молчали.

Перефразируя кремлёвского Ильича, можно сказать:

«Страшно далеки вы от начальства. Ваш час ещё не настал!»

²²⁷ Мочилровка – драка.

19 февраля

Башмаки в сейфе

Утро.

Сбегаются граждане на трудовую вахту.

Влетел Молчанов:

– Здравствуйте, тов. Калистратов и прочая рать!

Как на финише марафонской дистанции вбежал Медведев со вскинутой рукой и с хрипом сквозь зубы:

– Здравия желаю!

Сунул свои башмаки в сейф, упал на стул и ну читать газеты.

– Александр Иванович, – говорит Молчанов, – я пойду в библиотеку писать о станках.

– Как писать? Надо хорошо писать. Интересно. Не посредственно.

– Вы же ещё не знаете, как я напишу.

– Я знаю. Читать будет сам Ошеверов! Он вернёт! Не знаю, как тебе, а мне от этого удовольствия мало.

– Я ещё не писал. А вы – вернёт!

– Надо писать хорошо. Ты слышал вчера, как говорил Колесов? В свете его слов и надо работать.

Бузулук не успел ещё перенести ногу через порожек, Медведев шумнул:

– Ты где бегаешь? Чтобы плотней был твой день, напи-

ши Алепину, что у него хорошо, что плохо. Словом, напиши, как он работает на нас. Раз ты заявил, что собираешься уходить в другую редакцию, уходи. Если нужно моё содействие... Получишь!

Приоткрылась дверь, заглянула к нам девица, робко пискнула и закрыла дверь.

– Тань, – говорит Бузулук, – что это за девахуля-уля-гав?

– Ты думаешь, я её видела? У меня пока почему-то нет глаз на спине.

Медведев уходит на планёрку.

Все расслабляются.

– Братцы! – потягивается Съева де Калистрато. – Пока нет женщин, надо затвердить правило:

Оглянись вокруг себя,
Не шмарит ли кто тебя.

Я душевно зевнул и гавкнул.

– Ой, Толя, – восхищается Татьяна, – как ты нежно зевнул. Как кошка.

Хэх, услышала.

Она в голубом платье без рукавов, но с молнией на спине до самого «Господи, прости! Я вот такая!». Сегодня она идёт на 50-летие «Труда». Она оттуда. Там работала после университета.

В коридоре Великанов мне вполухутку выпевает:

– Профорг! Вы видите? Поступивший к вам на учёт член профсоюза Марутов закурил!

В тон я реагирую:

– Гарегин Гарегинович, почему вы курите?

Он улыбается:

– Чтоб рука была занята. А то бездельничает.

Великанов вздыхает:

– Кто знает, почему партийные директивы выполняют беспартийные?

Никто не знал.

– Раз никто не знает, – говорит Сева, – то хоть посмейтесь. А потому анекдот. Морг. Звонок: «У нас пропал Рабинович. У вас его нет?» – «У нас, может, сто Рабиновичей. Какие особые приметы?» – «Он не выговаривает букву эр».

С планёрки вернулся Медведев. С порожка схватил руководящие вожжи:

– Петрухин! Бросай говорить с девицей. Говори с нею из будки в коридоре. Мне нужен телефон. Если будешь ещё говорить отсюда с девицами, буду им говорить, чтоб не звонили или звонили после шести.

Саша сказал девушке, чтоб позвонила после шести.

Медведев хмыкнул:

– Ну и нахал!.. Мы вам воли не давали и не будем давать.

20 февраля, суббота

Тёмный лес, кривые дороги...

Я мыл пол.

Пришла Надежда и спрашивает:

– Как дела?

– Как в Польше.

– Ну и у кого больше?

– Помолчи секундочку. Я домою... Прошу, пани.

Я домыл пол, понёс вылить из ведра на помойку за калиткой.

– Ты куда намылился? – ворчит она. – Иди ко мне. А то будет скандал и слёзы.

Я вернулся к ней с пустым ведром:

– Докладывай, что у тебя.

– Ничего хорошего. Двоюродный братец Толя чудит. Решил жениться на одной. Привёл к своим родителям. Уговорились. Она случайно оставила у него свой паспорт, и он узнал, что ей не двадцать, а все двадцать восемь – ему тридцать три, – была замужем. Не хотел её брать, а взял. Их жизнь тёмный лес, кривые дороги. Родили дочь Наташку. Он жене: «Подойди к плачущей дочке. Ты ж вроде ей мать». – «А ты ей не уже не отец?» На склоках да на пьянках едут. Да ну их! Дай лучше корочек с сала. Собрал хоть немножко?

– Ну! Странно... Домашнее сало вкусное, но поджарен-

ную корку с него я выбрасывал. А тебе нравится. Просила собирать. Я насобирал. Вот на сковородке подогрею...

Я подогрел, и она ела с наслаждением, от удовольствия закрыв глаза и ворча, как довольная кошка.

Мы пошли в наш Кусковский лес.

– У меня и в самом деле изменилась походочка после побега на кафе?

– В самом деле.

– Ну, брось.

– Почему ты какая-то нервная?

– Меня часто роняли в детстве. Однажды в марте Колька, сосед, в отоварке²²⁸ столкнул меня с моста в речку. Дома отец отшлёпал меня и не пустил больше играть с Колькой. В другой раз на пруду другой мальчишка попросил покатать его на санках. Я согласилась. Он сел. Я потащила санки. Шла задом наперёд и ввалилась в полынью.

– И не заболела?

– Вот ещё! Болеть?! Папаня отшлёпал ещё раз... Между прочим, мой папаня на телеге вёз Талалихина на последний героический подвиг в нашей деревне Мансурово.²²⁹

Вечером мы сели ужинать. Себе я налил воды, а ей водки.

²²⁸ **Отоварка** – драка.

²²⁹ Виктор Васильевич **Талалихин** (1918 – 1941) – военный лётчик. Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда" ему присвоено 8 августа 1941 года за первый в истории авиации ночной таран вражеского бомбардировщика. Памятник на месте приземления Талалихина установлен в центре деревни Мансурово.

Она выпила и не поморщилась. Только сказала:

– А я тебе, бамбино, доложу. Я сделала вывод: водка меня не берёт. Коньячок – уже ближе к делу... Только ты не сочти меня за пьянистку.²³⁰ Если сейчас и выпила, так не ради глупого разгуляя.²³¹ Просто лечусь. На днях забежала в аптеку, прошу: дайте в нос! Они шары вылупили. «Ну, от насморка что-нибудь...» Еле дошло до них...

А я свою воду запил водой из её стакана.

Подвоха она и не заметила.

²³⁰ **Пьянистка** – алкоголичка.

²³¹ **Разгуляй** – пьянка.

22 февраля

Молчанов кричит Бузулуку:

– Эй, пузо! Пойдём пить чай.

Татьяна поправляет:

– Он не пузо, а Фальстаф...²³² Уй, я раньше не замечала...

У Олежки и в самом деле живот. Как у пятимесячной.

Бузулук буркнул Молчанову:

– Нахапет, пошли.

Калистратов по телефону свердловскому корреспонденту

Старикову:

– Нештатницу Светлану ты хорошо готовишь. Прошла её заметка.

– Вот видишь. А ты раньше твердил, что её заметки достойны только брака.

– Так то раньше. Твои успехи налицо. Ты введёшь её в святая святых ТАССа?

– Да... Веду в святая святых, а довёл пока до кровати.

Ничего удивительного. Корова любит ласку, а мужик смазку.

После чая Олег подобрел.

Ласково посматривает на Татьяну:

²³² Сэр Джон Фальстаф (англ. *Sir John Falstaff*) – комический персонаж ряда произведений Шекспира: «Виндзорские насмешницы», «Генрих IV, часть 1» и «Генрих IV, часть 2».

– У Танюши нет настроения. Что-то она не взлаивает.

– А в Москве есть собачье кладбище? – спрашивает Молчанов. – Интересно, где будет погребён незабвенный Марсик?

– Ансамбль забытых инструментов, – хмыкнул Олег. – Не говори так. А то наш внештатный зам обидится.

Калистратов победно вскинул руку:

– Я побил рекорд Медведева! Он забраковал в один день девятнадцать заметок. А я сегодня похоронил двадцать четыре!

23 февраля

Ветрило-пуржило

– Надь, приезжай сегодня в восемь.

– Не приеду. В праздник охота побыть со своими.

– Ну у них не будет того, что есть у меня. То, за чем ты бегала в «Националь». А тебя даже на порог не пустили.

– Икорочка?

– Она персонально!

– Что за дела! Еду, еду! Сразу б говорил. А то полдня мямлил.

– Значит, тебе только икра нужна?

– А что ж ещё?

– Ну хотя бы я, например. Как бесплатное приложение.

– Надоел ты мне. Я приеду раньше. Хоть сейчас!

– Хм... И всё же... Так я или икра?

– Толик-соколик! И икра, и ты. В комплекте!

Ближе к вечеру я побежал покупать ей чулки. Размер двадцать пятый. Светлые.

В ЦУМе я наткнулся на длинную женскую очередину.²³³

Примкнул. Раз очередь, значит, что-нибудь стоящее.

Скоро меня прижало к прилавку.

– Сколько? – спрашивает продавщица.

²³³ «Очередь – место, где каждый должен за себя постоять».

– Чего?

– Наборов.

– Каких?

– Ты слепой? Стопочки!

– Зачем они непьющему?

– В хозяйстве-то сгодятся под случай.

– И верно. Один набор.

Купил не знаю что, не знаю зачем. Зато в драке!

Мы встретились в 7.45.

– Ты заметил, – хвалится она в электричке, – что я раньше срока приехала?

– Мда. Икра – двигатель прогресса. А икры-то нет!

– Ка-ак нет?

– Нет. Можешь пересесть на встречную электричку.

– И пересяду!

– И я один её слопаю!

– А-а! Так не пойдёт.

Дома она скривила губы:

– Фи... Чёрная... Я думала, красная.

– Как ты жестоко просчиталась! А я с таким трудом достал... Через рыбное министерство. Я его курирую. Говорю: «Я пишу, пишу про вас, а вы хотя бы пустую баночку из-под икры показали». Так мне помощник министра принёс одну баночку из буфета. Не за спасибо, конечно.

Мы стали дурачиться.

– Почему, – спрашивает она, – ты стонешь в интересных

моментах?

– Это просто шумовое оформление.

– Ну-ну... Шуми, шуми послушное ветрило.

– Сама ты ветрило-пуржило.

Я провожал её до метро «Варшавская».

Она сказала:

– На столе под книгами в свертке рубаша нейлоновая. Мой подарок тебе к сегодняшнему празднику. Должна тебе подойти. Воротничок не мал. Сорок один.

– А-а... То-то ты хватала меня за шею. Примерялась?

– Может быть.

Мне стало неловко. Я ведь ей тоже купил кое-что. Духи, пудру, чулки. Да не отдал. Забыл.

Но ничего не потеряно.

На носу Восьмое марта.

24 февраля

Спали на ходу...

У нас в комнате установили телетайп.

Сегодня пришла по нему первая заметка «На путине сто траулеров». Додик Гефтер пригнал из Риги.

Сева говорит Медведеву:

– Неохота визировать. Материал дрянно сделан.

– Но! Первая заметка по нашему телетайпу! Событие! Надо пустить по схеме «рыбная». Первый блин нельзя пускать комом.

Скоро треск телетайпа начинает надокучать.

Татьяна с тоской смотрит на него:

– Я вычитала, что от шума можно заболеть...

– Смотря от какого и когда, – вздыхает Козулин. – В войну под шум снарядов и бомб спали. Помню, мы обходили с севера Берлин. Выроешь яму, кинешь соломки, уснёшь. Просыпаешься – по горло в воде. И просыпаешься только тогда, когда начинаешь захлёбываться. У меня один друг захлебнулся, а проснуться не смог. Или бывало и такое. Просыпаешься – вокруг воронки. Шёл бой. А ты спал и не слышал. Спали даже на ходу...

– Да, – кивает Медведев. – Я это знаю. Да, можно спать на ходу. Мы шли по Монголии в сорок пятом... Там не было воды...

25 февраля

Завтра Сева едет в дом отдыха ТАССа.

Последний день перед отпуском.

Ещё утро, а он уже слегка приложился и жалуется на себя:

– Что-то меня мутит... Совсем пошло не в коня... Это всё навязал Великанов, главный безответственный пропускающий... У его друга горе. Как не поддержать... Его знакомого знакомого – вдребезги, а калоши целы. Во!

– Мда, – как-то кисло качнул головой Бузулук. – Пока суд да дело – ссут на тело...

Вошёл Молчанов и сразу к Петрухину:

– Саня! А ведь Македонский тоже был Саня. Как ты относишься к своему знаменитому тёзке?

– Почтительно.

– Почтительный Саня! Мне ни одна собака не звонила?

– Нет.

– И ни одна кошка?

– Тем более.

– Какой-то собачий заговор...

Упоминание о собаках оживило Севу:

– Путь к сердцу Рождественской лежит через собаку Дэзи.

Майка кормит свою Дэзию курицей, а мужа полуфабрикатами... Кстати, Тань. А как поживает наш доблестный Марксик?

– Гуляет. Выздоровел. Вчера отмечали день его рождения. Мила захлопала в ладоши:

– Тань! По такому поводу я предлагаю попросить фотохронику ТАССа заснять Марсинюшку и разослать снимок во все мировые агентства!

– Это никогда не поздно! – просияла Татьяна. – Так вот... По случаю деньрожки закатили такой крутой бёзник!²³⁴ Марсика обкормили шоколадом до поноса! Я не выпалась. Три раза за ночь вставала к нему! Дала кой-какой микстурки и к утру понос отвязался.

– О! Победа! Так за это надо выпить!

– Ну ты мне сейчас не говори. Я вся затюканная. Вот оттюкаюсь, отпишусь с задания...

²³⁴ **Бёзник** – вечеринка по случаю дня рождения.

3 марта

Дома я подарил Надежде гэдээровского медведя.

– Я хотела белого. Русского.

– Цени импортного зверя. На морде интеллект. Глаза наивные. К бантику я пришила ленточку на твой вкус «Медведь, ни фиги не секущий в городской любви».

– Ладно. Не медведь, а блеск.

Я угощал Надежду своими блинами с маслом и икрой.

Я пёк и тут же, ещё горячие, отдавал ей.

– А вот этот у тебя не доварился, – подколола она.

– В желудке доварится. До трюфеля.

Я тронул её за плечо.

– Э-э, брэк. Не приставай. Будет скандал на весь аул.

– Не считая кишлака?

– Мне не до этого.

– Ты чего какая-то чужая?

– Будешь чужой... Уже месяц прошёл! А у меня не идут.

Ты не мазнул?

– Да как я мог?! Слово тимуровца! Только я не могу поручиться за вечер, когда ты без меня была на дне рождения у братца.

– Ты серьёзно?

– А ты как думаешь?

Я приложил ухо к её животу. Слушаю:

– Чей ты? Мой или его?
Спи, мой мальчик. Ничего.²³⁵

6 марта

Просто так задумано на небесах...

Татьяна обижена:

– Чужой дядька Романов из науки принёс конфетку. А у нас столько мужиков! Не то что подарить – даже не поздравляют!

Бузулук отбивается:

– А мы присоединяемся к общему поздравлению!

Я отредактировал заметку «Успех вологодских маслоделов» и отдал Медведеву. Он долго читал, скрёб затылок. Резко выпрямился и ко всем:

– А есть в магазинах вологодское масло?

Все вперёбой услужливо загалдели:

– Е-есть!

– Вчера взял в магазине у Киевского вокзала, – сказал Олег.

– И я на днях брала, – заулыбалась Татьяна. – Масло это вкусное. Не бракуйте.

– Не верю! – засердился Медведев. – Да не бываете вы в магазинах! Нету этого масла! Нечего о нём и писать.

И загнал заметку в брак.

16 марта

Машбюро.

Я диктую отредактированную статью Тамаре, жене Медведева.

Молча вошёл Иванов, зам главного редактора.

Тамара наклонилась ко мне. Прошептала:

– Толь, а почему начальство не здороваётся?

– В этом его отличие от подчинённых. Просто так задумано на небесах...

– Да-а... А мы тебе невесту нашли. Богатая. Три комнаты...

Я вскочил, рванул к выходу. Пристально смотрю за дверь:

– Так где она?

– Вернись. Посиди, допечатаю... Двадцать лет. Очень хочет замуж. В спортредакции она. Про тебя мы ей ещё не говорили.

– Ничего. Как увидит меня – сразу остынет.

Из коридорной будки говорю с Надеждой.

Подбегает Новиков:

– На выход к Беляеву!

Захожу к Беляеву.

Рядом с ним сидит вологодский корреспондент Сыроежкин. Листают его папку.

Увидев меня, Беляев побагровел:

– За такую правку автор хочет дать тебе по шее!

Смотрю на Сыроежкина. У Сыроежкина извинительно-испуганный вид.

Беляев щёлкнул ногтем по заметке о вологодском масле:

– Кто так правит? Ты не знаешь законов элементарной правки!

– Эту информацию Медведев забраковал! О чём речь?

– Я не о стиле. Тут ничего... Ты не знаешь корректорских знаков. Речь о технической стороне дела. Есть же обводки... Здесь выброшен кусок, линия не доведена. Как тебя печатают машинистки? Вот скажу, чтоб вообще не печатали!

– О способностях журналиста вы судите по почерку?

– Вот будет аттестационная комиссия. Нарвёшься! Выгонят! Иди... Трудно убеждаемый товарищ. С тобой не договориться.

– Уж измучились... Не знаете, к чему и придраться.

Я возвращаюсь в будку к прерванному разговору с Надеждой.

– Ну, – говорю, – снова ты, красавица всех времён и народов, намылилась в ресторан? Что? Приделась?

– Наоборот. Разделась.

– Знаешь чем нас, мужиков, брать.

17 марта

Ещё одна болтушка появилась у нас в редакции. Милица Панченко. С красным одутловатым лицом.

– Проснулась в восемь пятнадцать, – докладывает она Марутову. – Думаю, посплю ещё... И опоздала на работу.

– Ко дню рождения, – обещает Марутов, – я подарю вам второй будильник.

– Не поможет. Мне надо такую кровать, чтоб в нужную минуту переворачивалась, сбрасывала меня на пол.

18 марта

Молчанов размечтался:

– Хорошо бы Медведеву работать в бюро похоронных услуг. Он бы рьяно всех хоронил. Не пропустил бы подпись на венке «Дорогому мужу от любимой жены». А может, и пропустил бы, не догадайся, что надо писать «от любящей». А я красиво умею писать. Хорошо бы с ним саукались. Мало пришлось бы писать. Он бы всё гробил.

19 марта

Едва Медведев переступил порожек, Калистратов, подтягивая штанишки, вскочил с докладом:

– Александр Иванович! Звоню я в Баку и спрашиваю, как ведут себя наши уважаемые представители Фадеичев и Селивёрстов. Выехали они срочно туда по случаю 50-летия АЗТАГа. Мне ответили: «По пятнадцать человек сели в каждую легковую машину. В данную минуту кортеж движется по улицам Баку. Осматривают город». Я не спросил, есть ли милиционеры по бокам на мотоциклах.

– Конечно! – кивает Медведев. – Фадеичев так не поедет.

Калистратов продолжает рапорт:

– Мне сказали: «Бочки с коньяком уже на столах. Но сегодня скромненько. Основное празднество завтра. Отключаем все телетайпы и начинаем торжество. Просьба не беспокоить!»

Медведев доволен:

– Пусть Новиков – он курирует Аэрофлот – достаёт билеты и езжайте!

Татьяна тут же сориентировалась:

– Я возьму Марсика!

Я закопытился:

– Не надо. Там своих собак хватает.

– Это ещё не всё! – бросает Сева. – Говорил с Тбилиси.

Ни-ко-го! Все слиняли на праздник в Баку. Остался один человек, и тот Воробейчик.

Вошёл какой-то тип, плюхнулся в кресло у стола Медведева и травит анекдот:

– Едут звери в поезде. Заяц нудно играет на скрипке. Лиса: «Перестань! А то я перегрызу тебе горло». – «Пойдём объяснимся в тамбуре». Через минуту заяц небрежно бросает шкуру лисы к лапам зверья: «Ну, кому ещё не нравится моя игра?» За короткое время заяц принёс из тамбура шкуры волка, медведя. Все притихли. Заяц пиликает. Из-за двери высовывается голова льва: «Ну, кому ещё не нравится игра моего аспиранта?»

Звонит Надежда:

– Я, наверно, не приду сегодня. Миша пригласил всех девочек редакции на просмотр фильма «Ночной ковбой».

– Что, без тебя не посмотрят?

– Он не пойдёт на обычном экране. Пойми... Я пойду, да?

– Да иди ты ко всем чертям! – в злости швырнул я трубку.

Через минуту она перезвонила:

– Завтра приходите?

– Как штык!

– А сегодня я схожу в кино. Ладно?

– Иди с Богом и ни с кем другим.

Мне грустно.

Крыша рыдает капелью.

Я побрёл по магазинам пополнить свои пищевые закрома.

Купил пятнадцать пачек пшеничной каши и клинский огурец. Его длина сорок сантиметров.

20 марта, суббота

Я стирал брюки, когда пришла Надежда.

– Ты, кума, на двенадцать минут пришла раньше времени.

Не ломай график.

– На фиг этот график! Скажи, ну ты осознал свою ошибку, что трубку нельзя бросать?

– Она ещё отчитывает? Дай достираю... Ты рано обозначилась.

– Могу уйти! – Она сделала шаг назад. К двери.

– Ну да! Садись на диван.

– Бамбино, ты работаешь только на себя. Ты стараешься, чтоб только тебе было хорошо. Если сегодня не будет мне с тобой хорошо, придётся сделать оргвыводы. Не можешь – не лезь!

– Ну что? Есть порох в пороховнице?

– Чуть на доньшке.

– А под этим доньшком клад. Завтра будет лучше. Днём я поработаю на овощной базе, поднакоплю силёнок...

– И фигня выйдет! Ты весь уйдёшь в картошку с капустой и никому больше ничего не останется...

21 марта, воскресенье

На рафике от здания ТАССа едем на Хорошёвскую овощную базу. Затаривать картошку.

Нас семеро парней и одна дева.

Мы с одним малым вилами бросаем картошку на жёлоб-гроб, шестеро перебирают. Хорошую в мешки, плохую в корзинки.

За работой вспоминаем всякие свои истории.

– В Боге я начеMODанился в стельку. Лёг в теньке аэропортовского забора. Полиция подняла. Стала на всех языках мира спрашивать, откуда я. На каждый вопрос я молча отрицательно мотал головой. Подвели к карте. Тычут в Россию – мотаю головой. Франция? Мотаю. Повезли в порт. А там суда со всего света! Водят от судна к судну. Тычут в названия... Мотаю, мотаю, мотаю... Молодца! Не выдал святую Русь!

– Везде и всюду ругаются только по-русски!

– Почему?

– Хлётко. Броско! Доходчиво! Богатый выбор. Только у русского народа мог появиться такой здоровый мат!

– А я читал лекции в камере хранения.²³⁶

– Разве там ещё есть такие, кому нужны лекции?

– Ещё сколько! Сидят и за идею. Как дал под штангу – сел. Дал – сел...

²³⁶ Камера хранения – тюрьма.

Грелись у костра. Пекли картошку.

Сбросились по рублю. Взяли три бутылки газировки.²³⁷

Тамада разливает:

– Ну! По солнцу!

Я выпил из кружки не всё. Остальное выплеснул. И больше не стал пить.

Народ оскорбился:

– С солнцем творится что-то не то...

– Ой, хлопчики! Провожали меня на базу жена с тётшей.

Сказали: «Эх, беда... Не удивимся, если придёшь уквашенным».²³⁸ Ответил: «Я не собираюсь вас удивлять». И сдержал своё слово.

²³⁷ Газировка – водка.

²³⁸ Уквашенный – пьяный.

23 марта

«Мощь Самотлора»

С утра я набросился на свежие газеты. В лихорадке ищу свой материал «Мощь Самотлора».

Севка не ко времени липнет:

– Почему ты, – тряхнул он заметкой, которую я отдал ему после правки, – не погасил Сумгаит?²³⁹

– Неужели не ясно, что есть такой город?

– Ты умный – я дурак. Я не знаю, что есть.

– Ну вот... Скромность заговорила...

В газетах я не нашёл своей классики.

Полез в плотные листы вестника и наткнулся на бомбу.

Сообщение № 1-52 («Мощь Самотлора») – с н я т ь. В газетах не публиковать, по радио не передавать.

Во мне задрожало всё, что может дрожать. Почему сняли? Я побежал в туалет подумать.

Всё прояснилось несколько позже.

Медведев сказал:

– Анатолий! Вчера мне домой в десять вечера звонила Рождественская. Она давала твой материал. К ней пристал с каким-то вопросом по заметке сам Вишневецкий и распоря-

²³⁹ Все собственные имена в тассовских заметках сверяются в справочной и гасятся на полях галочкой: всё верно.

дился не давать до выяснения.

Дождались Майи. Она была в жёлтой кофте и в жёлтой юбке.

Севка хмыкнул:

– Какая-то вы сегодня вся жёлтая.

Майя кисло отмахнулась:

– Никак не выйду из цыплячьего возраста.

И ко мне:

– Что будем делать с твоим материалом?

– А делать ничего не надо. Нужно лишь первый абзац дать в такой редакции: «Самотлорское нефтяное месторождение – самое крупное в Советском Союзе. Это подтвердила Государственная комиссия по запасам полезных ископаемых».

– И неясностей больше нет! – пристукнула Майя ладошкой по столу. – Сейчас же даём повторно!

25 марта

Аргумент

Позавчера Татьяна отдала Олегу долг. Сто рублей.

Олег торжественно потёр пухлявые ручки:

– Срочно бежим кушать шашлык!

А продолжение было тоскливое:

– Встретились друзья... Сидим... Смотрю на часы... Нужно два раза вернуться в ТАСС! Да как уйти от пошла на столе? Всё же прихожу. Медведёв: «Ну как, Олег, шашлык?» – «Хорошо-с!» – «Я напишу докладную. Где ты был три часа?»... Да-а... Уже сегодня моё имя произносилось на планёрке среди злостных недисциплинированных товарищей. А-а-а!

Калистратов хихикнул:

– Какой мощный у тебя аргумент «А-а-а!!!»

Олег на глубоком выдохе:

– Есть на свете много дураков, и все они почему-то собрались в РПЭИ!

Татьяна пальнула:

– И ты главный дурак!

Калистратов почесал плешинку:

– Главдур Бузулук. Так и запишем.

За шкафом застучал телетайп.

– Психическая атака продолжается. Заговорил великий

немой! – сообщил Олег. – Лучше бы ты помолчал... А впрочем, что ты, друже, нам подослал? – заглянул Олег в ленту, выползала из аппарата. Пробежал несколько строк и поморщился: – Ничего интересенького.

Милица присмотрелась к Олегу и взвизгнула:

– Смотрите! У Бузулука прическа из девятнадцатого века «Порыв ветра»! А мне за причёску дадут Ленинскую премию. Мыла в молоке. И волосам питание, ума больше...

Татьяна Новикову:

– Володь, отпусти меня за гвоздиками. Куплю греку своему. Сегодня – 150 лет независимой Греции!

Новиков замялся:

– Если бы для Марсика... Без звука отпустил бы. Ну, ладно. Греку тоже надо. В одном же обществе... Иди.

Милица заметила:

– Покупать мужчинам цветы неэтично. Лучше бы бутылку конины...²⁴⁰

– Он у меня не пьёт.

Татьяна важно направилась к двери.

Олег провожает её тоскливым взглядом, покачивает головой:

– Раздайся, грязь, говно плывёт... Как мартышка ни красилась, всё равно красная... Пошла ворона лебединой походкой и забыла, кто она. Как ни крути корова хвостом, лошадю не станет...

²⁴⁰ **Конина** – коньяк.

Вчера я отгуливал. Стоит уйти на день, и тут как тут нововведение. Теперь в книгу записывают, кто чем занят в течение дня: такие-то работают, такие-то в отгуле, такие-то на задании.

Молчанов предлагает:

– Давайте пошумим, пока начальства нет. Медведева нет. Новикова нет. Нештатного замзава Аккуратовой нет. А графа мы не боимся.

Я вопросительно уставился на Молчанова. Кто ж у нас граф? И Молчанов выкладывает Марутову:

– А Санжаровский у нас из графов.

Марутов заржал:

– Вот что сделала революция! Был граф. А кем стал? Литсотрудником РПЭИ!

Олег сердито сплюнул и вышел.

Скоро он вернулся совсем другим.

Калистратов спросил:

– Оль, ты чего повеселел?

– Я рад! Уже известно решение. На три месяца меня переводят из литсотрудников в доставщики. Буду носить вам заметки. Чтоб я ваши поганые рожи не видел!

Новиков виновато заулыбался.

– Да, Володь! – рубил Олег. – Можно оседлать мула и ехать на нём через пустыню. Он ни пить, ни есть не просит. Но придёт время, когда он споткнётся... Вот и я... Отдуплился... Популизатор Бердникович носится по редакциям,

подговаривает на профсобрании сегодня защищать нашего Медведя.

Не хотел я этому верить. Но когда я пошёл на обед, в коридоре меня перехватил Бердникович, взял под локоток и по-лисьи проворковал:

– Надо нам встретиться в четыре тридцать в вашей комнате. Надо обязательно выступить в защиту авторитета вашего руководителя. Медведев не может работать с людьми, а как журналист он ничего. Критиковать надо. Но не слишком.

Вот и собрание. Шинкуют Бузулука.

Говорить шашлычную правду у него язык не поворачивался, он выкручивался ужом:

– Я не пить ходил, а был в своём министерстве с плановым заданием.

– А почему не отпросился?

– Отпрашиваться тошно. Не могу отпрашиваться. Унижаться не хочу.

После наводящих вопросов не признал себя виноватым. После более настойчивых наводящих вопросов пообещал больше не нарушать дисциплину.

Великанов настаивал создать комиссию и разобрать по косточкам работу РПЭИ. Наш Новиков кричал, что всё в нашей редакции нормально.

– Но трое фрондируют. Бузулук, Петрухин, Молчанов. Делают заявления.

– Заявления можно делать и безответственные! – отби-

вался Новиков.

Потом насели на Медведева с допросом, почему Бузулуку, журналисту высшей квалификации, не дали ставку спецкора, а загнали в доставщики. Ему же надо троих кормить!

Медведев прикинулся овечкой:

– Я не помню, как стоял вопрос о Бузулуке.

Олег ядовито хохотнул:

– Мать-автоматика сработала. Зато у нас Аккуратова спецкор. Я не могу так просить Медведева, как она... Ничего...

Собрание кончилось. Стали расходиться.

Олег не двигался с места, в недоумении качал головой:

– Эх, жизнь... Бьёт ключом. Разводным. Да всё по голове, по голове. Ну!..

И трудно усмехнулся:

– Недолго Дашка трепыхалась
В злодея опытных руках.

2 апреля

Шутка

Весь день на выпуске считывал с Бердниковичем материалы 24 съезда КПСС.

Этот Бердникович ещё тот лис. Как бы между прочим пояснил свару с Марутовым:

– Хотел, чтобы я с ним скорешился.²⁴¹ Разбежался свалить Беляева. Да я его самого, этого Марутика-прутика, об стол

...

Вечером у выхода из ТАССа меня ждала Надежда.

До метро мы шли с Севкой.

Мы с ним подошли к пивному ларьку.

Вот уже наша очередь.

Сева засуетился:

– Отойду позвонить.

В переводе это звучит так: пока ты плати, а я отойду, не буду тебе мешать расплачиваться.

Я взял три пива, при бутера.

– А девушка где? – спросил Севка.

– Стережёт мой портфель. Она скромнюха.

– Нехорошо оставлять девушку одну. Зови.

Конечно, позвал.

²⁴¹ Скорешиться – подружиться.

Выпили.

Мне не понравилось, что Севка распускал мокрые крылышки перед моей матильдой. Я её под локоток, Севке кивок, и мы с ним расстались.

– Как тебе Сева? – спрашиваю Надежду.

– Болтун с седыми висками. Неужели у вас в громкой конторе нет ни одного приличного мужика-красавца?

– Нет. Если не считать меня.

– Ты не видел, как Сева сунул мне телефончик?

– Дай сюда! – Я стал свирепо всю её ощупывать. – Я ему в плевало дам!

– Шучу. На тебя слишком подействовало пиво.

3 апреля

Девчонку звали Дездемоной...

Хоть и суббота, работаем в полном составе. Работает съезд – работаем мы! Таков приказ.

Утром сбежались – работы нет. Чем заняться? Трёпом.

– Подружка у тебя хорошая, – говорит Сева. – Только худоватая. Доска, два соска. Зато весёлая. Теперь что? Жениться на ней надо? О-о... Все женщины хороши лишь в агитационный период. До женитьбы. А вдруг алименты? Кисло отстёгивать от своих трудовых тугриков четвертую долю во все восемнадцать лет!

Под воображаемую гитару мурлычет Олег:

– Девчонку звали Дездемоной...

Я фыркнул:

– Тоже мне Отелло...

– Подъебнёшь, когда с мельницы придёшь! – окрысился Олег. – Я сам в муке и кое-что в руке. Это я знаю. У меня за кормой тридцать лет. Эх, бывало, заломишь шапку да запустишь оглобля в коня! Надежды юношей питают...

Позвонила подруга жены Олега.

– Ну ты вздохнула полной грудью? – спрашивает Олег. – Не поняла? Оно и ясно. Они ж у тебя маленькие. И в надутых резервуарах?

Подруга обиделась и бросила трубку.

Олег вернулся с выпуска с забавкой:

– Крутикова взяла меня за лацкан, и Майка тут как тут с советом:

– Взялась за грудь – скажи что-нибудь.

Ермакову занесло в фольклор:

– Отгадайте загадку. Сколько человек уместится в спальном корпусе на 150 мест? Никто не знает? Триста!

Со своим анекдотом высунулся Севка:

– Слепой собирает грибы. Щупает палкой. Нашёл. Нюхает: «Подосиновик». Кладёт в корзинку. «Белый... Говно. Хорошо, что не вступил». И второй. О любовнице капитана: «Спит в вашей каюте, носит вашу фуражку и говорит, что вы свинья».

Надоедают и анекдоты.

Севка предлагает:

– Давайте лучше по рублю!

Все хором:

– Давайте!

В магазин снаряжают Молчанова с моим портфелем.

Я пристраиваюсь почётным эскортом сопровождать свой портфель.

Лучше поболтаться на улице, чем тут изнывать от безделья.

5 апреля

В любви, как и в политике, правда до хорошего не доводит.

Т. Айвазова

ПРОДЕЛКИ АБРАМОВА

Как-то нечаянно получился у Сани Петрухина день воспоминаний.

– По словам стариков, до революции в нашем здании было то ли модное ателье, то ли доходный дом с увеселительными номерами, – рассказывал он. – Слабые отголоски весёлой прошлой жизни доплескались до наших дней. Тела давно минувших дней... В молодости у Марутова Гарегина Гарегиновича была любовницей сладенькая конфетка Александра. По совместительству была она и любовницей главного редактора Абрамова. Поэтому она была ведущим репортёром. Гарегина Гарегиновича она называла Георгин Георгинович.

Много раз Александра была на приёмах у Сталина. Имела специальный кремлёвский гардероб. Он стоял в кабинете Абрамова.

Однажды Абрамова круто занесло.

Перетараканил он всех молодых баб своего этажа, вверенного ему родной партией, и привёл молодую мороженщицу с ящиком на колёсиках прямо к себе в кабинет.

Абрамов решил отдохнуть. По его разумению, смена женщины – это уже заслуженный отдых.

И вот явилась мороженщица.

Этого никак не могли стерпеть тассовки. Прежде, когда он менял тассовку на тассовку, все молчали. Свои! Сочтёмся!

Но притащить клавишу лохматую с улицы!?

Одна из его бывших рванула к генеральному директору Пальгуну.

– Николай Григорьич! Николай Григорьич! Что сдеялось! Наш Абрамов выходит у нашего входа из машины и видит: перед ним катит молодуха ящик с мороженым и орёт на весь Тверской: «Вкусно!.. Питательно! Купите обязательно!..» А он глянул на неё, на эту кларку целкин, и облизнулся: «Ты сама вкусней твоих стаканчиков! Айдайко ко мне в контору. Весь ящик беру!» И клумба завернула в нашу дверь! Всё на моих глазах! Привёл мороженщицу и закрылся в своём тупике!²⁴²

– Наверное, он захотел много мороженого.

– Мороженщицу! Пойдёмте посмотрите!

– Неудобно подсматривать.

– Дома неудобно. А здесь, на работе, надо! Чтобы другим неповадно было!

²⁴² Тупик – кабинет.

– Пожалуй, резонно... Ну что ж, давайте попробуем совершить прыжок в неизвестность...

Пальгунов спустился с небес на четвёртый этаж.

Абрамовский кабинет закрыт.

Вежливо постучал.

Никакой реакции из-за двери.

Принесли запасной ключ. Коварные женщины этажа держали его наготове на всякий случай.

И вот случай явился не запылится.

Входит Пальгунов.

Биатлон²⁴³ не прерывается.

Абрамов был компанейский малый и, продолжая сбрасывать давление на горячей мороженщице, лишь повернул голову в сторону вошедшего и вежливо сказал:

– Подождите, пожалуйста. Потом я вам уступлю по старшинству.

Генеральный деликатно вышел и снова вернулся с подписанным им приказом об увольнении Абрамова.

Абрамов соскочил с пилорамы, застёгивает торопливо штаны.

Пальгунов милостиво:

– Не застёгивайте ваши штанишки. Можете продолжать.

– Вы любезны.

– Не менее вас.

– Я виноват, что не уступил сразу.

²⁴³ **Биатлон** – половой акт.

– Будьте мужчиной. Не раскaiвайтесь. Продолжайте. Да благословит вас Господь.

После ухода Абрамова (сейчас он главный редактор на радио) Александрова стала учётчицей печатаемости тассовской информации. Она просматривает газеты, вырезает тассовские куски, разносит авторам, ведёт ежедневную ведомость, где указывает, сколько и каких материалов сдала каждая редакция.

Из ведущего редактора она превратилась на старости дней в девочку на побегушках. Только по-прежнему держится важно, носит чёрную бабочку, которую видел сам Иосиф Сталин.

Старикам ТАССа это примелькалось, стёрлось. Молодые же ничего не знают об этой бабочке.

– И партайгеноссе Шишков, – добавляет Саня, – жгуче любил чужих женщин. Ка-ак он любил машинистку Виноградову! До парткома дело докипело. И Лукьянов был легендарный ходок по клубничке, и Герман, начальник отдела кадров, не раз подгорал на женшенихах. Он рекомендовал меня на работу за границей. А я, тупарь, не пошёл. Теперь я частенько говорю себе: «Дурак ты, боцман! И шутки у тебя дурацкие!»

9 апреля

Мжаванадзе

В конференц-зале была встреча с Мжаванадзе.²⁴⁴

Решили сделать снимок.

И с кем же захотел сняться Мжаванадзе?

Он усадил рядом с собой нашу Лидочку Шергину, техническую секретаршу. Она бальзаковского возраста, белокура, мила.

Василий Павлович был любезен. Настойчиво приглашал приезжать в Грузию.

– Да-а, – сказал Медведев. – Вот приедет она в Тбилиси с этой фотографией, покажет на вокзале, спросит, как пройти к этому человеку. Её золотом осыпят и разорвут на радостях.

– Мы все просто зверски завидуем ей! – пыхнула гневом Ермакова. – Вот лет через тридцать напишут историю снимка. Напишут о Лиде, а не о нас. И было у неё всё просто и естественно. Позвали – села и снялась. Обыденно. Не было у неё никакой подготовки, никакого маскарада. Как у Евтушенко. Утром он пьёт водку и заедает мясом с кровью. Вечером, чтоб не горели щёки румянцем, пудрится и наводит синяки под глазами, чтоб выйти на сцену «юношей бледным

²⁴⁴ Василий Павлович Мжаванадзе (груз. ვასილი მქავანაძე) (1902 – 1988) – первый секретарь ЦК КП Грузии (1953–72), кандидат в члены Президиума-Политбюро ЦК КПСС (1957–72).

со взором горящим».

12 апреля

Наша бригада вернулась с работы в Кремле на 24 съезде. Медведев в белой рубашке. Как покойник.

– Александр Иванович! – подлетела к нему Аккуратова. – Расскажите же о главном ляпе журналистов на съезде. Ка-ак появились после поминальника усопших вождей эти дурацкие «Аплодисменты» в «Медицинской газете»!?

– А-а! – кисло махнул он рукой. – Конечно, это дичь. В своём докладе Подгорный²⁴⁵ просил почтить память Ворошилова, Шверника, Хо Ши Мина... И после перечня усопших медики всадили в скобках свои «Аплодисменты». Ещё бы поставили, как мы иногда даём в торжественных отчётах: «Продолжительные аплодисменты, переходящие в бурные овации. Все встают». «Медики» сразу ткнули пальцем в крайнего: так передал ТАСС. Вся наша доблестная бригада в полном составе дрогнула. Проверили. Не давали мы так. Оказывается, ответственный, он же безответственный, секретарь медгазеты взял гранки «Гудка». Секретарь «Гудка», чтоб потом не перевёрстывать, вставил «Аплодисменты» там, где предполагал. Эту ориентировочную полосу взяли «медики» и без поправок дали. «Гудок» после внёс уточ-

²⁴⁵ Николай Викторович **Подгорный** (1903 – 1983) – Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977), член Президиума – Политбюро ЦК КПСС (1960-1977).

нения в соответствии с тассовскими и, естественно, вышел без ошибок. Письмо пришло в ревизионную комиссию съезда дней через восемь после публикации. Какой-то архибдительный читатель с Колымы прислал. Зато никто из кремлёвских вождей этого подвоха не заметил.

– Тяжко нам досталось, – разбито тянет ивановский корреспондент Баринов. Он был включён в бригаду. – Выдали двадцать пять страниц поправок к речи Брежнева! И вдруг: «Баринова – к генеральному!» Бегу. «Дайте отклик на съезд с оттенком лирики». О-о... Тяжела тассовская лирика. Голову в руки, строчу. Дал! Нет генерального. А Ошеверов, зам, прочитав, тоскливо сморщился: «Слишком лирично». И мой шедевр полетел в корзинку под столом.

14 апреля

Пустые трудовые ряды

9.03.

Бузулук по телефону:

– Коленька! Забеги.

Вошёл Великанов, заместитель председателя профбюро.

– Коль! – говорит ему Олег. – Ну что за дела!?! Смотри, пустые трудовые ряды. Вот парторг Новиков опоздал на три минуты. Я рублю ему в очко!²⁴⁶ Нет Медведева. Он с одиннадцати. Нет Аккуратовой, Калистратова, Марутова, Петрухина, Панченко. Где они? За дисциплину обсуждали Бузулука. А где эти? Эти негодяи?

Вальяжно вошла Аккуратова.

– Вот, – показывает на неё Бузулук, – на семь минут! Записывай, Коля.

Выглянув за дверь, Молчанов доложил:

– Косильщик Калистратов с толпой вразвалочку дефилирует. Еле шевелит тухлыми помидорами.²⁴⁷ На одиннадцать минут опоздал!

– Товарищ Калистратов, – говорит Коля, – входите живей. Почему опаздываете?

²⁴⁶ Рубить в очко – говорить в глаза.

²⁴⁷ Шевелить помидорами – идти.

– Спроси Татьяну Сергеевну Смирнову, твою шефиню. Из-за неё! Лифт вызывали. Вежливо говорили. С почётом сопровождали. Я не знал, что дисциплина – хобби Оноре де Бузулюка. Недавно профком разобрал этого Оноре за отсутствие на работе в течение трёх часов. Или это – прилив после накачки домашних: Лизы, деток и иже с ними? И он тебе накапал, минуя нашего профорга Санжаровского. Бузулюк нарушил конвенцию, устав... Толя, – кивнул мне Сева, – поступило предложение разобрать Бузулука за нарушение профсоюзных норм. А тебя, товарищ Бузулюк, мы ещё проверим на работе, на качестве правки. Это хобби мы у тебя отобьём!

– Я удивлена, – принципиальничала Татьяна, – откуда у Бузулука такая злость? Скорее приходил бы Медведев, чтобы была тишина.

Олег окрысился:

– С твоим желанием тишины жить бы тебе на кладбище!

Я предупредил:

– Там покойники сильно храпят, и хнычут по ним живые.

– Укромное местечко можно найти, – сказал Олег. – Скажи, Толя, этим опоздунам пару горячих слов! Кинь перчатку им!

Я усмехнулся:

– Тепло. Перчатки уже не ношу. Бросил дома.

Подсуетился Калистратов:

– Толя, поступило предложение. Говори. Все опоздавшие

возмущены. Если это была проверка, то надо предупредить. И мы бы не опоздали. А то наскоком. Кто так делает? Несolidно.

Олег выкрикнул:

– На то и проверка, чтоб проверить!

– Это самозванство! – стоял на своём Калистратов. – И никто не давал тебе на это право. Из каких побуждений ты это сделал?

– Наверно, из высокой гражданственности, – предположил Марутов. – Не по делу выступает.

– Он спит и её видит, – пискнула Панченко.

– Я вижу вас, опоздавших собак! – не сдавался Олег. – Вы не имеете права говорить. Сидящий в трамвае не говорит со стоящим!

– Почему? – удивился Севка. – Сидящий может спросить: «Вам не надоело стоять? Если надоело, я уступлю Вам своё место».

Бузулук пристукнул ладошкой по столу:

– Обсуждаем вас, а не меня!

– Только тебя! – стукнул по столу кулаком Калистратов. – Долго ли продержишься? Сегодня же с обеда не вернёшься, куда-нибудь залетишь.

– Этот хулиганистый бой за тишину мы продолжим, – пообещал Олег и вышел.

Сева просматривает «Правду» и бледнеет:

– Это что за подлянка?! – поворачивается он к Петрухину

и встаёт, в гневе подходит к Сане. – Твой «Пример для нас» в самой «Правде»!

– Ты слишком огорчён? – ядовито спросил Саня.

– Я слишком возмущён! – пальнул Севка. – Вчера в «Гудке», в «Красном воине». Сегодня в «Правде»... Что это значит? Наш Саня побежал в рост! Почему ты это делаешь?

– Должен же кто-то дело делать? Я делаю. А вы только гоняете порожняк – бракуете не по делу... Медведев сказал, что эта моя заметка ТАССу не нужна. Я отнёс туда, кому нужно. В «Правду»!

– Ты не доработал то, что от тебя требовали!

Молчанов похлопал в ладоши:

– Хватит травить баланду! Дайте работать!

– Валька! – ворчит Панченко. – Тебе место не в редакции, а на кухне.

Бузулук театрально простёр к Молчанову руки:

– Воспитанник коммунальной квартиры! Лучший хулиган промредакции Вэ Молчанович! Работайте на благо Отчизны в поте лица! Пожалуйста!

Незаметно Олег подкинул кнопку вверх острым на стул Калистратову. Сева наругался с Саней до сблёва, вернулся к своему месту, сел и с криком подскочил.

Бузулук засиял.

Наконец-то он отомстил этому варягу!

17 апреля

Субботник

Сегодня всесоюзный субботник. А завтра Пасха.

За субботник я отработал на овощной базе в марте.

Сегодня я дома. Иду искать в домах на слом фанеру для потолка.

Везде костры. Субботник!

Я увидел, как к костру подъехала машина со штакетником. Неплохие дровишки!

Парни стали сбрасывать штакетник прямо в костёр.

Я подбежал к водиле, накатился уговаривать, чтоб отвёз штакетник мне.

– Сколько, – спрашиваю, – тебе за машину?

– На две бутылки.

Вдруг крики:

– Машина горит!

Водитель немного отъехал и стал рукавицей стирать с борта закипевшую краску. Ещё немного и машина взлетела бы. На воздух. С моим участием.

Мы дунули к брошенным домам. Накидали ещё штакетника. И повезли ко мне.

У переезда кирпич. Нет проезда!

Я к старухе-сторожике:

– Пустите! Субботник! Случай такой. В честь съезда пар-

тии! В честь рождения Ильича! Наконец, в вашу честь!

– Ну раз стокушко чести... Ехайте.

Дома я отдал водиле пять рваников.²⁴⁸

Я выкупался в тазу из чайника и вечером уехал дежурить к Воскресенской церкви. У телеграфа.

Там ко мне подъехала Надежда.

– Как у вас субботник? – спросила она. – А в доме отдыха «Берёзки» нашего издательства пили водку, жарили шашлыки и жгли листву. Слушай, когда кончится служба? Это долго? Я устала. И чего я согласилась... Какая я дурр-р-рка!

Правда?

– А ты всё сомневаешься?

Собрались все наши дружинники.

Надежда горячим взглядом прочёсывает тассовскую рать и скептически говорит:

– Неужели у вас нет ни одного приличного, роскошного мужика?

– Конечно, нет, если не считать меня. Между прочим, я повторяюсь.

Стадом бредём в 83-е отделение милиции.

– Товарищи! – инструктирует начальник от деления. – Вы знаете, мы пригласили вас охранять верующих от хулиганов. А то принесёт старушка кулич святить – отнимут. Нехорошо. Она плачет, а нам стыдно. У Воскресенской церкви крестного хода не бывает. Поп там прогрессивный. В столетие Ле-

²⁴⁸ Рваник – рубль.

нина вывесил на церкви красный флаг. Мы сняли. И взяли с него слово, что не вывесит через сто лет в день Ленина. Пообещал не вывешивать. Следите за молодёжью. В двенадцать – отсюда по бою кремлёвских часов слышно! – поп выходит с кадиллом и поздравляет. Верующие ему отвечают хором: «Христос воскрес!» А хулиганы кричат: «Ура!» Потом как-то было крикнул один: «Батюшка! Выдели на бутылочку. Подорожала!» Чего только не было... Всё это в порядке юмора. Следите, чтоб не было хулиганских криков. А вообще у нас не было происшествий на Пасху.

Из милиции идём к церкви мимо каких-то бань.

– Эти бани, – говорит Витя Мовчан – были вместе в колхозе, два года он работал в Африке, – напомнили мне случай из практики. В ИМО, где я учился, дали задание написать историю в три фразы о самом забавном. Я и написал: «Пошёл я в баню. Говорю одному в спину: «Потри мне спину, а я тебе тоже потру». Тот оборачивается – декан!»

Дежурство у церкви прошло безо всяких чепе, и в половине второго ночи я был дома.

18 апреля

Дрова есть, можно жениться

Пасха.

Весь день рубил штакетник на дрова.

Маме это не понравилось бы. На Пасху она не разрешала работать. Я бы тоже был готов запретить самому себе сегодня эту чёртову рубку, но разве кто-нибудь другой наготовит мне на зиму дров и сложит их в сарайку под верандой?

Надо всё самому.

– Э-э! Ребятунки! Не надо бы так... Вы ж братовья друг дружке! – выговаривает за плетнем баба Катя.

– Озорничают? – кричу я ей. Она немного глуховата.

– Это невозможно! Сиську мамкину не поделили и ну шинковать²⁴⁹ другу дружку. Так и гляди за ними. Не отойди и на шаг. То и дело разымай. А то ну слабого сильный обидя! Куда это так? Цельный день и торчу возля ниха. Трудное время у меня. Ну девятерых принесла старательница! Стахановка моя!

Бабка ласково поглаживает охающую хавронью за лопушками ушей, любитесь, как все девятеро её деток кормятся.

– Толь... Я что хотела... Я с вечера говею без света. Иль лампушка забастувала, иль патрон там чего хулиганя. Ты б

²⁴⁹ Шинковать (здесь) – кусать.

глянул.

Я молча иду в её комнату.

Так и есть. Лампочка перегорела.

Я вставил свою.

Бабка не нарадуется:

– Ты молодец. Дрова есть, можно жениться. Парень ты ходовой. Не наахается какая...

– Наплачется.

– Это ты наплачешься. Молодёжь какая сейчас? Она не пойдё, как я: одна нога в бумажном носке, а другая в шерстяном...

Я улыбаюсь и снова берусь за топор.

19 апреля

Вошла какая-то старушка из соседней редакции и спрашивает у Бузулука:

– У кого можно проконсультировать информацию по стали?

Олег грохнул себя кулачищем в грудь:

– Только персонально у меня!

О стали они тут же забыли.

– Народу у нас мало, – заныл Олег. – Аккуратова где-то по ветлечебницам мотается со своим Марсиком. Зимой там, за окном, висела марсианская пища. Она своему греку столько мяса не давала...

– А кто такой Марсик?

Марутов жёлчно хохотнул:

– Почётный член нашего большого коллектива!

– А я, было такое, знала Марсика. Из сухумского обезьянника. Да-а... Порядки у обезьян, как у людей. У одного мужа семь жён! Он сидит посредине комнаты. Они от него полукругом на почтительном расстоянии. Бросали конфеты. Он всё брал и ел. Те сидели, жадно смотрели и молчали. Одна обезьяна схватила конфету. Он на неё посмотрел. Криминала не заметил. Она спрятала конфету и испуганно смотрит на мужа. Потом прыгнула вверх и там, за спиной мужа, съела... Как люди. Принесли обед. Маленькая обезьянка взя-

ла кусок раньше вожака. Тут же он её об камень головой. Убил... Марсику подарили куклу. Он носился с нею! Взобрался на дерево и там стал подбрасывать и ловить куклу. А то положит на землю и ждёт, когда шевельнётся. Кто-то тронул ногой, Марсик ка-ак прыгнет... Жалко... Погиб при операции...

20 апреля

Бузулук увидел список премированных за работу на съезде. Калистратов и Аккуратова форсят в списке. Олег был с ними. Но его нет в списке.

Он к Беляеву.

– Сколько раз тебя награждали! – попенял Беляев. – Для разрядки раз можно и пропустить. А где ты увидел список?

– В машбюро.

Запомни. Машинистка, которая показала тебе список, будет строго наказана.

– А её-то за что? Лучше б наказали того, кто не включил меня в список.

– Бузулук! Ты, как Марутов, бегаешь и требуешь себе наград!

– Скажете, незаслуженно? Молчите? То-то ж и оно!

Олег к Бердниковичу:

– Кто составлял список на раздачу слонов?²⁵⁰ Тоже молчите? Делаете два вильсона²⁵¹ в сторону? Вы ж из триумвирата. Глава профбюро! Эх, ну чего бить себя по выступающим местам!

Так Олег и не узнал, кто же составлял список.

– Чем они руководствовались, включая в список тех или

²⁵⁰ Раздача слонов – вручение премий.

²⁵¹ Вильсон – шаг-увёртка.

иных граждан? – спросил он Марутова.

– Симпатиями и антипатиями.

– Вай-вай-вай! Очень жаль, что рано покинул ТАСС Жорик Вайнер.²⁵² Он бы раскопал...

²⁵² Георгий Александрович **Вайнер** – известный писатель-детективщик. В молодости работал в ТАСС.

23 апреля

– Медведёв понёс сдавать свои зубы во вторчермет! – хотнул Олег.

– То есть?

– Будет рвать зубы в больнице.

У Новикова нянька задерживается, и он сидит с двумя дочками.

Бузулук умиляется:

– Сколько у него должностей! Юрист! Работник гражданской авиации! Где-то журналист. А призвание – нянька! Сегодня он кормит грудью невест. Судя по глазам Лиды, она не оставила желания иметь сына.

– Нет, – возразила Ермакова, – она давно оставила эту мысль.

Молчанова шатнуло в философию:

– Тот редкий случай, когда низы хотят, а верхи не могут.

Вошёл новенький.

– А где твоя королевская кровь?

– Я сам король.

– Только королевской крови не хватает.

– Зато у меня дворянская!

– Королевская – колосс, дворянская – блеск!

Вышел после болезни Смолин.

– А-а, Саня! – подаёт ему руку Бузулук. – Ну что, вышел

на вахту?

– Вышел так... Яйцами покрутить.

Беляев курит у нас в комнате и треплется.

Татьяна косится на него:

– Володьк! Не кури. Тут открывают форточку, я замерзаю.

– Не кричи! У меня больше стажа в РПЭИ.

– Стажа больше, но не воспитанности. Пойдём лучше трахнем кофе.

– Сейчас... Доложу... С запуском космической тройки туго нам. Сегодня ТАСС передавал материалы в четыре ночи – лучшее время, когда из центра космической связи поступает информация. Ночью на выпуске заправляет Иванов. Доволен! Говорит: «Ничего не надо. Оставьте одну стенографистку». Стенографисточки все молодые. Спрашивают, может, оставить машинисточку? В машинистках одни старухи. Отбрыкивается от машинисток. Сейчас стенографистки бросили жребий, кому оставаться до утра и спать с Ивановым.

11 июня

Сумасшедший день. И я.

Гость наших рыбаков министр рыболовства Перу должен подписать соглашение. Дела не клеятся.

В килькином министерстве долдонят:

– Соглашение, возможно, будет подписано в аэропорту.

– Это смешное будет подписание.

– В практике и такое бывает.

Уже четыре. Сейчас перуанский министр на приёме у одного из замов Косыгина.

В четыре тридцать в посольстве Перу пресс-конференция. Бегом туда.

Вхожу в предбанник. Встают шестеро. Малый из АПН Михаил Рой:

– Вы кто?

– ТАСС. Санжаровский.

Все подобострастно подают руки. Рекомендуются: «Рейтер», «Франс-Пресс», «Пренса Латина», АПН, радио.

– Но надо, коллега, назвать и имя.

– Анатолий Никифорович.

Шесть кресел вокруг низкого столика с пепельницей заняты. Одно пустое. Моё. Генерал пьёт кофе и тарабанит по-испански.

Посол сидит верхом на подлокотнике кресла и переводит

на французский.

Я в панике.

Я не знаю этих языков. Что я напишу?

Говорю Рою из АПН:

– А почему не переводит на русский?

– Ты один такой. Я тебя выручу. Расскажу.

Я всё ниже опускаю голову. Мне, представителю мирового агентства, стыдно за свой затрапезный видок, за свои пыльные плетёнки вместо лакированных туфель. Я сую ноги дальше под кресло.

Обносят вино.

Я ниже опускаю голову, стыжусь поднять её. И делаю вид, что пишу. Так что я ничего не выпил и совсем не горюю.

На лавочке у Никитских ворот Михаил рассказал мне, о чём говорилось, и полетел я в министерство согласовывать.

Всё в порядке.

Мою информацию взяла «Правда».

Но в эту ночь я не мог долго заснуть. Я сообщил, что он улетел. А вдруг он не улетел? Ну... Понравилось у нас, в самолёте что там заело...

Слава Богу. Ничего не заело. Улетел вовремя.

14 июня

Как прекрасен чистый лист бумаги!

Нашего полку прибыло.

Чантурия Владимир Капитонович.

Татьяна неприязненно окинула его брезгливым взглядом, спросила Медведева:

– И ещё много будете вербовать к нам новобранцев?

– Сколько надо, – буркнул он.

Капитаныч не из трусливой обоймы. Он тоже кисло посмотрел на Татьяну и тихо сронил на вздохе:

– Не так страшен чёрт, как его малютка.

Повисло тягостное молчание.

Татьяна перебирает бумажки – сегодня она ведёт книгу записей поступающей информации – и в панике вскрикивает, потрянув листком:

– Александр Иванович! А ... Это какой-то дикий приказ Фадеичева: «Всем сняться форматом для Центрального телеграфа». Что это за чумовое предписание?

Медведев поднял голову. Думает, как ответить.

Его опередил Молчанов:

– Наша Таня не лишена идейного шатания.

Татьяна встала, достала папироску и собралась на пере-

кур²⁵³ в коридоре:

– Чем нести ахинею, лучше дай, Валь, прикурить.

– Нештатным замам не даю.

Татьяна огрызнулась:

– Лучше быть нештатным замом, чем штатным хамом!

– Да ещё с такими гнилыми брожениями...

Олег повернулся к Татьяне.

– Тань! А знаешь, Мычало – он указал на Молчанова, –
оченно даже прав! Ты вспомни... Хрущёв называл журналистов подручными партии, приводными ремнями партии... Того же требуют от нас и сейчас только другими словами. Партия считает, что ещё не на полную катушку использует боевую журналистскую рать.

– Короче?

– Ещё Горький... Он считал, что человеческая масса, которую получили коммунисты от царизма, неспособна для быстрого свершения великих коммунистических идей. Он предлагал имеющуюся массу уничтожить и нарастить новую, способную...

– Нарастить в пробирке? – вставила Татьяна.

– Ты-то не остри... С массой не получилось. В мгновение всех не уберёшь и не заменишь новыми идейными борцами. А вот журналюги... Они легче на подъём. Их легче перелепить, сделать их главной опорой партии в делах борьбы за коммунизм...

²⁵³ «Перекур – дымовая завеса над простым».

– Ты сегодня температуру не мерил? Ты не перегрелся где?

Медведев махнул рукой:

– Хоть и путано... Зато верно толкует Олег. У нас перепроизводство пишущих людей. Публика эта аморфная... Сказали: напиши про это – написал. Сказали: давай про то. Начирикал и про то. Пожалуйста! Это разве журналисты? Пламенные Борцы партии за её правое дело? Так... И слова путного не подберёшь...

– Так что это за приказ? – не отставала Татьяна.

– Это, – замылся Медведев, – это... Это как бы шифр... С чего начинается Родина, – проямлил он и сконфуженно замолчал.

Капитаныч был конкретней:

– Этот приказ – указание запечатлеть наши лица на случай утраты лица.

Все рассмеялись.

Медведев помолчал, собрался с мыслями и продолжал:

– Этот приказ – звено в цепи создания журналиста нового типа. Наша редакция рассматривается как прообраз, как лаборатория, как ячейка будущего журналистского сообщества. У нас в редакции два поэта – Бузулук и Чантурия, – один переводчик Санжаровский и остальные критики. Публика любопытная. Чего не попробовать? Мы последним числом узнаём, где б соломки надо подстелить. Крепки задним умом. А надо быть крепкими передним умом! Надо предви-

деть! Рассчитывать! Мне ко времени подсунули цитатку из Фридриха второго: «Только тот побеждает, кто умеет хорошо рассчитывать». Мы сейчас разрабатываем памятку для журналиста нового типа. Главный тут Сева. Ему и карты в руки.

– Да, – сказал Сева, – я работаю над такой памяткой. Называется она у меня «Работа не отдых, но и отдых не работа». Памятка направлена на активное поддержание пластового давления в повседневной жизни. Надо быть самоотверженным! Я приравнял в памятке к подвигу выход на работу в отпуск. Если надо – всё этому подчинено! Работать в полную отдачу! Работать не абы как. Прежде чем начать писать, посмотри, как прекрасен чистый лист бумаги! Что ты на нём напишешь? Не покраснеет ли лист от того, что ты на нём скажешь? Когда делаешь что-нибудь, делай назло всем здорово!

Татьяна ухмыльнулась:

– Ну и что ты уже создал?

– Что я создал, за то я плачу алименты.

17 июня

Нашёл в канаве милиционера

Татьяна прорезалась на работе лишь в двенадцать.

– Что было, что было! – аврально воздела она руки на порожке. – В шесть Юрка пошёл в лесок гулять с Марсиком и нашёл в канаве милиционера! Оказывается, вчера он сдал последний экзамен за второй курс. Крепко поддал и уснул в канаве. Юрка привёл его домой. Мокрый мундир в грязи я завернула в газету, отдала ему трико Юрки. Отпоила чаем. Юрка проводил его до метро. Взял его телефон. Прощались... Спасибо, спасибо! Тыр-пыр восемь дыр! И так далее. Поэтому я и опоздала.

18 июня

Звонок от Сталина

*В нашей стране умирают легко, потому что
живут трудно.*

А. Верчук

В «Правде» опубликован некролог о Пальгунове. Гендиром ТАССа был с 1943 по 1960, до ухода на пенсию.

Сначала наши передали некролог за подписью «Группа товарищей». В повторном некрологе появилась фамилия Косыгина. А уж в третьем варианте была вся тяжёлая артиллерия: Брежнев, Косыгин, Подгорный... Восемнадцать человек.

Замыкал список Ошеверов. Он всего с полгода пришёл к нам из «Известий».

Был Пальгунов педант. Носил чёрный костюм, бабочку.

Когда вызывали на приём к Сталину, надевал галстук, держал в столе.

Однажды позвонили от Сталина и велели немедленно прибыть.

Пальгунов долго искал свой удавчик, не нашёл. Забыл взять у Вишневого. И поехал в чём был.

Уже охрана покосилась на него.

Вошёл Сталин, цепко окинул взглядом гостей.

– А кто там, у двери, в чёрном костюме с бабочкой? – спросил Поскрёбышева.

Мальчики Сталина придвинулись к Пальгунову с обеих сторон.

– Это ответственный работник ТАСС, – ответил Поскрёбышев.

– Смелый человек!

И мальчики отошли.

Но стоило Сталину хмыкнуть, гендира тут же запаковали бы.

– По слухам, – сказал Олег, – Замятин собирается послом в США.

– О-о! – кровожадно потёр руки Севка. – Если придёт кто из «Правды», Колёскина сожрут и пуговички не выплюнут! На всякий случай через зад пропустят, чтоб дух колесовский не возродился.

Новиков подошёл ко мне:

– Может, пойдёшь поможешь венки носить?

– Я в безрукавке. Ты что?

– Ничего.

На панихиде в клубе МГУ ко мне подсел один старик:

– Я знал его. Работал с ним восемь лет. Жена его в больнице. Не встаёт. Не знает, что он умер. Не знает, что хоронят. Дочь у него инвалидка. Ей 53 года. Так вот. Меня звали в караул... Не пошёл... Заплачу...

Хоронили на Новодевичьем кладбище.

Новиков сказал:

– Хорошее у него соседство. Рядом академик Парин, скульптор Белашова, министр авиации Логинов, академик Тамм. Пальгунов теперь тоже там. Хорошо.

30 июня

Молчанов:

– Главное напиться и не поскользнуться. Я купил себе трусы, – взгляд на Аккуратову, у неё муж грек, – в голубых полосах цвета греческого флага.

Медведев, убегая на планёрку, наказывает сам себе:

– На планёрке будьте зорки!

Женщина случайно позвонила Калистратову.

Он кокетничает:

– Хотите узнать учреждение, где мы работаем? Да по-разному называют! Меня как зовут? По-разному. Нет, я не забываю. Я назову десятка три имён, которыми меня зовут. Что вы? Что вы? Я не связываюсь с милицией. Я строго блюду заветы старого комбинатора... Я случайно взял трубку. Я не подхожу к телефону. У меня телефонобязнь.

Сева кладёт трубку. Олег серьёзно говорит ему:

– Тебе звонила врач-психиатр.

– Не намекай, что работать надо. Вижу пустой стол. Ну и что? Зато у меня солнцем полна голова! Обжёгшись на девочке, дую на бальзаковку... Я сейчас спокоен. Пример надо брать с Милы (тридцатипятилетняя старая спесивая дева). Спокойна, выдержана, как старое марочное вино.

Вбежал Марутов и в горечи мотает головой:

– Лишнюю строчку убрали... Зато аромат заметки про-

пал!

17 июля, суббота.

С полдня позагорали с Надеждой на нашем кусковском пруду. Потом гуляли по всей усадьбе до самого вечера...

Праздник души...

19 июля, понедельник

Элиста, керчь, нижедевицк

Вскочил рано и побежал в Чухлинку на поезд до Быкова.

Я в отпуске. Поеду к своим маме и братьям в Нижнедевицке. Но сначала полечу в Элисту и в Керчь.

На мои копейки не очень-то и отдохнёшь.

Я выцыганил в журнале «Турист» командировку. Это оплата проезда, суточные. Всё-таки подмога.

Сначала лечу в Элисту. Задание «Туристские тропы Калмыкии».

На дворе только пять утра. Только встаёт солнце.

Самолёт летит быстро.

В Москве было плюс одиннадцать, в Элисте уже тридцать три.

Я чувствую, как жара давит на меня.

Мотаюсь по Чёрным землям. То и дело натыкаюсь на листки «Столовая закрыта. Нет воды». Как люди живут без воды?

Есть не хочется. Пью один чай. Вот экономия!

В три ночи приехал из степи в гостиницу. Кровать горяча. Вот уж жара!

Самолётом в Ростов.

Автобусом до Таганрога.

Морем до Керчи.

Рыбный институт. Плантации мидий.

Аджимушкой. Спускался в каменоломни.

Подземный гарнизон в войну.

Из Керчи домой ехал на поезде.

В Воронеже пересел на пригородный поезд до Рамони.

Оттуда было письмо в «Турист» в защиту реки Воронеж. Надо было проверить и дать короткую заметку в журнал.

Вот наконец-то и мой милый Нижнедевицк...

Отдых дома был трудный.

Это уже в обычай.

Ладил с Гришей погреб.

Цемент, песок, кирпич, вода... Вот мои игрушки.

Раза два позагорал на речке Девице. (Она справа.)

Как-то раз сходил с Гришей в лес за дикими орехами и яблоками. И все прогулки.

В огородчике между кустами помидоров отписывался для «Туриста».

Перегрелся. Под мышкой было сорок тепла. Озноб.

Мама брала какие-то таблетки у медсестры-соседки.

Уцелел.

26 августа

Покаялка

На перекидном календаре на столе я красно написал:

Выход к рампе А.Сана

Вышел к рампе в срок.

Вернулся из отпуска Козулин. Поёт:

– С моря дует ветерок, ветерок.

С юга я везу трипперок, трипперок...

Философ Калистратов делится с Козулиным последними новостями:

– Колюшка Великанов подзалетел со своим орденосным поносом в больницу. Съел огурец, а водкой не запил. Гриб да огурец в жопе не жилец. Ему исправно таскали передачи. Антизнобин наливали в авторучку. Взяла сестричка авторучку расписаться за приём передачи и обнаружила зарядное устройство.²⁵⁴ Насухач загорает теперь Колюшок.

– И чем же он сейчас в больнице промышляет?

– Выводит племенных мандавошек.

Робко, бочком подходит к Калистратову Молчанов:

– Сев! Ты куда засунгарил мой материал? Похоронил?

²⁵⁴ Зарядное устройство – спиртное.

Севка показывает пальцем на папку с готовыми заметками:

– Он здесь, в братской могиле.

Потею над покаялкой.

*Заместителю Генерального директора ТАСС
Ошеверову Григорию Максимовичу
от литсотрудника редакции промышленно-
экономической информации Санжаровского А.Н.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Исполняющий обязанности заместителя заведующего редакцией промышленно-экономической информации Калистратов В.Л. написал на меня докладную, в которой утверждает, что второго сентября я вышел на работу с опозданием на четыре часа.

Дело вот в чем.

Со дня на день я откладывал обмен паспорта. Из милиции напомнили, что за проживание с просроченным паспортом я буду оштрафован. Первого сентября я попросил тов. Калистратова отпустить меня на следующий день в милицию.

– Хорошо. Иди. Только не забудь по возвращении отправить телеграммы, – сказал он.

В своей докладной тов. Калистратов поставил все с ног на голову. Он утверждает, будто бы я

отпрашивался до десяти утра. Это не так. Разговора о том, когда я должен вернуться, не было. Да я и сам не знал, когда смогу вернуться. Ведь в десять часов только открывается паспортный стол. А огромная в полсотни человек очередь? А более часу на дорогу?

В милиции я пробыл до часу дня. что, кстати, подтверждает и прилагаемая справка участкового инспектора. В случае надобности это может подтвердить и начальник паспортного стола.

Я не был предупрежден о времени отправки телеграмм и потому считал, что это можно сделать в течение дня. Ощущения пожарной срочности этих телеграмм у меня не было. В противном случае я либо отправил телеграммы первого сентября, оставшись после работы (я получил их в 18 часов), либо вовсе не отпрашивался бы в милицию.

Я, конечно, виноват, что, задерживаясь в милиции, не позвонил в редакцию. Этого я не мог сделать, поскольку ближе полутора километров не было телефонов-автоматов.

Поначалу я не стал писать объяснительную, основываясь на таких личных наблюдениях. Многие в ГРСИ ходят в рабочее время не только в милицию и к врачам, тратя немало времени, однако никто от них никаких объяснительных не требует. Причина моего отсутствия не менее уважительная.

За три года работы в ТАСС у меня не было ни одного случая опоздания. Факт, который никто не может опровергнуть. В том числе и тов. Калистратов.

8 сентября 1971

С Севкой мы были приглашены на randevу к Ошеверову.

Как поганчук де Калистрато ни рвал попу,²⁵⁵ а ошеверовского выговора так мне и не выхлопотал.

Всё обошлось.

²⁵⁵ Рвать попу – стараться..

10 сентября, День моего рождения

Я во фраке.

С Надеждой ходили вечером в ресторан «Москва».

Мне тридцать три.

Возраст Ильи Муромца.

Хватит сиднем сидеть. Надо идти.

Но куда?

13 сентября

В коридоре перекрик:

– Кто хоронит Хрущёва?

– Баратянц!

Конечно, Михаил Баратянц никого не хоронил. Он просто готовит отчёт о похоронах.

Хрущёв и мёртвый подпекает.

Умер одиннадцатого.

В тот же день об этом первой сообщила Америка.

Американский корреспондент радио Шапиро был близок с дворничихой хрущёвского двора. Носил ей конфеты. Она рассказывала ему, кто и когда бывал у Никиты Сергеевича.

Дворничиха позвонила американу и сообщила о смерти опального вождя.

13 октября

Каждому шкету по паркету

Если у вас нет выбора, значит, его сделали другие.

А. Петрович-Сыров

Генералитет нашей редакции разметало колесовским вихрем.

Медведева воткнули на выпуск, Новикова притёрли в замы зава редакции международных связей.

А кого нам в отцы сунули? Баринова. Корреспондента из Иванова. (До этого был в Сыктывкаре.)

Такой напасти никто не ожидал. Бузулук с Молчановым ополчились против него с первой же минуты:

– Чтобы дергал нас за ниточки из медвежьего угла сыктывкарский барин? Нас, столичных асов журналюг? Не будет этого!

Медвежьим углом у нас звали тёмный угол со столом, за которым сидел Медведев. Есть и другая версия. «Медвежий угол – место, куда взрослые медведи ставят своих медвежат».

– Мы не любим, когда гниды кашляют вслух! – ворчал Бузулук. – Убирая Медведева, нам грозили: вот придет барин, барин вас рассудит. Это барин из северной пурги никогда нас

не рассудит! Нужен нам этот вечно улыбающийся чайник со свистком!

С первого же дня всё покатилося кувырком.

Вот вихляющейся походочкой вваливается опоздавший Молчанов и мурлычет:

– Я пивную не миную... Траля-ля-ля-ля-ля...

Ищи ветра в поле, а нас в «Метрополе»...

Следом тащится Бузулук.

Баринов был странен тем, что он всем улыбался в любом случае. Это всех пугало.

Баринов с приклеенной улыбочкой здоровается и спрашивает у Олега о жизни.

Олег капризно:

– Он ещё задаёт техницкий вопрос, как я живу. Это моё лишнее тело. И, глядя в потолок, тоскливо толкует: «Мечты у нашего народа какие-то скучные: то коммунизм построить, то долги по зарплате получить». Сказано не мной.

Бузулук и Молчанов помыкали Бариновым как хотели. Они решали судьбу каждой заметки. Баринов лишь с улыбочкой подмахивал их решения.

Баринов продержался ровно месяц. С тринадцатого сентября по сегодня. На прощание он сегодня утром положил каждому на стол по яблоку.

На весть об уходе Баринова Олег лишь усмехнулся:

– У матросов нет вопросов и претензий тоже нет. Рыгалетто – рыгай всё лето! Ну что я говорил? Если воробей ро-

дился в конюшне, это не значит, что он жеребёнок!

Так почему же не удержался Баринов?

Марутов под большим секретом кинул свою версию:

– Колесов не взял его, потому что за месяц не смог уволить одного из нас. Баринов просил ещё два дня. Но тот не дал. Только сказал: «Если неугодник в течение десяти минут не несёт заявление об уходе, уходишь ты!»

Сегодня вернулся из отпуска Калистратов.

Олег приветствовал его стишком:

– Де Калистрато нас приветил

И, в гроб сходя, блоху словил.

И Калистратовым заткнули медведевскую брешь.

25 октября

*Всю жизнь пытался строить из себя дурака –
способностей хватило лишь на придурка.*

В. Антонов

Уходя от нас в Дом журналиста на занятие, Сева отечески наказывал Бузулуку:

– За меня пойдёшь на планёрку. Ради Бога не высовывайся. Молчи. Не спрашивают – молчи. Спросят – тоже лучше промолчи.

На планёрке Медведев протащил по кочкам сельскую редакцию. Не миновал и Бузулука: «Олег! У тебя недержание воды. А заслонки поставить не можешь!»

Медведевская распеканция подожгла Олега и, прибежав в редакцию, он зло бухнул Миле:

– Замятин велел сдать подборку о товарах к трём!

Переполох. Панченко в панике.

Аврально забегала.

В семнадцать Калистратов на ватных ножках понёс подборку Иванову. У Иванова глаза на лоб прыгнули:

– Что сдаёте? Кто просил?

Ложь Бузулука всех затрясла.

За десять минут до окончания рабочего дня Сева сказал:

– Олег! Утром ты просил, чтоб я провёл собрание, поскольку некоторые опоздали. Ты в девять звонил с вокзала

и по телефону проверял опоздавших. Кстати, что ты делал в девять на вокзале, когда ты должен был быть на рабочем месте?

– Об этом надо говорить отдельно и тихо. Позже расскажу.

– Ты просил утром обсудить опоздавших. Но ты сам опоздал! Вот лично тебя мы и обсудим! Но главное – почему ты врёшь? Почему ты соврал, что Замятин велел делать подборку? Манкируешь гендировским именем, как напёрсточник!

– Я не говорил.

– Есть четыре свидетеля. Подтвердят, что говорил!

– Мда, – сказал я. – Скоро Брежнев через Бузулука будет давать нам указания...

Татьяна:

– Бузулук! Тебя из дому выгоняет Лиза. Ей надо в присутствие к восьми. Ты провожаешь её до работы и припираешься в редакцию до поры. Не спитесь. А сегодня и сам на полчала опоздал. Знай, что нет надсмотрщика, я б опоздала. А то припёрлась как дурка ко времени.

Калистратов:

– Бузулук работал при всех прижимах. Песенку про журналистов²⁵⁶ любишь, а три строчки тебя обижают. Ты не хочешь давать короткую информацию. Но учти. Не соглашаться с начальством – плевать против ветра!

²⁵⁶ Трое суток шагать, трое суток не спать Ради нескольких строчек в газете: Если снова начать, я бы выбрал опять Бесконечные хлопоты эти. (Слова К.Симонова.)

– Я за санитарию! – вскочил Бузулук. – Брошу плевать. Дамен унд херен! Простите. Сева! Сиди спокойно в медвежьем углу и руководи нами, заблудшими и неразумными. Больше я не буду запускать такие шары.

– А зачем ты всё-таки запустил?

– Из самых добрых порывов! Мила на ходу спала. Отдача от неё была круглая сиротская нулёвка. Чтобы подтолкнуть её, придать хоть малое ускорение, динамику её беспробудной лени, я и болтни непотребь. Тогда мне это казалось верхом удачи. Как мудрые китайцы говорят? Когда не знаешь, куда идти, любой шаг кажется правильным. Счёл я свой поступок единственно нужным и болтнул про замятинский приказ. Доброе желание правило мною!

– Как же линчевать за добрые намерения?

На том дело и усохло.

Когда народ схлынул по домам, Олег сказал Севе:

– Я своё остроёбие угомоню... Проснулся в пять. Державно пукнул и стал собираться. Проводил жену в командировку к раннему поезду. Время до работы было. Толокся на вокзале. Наблюдал жизнь вокзала. Вот еле катит носильщик свою телегу. Того и жди, запутается в бороде и упадёт. Выбрались деревенские бабы с кошёлками из вагона, и одна кричит: «Насильник! Потаскун! Возьми меня первой!». О! Как же прекрасно говорит моя Россиюшка!

27 октября

Утро. В конторе я один. Первым позвонил Олег:

– Я задержусь. Димке покупаю тапки. Скажи Севе, буду через пятнадцать минут. Он неизвестно куда отфутболил мою статью. Я ещё буду ему вихры трепать.

Звонит тут же Калистратов:

– Толя, это Сева. Решил зайти в фотографию. Потом загляну к врачу на перевязку. У меня ножка ещё бо-бо. Если кто спросит, скажи буду через пятнадцать минут.

Какая точность! Каждому нужны лишь пятнадцать минут. Но уже полдесятого. Я всё один.

К одиннадцати вошёл Олег, мурлыча:

– Пехота топчется в пыли.

Капрал кричит: «Рубай! Коли!»

А я хочу рубать компот...

Не знакомый мне парень хлопнул Олега по плечу, и он ответил на приветствие:

– Здоров, Серебристый!

Скоро прибежал Сева и тут же метнулся на планёрку.

Олег тоскливо посмотрел ему вслед, с отчаянием в голосе напевая:

– В твоих глазах метался пьяный ветер...

После обеда Сева накатился на Олега:

– Ты где был с утра?

– Где и ты.

– Хватить морочить пятки!²⁵⁷ А предупредить слабó?

– Я предупреждал Анатолия.

– На пятнадцать минут! А где ещё два часа болтался? Сказать можешь? Сколько говорить? Какова степень усвояемости? Можно надеяться на усвояемость? Колесов на планёрке говорил о повышении ответственности дисциплины. Колесову я должен писать каждый день рапортички: такой-то сидел на месте, такой-то уходил туда-то и на столько... Колесов сам собирается пройти по комнатам и узнать кто где.

– Поделали из нас цепных сторожей, – буркнул Олег, открывая форточку.

Татьяна закопытилась:

– Если тебе надрали уши, то нам не жарко.

– Поменьше бы выступала...

Люся Ермакова пытается из-за моего плеча прочитать, что я пишу в дневнике:

– Толя! А что ты пишешь в ящике? Ты романист или анонимщик? Что ты записываешь? Внезапно пришедшие мысли?

– Внезапно ушедшие! – отвечаю я.

Молчанов:

²⁵⁷ **Морочить пятки** – вводить в заблуждение кого-либо.

– Он напишет роман «Четверть века среди идиотов». А сам я пишу новую книгу «Марсик на работе и дома».

Татьяна:

– Скажи мне одной, а там не волнуйся. Разнесём! И почему ты сопишь, когда пишешь в столе?

– Вкладываю всю силу. Но пишу не про ТАСС.

Молчанов:

– Кто не пишет для ТАССа, того пошлют копать фундамент под расширяющийся ТАСС.

Намечалось построить новое здание в 25 этажей.

Но московскому папке²⁵⁸ плеснула моча в башню, и от 25 этажей уцелел лишь бетонный куб в шесть этажей. Карлик... Карлуша- телевизор...

²⁵⁸ **Московский папка** – первый секретарь Московского горкома КПСС (1967 – 1985), член политбюро ЦК КПСС Гришин Виктор Васильевич (1914 – 1992).

3 ноября

Сопровождал брежнева...

Колесов вернулся из командировки. Сопровождал Брежнева в Берлине и Париже.

При отлёте из Парижа он с трапа суматошно вопил:

– Политический!.. Политический!..

Наш парижский корреспондент Красиков передал материал в Москву, спросил, почему Колесов выкрикивал слово политический.

Оказывается, в советско-французском коммюнике надо выбросить слово политический.

Вошла Аккуратова. Поздоровалась:

– Ав-ав!

Вслед за нею безысходно залилась Панченко:

– Ав-ав-ав-ав!..

Бузулук почти лёг на стол, таращит глаза снизу вверх и тяжело ухает:

– Ув-ув-ув- ув- ув!..

Не редакция, а захудай собачня.

Калистратов притащил с планёрки:

– Клименко получил выговор за то, что на венке Конёнкову забыл указать Совмин, назван только ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР.

Молчанов вздыхает:

– У нас равноправие. Жрать хочешь – берись за нож!

Аккуратова ему:

– Ты не ласковое теля, чтоб две матки сосать.

4 ноября

Вижу лишь её ноги

Скоро праздник.

Светозарный Бузулук поёт:

– С чего начинается Родина?

С поддачи в родном кабаке...

Я сказал Севке, что у меня разболелась нога, и поехал в Люберцы. Надежда купила стол. Надо переплавить в Лобню, где на днях она получила квартиру.

Она встретила меня у магазина.

– Рубль есть?

– Есть.

Отнесла продавцу.

Как добираться до электрички?

Кинул стол на хребет. Тащу. Глаза в землю. Вижу лишь её ноги. Она шла впереди.

За такси с Казанского до Савёловского отстегнул трояк. Сунул в поезд – вошёл Сашка, брат её.

По Лобне целый километр тащил по грязи. Впереди Надежда, сзади Сашка. Уговаривают остановиться, передохнуть. А я знай пру. Без останову.

«Если донесу, мужика покажу. Что-то значу».

Донёс!

Она меня поцеловала, и я, довольный, поехал домой.

6 – 8 ноября

Один.

Надежда сказала, что на праздники поедет домой в Мансурово. Девятого у неё отгул. Будет только десятого.

Отписывался по командировке.

9 ноября

Молчанов:

– Трудно будет сегодня крематорию. Столько жмуриков оприходовать...

Бузулук постукивает в раздумье пальцем по столу:

– Дизелист-мозолист! Это не дурачество, а борьба за качество!

10 ноября

Любовь – это рыбалка: не клюёт – сматывай удочки.

Л.Сидонский

В любовном треугольнике один угол всегда тупой.

А.Зотов

БЗЫКИ

Аккуратова:

– После праздника я стала кашлять по-царски.

Что-то быстро вернулся с планёрки Калистратов. Олег ему выговорил:

– Сраненько прибежал с планёрки!

– Не забегай поперёд Колесова.

Вечером я встретил у «России» Надежду.

Боже! Да ней лица нет!

Пальто с белым воротником и белыми рукавами в грязи. Зато улыбается.

– Как отдохнула? Вижу, перепила.

– Точно.

– Как там дома?

– А я откуда знаю. Не была.

– А где же?

– В Ялте... С Римом....

– С к-к-к-каким?

– У ... твою мать! Он один!

Я обалдело смотрю на неё и плохо её вижу:

– Ты ж собиралась проводить праздники в своей деревне Мансурово... А... Неужели и в самом деле была в Ялте?

Я ходил с нею в мастерскую ей за шторами, за хлебом, молоком и всё задавал один и тот же вопрос. Она смеялась и твердила:

– Да, была. Пока не говорили, трудно было, а сейчас легче.

– Боже мой... Какая подлянка... За что ты мне в душу грязным сапогом? За всё доброе?

– Не будь добрым.

– Это уже конец человека...

– А ты ликуй! Я подкинула тебе о сюжетку про беспонтовую²⁵⁹ машерочку! Гуляла с одним, а на юга рванула с другим!

– Да не нужен мне твой сюжет... Неужели ты была в Ялте? У меня не укладывается в голове...

– У тебя много чего там не укладывается. Слушай, отвали от меня. Ну подумаешь, дунька с закидонами... Дай раз в рожу и отвали.

– Тоже научилась...

²⁵⁹ **Беспонтовый** – никчёмный, незначительный (о человеке).

– Дай раз по витрине и отвали.

– А что это ты ограничитель устанавливаешь? Что ты мне всё указываешь, сколько раз дать тебе по циферблату. Всего лишь один раз! Ишь, ограничение! Да я тебя убью! Иди-ка сюда, иди, – толкаю её в тёмный угол и кладу руку ей на горло.

– И вправду, задушишь.

– Если ты точно была на юге.

– Точнёхонько! Вправду.

– Не верю! Скажи – выдумала. Скажи... Скажи...

– Была, – тихо и спокойно проговорила.

Накрапывал ленивый дождь.

Мы стояли в тёмном дворе-колодце. Совсем редко проходили люди.

Я молча смотрел ей в глаза, равнодушные, пустые, и не знал, что делать.

– Я хочу видеть лицо, глаза человека... Я в них смотрел в четверг, когда притащил стол. Ты цвела, улыбалась, поцеловала, легонько толкнула за дверь, и я радостно покатил домой. Я был счастлив. Ты улыбалась. А за неделю до этого, в день, когда я всю субботу парился в очереди, – ты была в кассе за билетом до Ялты. Ну где здесь человек? Где человек? К чёрту маски!

Она смотрела мимо меня. Мы шли по Петровке.

– За такое тебя в этот дом не сдашь, – кивок на дом 38, милиция.

– Так брызни на меня сюда, на Петровку...²⁶⁰ Да пошёл бы ты!..

– Как совместить?.. Ты в самом деле была?

– В самом деле.

– Почему мне не сказала?

– Ты б пустил? Знаю, какой ты бешеный раздолбай.

– А разве я не мог бы свозить тебя на юг?

– На какие шиши? Да и я хотела с ним.

– А я? Как ты могла целовать в четверг?

– Я всё могу!

– Ты так...

– По рукам пойду?

– ... скурвишься быстро.

– Не бойся.

– Если бы я знал в четверг, я бы бросил стол с пятого этажа. Тебя бы – следом. Меня вытолкнула и побежала готовиться к самолёту?

– Я боялась, Сашка проболтается.

– Тот-то ты погнала его мыться... Ну... Ты съездила. Это факт. Мне важен процесс. Ты ни разу обо мне не подумала?

– Подумала... Так... Ухаживай за мной поменьше. Ты же знаешь... «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Рим это хорошо усвоил. А ты безнадёжный ученик.

– Я не умею выпендриваться. Что на душе, то и в поступ-

²⁶⁰ Брызнуть на Петровку – написать донос.

ках.

– А зря.

– Я не верю, что ты ездила.

– Доказательства? Подробности? Я опоздала на полчаса.

Вылетели в двенадцать. В Ялте сняли две комнаты. В комнате у меня цветы. Пробежали по местам, где купались летом...

– Постой! Так ты уже прошлым летом мотались с Римом в Ялту?

– Ну!

– А почему мне не сказала?

– А ты мне много говоришь? Лето. Уехал... Не взял...

– Куда б я тебя взял? В командировку на Чёрные калмыцкие земли?

– Ну на Чёрных ты ж не год был?

– Не год. Так из командировки я приехал к своим в Нижнедевицк. В деревню. Тебе очень интересна деревня? Не надоело своё Мансурово?

– Ну... Замнём для ясности... Были в туалете, куда ездили на такси из Симеиза в Ялту. Я там пила одна. Реально. Он закодированный алкаш. Не заливаает за хобот.

– Хва-тит!

– Ну ты же просил ясности...

– Ничего я не просил. Это ты у меня просила мой новый немецкий портфель. В Дрездене брал. Хотела с моим портфелем выкачуриваться? Как всё продумано, как всё целена-

правленно, как всё спокойно и как всё низко! Мне стыдно, что со мной так поступают. Я напишу этому Риму всё, что о нём думаю.

– Ты этого не сделаешь. Потому что этого хочу я. У меня вы оба как подопытные кролики. Что я хочу, то и делаю с вами. Отвалили бы вы оба! Как же вы мне оба надоели!.. Слушай! Ну что за дела? Куплю я себе брючки, над-д-дэну и подамся-ка на вечер в МГУ сечь новых кадров!

– Тоже мне экзекуторша... Мамка в панамке... Посиди и всё пройдет...

– Валите оба от меня!

– Пусть он отваливает первым. Уступаю первенство старшему.

– Нет. Тебе быть первым. Старшим не надо перечить.

– Поконаемся. Чтоб без обиды... Не верю! Не верю! Не верю! Не верю!.. Ты не была на юге. Ты разыгрываешь. Ну скажи, что это розыгрыш!

– Это правда!

– Доказательства?

– Билеты... Покажу...

– Что билеты... Ты себя показала, свою душу. Как ты могла бегать со мной везде по магазинам, а в кармане держала южные билеты? Рассказала бы, как это у тебя совмещается?

– Чтоб потом ты написал?

– О подонках, о грязи на душе человека никогда не буду писать. Этого и так в жизни разпредостаточно. Я буду писать

о том, чего нам не хватает. О чистоте, о святости в отношениях людей.

Лютовал дождь со снегом.

Худые мои туфли промокли.

Я посадил её в автобус и побрёл в ТАСС на дежурство в дружине.

Но почему-то забрёл в свою комнату.

Надо бы попечатать.

Пробую... Не печатается... Не могу.

Я бессмысленно смотрел вокруг – на стены, на чёрные окна – и не видел их. Я видел одно, непередаваемое в словах и так угнетающее душу – видел измену. Видел её равнодушное циничное лицо. Я не хочу её видеть. Закрываю глаза. Но я всё равно её видел. Видел душой.

В штабе дружины я взял наряд – меня сразу и отметили. Мол, отдежурил.

Домой я пришёл в полночь. Не ел. Лёг. Таращу глаза в потолок.

Утром поймал себя на том, что смотрел в потолок.

Спал я или нет? Не знаю.

11 ноября

Заснул в метро, проснулся в вытрезвителе

Оскорблённое партсобрание вливало ума Амплееву.

Ну до чего наквавился!

Заснул в метро – проснулся в вытрезвителе.

Принципиальное собрание гремело-кипело-клокото-ло-рычало целомудренным, всесокрушающим гневом.

Каждый предлагал свой выход.

Запевку, общую установку дал сам Колесов:

– Мы не можем себе позволить такого застолья с попаданием в вытрезвитель! В редакции международных связей должны работать крепкие, надёжные люди.

– Верно! Надо тщательней отбирать тех, кого берут в эту редакцию. Дело нешуточное. Работа чревата приёмами. А это не всякий выдержит. И тут не столь важно умение писать, сколь умение крепко держать стакан. Настроились принять – проверьте! Гранёный стакан чудила²⁶¹ ему в руку на разведку! Выпил? Пройди по одной досточке!

– А он взял и прополз?

– Укажи на дверь! Нужны надёжные стаканодержатели!

– Это так... А что делать уже с принятыми? С тем же Ам-

²⁶¹ Чудило – водка.

плеевым?

– Перевоспитывать!

– Послать на кровельные работы!²⁶²

Амплееву отстегнули строгий выговор с занесением в личное дело.

А дальше?

Наверняка на перевоспитание прикомандируют в нашу редакцию. РПЭИ – ссылка, медвежий угол. Сюда засылают всех опальных. Как декабристов. Марутов, Чантурия, Калистратов...

²⁶² **Кровельные работы** – психиатрическое лечение.

12 ноября

«Золушки исчезают в полночь, а принцы ранним утром».

ЧИСТАЯ, ОТКРЫТАЯ, СВЕЖАЯ...

– Нет сил сопротивляться бытию. Хочу есть. Пойду восполнять энергию.

С обеда Сева несёт радость в лице: расслабленный, праздничный, склонный к трёпу.

– Ох, Толь, в столовке стоял в очереди за одной с тако-ой гаубицей!²⁶³ Невероятных размеров! Схватила, яростно поскребла её и пожаловалась мне в неловкости: «Ой, прострелило!» И я в тоске подумал: Это какую надо иметь орудию, чтоб прострелить такую амбразуру?»

Сева покачал головой и навалился уговаривать Великанова:

– Колюшок! Посиди у нас. Сейчас, после обеда, – сексуальный час.

И вопрос Петруне:

– Петруччио! Ты знаешь, что это такое?

– Это смычка литсотрудников со спецкорами.

²⁶³ Гаубица – задница.

Калистратов отмахивается:

– Совсем не то. Игорёк, – обращается к Козловскому, – ну-ка повтори, что ты ответил, когда на собрании у тебя раз спросили, почему ты не был вчера на работе?

– Вчера у меня был сексуальный день. Видал я вашу работу в гробу в белых тапочках!

– А сегодня к тебе не заходил?

– Кто?

– Загибон в голову.

– Мои думы о другом. О переходном периоде для женщин.

– И что это такое?

– Это когда девушек уже не любят, а пенсию ещё не платят.

– Совсем не то! Переходный период от социализма к коммунизму – алкоголизм!

Игорь жалуется:

– В нашем доме отдыха Великанов храпел безбожно. Через день я из дома отдыха ездил в Москву отсыпаться.

– В Мисхоре он так не храпел.

– А он храпит, как выпьет. А храпел он каждый день.

– Побоку храп! Зайцу надо идти служить, а он не хочет.

Вызывают зайца в военкомат. Председатель комиссии лиса сняла юбку и говорит:

– Косой, видишь?

– Нет.

Сняла всё.

– Видишь?

– Не вижу. Но чувствую.

Лиса взяла его за торчащий гвоздичком аленький цветочек:

– Видишь, косой! Очень хорошо видишь! К строевой службе годен!

Олег сложил ладошки рупором ко рту и объявил:

– Потерявшаяся девочка Таня Аккуратова, тебя ждёт мама у клетки с жирафом.

От платформы пошли с Надеждой ко мне по сиротливой аллее.

– И зачем ты приехала? Опять будем перемалывать твой южный бросок?

– Ну что ты запрыгал, как вошь на гребешке?

– Зато ты спокойна.

– Я привезла доказательства... Билеты...

– А на черта они мне? Мне стыдно перед самим собой, что я не смог сберечь ту Надежду, которая пришла ко мне с год назад. Чистую, открытую, свежую.

Она улыбнулась сквозь нахлынувшие слёзы:

– Я и сейчас свежа, как пэрсик.

– Пэрсик помят чужими грязными лапами...

– Чувствую, я и с Римом не буду. Это всё пройдёт.

– Так обрежь эту верёвочку сразу.

– Сразу не могу.

– Если ты ему дорога, почему он тебе ничего не говорит о замужестве?

– Ты думаешь, это просто? Он меня спросил, пойду ли я за него. Я ответила: подумаю. И молчим.

– Он вдвое старше тебя. Это убьёт твоих родителей.

– И ты не мальчик.

– У него сын. Безотцовщина при живом отце... Каким надо быть подонком, чтоб бросить сына? А жить где будете? Может, переедете ко мне на веранду?

– Он построит кооператив.

– Не ранее как через пять лет. К тому времени он подыщет посвежей пэрсик.

– Нет. Он меня любит.

– А ты его?

– Как тебя... Ты хороший, добрый... Бросили бы вы меня оба! Я б пошла учиться... Не могу я с одним долго...

– И до коих ты собираешься прыгать от одного к другому? Допрыгаешь до тридцати лет, а там уже с тобой не побегут. Выбери и остановись...

– Конечно, на тебе?

– Не возражаю. Человек должен приказывать себе, своим страстям, иначе он рискует остаться ни с чем. Конечно, один букет цветов долго свежим не будет, но бегать всё время в поисках новых цветов – очень утомительно и рискованно. Цветы проходят, как и годы. Обогрей своей любовью человека. Твоя красота поднимет его на большие дела...

– А какие у тебя дела? Сто двадцать рваников в месяц. Голодать?

– Это как подойти. Будет не хватать и тысячи, но будет хватать и сотни. Скажи, что ты любишь в Риме? Его достаток и манеру разбрасывать деньги?

– Неправда. У него свои достоинства с тысячью но. Когда провожал меня сегодня до поезда, – я ехала к тебе – я спросила: «Будешь ли ты хорошим отцом и мужем?» Ответил: «Первое – да. Но зачем второе?»

– Как же мне хочется дать ему в хряпку!²⁶⁴

– Только посмей. Тогда я тебя не знаю!

– Почему ты о нём жужишь мне без конца, а обо мне ничего ему не говоришь? Боишься расстроить? Да, тебе приходится по-своему расплачиваться за южные набеги.

– Замолчи.

Я смолкаю.

Навязчивые строки вертятся на языке: «Сквозь жизнь мою пробита брешь любовью».

– Вы молчите. Потому что каждый делал своё. Он платил за южные радости, и ты честно, как в магазине, платишь ему собой. Да через год с омерзением вы разбежитесь!

– Через месяц.

– Как гнусна столичная любовь... Ей нужны его деньги, ему нужна её молодость. Я выбрал тебя, потому что ты из деревни. Оттуда и я. Там любят без расчёта возвышенно и

²⁶⁴ Хряпка – лицо.

целомудренно. Ты слишком быстро забыла, как любили твои деды, родители. Не от большого ума. Тебя не угнетает тревога ума?

– Представь, нет.

– Как быстро забываем, откуда мы. А забыв это, мы забываем, кто мы, зачем мы. У нас нет лица.

– Ладно, ладно. Скромной деревенской девочкой я больше не буду.

– Это не восстановить.

– Будто я собираюсь восстанавливать! Я юна, свежа, несексуальна, и мои стройные ножки перешагнут ещё не через один труп.

– На каком-то и споткнёшься.

– Только не на твоём.

– Дай слово времени. Оно не ошибается.

Согнутым в колечко мизинцем беру её мизинец:

– Дай слово. Что бы ни случилось, ты никогда не оставишь меня.

– Слово я могу дать. Но завтра же и забуду.

– Ничего. Я напомним.

– Хотя я и говорю – отвали, мне, честно говоря, жалко тебя терять.

– Не пускаешь и ближе... Что я, про запас? На всякий пожарный случай? Я понимаю всю низость твоего ялтинского выбрыка, но уйти вот так просто от тебя не могу. Что-то привязывает меня к тебе. Слегка лишь убаюкивает мою бди-

тельность финская песенка: «Если к другому мотнула невеста, то неизвестно кому повезло».

– Тебе!

– Может быть.

Я поехал её провожать.

Савёловский вокзал. Я в электричке.

– Ну, иди, – тихонько толкает она меня.

– Пожду чуток...

Выхожу. Навстречу прут. Я выпрыгиваю. Одна нога уже на перроне, вторую зажалю дверью.

Двое разжали дверь, да я не ушёл. А снова вернулся в вагон.

– Еду! Если уж так угодно судьбе, – бормочу себе под нос.

Кажется, она немного обрадовалась, что я снова иду к ней, и сказала:

– Хоть ты и ушёл, а я всё равно тебе место берегу! Чувствовала.

Вот и Лобня.

Час на морозе. Жду электричку на Москву.

Было уже поздно, когда я доскакал до Курского вокзала.

Первая моя электричка будет только в шесть утра.

Ждать на вокзале? Глупо. Дуну-ка я пешочком. На своём одиннадцатом номерке!

Три часа ночи. Пара целуется у театра Охлопкова. Пришла послушать петуха. Ровно в три на театре трижды громко пропел петух, слышались голоса зверей. Молодые прихо-

дили слушать петуха.

Домой я причерепашился лишь в пять утра.

14 ноября, воскресенье

Под вечер припожаловала Надежда.

Стоит в двери. Не проходит.

– Ну, чего застряла на порожке? Чего облизываешься и молчишь? Ожидаешь щекотливых сообщений ТАСС? Да напрасно. Таковых он не передаёт.

– Тогда я кидаю свою новостёнку. Я приехала, чтобы ты не подумал чёрным мозгом, что я пошла к Риму. Вот тебе сало. Скорее жарь картошку.

– Я буду жарить в комплексе и картошку, и кой-кого...

– Вот! Вот! – кокетливо подолбила она меня кукишем в нос.

– Как хочешь, – говорю уклончиво. – Тогда не будет картошки.

– Ага! Ты хочешь уморить меня голодом! Уйду к Риму. У меня есть к кому уйти.

Теперь настала моя очередь, и я подношу ей кулак.

– Понюхай, чем пахнет.

– Могилой.

– Вот именно.

Она ест картошку и хвалит меня.

– Ты хорошо жарить картошку. А Рим не может.

– Рим многое не может.

– В этом родство наших душ. Это и делает его героем в

моих глазах.

– С каким наслаждением я бы дал этому герою в морду-ленцию!

– Не связывайся. Он пэтэушник. Махался²⁶⁵ со дня рождения.

– С кем связалась. То ли правительственный корреспондент, умеющий жарить картошку. Великое сразу не оценишь.

– Сегодня правительственный, а завтра – двадцать копеек на обед.

– Всё течёт, всё изменяется.

Я провожал её до дома в Лобне.

На проводы ушло четыре часа.

Любишь кататься, люби и саночки возить.

²⁶⁵ Махаться – драться.

15 ноября

Под колесо!

Врага надо знать в лицо, а бить в морду.
А.Кнышев

Понедельник.

На всех парах настёгиваю в родную контореллу.

В ТАССе главное вовсе не работа.

Главное в ТАССе – до девяти ноль-ноль прошмыгнуть мимо постового ментозавра.

А там...

А там хоть вешайся от безделья!

Я сидел на рыбе, геологии, лесе и бумаге.

В кои-то веки приплывёт заметулька по какому-нибудь из четырёх моих министерств. Пишут-то с мест профессионалы. Корпеть не над чем. Иногда приходится позвонить в своё какое-нибудь ведомство и уточнить, новость ли пригнал корреспондент с места или нашёл топор под лавкой и про то простучал к нам наверх.

В общем, не запаришься.

И от безделья весь изведёшься, ожидая конца такого рабочего дня.

Ну вот просвистел я метеором мимо постового кентавра

и наконец-то устало рухнул на свой трудовой пост.

Сижу. Отпыхиваюсь.

Не успел отдышаться – в приоткрытую дверь воткнула праздничную головку секретарша и грозно наставила на меня указательный палец с кроваво накрашенным ногтем:

– Под колесо!

У меня всё похолодело в животе.

Что я натворил? Когда успел? Вчера ж был выходной!

Еле плетусь за секретуткой и упало допытываюсь:

– Наш достопочтенный пан Колёскин хоть проснулся путём? Чего так с утраца пораньше тащит на цугундер?

– Соскучился по тебе. Места не находит...

Я и через порог ещё весь не переполз, как Колесов сразу на крутых оборотах:

– Ты что делал вчера?

– Кажется, отдыхал...

– А без кажется можно?

– Можно. Раз выходной... Отдыхал.

– Он отдыхал! – заорал Колесов, воздев руки и взор к потолку. Будто самому Вышнему докладывал о моём отдыхе. – Он отдыхал! – ещё громче, ещё авральней пальнул Колесов, словно засомневался, что его расслышали на небесах. – Понимаете, он отдыхал! – в гневе комментировал Колесов меня. – Вы слышали!?

С докладом наверх покончено и Колесов упёрся в меня бешеным взглядом:

– Говори, это кто расписывался? – и сунул мне под нос график дежурств на выпуске А. – Не думай год! Говори!

Я искоса всматриваюсь в каракули под его обкусанным, с кровавой трещинкой, ногтем и узнаю свою ненаглядную родную царапку.

Я не знаю, что и квакать.

В возникшую паузу в нетерпении влез Колёскин:

– Кстати, почему ты расписываешься лишь тремя буквами? Причём, пишешь чётко, ясно?

У меня малость отлегло.

Ну, если за этим дело тормознулось, так не грех же и просветить своего дорогого давилу.²⁶⁶

– Видите... Я после первой буквы имени пишу в подписи только первый слог своей фамилии. И в этом первом слоге весь я. Все мои инициалы фамилии, имени, отчества. А. Сан. И точка. А что без завитушек, ясно пишу, так это от открытости души. Мне нечего мутить. Я весь на ладонке. У меня всё открыто, честно...

– Так, так! – в запале протакал Колесов. – Теперь скажи мне открыто и честно, что ты делал вчера?

– Болел! – теперь уже я торопливо крикнул, боясь забыть, что же именно делал я вчера.

– Так отдыхал или болел? Только открыто и честно!

– Открыто и честно. В комплексе. Отдыхал, болея...

– Это что-то новое! Но... Выпустил пар изо рта, сумеешь

²⁶⁶ Давила – начальник.

там, – он тоскливо глянул на потолок, – забрать его обратно?²⁶⁷

Я молчал.

Чёрт! С месяц назад я расписался за дежурство и забыл.

Как же выкручиваться? Какую песенку спеть?

– Скорую вызывал?

– Нет. У меня нет телефона. А дойти за километр до будки не мог. Послать некого было. Я живу один...

– Ну что мы тут будем наматывать круги? Не представишь оправдательную цидулку – там, – он скорбно поднял вверх палец, – тебя подвесят за племенные!

– Спасибо... – благодарно кивнул я. – Я могу идти?

– Можешь! Можешь!

Я кое-как домял трудовой день, не вставая со стула, и невесть зачем поплёлся в поликлинику.

– Знаете, – заныл я перед врачом, – я весь какой-то перееханный. Будто колесо тяжело нагружённого товарняка меня переехало. Всё болит... Даже волосы на голове...

Измерил я температуру.

Тридцать семь и семь! Наша пляшет полечку!

Я показал Колесову справку от врача.

Он вернул её мне и поморщился:

²⁶⁷ Выпустил пар изо рта – сумей забрать его обратно – сумел проговориться – нейтрализуй последствия.

– Иди порадууй Григория Максимыча! – потыкал он указательным пальцем вверх. В воздух. – Он вёл вчера дежурство. Он и решит, что с тобой делать.

На шестой этаж к Ошеверову, заместителю генерального директора ТАССа, я подымался на варёных ногах. Повертел он мою бумажулечку и злорадно ухмыльнулся:

– Нормальные люди постесняются показывать справку с такой температурой. А ты показал. Смелюга... Только тридцать семь и семь не спасают тебя от выговорешника.

Примерно через полгода Ошеверова скрутил на работе милый дружочек аппендикс.

Обоих, Ошеверова и его родной, дорогой аппендицит, на скорой с сиреной помчали в Кремлёвку.

По пути прожигали мимо районных больниц.
Предлагали прооперироваться в одной из них.

В ответ Ошеверов вопил:

– Только в ЦКБ! Только в Кремлёвку!

В Кремлёвку доставили уже труп.

Правда, ещё тёплый.

И ошеверовское креслице улыбнётся панку Колесову.

16 ноября

Никто не пашет!

Калистратов по телефону:

– Вода под лежащий камень не течёт, даже если он флюорит. Капать надо не на меня. Из меня ты ничего не выточишь. Капай Колесову. Дроби колесовские камни. Он может перевести тебя из Читы в любимый твой град. Я не загоняю тебя в игнор. Просто переводы корреспондентов – колесовская епархия.

Сева доволен. Наконец-то отбился от лишних хлопот.

Снова звонок.

Оренбургский корреспондент Степаненков.

– А-а! Незабвенный Пётр ибн Васильич! – кровожадно цедит сквозь зубы Сева. – Надо провентилировать такой вопросишко века. Зачем ты, дружа, ловишь себя левой рукой за правое ухо? Мы никогда не были за обобщения. Мы всегда за конкретику. Конкретно ломлю: не выпендривайся! Ну что это за работа? Три заметки за полтора месяца выплюнул! Не перетрудился? Это нам на один зубок. Чего держишь нас на голодном пайке? Пожалей себя! А то наш Иванов строго пропорционально распределяет пощёчины. За лодырничество мы тебя так откоцаем, что перья не соберёшь в свой оренбургский платок. Я тебе доходчиво разобъяснил, что ты не очень хороший служака? Усёк? Закатывай рукава и за де-

ло!

Сева расслабленно откинулся на спинку стула и смотрит, кто чем занят. И сердито хмыкает. Никто не держит в руках ручку. Никто не пашет! Знай перемалывают глупости. Болтают, как на рынке.

Вот заявила Татьяна и с порога к Миле:

– Чего такая скучная?

– Не знаю, чем и заняться от безделья... Вся в растрёпанных чувствах... Со вчера... Вчера, в воскресенье, ездила в Кусково. В музей... Шла по улочке и увидела на куске ржавого железа на крыше собачьей конуры написано мелом: *«Зачем ты, Федя, мне сердце не разбил? Ну зачем? Валя»*. Меня это так полоснуло... Будто это про меня. Ведь был у меня Федя. Было всё у нас! Как мы тогда говорили, была я, болячка,²⁶⁸ в замазке²⁶⁹ с Болтом.²⁷⁰ Всё было и нет ни-че-го! ...Одна... Как осина в поле... Тридцать пять за горбом...

– Куда ж запропастился Федя?

– А!.. Не помню уже из-за чего... Горшок об горшок...

Раскидали пену по стенам и разбежались...

– Нечего было разбрасываться своей бесхозной слюной.

Нельзя быть слепым орудием в руках своей хамоватой дури. Смолчи раз, может, и казаковала б сейчас при Феде.

– Сразила меня записка на собачьей конуре...

²⁶⁸ **Болячка** – студентка мединститута.

²⁶⁹ **Быть замазке** – любить.

²⁷⁰ **Болт** – студент механического факультета.

– Мил, это подсказка рока. Возьми бездомную собаку и у тебя появится смысл в жизни. Будешь варить ей мясо, а себе супчик. Мы с греком Марсику мясо, а себе юшку, супчик.

Мила вздыхает и молчит.

– Чего молчишь, Мил? Все молчащие обладают дурным пищеварением.

– Ну и пусть!

Татьяна Олегу:

– Ты был привязан к телефону. Освободился... Слушай. Мать дала сорок рублей на водку для новоселья. Я зашила деньги в карман, чтоб не украли. Ловко я придумала? – и показывает на брюках зашитый карман.

– Спасибо, золотко, за информацию. Я очищу тебя, как белочку!

Этот трёп подкалывает Севку. Каково всё это терпеть ему, ио заведующего редакцией? Надо покрепче браться за бразды правления!

И он уже было собрался повоспитывать вверенный ему эректорат, но тут зазвонил красный телефон от Колесова.

На бегу он положил с приступком заметку Олегу на стол и исчез за дверью.

Бузулук потирает руки:

– Ну, Наполеон Францевич! Ну, Урал Гималаевич! Ну, голуба де Калистрато! Что ты тут мне подсунул?

Он перевернул калистратовскую заметку, и все стали обсуждать, что же происходит сейчас в кабинете Колесова.

Наконец Сева возвращается на ватных ногах.

– Ну что? – соболезнующе спрашивает Олег. – Сильно валял по полу?

Сева тоскливо отмахнулся:

– Лучше не говорить... Ой, кто это мне положил на стол три пирожка?

– Ешь, – ласково говорит Татьяна. – Мы знали, что тебя изобьют. Подлечись...

– Спасибо! – Он ест и рассказывает. – Приехал из БЕЛТЫ²⁷¹ пан Марущак и побежал с доносом сразу к Замятину. «Я директор агентства, подписываю заметки, а со мной не считаются!» Привёл особо нелепые резолюции. Ой, селу и досталось! Шаповалов пришёл первым. Пока Колесов катал его по ковру, я отстаивался в углу и думал, что петь. Валял за Барина. Накидал нам барин тут резолюций! Моих видно не было! Сейчас надо заново подготовить нашу переписку с Минском и понесём Замятину. Из двух папок сделаем одну! Анатолий! Тарань сюда две новенькие папки и в них перенаколи из старых папок. Действуй!

– Новые папки у меня есть.

Я нудно перекальваю.

Краем уха слушаю Севкин траурный доклад:

– Навалился Колесов и на Беляева. Беляев оправдывался: «Дал мне инвалидную команду, а теперь спрашиваешь!»

Сева вытащил из переписки мои письма:

²⁷¹ БЕЛТА – Белорусское телеграфное агентство.

– Подержи в столе, чтоб не наводит твой фамилией гнев на начальство.

А тем временем Олег и Татьяна стали рядом и завыли по-собачьи. Ловко им подрыкивал Молчанов.

– Ой! Все мы чайники головкой вовнутрь. Хорошо бы записать наш дуэт на магнитофон, – предлагает Татьяна.

– Для записи мы лучше споём в другой раз, – говорит Олег и смотрит на стенные часы. – Сева! Уже три! Это тебе не шутка. Идём есть.

– Идём.

Олег кладёт руку Севке на плечо и тихонько мурлычет:

– Калистратов, Калистратов,
Неумытенький такой.
Что ж ты, что ж ты, Калистратов,
Не ведёшь нас за собой?

17 ноября

Колесов в командировке

*Чтобы народ любил своих лидеров, их ему надо
как можно реже показывать.*

И.Александров.

Я первым пришёл на работу. Наших никого не было.

В девять пятнадцать явились не запыхались Аккуратова с Горбачёвой. Это новенькая. Колесов из «Правды» перетащил.

Татьяна сильно топнула, и они прокричали дуэтом:

– Здравствуйте, психи!

Валька ответил. Я отмолчался.

Горбачёва мне попеняла:

– Толя – воспитанный человек. А на приветствия не отвечает.

Я сказал:

– Я буду с вами здороваться ровно в девять ноль-ноль. Спешите со мной здороваться. Не опаздывайте.

Вельможной походочкой припожаловал Бузулук, вполголоса мурлыча:

– Пей компот, рубай опилки.

Я начальник лесопилки.

Татьяна осуждающе махнула на него рукой:

– Сегодня получка. Ещё не давали. Тогда ну где ж ты, певчук, набарбарисился сранья?

– Гляжу я на Таньку... Ну её в баньку! В «Социалистическом Донбассе» в отделе промышленности пашут двое. Беабахер и Херсонский. Звонок: «Нам Хера». – «Какого? Который сзади или спереди?»

– Ну тупак! Тёмный лес, кривые дороги! Да пошёл ты!

Олег с усилием донёс руку до виска:

– Слушаюсь... Пошёл...

Он направился к двери, ворча:

– Палец трубы торчал в небо... Хороша строчка... Запомнить... Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле, будешь долго ходить по земле...

Зазвонил телефон. Татьяна взяла трубку:

– Кто заказывал Магнитогорск?

Горбачёва:

– Бузулук.

Татьяна на нервах:

– Уж я не побегу его звать. Это точно.

– Это называется месть китайцев, – сказала Горбачёва.

На два назначено занятие «Журналист в командировке». Ведёт Колесов. Название переиначили: «Колесов в командировке».

Вошёл Николай Владимирович и подивился:

– Так мало народу?

– Зато какой народ! – выпалил я.

– А поближе нельзя пересесть? У нас не доклад, а беседа... Я тассовой молодой, а не волк. Сначала не хотелось идти в ТАСС, хотя с лекциями об информации выступал десять лет в Высшей партшколе. Привык работать над большими полотнами. К информации относился...

Он замялся, и Романов подсказал:

– ... высокомерно!

– Вот именно! Считал, информация – удел середнячков. В ТАССе понял, как труден этот жанр. Требуется большего мастерства, поворотливости. О визите во Францию я написал в «Тассовце» «Шесть дней и пять ночей». Прочтёте. Опозданий нам не простит не только газета, но и сама история. Отправной точкой для романа служит живое свидетельство очевидца – информация. Она должна быть в оправе. Без оправы она не будет сверкать, как не заблестит и драгоценный камень. От нашей заметки идёт отсчёт истории современности.

Первые шаги в ТАССе я сделал в Минске. Сопровождал Брежнева. Со мной тогда были мои первые учителя Герасимов и Лукьянов.

Заранее надо познакомиться с местом, куда едешь. Заготовка сначала в голове, потом на бумаге – основа нашей работы. Информация должна давать оправу, где что и за чем происходит, хотя бы та же церемония.

В Болгарии во время десятого съезда Ильичу оставалось возложить венки «Борцам за свободу». Журналисты кинулись к памятнику. А Ильича нет. Ждут, ждут... Нет.

Власти размагнитились и разошлись.

А Ильич передумал. Хорошая погода. Шепнул близким:

– Пойдём по магазинам!

Это вроде бабский заскок.

Я и брежневский фотограф Владимир Мусаэльян вцепились в знакомые спины телохранителей:

– Братцы! Не покиньте!

Ехали по городу. Зашли в гастроном, потом в универмаг.

В универмаге комитет комсомола срочно собрал бюро, выделил три самых красивых девушек. Когда Ильич осмотрел универмаг, его пригласили в отдельную комнату и те девушки вручили ему подарки. У Ильича есть два товарища, которые ведают подарками.

Нежданные встречи, приветствия.

На ступеньках в универмаге Мусаэльян стал снимать. Пятился, пятился – а он длинный – и упал со ступенек.

Подошёл Ильич, помог подняться и спросил:

– Не разбился, Володя?

– Нет.

– Ты аппаратуру не разбил?

– Цела.

А снимал Владимир, когда Ильич разговаривал с женщиной с двумя маленькими детьми.

У сопровождающего Ильича были на всякий случай плитки шоколада с великолепными видами Кремля. Ильич дал ребятишкам по плитке. То-то радости!

Вечерело. В парке заработали под штраусовские мелодии фонтаны с подсветкой. Идём к памятнику. Надо возлагать цветы. Цветов нет. Организаторы-то возложения разошлись.

Болгары находчивые. Нарвали цветов прямо с клумбы и отдали Ильичу. И возложение прошло как положено.

В Болгарии встречали хорошо. Цветы, цветы, цветы.

Были встречи в Венгрии, в Германии.

Ильич любит охотничьи магазины. Были в одном таком магазине в Берлине.

Каково наше журналистское положение? Идёшь сзади и на ходу пишешь. Как согласовать?

Раньше про каждый чих писали. Теперь строже. Без сюсюканья, безо всяких подробностей.

Мы не писали, но Ильич в Берлине ходил по магазинам, интересовался ценами на хлеб, на промышленные товары. Трудно нам уловить ту грань между золотой серединкой протокола и размазыванием.

Париж. Орли. Народу поменьше, чем в Софии и Белграде. Я впервые увидел лозунг «Мы помним Сталинград!». Чистая публика Елисейских полей спокойна, элегантна.

Когда возвращались в Орли, было такое. По обочинам молодёжь радостно приветствовала гостей. А другая часть молодёжи стала бросать в наши едущие машины листовки. За-

вязалась драка. Древками парни били «листовщиков». «Листовщики» бегом на проезжую часть. А полиция не разбирается, кто прав, кто виноват. Виноват тот, кто нарушает. Хватили тех и тех и бросали назад, к забору.

А французский высший свет – это кино! В театре все в смокингах, старушенции с лорнетами, декольте невероятных размеров. Вблизи посмотрел, как выглядят французские актриски.

То и дело приходилось бегать к телефону. Всё уточняешь, кто есть, кого нет... Каждую минуту – какая-то неожиданность. Соображай, как выкрутиться из положения.

Едем на Мари-Роз, где жил Ленин. Что будет там? Кто встретит? Оказывается, встречало всё политбюро ФКП. А я никого не знаю в лицо. Я назвал всех присутствующих членов политбюро, а Красиков, наш корреспондент в Париже, потом уточнил в «Юманите». Я ездил за Ильичом, писал, надиктовывал текст Красикову. А уже он передавал в Москву.

Вам интересно...

Квартиру, где жил Ленин, купила компартия. Но квартира до тех пор будет собственностью партии, пока кто-то в ней живёт. Жила молодая коммунистка. Вышла замуж, съехала к мужу. Ищут, кого тут поселить.

– Я бы поехала! – пустила бойкий голосок Зина Хромова из соседней редакции. Зина недавно получила квартиру в Мытищах. – Если бы чуток раньше знать...

Марсель был в туманной дымке. Марсельцы пели «Мар-

сельезу» и «Интернационал».

Едем по городу. Мне говорят:

– Подыми один глаз. Замок Монте-Карло!

– Некогда! Не видишь? Речь на коленке пишу.

По Франции, как и везде, ездили, вцепившись в спины охранников.

Владимир Николаевич читает записки. Отвечает.

– Вот тут анонимный вопрос: «Коля! Ну а как всё-таки француженки? Хороши?»

– Не видел.

Оказывается, Калистратов не был на занятии.

Но спесиво так спрашивает:

– Ну и что он тут нёс? Знаю, ничего нового. Может, приходил приврать? На людях легче сочиняется-вспоминается.

18 ноября

Если хотите

Вчера была получка.

А сегодня Бузулук всё никак не проснётся в кресле.

Молчанов стучит ногтем по стакану за открытой дверкой шкафа. Там иногда тихонько пьют, закрыв глаза.

– Побудка! – шепчет Валька.

Да разве разбудишь Олега?

Он, чуя приближение начальства, проснётся слегка лишь к десяти, когда прибыл генерал Калистратов и сразу с допросом:

– Что это вы, Олег Дмитриевич, сидите в грустях? А я такую жажду работы принёс! Не расплескать бы. С похмелья у меня просыпается критичное отношение ко всему. Шёл и смотрел на женские ножки. До чего ж они кривые в этих сапогах! Ужасно. Насчитал пару приличных ножек. А все остальные – грусть!

Бузулук спросонья хрипит:

– Аккураткина! Собачка бесхвостая! Даже повилить нечем... Есть муки смерти страшнее... Ты должна просить у меня прощения за вчерашнее!

Татьяна хмыкнула:

– Проснулся-таки. Ну-ну...

– Сева, сердце болит, – жалуется Олег.

Калистратов назидательно:

– Надо меньше пить и хорошо закусывать. А лучше того... Слышал от кого-то. В памяти зацепился этот совет. Могу вполне серьёзно советовать вам, более духовной натуре, безусловное воздержание от алкоголя. Достаточно воды! А то... Три лобастых²⁷² с первого захода! Куда-а!?!..

Из здравпункта Олега отправили в поликлинику.

– Странно, – скребёт Сева затылок. – Такой здоровый бугай. Такое впечатление, никогда не будет износу. И пожалуйста... Из поликлиники Олег вернулся с печальной новостью:

– Острая форма стенокардии. На две недели больничный лист шлёпнули.

Молчанов спросил:

– А ты в трубку дышал?

– А на ладан? – забежал я другого боку.

Сева даёт мне заметку о ловле скумбрии. Я глянул её по диагонали и говорю:

– Такую классику надо браковать не читая.

– Нет. Похоронить надо по первому разряду. Научно.

Из будки в коридоре я звоню в килькино министерство и уже со ссылкой на конкретного министерского работника пишу свою отказную резолюцию на заметке.

– Оч хор (очень хорошо), – кивает Сева, пробежав мою приписку. – Забодано научно.

Зазвонил телефон.

²⁷² Лобастый – стакан.

Молчанов снял трубку и тычет пальцем в Горбачёву:

– Тебя! Надень очки, а то не услышишь.

Вошёл какой-то старчик заплатить партвзносы Новикову.

Сева говорит старику:

– Он нам не понравился, и мы уволили его в редакцию международных связей.

– Новикова уволить нельзя.

– Уволили на повышение, – пояснил Молчанов. – Аэрофлот вместе с Новиковым ушёл в редакцию международных связей.

Аккуратова в печали подпёрла щеку кулаком:

– Кто теперь мне подвоет? Бузулька сегодня дома. Сама себя наказала, что вчера не ответила на его лай.

– В таком случае, – советует Валька, – надо наступить себе на хвост.

Татьяна хлопнула меня по плечу:

– А почему ты, профорг, не на конференции? Ведь врежут и по первое число, и по второе! Уже шестнадцать. Началась же!

Я бегом в конференц-зал.

Народу до сблёва.

По последнему ряду шуршу в угол. Ногу выставила страшенькая Люся Ермакова.

– Люсь! Не держи меня своей милой ножкой. А то я разволнуюсь и что-нибудь в речи Замятина пойму не так.

– Недавно, – говорил генеральный директор, – на совеща-

нии выступал Суслов... Партия просит и требует, если хотите, показа, как добиваются рекордов. А мы не говорим, лишь констатируем голый факт. А люди у нас оторвались от земли, если хотите. Я говорю об ответственности товарищей, которых рекомендуют и посылают на работу за границу. Был у нас Силанин. На каком-то этапе человек старался, если хотите. Ему дали хорошую характеристику и послали в Дагомею. И тут мы увидели подлинное лицо Силанина. Я хочу сказать, нет плохих людей, но есть зарывающиеся, если хотите. Не стал подчиняться уставу советской колонии в Дагомее. Уезжает из столицы, никому не говоря ни слова. Уезжает в другие страны без ведома посла. Заявляет: «ТАСС независим и неподотчётен какому-то послу».

Товарищ совсем зарылся. Приехал туда инженер с ребёнком. Просим разместить в особняке из четырёх комнат, которые занимал Силанин вдвоём с женой. Жена против вселения инженера. Посол разрешил инженеру пожить четыре дня в посольстве, пока тому подыскивали жильё. Посол написал сюда:

«Укажите корреспонденту, чтобы пустил на время приехавшего инженера». Охарактеризовал, какой этот Силанин. Товарищи, семья не без уroda и так далее. Вы знаете, до чего докатился Силанин? Он написал в наше хозяйство:

«Машина старая. Везти в Москву нерентабельно. Разрешите продать».

И наши добрячки разрешили продать машину за восемь-

десять рублей.

– За семьдесят один! – подсказали из президиума.

– Это говорит тот, кто санкционировал продажу. И что же? Силанин продаёт машину за 71 рубль своей же жене Силаниной и привозит машину в Москву.

Мы уволили его. Он – в суд. И первая инстанция его восстановила: юридически он правильно оформил продажу. Продал другому лицу. Только на что оно, это лицо, то есть жена могла купить, если не работала? Продал самому себе. Городской суд защитил наше мнение.

Тогда он подал в суд на ТАСС. Шесть часов весь треугольник ТАСС отбивался. Силанин нашёл хорошего защитника. Мосгорсуд сказал: «Что же вы такого прохвоста столько лет держали?»

Силанин – в Комитет партийного контроля. Там разобрались и говорят:

– Почему не наказали по партийной линии?

А сейчас наказать нельзя: за жалобы не наказывают. Он же жалуется!

Товарищи! В ТАССе процветает пьянство в рабочее время. Пьянство – это порок, о котором много пишут в печати нехорошего. С пьянством надо бороться!

Брежнев звонил в ТАСС:

– Передайте Колесову, хорошо осветил моё пребывание во Франции.

Такое слышать приятно.

У меня был Марушкевич. Товарищи, он рассказывал, как он ставит визу под заметкой, а корреспондент улыбается: «Посылайте, посылайте в Москву. Только через день какую там положат на заметку визу? Директор в Минске визирует, а литсотрудник в Москве пишет резолюцию: «Факт местного значения»! Как дальше мне работать?» – спрашивает Марушкевич.

– Пусть визирует добро, а не говно! – вполголоса отвечает кто-то из ближних рядов.

Поднялся Колесов:

– У меня факт местного значения ассоциируется с боем местного значения. Местный выигранный бой – это тоже победа! Но это частица большой победы. Местные бои работали на общую Победу! Нет местных фактов! Все они, факты местного значения, работают на пятилетку! Надо менять к ним отношение... Не стоял у мартена – не можешь править заметку. Попрыгай у мартена, пожарься у печи, тогда и правь!.. И ещё. Журналист ТАССа и вырезатель – понятия несовместные. Нам надо не бояться – называть имён я не буду – указывать на недостаток – любовь к рюмке.

Герман, начальник отдела кадров:

– Дисциплина у нас плохая. Колесов не назвал, а я назыву Амплеева. Это он, будучи на госприёме, наквасился до чёртиков и, как написали нам из вырезателя, не мог самостоятельно передвигаться в метро и лёг остывающим трупом на холодный цемент. А корреспондент в Турции Юрий Ко-

лесов пьяный приходил на работу, что заметили и турецкие власти. Ничипоренко, полгода до пенсии, ходит по этажам, читает везде все объявления. Главный редактор не загружает его работой. Стыдно, товарищи, так работать! Некоторые совсем забыли, где они получают зарплату. Никакой гордости за ТАСС! ТАСС – великая информационная держава! Вспомните, кто до вас работал в нашем агентстве. Маяковский, Паустовский, Катаев... Имена! Вот на кого нам надо равняться!

Цековский инструктор Зубков призвал очеловечить соцсоревнование.

С конференции я уехал в баню.

19 ноября

Человек ничего не стоит, если он не нажил даже врагов.

А.Санжаровский

ОЖИВЛЯЖ

Молчанов вельможю поклонился вошедшему Калистратову:

– Как же! Как же! Здравствуйте, пожалуйста! Докладываю. Звонил Медведёв, наш железный канцлер!

– Истосковался по своему чёрному углу?

– Не доложились...

– Тогда я, братцы-нанайцы, докладываю. Я постригся. Меня надушили. Не лучше чеснока. Обходите стороной. Хотел взять Васю с зубами.²⁷³ Передумал. Снял бутылочку венгерского винца. На всякий случай. Винцо хорошее. Но тара. Когда открываю эту бутылку, я очень мучаюсь. Пробки большие, сразу не откроешь.

– Бузулуку бы твои заботы, – усмехнулся я. – Одним зубом выдергивает пробки.

Молчанов:

²⁷³ **Вася с зубами** – сухое белое вино «Васизубани».

– Ты как чёрный друг. Кончай бурить мозги. Бузулуку вдарить по пивку – куда ни шло. А долбить по коньяку – низзя. Не в коня пойло. Доскакал до стенокардии.

Татьяна:

– А знаете, как расшифровывается его стенокардия? Просто: лучше надо закусывать!

Молчанов едко всматривается в Татьяну:

– О! Что знает эта высокая недосыгаемая женщина!

Сева глянул в заметку у себя на столе и подал её Татьяне:

– Прочтите и оцените с высоты ваших знаний.

Татьяна нахмурилась вдруг:

– Как врежу по шее с высоты!

– Уй как страшно! – хохотнул Валька.

Татьяна резко повернулась к нему:

– А ты закрой пасть. Кишки простудишь!

– Что случилось? – удивился Валентин.

– Молчи, Молчанов.

– Ты действуешь по принципу Колесова. Орёт: «Я вас спрашиваю!», а ответить не даёт.

Все притихли. Занялись своими бумажками.

Татьяна скомкала листок и бросила в корзинку:

– Шпок.

Выждав паузу, Татьяна сказала, ни к кому не обращаясь:

– А мне Грищенко рассказывал, как Колесов просил вчера на активе дослушать его. Все шумели...

– Это я рассказывал Грищенко, – сказал Сева. – А уже он

с моих слов перепел тебе. Я возвёл в квадрат, а он в куб. Мда... Вчерашний актив... Это что-то из тяжёлой ёперы. Речь Замятина произвела гнетущее впечатление. Сам полгода всё живое вырубал из информации, а вчера запел обратное. Подайте ему оживляж!

– Всё, что вчера требовали, – уже было! – выкрикнул Марутов. – Всякое новшество, которое хоронят, нужно сохранять втайне. После его снова назовут передовым и тогда его легче будет внедрять. Новое – это всего лишь хорошо забытое старое!

– А я пила чай с Замятиным и с лимоном, – похвалилась Мила.

– И кто вкусней? – спросил Валька.

Мила конфузливо отмолчалась.

Звонит телефон.

Взяла трубку Мила.

– Если меня, – шепчет ей Горбачёва, – меня нет. Я на задании. А спросят ещё, скажи: скончалась безвременно.

И Мила ответила:

– Её нет и не будет. На задании.

Я Горбачёвой:

– Подтверди!

К вечеру Татьяна подобрела и сказала Вальке:

– Ты не носи на меня камень за пазухой иль ещё там чего. Я с ядком. Собака один раз укусила меня и тут же сдохла. И муж у меня под парю. Не благое приобретение, а наказание.

– Не мели чепухи, – шумнула ей Мила. – Собаки тебя любят. А они не ошибаются. Собаки – хороший народ. Ты так красиво воешь по-собачьи...

– И всё равно, Вальк, я в претензии к тебе, – сказала Татьяна. – Я тебе кактус приносила, а ты мне шиш чего поднёс.

– А что такое шиш? – спросил Сева.

Молчанов ответил:

– Тот же кактус, только без колючек.

22 ноября

Берегите сердце от бессердечных людей.
Л. Соколов

С ЗАМЯТИНЫМ В ОДНОМ ЛИФТЕ

Утром я ехал на работу в одном лифте с Замятиным. Он был от меня всего на ладошку. Молчали.

Об этом я не проронил ни слова в своей редакции.

Всё утро Калистратов с Молчановым прыгают у карты во всю стену. Разгадывают кроссворд.

Вошла Лидочка, технический секретарь, и к Севе:

– Сев! Ты подготовил справку, сколько заметок прошло по вашей редакции за прошлую неделю?

Сева в сердцах хлопнул себя по ляжкам:

– Тут с Валькой никак не найдём залив в Охотском море, а она пристаёт чёрт те с чем! Кому нужна эта справка? Пожарнику Колёскину?

– А хотя бы.

– Перетопчется! Не горит! Лидуш, выдам я тебе на обед эту справочку. А пока отлипни.

Лида пожала плечами. Вышла.

Севка усмехнулся:

– Пока пляшем поблиз Японии, вспомнилось... Женился русский на японушке. Привёз к себе и её мать. Вышла она во двор. Бабы и спрашивают: «Как молодой муж живёт с женой?» – «Каласо! Каласо!» – «А тебя как зовёт?» – «Ёбина мать!»

Валька читает вопрос: «Столица Удмуртии?»

– Ижевск! – выкрикивает Сева. – И как тут не выложить забавку про то, как тамошний наш корреспондент Данилов стал писателем. Служил в армии. Вернулся. В военкомате говорят: «Надо устраиваться. Чем занимался до армии?» – «Ничем». – «А в армии?» – «Да с бумагами там...». – «С бумагами! Да ты ж писатель!» И звонят редактору: «Тут хороший офицер. Улыбается. Имел дело с бумагами». Данилов трухнул и на всякий случай уточняет про свои бумаги: «Я был в армии фельдъегерем, только таскал бумаги там всякие из пункта А в пункт Б. И больше ничего!» – «А нам ничего другого и не надо. С бумагами работал! Этого достаточно!» И его взяли в республиканскую газету. А там он уже чуть позже засветился и у нас в ТАССе. Вот такая метаморфизика...

Тут влетает сияющий Бузулук, в приветствии вскинув руку:

– Желаю всем бодрости не только в головах, но и в ногах!

Немая сцена.

Когда пришли в себя, стали орать на него всем базаром:

– Ты что делаешь? Ты на больничном! И прилетел!

– Господа! – успокаивающе Олег поднял руку. – Давайте разомнёмся для ясности. Как сказал товарищ Данте?

Здесь нужно, чтоб душа была тверда;

Здесь страх не должен подавать совета.

Так вот в свете товарища Данте. Никакой паники! Завтра сессия в Кремле. Я всегда её освещал. Ну как я могу её пропустить?

– Незаменимый, что ли?

– Я и на это согласен. Не могу я отлёживаться... Я уже пробежал по всем редакциям, собрал все заказы на дифсит. В Кремле что-нибудь этакое и выкинут... Напишите мне и вы свои заказы на листочках. Кому чего, примерную и денежку подколите. Разочтёмся по честнянке... по товарным чекам... Как в прошлые разы. Трудно мне будет на сессии при малочисленности нашей бригады. Князев начисто вырублен. Грипп его вырубил из наших стройных краснознамённых рядов... Правда, взамен него включили какую-то новенькую фифу. Вся из себя. Говорил с нею. Строит всё... Мол, я не такая, я на рубль дороже. Наши отношения, говорит, как вино. Должны настояться. Про меня ей уже напели. Она мне льстит. Называет меня пробивным королём. Говорит: «Отнять эту веру в тебя – всё равно что у лисы отнять курицу». Вот такая приписана к нашей команде лиса с курицей в зубах. Ну ничего. Выкарабкаемся...

Значительно глядя в пол, в задумчивости проговорил Сева:

– Я тебя не понимаю, наш бесподобный вещий Олег. Чего ты лезешь в герои? Кому нужен твой подвиг? Есть больничный – лежи дома, плюй в потолок. Всё оплачено. Сейчас мы в своей конторе в основном заняты бюрократическим ничегонеделанием – стачкой наоборот. Это вечный перекур, длинный перерыв на кофе... Мучаемся от безделья. А тебе мучиться не надо. Законно лежишь! У тебя ж дорогая стенокардия!

Олег лениво отмахнулся:

– Иди ты умойся со своей стенокардией. А моя стенокардия вовсе и не стенокардия, а пот нервного перенапряжения.

– Олежек, раз ты оказался тут, давай дуэтом, – и Татьяна ласково затявкала. – Олег стал подвывать. – Только ты не гавкай. А то ещё, беспонтовый, инфаркт схватишь! Пить меньше надо.

– Но регулярно! – Олег с апломбом подсёк её на руки. – Я бессмертник!²⁷⁴

Татьяна замолотила его по плечу:

– Стенокардист!

Олег с Татьяной на руках закружился в танце по комнате, напевая:

– Волны над ними сомкнулись...

²⁷⁴ **Бессмертник** – человек, который никогда не пьянеет.

29 ноября, понедельник

*Я хотел жениться
Числа двадцать пятого.
Мать женилку оторвала
И куда-то спрятала.*

Частушка

МНОГОХОДОВОЧКА

Чем даром сидеть, лучше попусту ходить.

И я полдня попусту ходил от своего отдела до телефонной будки в коридоре.

Звонил, звонил, звонил...

Не отвечала моя Надежда Надеждовна.

Наконец ответила.

– Что с тобой случилось? – накинулся я с допросом. – Ты заболела?

– С чего ты взял?

– Почему тогда не приехала вчера? Я как мальчик пять часов торчал под часами на Курском. Даже милиционер мною заинтересовался, только не ты. Я послал его, и он, уходя, потребовал у меня документы. Я сунул ему тассовское удостоверение. Записал он данные и отбыл.

– Какой же ты дуб!

– А кто ты? Что ты делала в двенадцать?

– Спала.

– И ты ничего не подумала? Где ты должна была бы быть в двенадцать? И ничто тебя не кольнуло?

– Ни в одном глазу.

– Ну-у... Я добрый, добрый, но если мне гадости на гадости наложат в карман – я такое выверну, что и сам не знаю! Один столкну в пропасть целый Эверест! Переверну дом! Сожгу!

– Сожги свой дом.

– Я сожгу твой.

– Был бы умный, приехал бы...

– А Сашка?

– Он уходил.

– Учебник Берхиной достала?

– Да. У нас скоро занятие на курсах по книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

– Тебе, Надеждовна, занятней изучать, как выразился один у нас, детскую болезнь в онанизме.

– Я потеряла адрес своих курсов. Дай.

– Я охотнее дал бы тебе адрес нового крематория.

– А почему не старого?

– Там ветхое оборудование, и оно тебя не сожжёт всю заклеимённую. Ладно... Ты во сколько вчера проснулась?

– Не помню.

– Где проснулась?

– Не помню.

– С кем?

– Не помню.

– А как тебя зовут?

– Сейчас посмотрю в удостоверение.

Она долго шуршит бумажками.

Я в нетерпении:

– Когда узнаешь, как тебя зовут, позвонишь сама мне. Конечно, если захочешь.

И положил трубку.

Мда-а...

Подумать есть над чем...

Рабочий день кончился. Я уходил последним. Вдруг зазвонил телефон. Я вернулся.

Оказывается, звонила жена Рима.

Я удивился:

– Откуда вы взяли мой телефон?

– Рим раскололся под ноль. Вся информация от него.

– И что вам нужно от меня?

– Вам не хочется отвести душу и привести в божеский вид причёску этой вертихвостке, с которой так расфлиртывался мой старый стрекозёл Римушка?

– Знаете, я не парикмахер и в причёсках совсем не разбираюсь...

Голос у неё злой, металл:

– Тут не до разборов. Просто проредите ей причёску, сделайте широкий голенький пробор. У этой девки ни стыда ни совести! К кому и зачем она лезет? К недееспособному старику! Рим же старше её родного отца! Рим – плохой мужик. Не может удовлетворить даже свою жену. А что ему делать с молодой?

– От меня-то что вы хотите?

– Может, подскажете что дельное, как половчей разбомбить этот сучий базар?

– Ну-у... Кто станет плясать под чужую дудку? Вы не станете. Я не стану. А они, думаете, кинутся в чужой танец? Они люди взрослые. Пусть сами решают, как им быть. А вмешательство со стороны только ещё быстрее сольёт их в прочный союз.

– Вот этого-то как раз и не надо!

– А лезть мне в эту грязь? Не-е... Сами. Пусть сами в ней купаются!

– Ну чего вы отпрыгиваете от дела? Жаль... А то б... Наша совместная многоходовочка легла б делу в пользу. Ну давайте вместе откроем им обоим глаза! Ну что они вытворяют? На Ноябрьские праздники летали на три дня в Крым! Забомбись! Летали на мои денежки! Именно на мои!.. Рим вольный художник. Ляпает почтовые марки. Едет на случайных заработках. Да из них он ещё гонит алименты первой жене. Так что в руке остаются жалкие слёзы. Вот почему я

говоря, что летали на мои кровные. Один самолёт на две задницы чего стоит! И что мой привёз? Кучу рисунков! И на всех она голая. Кость на кости! На что мужики и бросаются? Он-то, половой демократ, броситься бросился. А прок какой? Только и делал там, что мазюкал её. О-очень интересно! Другие с молодками неделями не выходят из спальни. А этот тоже не выходил. Только кисточкой шлёп- шлёп. Надо сейчас подрубить сук, на котором они устроились. Чтоб они шлёпнулись! И шлёпнутся! Я пойду в местком, в комсомол! Поеду в деревню к её родителям! Я с неё живая не слезу! Я таки подсуну под них бомбу! Поверите?

– Ещё бы не поверить... Вы сами ого-го вставьте им ума! Ни в чём так яро и полно не проявляется изошрённость человеческого ума, как в жестокости...

– А перед кем приседать? Было бы перед кем. Пусть он к кому хочет уходит, только не к ней. К любой другой побегит – без единого звучика дам развод²⁷⁵. А намылитя всерьёз бечь к этой свистушке – дулю ему с маслом! Он с этой пустёхой пропадёт! Она ж не может готовить, не хочет работать, не хочет учиться. Пять раз поступала в вузы! Никуда не проскочила тупашка! Уши развесила, как лопухи. Ему с ней будет скучно. Что он в ней нашёл? Кому она такая нужна? И Рим с такой жить не будет. Ему нужна одна натурщица в костях. Была и я такой. Рисовал. Предупредил: «Рас-

²⁷⁵ «Развод – болезненный процесс, когда амуры пытаются выдернуть свои стрелы».

толстеешь – брошу». Вот... Он сына Сашку любит. Не бросит... Попрыгает, попрыгает и угомонится... Перемелется всё – бифштекс курам на смех будет... Ради неё он бросил курить. А сегодня закурил. Сын радостно закричал: «Папа закурил!»

– Дай-то Бог...

– Все нервы подняты, – в растерянности бормочет она. – Я всю ночь не спала. Думала про наш разговор с вами... Эта ночь была у меня, как ночь у Кутузова перед Бородином, как ночь у Наполеона перед Лейпцигом и Ватерлоо... Жизнь – это драка... В моём сердце уже прокипел вулкан и на стенках души застыли обугленные куски любви. Всё шлак, всё мёртво... И всё же... Что же мой кобёл делает с этой слюнявкой? Как бы капризен, зол, равнодушен ни был ребёнок, он всегда хорош. И она для него ребёнок... И всё-таки... Мне ж одной его не хватает... Зато эта многостаночница... День с вами, день с ним. По графику. Из графика не выбивается. Ударница постельного труда. Я научу её, как надо Родину любить, не считая меня... Допекут они меня... Иду ва-банк... Терять мне больше нечего... Достанется он ей без тоскливой висюльки, и натравлю-ка я на них журнал «Крокодил»! Уж смельчак «Крокодилушка» быстренько разгонит этот сучий бомонд!

1 декабря

Мозоли в Волге

Утро. Я пока один в отделе.

Влетел Марутов:

– Что, никого нет?

– Никого не видно.

– Даже в бинокль!

Девять двадцать. За окном сумрачно.

Входит Бузулук, напевая:

– Сказала мать: «Бывает всё, сынок,

И ты домой вернёшься без сапог.

Тогда, в конце пути,

Свои мозоли в Волгу опусти».

Олег зачарованно смотрит в окно:

– Иль мои мольбы дошли до Бога? Запустил снежными комьями! Эх ты, многостаночники-многострадальники! Снег валит, а толку мало...

Входит Великанов:

– Где же ваш бригадир Калистратов?

– Они-с болеют-с, – в чинном поклоне отвечает Молчанов. – Сейчас у нас два врио. Бузулук и Аккуратова. День командует парадом Олег, день- Татьяна. Вперемешку. О! – по-

казывает он на появившуюся на пороге Татьяну, – наш второй генсек!

Татьяна отмахивается:

– Не паясничай, Валька! Дураки вы все и уши у вас дырявые. У меня такое... Сегодня утром шарахнула две таблетки анальгина. Голова болит... У меня ж... Четыре дня пёс не ел, рвало его. Пошли на ветпункт. Измерьте, сказали, ему температуру. «Как?» – «Градусник в задний проход на пять минут». Легко сказать. Пробовала... Пёс кусается. Положила градусник под лапку ему. Тридцать восемь и пять. Для собаки нормально. Прописали поить боржомом и нарзаном. Вот поила сегодня... Вроде ему лучше...

– Слава Марксику! – лукаво выкрикнул Молчанов.

– А я бы не шутила тут... – опечаленно вставила Мила. – Мне на днях подсунули под дверь щеночка. Слышу, вроде тихого детского плача за дверью. Открываю... Маленький, красивый... Дрожит... Ну какое тут сердце не занает? Взяла... Третьи сутки живёт у меня... Давайте возьмём его на воспитание в РПЭИ.

Калистратов одобрил:

– Будет сыном РПЭИ!

– И глупо! – возразила Татьяна. – Будет в нашем отделе жить? А постоянная кормёжка, уход? Вы подумали своими кривыми мозгами? Если брать его... Лучше в дом. Мила! Ты ж... Это подарок Бога! Одинокая старая дева. Никого в доме кроме тараканов под плинтусами... Будет живой голосок в

доме. Бери к себе!

– Да я уже подумала... Пожалуй, оставлю у себя...

– Ав-ав-ав! – во всё горло заорала Татьяна. – Полный одобрямс!

Великанов, застрявший у нас поболтать, всполошённо заозирался:

– Это какая-то у вас эпидемия!.. Совсем разучились говорить по-людски. Всё по-собачьи. Вчера на моё приветствие Гарегин Гарегинович ответил авканьем. Татьяна вот сейчас снова... Слушай, Таньк! Я приглашаю тебя в наш новогодний капустник. По сценарию, будешь за сценой твякать. У тебя здорово получается!

9 декабря

У нас все классики

Сегодня Бузулук в ударе:

– У меня очередная годовщина супружеской жизни. Десять лет совместного ярма! Каково?! Что сделано за этот срок? Я отчитываюсь перед Родиной двумя сыновьями! Хорошо бы было, если б с мороза что-нибудь появилось на зубах пожевать вволю да по банке бальзама... Эх-х...

Дед кричит из-под стола:
«Мяу! Кошечка пришла».

Вошёл хохочущий Беляев. Рассказывает, как гендир Лапин выгонял тщедушного выпускающего Кошелькова. Сейчас на пенсии.

– Крепко Лапин его выживал. Гнал на пенсию. Метода какая... Закроет на часок в кабинете. Откроет... Бледный Кошельков бродит по коридору, хлюпает в жилетку всем о беде, ищет сочувствующих. Вот и родилась поговорка «Лапин требует крови, а Кошельков ходит по коридору и ищет донора».

На правах ио начальника Бузулук повопил на Милу и побежал на планёрку.

Мила расстроилась.

– Ну и конторка... Одного, Барина, угробили и отправили в Иваново... Второго начальника, Калистратова, доконали. Заболел... Теперь сегодня у нас пузатый начальник Бузулук.

Бузулук с планёрки подошёл ко мне.

– Товарищ геолог Толик, Колесов велел тебе уйти до первого января. Потому что с первого января будет сокращение по-лапински, и тогда сокращённый не будет иметь права поступать на идеологическую службу. Урезать так урезать, сказал японский литсотрудник, делая себе харакири. Колесову сверху указано на близорукость при подборе кадров.

По углам зашушукались. Дрянь какую притащил. Это на меня поднимают психическую атаку?

Мила поясняет новичку Прибылову (он у нас уже недели полторы вписывается в нашу суматошную жизнь):

– Тут нами как пешками двигают. И передвигать этими пешками пытаются тоже пешки.

Вбегает Бузулук и на нервах бужит:

– Говнюки вы все оказались. Колесов говорил со мной один на один. Я сказал вам одним, а уже чужачка Ермакова знает!

– Олег! – говорит ему Марина. – А ты не подзагнул насчёт идеологии? Как тогда... Про приказ Замятина сделать Миле Панченко подборку? Горячо берёшься, хлопчик...

Я поддержал её:

– «Люди холопского звания
Сущие псы иногда.
Чем тяжелей наказание,
Тем им милей господа».

Тайная разведка выяснила. Ни о какой идеологии Колесов не говорил с Бузулуком. Просто Бузулучина очень хочет поскорей выслужиться, выпрыгнуть из врио в начальнички, а потому и начесал тут ворох чепухи. Авось сам себе подмажу.

Да так сильно подмазал, что сам и хлопнулся на своей скользкой дорожке.

У него рожа побитой собаки.

У лжи ножки тоненькие и трухлявые.

К вечеру зашла посплетничать Ермакова. Рассказывает про свою маленькую дочку.

– Моя доча отколола. Рассыпала игрушки по полу. Я ей: «Ты соберёшь их или нет?» – «Ни за что и никогда!»

Мне Люся сказала:

– Толя, почему ты не напишешь мне в вестник о геологах? Я прошу. За тобой бегают десятка, а ты от неё... Тань, а чего ты его так мило называешь – Толиком?

– Лаской хочу выманить тетрадь у него, куда он всё записывает.

Люся хохотнула:

– Дурайка! Я обещаю чекушку!

Я заинтересовался:

– Ну-ну... Кто больше?

Люся:

– За него дерутся две женщины. Резайкина и Майя Теодоровна.

– До крика! – пояснил я. – Вчера Резайкина на меня шумела: «Недодал два рубля!» Не подумайте чего. Недодал ей взносов в кассу взаимопомощи.

До метро я шёл вечером с Прибыловым.

– Кто у вас самый лучший? – спросил он.

– У нас нет последних. Все классики.

21 декабря В туле

Я потерял журналистское удостоверение. Сказали, можно восстановить членство в отделении Союза журналистов, откуда снимался с учёта. Было это в Туле. Я и прискакал в Тулу, остановился в гостинице «Тула».

Свои дела я решил в один час.

Можно поболтаться по городу.

Пешком пошёл в «Молодой коммунар».

Во дворе грустно обошёл вокруг старый костёл, в котором жила редакция...

В коридоре натолкнулся на Чубарова. Сгорбился, руки трясутся. Суетлив. Жалок. Законченный бухарик.

– В столицу въехал на женщинах? – ядовито проскрипел он ржавым голосом.

– На поезде. Я пока не женат.

– Ты так хотел в Москву... Добился... Настойчивый...

– Настырный.

Валя Гуркова, красавица машинистка, ещё пополнила, но не потеряла своей привлекательности.

– Развожусь я со своим Дементьевым, – жалуется она. – Уже который год. И всё никак. На суде скулит он: люблю жену, дочь. И я как-то особо не высываюсь. Всё терплю. А чего терпеть? Не люблю, кто пьёт. Пить пей, но стой! Не па-

дай! Люблю стоячих мужиков. А раз упал – это не мужчина. Как с таким жить?.. Ты где сейчас?

– На двести километров западнее вас...

Я брёл в гостиницу и поймал себя на том, что думал о Лильке. Мой чудный нераскрытый цветок... Ничего б не было странного, столкнись я сейчас с нею. Я ничуть не удивился бы. Её ж дом в трёх сотнях шагов от «Тулы».

И всё свертелось, как в глупом сне. Навстречу мне шла Лилька!

Ахи, охи, шумные вздохи...

Лилька уставилась на мой забинтованный указательный палец:

– Что с ним?

– Бытовая авария. Срезал дома мясо с кости и чуть не счесал подушечку пальца. Залил йодом и побежал в медпункт. Там тоже удивились: «Что же вы? Надо резать мясо, а не пальцы». Я отшутился: «На шашлык немного не хватало».

– У меня ращпредложение. Айда к Борисовне на шашлыки.

– Кто эта Борисовна?

– Уже забыл? – Она брезгливо поморщилась. – Моя матуня...

– А-а... Чем она занимается?

– Держит кассу ресторана! Кассир.

– А ты что же? Не работаешь?

– Почему же... Прею всё в той же библиотеке. Я объясню начальнице нечаянный уважительный прогул. Она поймёт и наверняка даст ещё отгул за прогул.

– Как ты живёшь, Лика?

Она потемнела в лице.

– Лучше спроси об этом Борисовну. Пусть она поковыряется в носу на эту тему...

– У тебя нелады с матерью?

– А откуда взяться этим ладам?.. Ну... Помнишь фильм «Ко мне, Мухтар!»? Собака там схалтурила, потеряла след.

– Ты хочешь сказать, что и я схалтурил, потеряв твой след? Я не терял...

– Это я схалтурила, когда по молодости-глупости целиком поддалась Борисовне. Выпихнула замуж чёрте за кого... И теперь я такая тебе вовсе не нужна. У меня слишком большое приданое. Наташка! Ей полтора годика... Мы с ним не живём...

– Ты его любила?

– Его любила Борисовна. Она очень хотела выдать меня замуж. Два месяца покупал он мне шоколадки. А потом перестал: мы расписались.

Я заплатил Борисовне за бутылку шампанского, за три шашлыка.

Столик она выбрала нам поближе к кассе.

В свободную минуту Борисовна тихонько, бочком подса-

живалась к нам. Вид у неё был виноватый.

После первого бокала Лилька захмелела.

– Лиль, – сказала ей мать, – не пей больше. Хватит.

– Борисовна, – обращается к ней Лилька, – а Анатолий Никифорович не верит, что я была замужем. Верил, что ты уж убережёшь...

Борисовна повинно буркнула:

– Толя... Вы же уехали...

– Так я и приехал.

– Борисовна, – говорит Лилька, наливая шампанского в свободный бокал, – выпей с нами. Ты заслужила...

Борисовна пригубила и тут отставила бокал в сторону.

Лилька поясняет мне:

– Борисовна всё время возилась с Наташкой. Когда станет неспособна, недовольно кричит мне: «Лильк, иди возьми!» Девочка запомнила это. Теперь она мою мать, свою бабушку, зовёт мамой, а мне выкрикивает изредка: «Лиля! Лиля!»

– Чего же вам не жить? – спросил я Лильку.

– Пьёт.

– А ты до свадьбы не знала?

– Не успела рассмотреть.

– Мужики ухари. Живут с одними, а в жёны берут других.

– Ка-ак везёт лёгким девицам. Везло бы так порядочным...

– Эстафетная палочка²⁷⁶ крутится с сотней. Она-то знает толк в мужиках. Заплыл в сети стоящий карась – не сорвётся с крючка. Она может себя подать. Найдёт средство, как приручить его. Ещё пять лет назад наши дела с тобой сложились бы совсем иначе, покажи ты, что действительно любишь. А то... Мамаша внаглую навяливала тебя, как дурочку какую.

– Я боялась... сразу...

– Можно было по частям.

– Издеваешься? Я люблю тебя за ум. У тебя красивый голос...

– Всё это частности.

– А теперь я такая тебе не нужна.

– Не решай за меня. Если я почувствую серьёзность, я на всё плюну... А ты...

– Если хоть бы раз в год писал... Какая-то была б надежда... А то ж ничего... Никаких обещаний...

– Да, заранее я векселей не выдаю. Но если дам... Это уже другой распев.

Гостиница. Три часа ночи.

Не могу заснуть. Закрою глаза – мерещится невыносимо что.

Я собрался и пешком пошёл по ночной Туле к вокзалу.

²⁷⁶ Эстафетная палочка – доступная девушка.

23 декабря

Комсомольский артналёт

Сегодня на ТАСС был совершён артналёт.

Комсомольский.

Проверяли приход-прибег в службу доблестных труженничков пера.

Я прожёл мимо бдительных комсомолог в 8.35, Сева – в 8.58, Мила Панченко – в 8.59.

Влетела, на последних силах добрела до своего стола и за-мертво рухнула на стул и на стол. Судорожно дыша, кое-как пришла в себя.

– Это ужас! – заговорила Мила. – Со мной по-божески ещё обошлись. А парня – бежал за мной – тормознули. «Извините за внимание, – вежливо cedят сквозь зубы. – Ваше удостоверение!» Берут удостоверение и что-то начинают записывать в свой талмуд. Парень взбешён. Кричит: «Ну чего записывать? Чего? Так ещё ж нет девяти! Объяснитесь!» – «Если начнём объяснять, вы точно опоздаете! Идите быстрей». А у следующего за ним мужика отобрали удостоверение: шли первые секунды десятого часа. Ну не хамство?

– Не понимаю этой жестокой бдительности, – пускается в рассуждения Сева. – За-чем? Абсолютно никому не интересно, что от такого обращения пропадает настроение, не хочется работать. День без дела, зато прилетай к девяти! За-чем?

Чтоб ровно в девять, без опоздания, человек шёл в коридор покурить? Это и вся цель всего этого артнолётта? На курение мы могли бы делегировать лишь Аккуратову, она одна у нас в отделе курит. Так её всё нет. Придёт часа через два, когда бдительные разбегутся к своим кормушкам. Её такого царского опоздания никто не заметит, она будет в ангелочках...

Входит Ржешевский.

– Погорел я, братове... Вырвали пропуск. Опоздал на десять минут! «Спасибо за беспокойство!» – поблагодарил я их. «Пожалуйста! Пожалуйста! – отвечают. – И не держите на нас сердца. Мы не какие-то тут кастраты. Мы живём вашими молитвами. Молимся за каждого опоздавшего...». Я с подковырой: «Наверное, у вас на коленях мозоли?» – «У нас нашиты на коленях подушечки». – «Однако вы ушлые рационализаторы!»

– Самое занятное, – подал голос еле отдышавшийся Бузулук, – комсомольцы на тринадцать минут завалили замгендиратора Вишневого. Они у него тоже вырвали пропуск?

Этого никто не знал.

Как Севка и обещал, Татьяна появилась ровно в одиннадцать.

– Здравсьте, Татьяна Валентиновна! – с ядовитой улыбкой поздоровался Севка. – С опозданием вас? У вас ничего не вырвали?

– А кто и что должен был у меня вырвать? – подивилась Татьяна.

– Видали! На два часа опоздала и – ничего! А люди на секунды пришли на работу после девяти – остались без удостоверений! Ползай теперь по высоким кабинетам на брюхе... Оправдывайся... Почему ты сегодня опоздала?

– Сев, ты не поверишь, до каких глупостей докатилась эта дуручка из переулочка! – хлопнула себя Татьяна по груди. – Умер У Тан.²⁷⁷ Я и намечтала, что именно мною его заменят. Но сегодня уже объявили, что на его место сунули какого-то австрияка! Я всё ждала, что меня не обойдут. Да обошли! Как только узнала я это по радио – сразу поехала сюда.

– Спасибо! Уважила!

– А у вас, Сев, посмотрю, нет даже сегодняшних газет.

– У нас горе, Таньк... Оплакиваем облаву тассовских комсомольцев на опоздунов. Некогда было прогуляться в секретариат за газетами.

– Пойду-ка я прогуляюсь в этот секретариат, – сказала Татьяна и вышла.

Скоро она сидела в коридоре за столиком. Курила и просматривала газеты.

Первым это заметил Молчанов и доложил нашему ёбществу:

– Какая наглость! Эта фенечка сидит на газетах и чита-

²⁷⁷ У этого человека бирманское имя без фамилии. Тан – имя, У – почётная приставка к имени. У Тан – Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций с 1962 по 1971 год.

ет. Прочитала – суёт назад под свой банкомат.²⁷⁸ Прочитала – опять под банкомат! Я придумал, как снять эту курицу с гнезда, – и дуря заорал, приоткрыв дверь: – Аккуратова! Тебе твой законный грек звонит!

Татьяна кинулась к телефону.

Валька рванулся ей навстречу, сгрёб газеты и вальнул Севке на стол.

В газетах ничего интересного. Марину зацепило лишь одно:

– А Солженицын всё-таки был на похоронах Твардовского. Хотя они и в контриках... Шикарно был одет... Конечно, за такими спинами будешь шикарничать. Его спина – Ростропович.

– Конечно, – грустно сказал Севка, надо бы сегодняшний день объявить днем ударной работы. Но не хочется, раз так нас шмонают.

И снова шелестят все газетами.

– Прибежал Медведев:

– Я стойко приветствую, – вскинул он руку, – передовой народ краснознамённой редакции!

– О! – обрадовалась Татьяна. – Явление Христа народу!

– У вас свежо! – говорит Медведев. – А Ермакова твердит, что у Татьяны одежда воняет табачищем. Ничего подобного. Зато вот у нас! Рождественская, Иванов смолят в две трубы! Но это ещё ничего. А у Колесова... Вот где куриловка! За-

²⁷⁸ Банкомат – задница.

хожу – его не видно. Одни глаза блестят.

– К нам, – пожаловался Севка, – забегает одна чадящая труба. Жена бывшего парторга Новикова Лидуня. Я спрашиваю, тебе муж разрешил открыто курить?²⁷⁹ Как парторг спит с такой пепельницей в одной постели? Он же чистюля и запаха сигарет не выносит. Смеётся: «Спроси у него. Ко мне у него претензий нет».

– Я вот чего пришёл, – сказал Медведев. – Другие редакции заваливают наш выпуск заметками. Выпуск плавает брассом. Но почему нету ваших заметок?

– У нас траур, – печально покачал головой Севка. – Оплакиваем успешный отлов опаздывающих комсомолятами.

– За чужой счёт не выживете... Тут не отыграешься, как Ворошилов... Вспомнился самый смешной случай с Ворошиловым. Это было на моих глазах. Случай из моей практики. На сессии вручали Российской Федерации орден Ленина. Приветствие зачитывал Ворошилов. Прочитал несколько фраз, покашлял и сказал: «А остальное прочтёте завтра в газетах». Все радостно захлопали. Вам же хлопать никто не будет. Оплакали своих опоздунув, слёзки вытерли, передохнули, а теперь за дело, орденоносцы! Желаю успехов!

– Да, – значительно сказал Сева. – Заметок, которых мы не сдадим сегодня на выпуск, завтра в газетах не прочтут. А это нехорошо. Нельзя подводить самую читающую страну в мире! Ну что? Сделаем лирическое отступление в сторону

²⁷⁹ «Курильщик – человек, досрочно выкуряющий себя с этого света».

трудового всплёска? Объявляю сегодняшний день ударным рабочим днём! Работнём, панове! – и мёртво уставился на Бузулука, говорил по телефону.

Марина тоже не может наглядеться на Бузулука, разводит руками:

– Ну что он так орёт?! Дома, наверное, тише мышки. Потому что Лиза сразу даст в глаз.

Молчанов наставил строгий палец на Бузулука:

– Сокращайся! Кончай разбазариваться! Когда в тебе совесть проснётся на эту тему? Не слышал, что объявлен сегодняшний день рабочим?

Бузулук кивает: всё-де слышу, закругляюсь и в трубку:

– К острому сожалению, у нас тут Псевдолабиринтович объявил пожар последней степени. Кончаем кофемолить.²⁸⁰ Одним словом, хорошо уговариваешь. Записывать надо. Надо выделить вам Пимена, летописца на полставки из РПЭИ. Но особо Пимена не жди. Сам! Делай сам! Написал материал хорошо, но сухо, деловито. Надо разгуляться где-то в середине. Сделай отступление в сторону репортажности. Оживляж нужен. Укажи хоть каких конкретных Кошкина-Собакина, всё живей закрутится. Надо потихоньку раскошегариваться. Кончай с творческим климаксом!²⁸¹ Найди приёмы какие-то, человеческие чёрточки. Нужны не только экономические выкладки, но и какие-то человеческие жилки. Не

²⁸⁰ **Кофемолить** – пустословить.

²⁸¹ **Творческий климакс** – отсутствие вдохновения, хандра.

наступай себе на горло. А то задушишь себя. Не спеши. Со-
зидай!

Олег кладёт трубку и насыпается на Молчанова:

– Ну чего ты кипишь? Успокойся... Выпей воды...

– Это ты пей воду, а я пойду пить водку.

– От твоих давешних глупых расспросов скоро станешь
адиётом.

– Тебе не надо становиться идиотом, – окусывается Валь-
ка. – Ты уже идиот. Сегодня – рабочий день! Вкалывай! На
дворе мрак. Сплошной снег. Поезда ходят впотьмах. Но хо-
дят! И ты давай... Кончай стихийный бунт. Кончай блудить
в темноте!

– Ну это ты кончай под меня рыть. А то мышка рыла, рыла
и дорылась до кошки!

Уже через какой час Сева заныл:

– Я плыву... Откуда у вас у всех заметки? И всё несут,
несут! Я вам такой прыти не заказывал. Папка полна. Не
успеваю читать. Охладите молодцовский пыл, сбросьте обо-
роты...

Я кладу ему на стол отредактированную заметку и возвра-
щаюсь к своему столу.

Марина:

– Толя, пока не сел открой форточку.

– Ладно... Ты сидишь у окна. Как ты переносишь перепа-
ды температуры?

– Я тепло одета.

– А уши? Голова?

Молчанов хмыкнул:

– А зачем ей голова?

Марина делает вид, что не слышит этой колкости, и тянет своё:

– Суконцев. Наверное, слышали? Это фельетонист в «Правде». Так он пишет лёжа.

Марутов деланно вскрикивает:

– Что вы! Я ни разу не читал его сидя.

– Так вот он как зальёт радиатор, так на стенку хочет лезть. Как эта болезнь называется?

– Стенокардия! – выпаливает всезнайка Марутов.

Татьяна толкает меня в локоть:

– Толенька, ты нашёлся?

– Как видишь...

– А вчера почему тебя не было?

– Тебе скажи, ты и знать будешь!

– А всё же?

– Ну... Примёрз к дивану. Сегодня еле отодрался.

Она дёргает носом:

– Какой-то запах... Или самовозгорание где?

– Не переживай. Самовозгорание у нас возможно только от любви...

Трёп обрывается. Все воткнулись в газеты.

– Знаешь, – тихонько говорю я Татьянке, – вчера я встретался со своим бывшим хозяином, койку когда-то у него

снял. Занятную штуку он выворотил! Он и раньше мне про это говорил... Оказывается, и ты, и я были тассовцами ещё задолго до нашего появления на Тверском, десять-двенадцать. Мы и не думали ещё переступить порог ТАССа, а уже были тассовцами!

– Какая-то байда на кривой палочке! Чистый пурген!²⁸²

– Я тоже так сперва думал... Он как раскладывает пасьянс? Со своего рождения, твердит он, и до смерти всякий у нас является тассовцем! Люди общаются, обмениваются новостями всякими. Житейскими, новостями страны. Чем каждый человек не ТАСС в миниатюре?

– Гм... Тут что сверкнуло...

– О! – вскинул руку Молчанов. – «Советская торговля» дала моды на следующий год. Юбки теперь будут носить длинные! Ну, – тычет пальцем в Бузулука, – ты допился до своего? Длинные юбки будут в моде! Тебя это не колышет?

– Только да... От этой новости грусть меня грызёт. Хоть я не кость и не собака...

– Прощайте, милые женские коленочки, – припечалился я.

– Ну и ну, – вздохнула Марина. – Теперь вслепую придётся играть.

Сева внёс руководящую ясность:

– Когда играли в светлую, всё равно темно было.

²⁸² Пурген – вздор.

Татьяна серьёзно, как умная Маня, принимает ингаляцию²⁸³ в коридоре. Пепел стряхиват в газетный кулёчек. Затягивается с остервенением. Жутко видеть.

– Тань, – говорю ей. – Один умный дядечка сказал: «Курить бросают все – умные ещё при жизни». А ты не пробовала бросить союзить?²⁸⁴

– Пробовала и не раз. Больше не буду и пробовать. Дохлый же номер! Собачий сон!

А я вот сумел бросить в тринадцать лет.

Вспоминается то розовое время безалаберности...

Избирательность памяти коварна.

Не помню я ни лица, ни имени учительницы, научившей читать, писать. Зато расхорошо помню другого своего первого учителя. По курению. Точно вчера с его урока.

Васька!

Лохматый двадцатилетний лешак. Таскал и в лето и в зиму неизменно по две фуфайки. Всаживал одну в одну. Как матрёшки. И круглый год бегал в малахае. Это-то на Кавказе! (Дело пеклось в местечке для репрессированных выселян Насакирали, на самой макушке Лысого косогора.)

Васька был большой бугор (начальник).

А я маленький.

Васька пас коз, я пас козлят. С мая по сентябрь, конечно. В каникулы.

²⁸³ Принимать ингаляцию – курить.

²⁸⁴ Союзить – курить.

В рабочей обстановке мы не могли встречаться, хотя производственная необходимость в том и была. Сбежись наши стада, это чревато... Вернутся козы домой без молока.

У Васькиных коз и у моих козлят были прямые родственные связи. Как говорил Васька, это была кругом сплетённая родня.

Однако в обед, когда наши табунки порознь дремали в прохладе придорожных ёлок, мы с Васькой сходились на бугре. Третьим из начальства был Пинок, важный Васькин пёс с добрым лицом. Всегда держался он справа от Васьки. Был его правой рукой.

Козы были по одну сторону бугра, козлята по другую. Они не видели друг друга. Зато мы с Васькой видели и тех и других. У хорошего пастуха четыре глаза! И если уж они паче чаяния кинутся на сближение, им другого пути нет, как только через наши трупы.

Ну разве мы допустим их воссоединения?

И вот однажды в один из таких обеденных перерывов – было это в воскресенье тринадцатого июля 1952 года – мы сошлись. Запив полбуханки глиноподобного кукурузного хлеба литром кипячёного молока из зелёной бутылки, посоловельный Васька – а было так парко, что, казалось, плавильсь мозги, – разморенно вставил себе на десерт в угол губ папироску. С небрежным великодушием подал и мне.

Я в страхе попятился. Спрятал руки за спину.

– Ты чего? – удивился Васька. – Кто от царского угощения

отпрыгивает по воскресеньям?

– Я не к-кур-рю... – проямлил я оправдательно.

– А-а! – присвистнул Васька. – Вон оно что! Мамкин сосунчик! Долго ж тебя с грудного довольства не спихивают. Сколько тебе?

– Тринадцать.

– Уже всеино тринадцать! – Васька в панике пошатал головой. – Какой ужас!.. Во! – Васька щёлкнул пальцем по газете, в которую был завернут оставшийся после обеда шмат चाहоточно-желтого кукурузного хлеба кирпичиком. – Вон шестилетний индонезийский шкеток Алди Ризал в день выкуривает по сорок сигаретин! Учись! О мужик! А ты?.. Тоскливый ты кисляй...

Васька лениво мазнул меня пальцем по губам.

Брезгливо осмотрел подушечку пальца. Вытер о штаны.

– Мда-а... Молочко ещё не обсохло. Мажется, – трагически констатировал он. – Несчастный сосунчик!

Это меня добило.

Я молча, с вызовом кинул ему раскрытую ладошку.

Он так же молча и державно вложил в неё «ракетину».

– Хвалю Серка за обычай. Хоть не везёт, дак ржёт! – надрвое выпалил Васька.

Что он хотел этим сказать? Что я, дав вспышку, так и не закурю? Я закурил. Судорожно затянулся во всю ивановскую. Проглотил. И дым из меня повалил не только из глаз и ушей, но и изо всех прочих щелей. Я закашлялся со слезами.

Во рту задрало. Точно шваброй.

– Начало полдела скачало! Всё пучком! – торжественно объявил Васька. И мягко, певуче вразумил: – Всякое ученье горько, да плоды его сладки...

– Когда же будет сладко? – сквозь слёзы просипел я.

– Попозжей, милоч, попозжей, – отечески нежно зажурчал его голос. – Не торопи лошадок... Надо когда-то и начинать... А то ты и так сильно припоздал. Это несмыываемый позор, – в нежном распале корил Васька, любя меня с каждой минутой, похоже, всё круче, всё шальней. – В тринадцать не курить! Когда ж мужиком будем становиться? А? В полста? Иль когда вперёд лаптями понесут? И вообще, – мечтательно произнёс он, эффектно отставив в сторону руку с папиросой, – человек с папиросиной – уважаемый человек! Кум королю, государь – дядя!.. Человека с папироской даже сам комар уважает. Не нападает. За своего держит! Так что кури! Можь, с куренья веснушки сойдут да нос перестанет лупиться иль рыжины в волосе посбавится... Можь, ещё и подправишься... А то дохлый, как жадность. Вида никакого. Так хоть дыми. Пускай от тебя "Ракетой" воняет да мужиком! – благословил он.

А я тем временем уже не мог остановиться.

Прикуривал папиросу от папиросы.

Васька в изумлении приоткрыл рот.

Уставился на меня не мигая.

– Иль ты ешь их без хлеба? – наконец пробубнил он.

Он не знал, то ли радоваться, то ли печалиться этаковской моей прыти.

На... – ой папиресе у меня закружилась голова.

На... – ой я упал в обморок.

Васька отхлестал меня по щекам.

Я очнулся и – попросил курева.

– Хвалю барбоса за хватку! – ударил в землю он шапкой. –

Курнуть не курнуть, так чтобы уж рога в землю!

До смерточки тянуло курить.

Едва отдохнул от одной папиросы, наваливался на новую.

Мой взвихрённый энтузиазм всполошил Ваську.

– Однако... Погляжу, лихой ты работничек из миски ложкой. Особо ежли миска чужая... По столько за раз не таскай в себя дыму. Не унесло бы в небонько! Держи меру. Не то отдам, где козам рога правют.

Не знаю, чем бы кончился тот первый перекур, не поднимись козы. Пора было разбежаться.

– Ну... Чем даром сидеть, лучше попусту ходить. – Васька усмехнулся, сунул мне пачку "Ракеты". – Получай первый аванец. Ребятишкам на молочишко, старику на табачишко!

Пачки мне не хватило не то что до следующего обеда – её в час не стало.

На другой день Васёня дал ещё.

– Бери да помни: рука руку моет, обе хотят белы быть. Ежель что, подсобляй мне тож чем спонадобится.

Я быстро кивнул.

Каждый день в обед Васёня вручал мне новую пачку.

Так длилось ровно месяц. И любня – разохлась!

Я прирученно подлетел к Васёне с загодя раскрытой гробиком ладошкой за божьей милостынькой.

Васёня хлопнул по вытянутой руке моей. Кривясь, откинул её в сторону и лениво посветил кукишем.

– На́ тебе, Тольчик, дулю из Мартынова сада да забудь меня. Ну ты и хвостопад!²⁸⁵ Разоритель! Всё! Песец тебе!.. Испытательный месячину выдержал на молодца. Чё ещё?..

– Чирей на плечо! – хохотнул я.

– Перетопчешься! Ноне я ссаживаю тебя со своего дыма... Самому нечего вот соснуть. Да и... Я не помесь негра с мотоциклом. Под какой интерес таскай я всякому сонному и встречному? Кто ты мне? Ну? – Он опало махнул рукой. – Так, девятой курице десятое яйцо... Я главно сделал. Наставил на истинно мужеский путь. Мужика в тебе разбудил... Разгон дал! Так ты и катись. Наверно, ты считаешь меня в душе быком фанерным...²⁸⁶ Считай. Меня от этого не убудет. Добывай курево сам! Невелик козел – рога большие...

Этот его выбрык выбил меня из рассудка.

– Василёк!.. Не на что покупать... – разбито прошептал я.

– А мне какая печалька, что у тебя тонкий карман? Меня такие вещи не прокатывают! Крути мозгой. Не замоча рук,

²⁸⁵ **Хвостопад** – человек, который любит за чужой счёт пожить и развлечься.

²⁸⁶ **Бык фанерный** – глупый молодой человек.

не умоешься... Ты про бычарики²⁸⁷ слышал?

Стрелять хасиков²⁸⁸ у знакомых я боялся. Ещё дошуршит до матери. Стыда, стыда... К наезжим незнакомцам подходить не решался. Да и откуда было особо взяться незнакомцам в нашей горной глушинке?

А подбирать чужие грязные обкурки...

Ой и не царское ж это дело, Никифорович!

Не получив от Васьки новой пачки, я в знак вызова – перед гибелью козы бодаются! – двинул зачем-то козлят в обед домой. В наш посёлочек в три каменных недоскрёба.

Уже посреди посёлка мне встретилась мама.

Бежала к магазинщику Сандро за хлебом.

Я навязал ей козлят. А сам бросился в лавку.

Радость затопила душу. В первый раз сам куплю! Накурюсь на тыщу лет вперёд! Про запас!

Денег тика-в-тику.

На буханку хлеба да на полную пачку "Ракеты"!

– Нэт, дорогой мой, – сказал мне грузин-магазинщик, – "Ракэт" ти нэ получишь. «Ракэт» я отпускаю толко лебедам... Двойешникам. У них ум нэту, на них паршиви "Ракэт" не жалко. На тбе паршиви "Ракэт" жалко. Ти отлишник. У тбе чисты ум. Ти настояши син Капказа! Син Капказа кури толко "Казбеги"!

Я считал, что я вселенское горе горькое своих родителей.

²⁸⁷ **Бычарик** – окурок.

²⁸⁸ **Хасик** – окурок.

А выходит, я «сын Кавказа» и должен курить только "Казбек"! Чёрт возьми, нужен мне этот "Казбек", как зайцу махорка!

Да выше Сандро не прыгнешь. И вместо целой пачки наидешевейшей, наизлейшей "Ракеты" он по-княжьки подал мне единственную папиросину из казбекского замеса.

Чтобы никто из стоявших за мной не видел, я обиженно толкнул папиросу в пазуху и дал козла. Быстрее ракеты домой. Только шишки веют.

Папироса размялась. Я склеил её слюной. Бухнулся на колени, воткнул голову в печку и чудово задымил. С минуты на минуту нагрянет маманя с водой из криницы в каштановом яру. Надо успеть выкурить!

Едва отпустил я последнюю затяжку – бледная мама вскакивает с полным по края ведром.

– А я вся выпужалась у смэрть... Дывлюсь, дым из нашей трубы. Я налётом и чесани. Заливать!

Она обмякло усмехнулась.

С нарочитой серьёзностью спросила:

– Ты тута, парубоче, не горишь?

Я сосредоточенно оглядел себя со всех сторон.

Дёрнул плечом:

– Да вроде пока нет...

Мамушка смешанно вслух подумала:

– Откуда дыму взятся? Печка ж не топится...

И только тут она замечает, что я стою перед печкой на

коленях.

– А ты, – недоумеваешь, – чего печке кланяешься?

– Да-а, – выворачиваюсь, – я тоже засёк дымок... Вотушки смотрю...

Мама нахмурилась. Подозрительно понюхала воздух.

– А что это от тебя, як от табашного цапа, несёт? – выстрожилась она.

– Так я, кажется, не розы собираю, а козлят пасу.

– У тебя невжель козлята курят?

– Это спросите у них.

Еле отмазался.

Так как же дальше?

Переходить на подножный корм? Подбирать топтанные ба-
сики?²⁸⁹ Грубо и пошло. Не по чину для "сина Капказа". По-
купать? А на какие шиши? Надо бросать с курением!

Папироска из пачки с джигитом в папахе и бурке была по-
следняя в моей жизни. Была она ароматная, солидная. Дей-
ствительно, когда курил её, чувствовал себя на полголовы
выше.

Страшно допирала, припекала тяга к табаку. Однако ещё
сильней боялся я расстроить, огневить матушку, братьев.

Во мне таки достало силы не нагнуться к земле за бычком.
Достало силы не кинуться с рукой к встречному курцу.

– Молоточек ты! – похвалила меня Татьяна. – А я вот
не могу расстаться с этой гнусью. Вечером выйдешь на бал-

²⁸⁹ **Топтанный басик** – окурок, подобранный с земли.

кон, слышишь, как старые курильщики кашляют на Луну...
Грустно...

Тассовские зюгзаги

Три года прошлёпал я в ТАССе, в центральном аппарате, редактором союзной промышленно-экономической редакции под руководством отставного подполковника Александра Ивановича Медведева, твёрдо считавшего, что тассовцу вполне достаточно для высокопрофессиональной работы всего восьмисот слов.

– Да! Хватит всего восемьсот слов! – крикнул он раз под случай, когда я вдруг вставил в статью незатасканное, незамоленное словцо. – И восемьсот первое – лишнее!

Три года шуршал я бумагульками в ТАССе – три года уходил...

Да что я?

Обозреватель милый Иван Павлович Артёмов уходил сорок лет! Уходил каждый божий день!

Рассказывал он не без горькой иронии:

– Забила рутина! Всё проверяй! Проверяй!! Проверяй!!! Проверил – на поле посадил галочку. Погасил... Допроверяешься... Во всём сомневаешься... Приходишь домой... На пороге жена. А чёрт его знает, жена или подсадная американская утка! Паспорт её выхватишь из комода. Сверишь, успокоишься... Вроде жена. Галочку даже поставишь мысленно поаккуратнее... Даже против своей подписи под материалом ставишь галочку, когда сверишь с удостоверением...

За три года я опубликовал в тассовских вестниках около двухсот материалов.

Я собрал их все в две фирменные папки. Зелёно-ядовитые. Холодные. Перед вами вторая папка.

Красным толстым карандашом буквами в локоть я вывел.

«Наши в в в в ТАССе...»

И ниже:

"Рожденный в в в в в ТАССе писать не может!"

"Начато" и я продолжил: со времён товарища Адама.

"Окончено" с появлением Евы.

Коллекционировать свою тассовскую классику я перестал на материале «Океан – людям, люди – океану». (Вестник ТАСС.) Интервью с заместителем директора ВНИИ морского рыбного хозяйства и океанографии профессором П.А.Моисеевым. Беседа шла под шапкой

«11 ИЮЛЯ – ДЕНЬ РЫБАКА»

Камчатская газета "За высокие уловы" напечатала беседу лишь 19 сентября 1971. Через два месяца с хвостиком.

Отличился "Московский комсомолец" за 11 июля.

Дал вовремя, с красной рубрикой "Сегодня – День рыбака». Но в концовку посадил дикий ляп:

(Корр. ТАСС.)

ВОРКУТА.

В вестнике моя фамилия была в середине беседы.

ВНИИ морской кильки из окна «МК», конечно, не видать.

А с крыши, если хорошо постараться, – пожалуйста!

Или редактор «МК» с моторчиком?

Почему он всё из Москвы перекинул в Воркуту?

Может, в «МК» считали, что только в Воркуте, в шахтах, разводят-то рыбу? И там весь Мировой океан?

Я в тысячный раз твёрдо решил уйти из ТАССа.

Но ноги по старой привычке всё приносили и приносили мою умную, как валенок, бестолковку (голову) каждое утро на Тверской, десять-двенадцать.

Однако...

Всегда найдутся доброжелатели, помогут сделать то, чего тебе так хочется.

В ТАССе, повторяю, я сидел на геологии, лесе, бумаге и рыбе.

Как-то я не смог пойти в килькино министерство ну на очень высокое совещание. Дал пятистрочную информашку со слов вроде надёжного бывшего тассовца Цапка. Сидел этот Цапко со мной в одной комнате. Вроде серьёзный пострел. Но одной серьёзности оказалось маловато, и с этим Цапом²⁹⁰ наше начальство распростилось. Прилип он в рыбном министерстве. По телефону он меня заверил, что на совещании никого из высоких цэковских чинов не было. Я и поверь. И напрасно. Был всё-таки на совещании член политбюро Кириленко. Как потом выяснилось, блин горелый, до

²⁹⁰ **Цап** (украинское) – козёл.

совещания мой дятел²⁹¹ так и не доплыл, застрял то ли в министерском буфете, то ли ещё где.

Информушка проскочила в "Правде".

Скандалюга!

Главный редактор редакции союзной информации незабвенный Николай Владимирович Колесов в минуту наметал целый вагон чёрной икры, уже расфасованной в баночки. Ещё бы! В информации пропустили самого Кириленку!!!

Совещание, может, только и затевалось ради Кириленки, а по тассовской информации его нету! Уволили?!

Совещание чадило два дня, и назавтра «Правда» повторила тассовскую заметку. Теперь уже как надо.

С классической лебединой концовкой:

"В работе совещания принял участие член Политбюро ЦК КПСС А.П.Кириленко".

Ну, день прополз тихо...

Отхромал второй...

Вроде обошлось...

Ан нетоньки.

Наш ио Бузулук лалакал по телефону с Киевом:

– ... Да, сам товарищ Бузулук. Ты Колю не обзывай Ваней. Коля золотой парень, только не насквозь. Я остался один на хозяйстве. Если не дойдёт честное слово, пошлю служебочку Горкуну....

²⁹¹ Дятел – информатор.

На столе у Бузулука зазвонил красный колесовский телефон.

Все оцепенели.

По чьей горькой головушке затосковал тупой колесовский топор?

На цыпочках Молчанов подбежал к ревущему телефону и припадочно затряс над ним руками.

– Что ты делаешь? – хмыкнула Татьяна.

– Призываю всех святых духов образумить его, – ткнул Валька в телефон пальцем, – и забыть все злые намерения.

Олег торопливо положил киевский телефон, со вздохом взял колесовский:

– Слушаю, Николай Владимирович! Что?.. А... – Олег глянул на меня. – На месте. Ладно. – И мне: – Иди. Знай, краснознамённые тылы постоят и полежат за тебя! Если что, не спеши кидать ему красивую бумажку об уходе.

Тут вошла секретарь Лида, наклонилась ко мне:

– Труба зовёт...

Я вздыхаю и встаю идти за нею.

Аккуратова:

– За что тебя, Толь, на колесовский ковёр?

– Родина знает.

Меня догнал Молчанов, положил руку на плечо:

– Таки кликнул тебя твой лучший друг... Толик, возьми меня с собой.

– Не примазывайся.

На ватных ногах вхожу к Колесову.

На стенных часах 17.00.

Колесов снимает пиджак, вешает на спинку стула. Зака-
тывает рукава рубашки.

Я забиваюсь в угол дивана как зверёк, готовый к травле.

Колесов орёт с полуоборота:

– В информации пропустить члена Политбюро! Это!..
Это... Вы были на совещании или нет?! Да или нет?? Да или
нет??? Почему вы со мной не говорите? Да или нет?

Я еле слышно:

– Не орите... Я не буду вам отвечать, пока вы не станете
говорить нормально. Вы кричите, и я не слышу вас...

– Мда! – хлопает он себя по ляжкам. – Вы журналист сред-
ней квалификации. Пишете медленно, редактируете неваж-
но! Я ошибся. Медведев вами недоволен.

– А я что-то этого не заметил, – буркнул я. – Да Медведева
давно уже и нет в нашей редакции... На выпуске он...

– Выкручиваетесь!?! – орёт Коляскин и обессиленно пада-
ет в кресло.

Отдохнул Колёскин и снова по-новой в ор. И ну катать по
персидскому! Зря ли кликнул на свой дорогой ковёр?

– Пиши по-собственному! – притопнул он принципиаль-
ной цэковской ножкой. – Не артачься... Кончай морочить
яйца! Не отрулишь самоходом, выдавлю статьёй! А так...
Отличную письменную харакиристику нарисую! Укажу, что
у вас аналитический склад ума, склонность к большим рабо-

там. И тассовская мелочь вовсе не про вас... И не покривлю душой! Да! У вас же золотушее перо! Переводите ещё!.. «Литературка», «Известия», «Наш современник»... Все вас со свистом дают! Я долго думал... Все мозги сломал! У тебя ж, друже, писательский дар! Не зарывай сей божий клад в землю, чтоб потом не пришлось откапывать... Да поздно будет... Разве я не дело говорю? Ну а что вы тут будете гнуться перед трёхстрочными огрызками?! Мне прямо жалко, что вы здесь попросту пропадаете!.. Соглашайтесь. И нашей разладице конец! Есть такое мнение... Я настрогаю ах характеристику!.. Ну да чего вы кривитесь? У вас что, кукушка поехала? Я ж не собираюсь ляпать такую, что вас сразу в тюрьму загребут и заставят на нарах мыть бруснику!²⁹² Я выдам оттяжную, угарную ораторию, и тебя, простодушка, даже в рай примут без испытательного срока! Я напишу, а генерал-кадровик Герман без звучика подпишет! Ну? По рукам!?

Я промолчал.

– Можете не продолжать! – кисло махнул он рукой и тут же навалился рисовать мне характеристику.

И через час снова вызвал меня, отдал характеристику.

Я начал читать.

А он в нетерпении заёрзал в красном кресле:

– Да с такой характеристикой в рай со свистом примут!

²⁹² **Мыть бруснику на нарах** – отбывать наказание в местах лишения свободы.

– Что за мадридские страсти!?²⁹³ Что-то вы слишком рьяно забеспокоились о моём трудоустройстве в раю... Лучше... Не грех, если б так пеклись о моих днях земных...

– А разве хоть разок я в чём-то подрезал вас?

– Вспомните историю с комнатой... Как вы с самим-то императором?!

– Это вы-то император?

– Кто ж кроме меня? В переводе с арабского имя Санжар означает император. И как вы с императором-то?!

– О!.. Дорогуша!.. – Он покаянно поднёс сложенные ладони к груди, молитвенно посмотрел на белый пустой потолок. – Видит Бог и вы тоже, это не я! Это всё сверху!

– Я снимал на окраине ржавую койку в сарае у несчастного дяди Коли в Бусинове. Не хоромы просил. Я просил клетуху за выездом. Бросовую! Ходатайство в райисполком вы сами подписали. Но через три дня тоже сами туда же позвонили! Услышав мою фамилию, вам сказали: «Ордер Санжаровскому подписан. Может приехать получить». А вы что ответили? «Если у вас напряжёнка с туалетной бумагой, то сходите с этим ордером в одно место. А жилищное дело Санжаровского аннулируйте. Наше ходатайство отзывается!» Этот телефонный разговор был при мне в вашем кабинете. Вот и все ваши земные хлопоты обо мне... Ну да...

Кое-что в характеристике было не совсем верно, но я не

²⁹³ До переворота в 1917 году в нынешнем здании ТАСС был доходный дом, в котором одно время якобы были и гостиничные номера «Мадрид».

стал возражать.

Надоело... Я ж все три года уходил! Чтоб заняться только прозой. Чего тянуть дальше?

И я согласился.

Колесов сразу заулыбался.

– Вот и отлично! Всё равно ж уходить. Я не стал сразу говорить, что с первого января мы сокращаемся. Слухи циркулировали давно, а официальное распоряжение поступило лишь на этой неделе. Под это ординарное сокращение ТАСС выхлопотал себе индульгенцию – суды не имеют право восстанавливать уволенных. И вы мудро поступили, что подали сейчас заявление по-собственному. Ведь уволенным ещё в этом году, легче устроиться на новом месте. Уже завтра вы можете идти искать. Говорите, что вам надоело дежурить по ночам. Кто там знает, что работаете вы ночью или нет... А если уволят по сокращению после нового года, тогда трудней устроиться. Ведь все знают, что лучших не сокращают.

– Возможно. Но не всегда уходят худшие.

В коридоре столкнулся с Севой. Он на больничном. Завтра выходит на работу. Я сказал ему, что ухожу.

– Заявление не носи.

– Так я уже только что отдал.

– О Господи! Ну никакой гибкости!²⁹⁴ Беги заberi. Скажи:

²⁹⁴ «Гибкость – плавный переход от одной точки зрения до противоположной».

перепишу получше. Забери и дуй к мамке домой.

– Куда бежать? С верёвки рваться – только ту же затягивать петлю.

– Есть куда уходить?

– Пока нет. Завтра пойду с утра искать... Пойду по Москве рекламировать себя.

Вхожу в редакцию. Аккуратова в тревоге:

– Ну что там?

– Где?

– У Колесова?

– Колесов.

– А ещё?

– Кабинет.

– За что тебя так?

– Ещё и этак будет. Уж эти партласки...

– Орал Колесов?

– Орал.

– Не огорчайся. Он на всех орёт. Все темнили²⁹⁵ дураки.

– Но до такого дурака надо дорасти... Ухожу я...

– Жалко... Вывалился ты из ТАССа, как дитя из коляски...

– И к лучшему. Гром не грянет – мужик не догадается перекреститься. Гром был. Я перекрестился. Дым идёт, ишак ползёт. Всё путём. Мне не жалко себя. В душе я ликую. Наконец-то займусь чем хочу.

²⁹⁵ Темнила – начальник.

Молчанов припечалился:

– Опять этот гусь²⁹⁶ приставал к тебе?

– Прямо домогался.

– Отбился заявлением... Молоточек! Иди теперь пей и пой. Свобода!.. Да... Гм... У верхов денег куры не клюют, а у низов на водку не хватает!

Марутов позвал меня в коридор и в углу вшёпот горячечно выпалил:

– К вам это сокращение не имеет отношения! Колесовская грязь вам по барабану! «Танки грязи не боятся»! Я говорил с большим человеком, он знает всё о сокращении. Предполагается сокращать технический персонал, а не творческий. Надо подраться, Толя!

– Я по натуре колючий. Я бы подрался... Но... Этот уход мне в руку. Пора всерьёз заняться прозой. Это поважней, чем охранять тассовские столы с девяти до шести.

²⁹⁶ «Гусь – ночной сторож древнеримской вневедомственной охраны».

2 января 1972

В туалет на такси

*Что ж ты, девка, задаёшься,
Как картошка в борозде?*

Из частушки

*«Что наша жизнь? Да вечный бой
С лукавым полом слабым!»*

Мы встретились с Надеждой ровно год назад. Второго января 1971-го. На «Маяковской-кольцевой».

– Новый год – праздник домашний. Я буду встречать с родителями в Мансурове. А второго, в нашу годовщину, встретимся с тобой у головного вагона на старом месте.

На метро я прилетел к двум. Прошёл час, второй... Нет моей Надежды.

Ко мне подошёл машинист из поезда и сказал:

– А я вас знаю. В этот день год назад вы пробыли тут со своей девушкой часов пять. Я запомнил вас. И сейчас ждёте её?

– Кого же ещё...

– Удачи вам!

Прождал я ещё с час и вижу: волокёт моя Надежда какого-то потрёпанного ветхого алкаша.

Я подбежал к ним и хохотнул:

– Пионерочка! Что за груз-двести ты тащишь? Это тебе новогодний подарочек? И тащишь откуда куда? Чего ты маешься с этим металлоломом?

Надежда разбито улыбнулась:

– Сначала ответь, почему я проснулась и не увидела тебя?

– А у кого ты проснулась?

– Да вот у этого тёртого фундука, – она подула в лицо дремавшему у неё на плече уквашенного, уже подтопанного долгими годами стакановца.

– Вот тебе и ответ. Но ты же обещала, что на Новый год будешь в деревне?

– Да мало ли кто что кому наобещает под Новый год... Не доехала я до папки с мамкой. С ним встречала. Он желает с тобой познакомиться. Это Рим Константиныч...

– Да... желает... – промялил алик.

У меня глаза полезли на лоб. Я не верил всем её рассказам про Ялту, про то, как она на такси ездила с этим типом из Симеиза в Ялту в туалет. Но всё оказывается правдой. После этого козелино я к ней не подойду! И так слишком затянулась эта тоскливая увертюра к нашей разбежке! «Женитьба может быть случайной, развод – никогда»!

Я повернулся уйти.

– Стойте, молодой человек, – сказал Рим. – Тебе, Надю-

сик, моя ненаглядная хрензатемушка, выговорок с занесением в личное тело, а вам, молодой человек, я ставлю на вид!

– За что?

– А за то... Сочувствую, конечно... Как же ты, паря, лопухнулся... У неё ж на лбу ясно написано, что она дура!

– Так у неё чёлка закрывала лоб!

– Но это не спасает вас от получения вида... Вы не научили уважаемую гражданку Надежду Борисовну хорошо готовить.

– Вот эта тра-та-та перейдёт под вашу юрисдикцию, вы её и научите.

– Да пока я её научу, она меня отравит!

– Может, на то и рассчитано. Мы больше незнакомы.

Мне в спину Рим уныло сронил:

– Лямур пердю...²⁹⁷ Ничего не поделаешь. Что пердю, то пердю...

²⁹⁷ **Лямурпердю** (французское) – любовь проходит.

Пристёжка к роману

Послесловие

Я отбыл из ТАССа.

Но по каналам ТАСС сообщения об этом почему-то не передали.

Я искренне благодарен Колёскину, что помог решиться на уход.

В чужой важной карете скакал я три года.

Скакал куда-то не туда.

Как носили слухи позже, моё место в ТАССе занял сыночек одного цэковца, приближённого к самому «бровеносцу в потёмках».

В зарубежных поездках «бровеносца» сопровождал наш Колесов. Сопровождал и звонил о том на весь Союз. Освещал же все генсековские визиты.

И вот однажды подразведал он об одной закулисной цэковской сшибке, после которой, казалось, ему больше не светит быть сопровождающим. Генсеком мог стать другой.

Примерещится ж...

И Колёскин, как всегда, досрочно дунул поперёд батьки в раскалённое пекло.

То ли с горячих глаз до поры встал на трудовую вахту в

честь очередной годовщины Великого Октября, то ли ещё какое крутое дело замыслил, только он до времени влетел в тот свет.

В одно прекрасное майское воскресенье подался он прогуляться по утреннему скверику и прескверно обошёлся с собой: зачем-то второпях натошак выкушал, амкнул ампулу с ядом.

27 мая 1975 года «Правда» дала безымянный некролог о Колесове в самом низу последней колонки на последней полосе.

А Брежнев жил ещё семь лет.